ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986 **Том 19, № 2 (70), 2025**

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

Volume 19, No. 2 (70), 2025

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986 2025, том 19, № 2 (70) научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель: ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-76598 от 15.08.2019

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», электронный периодический справочник «Система ΓΑΡΑΗΤ»

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

> Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

> Адрес издателя: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии: 394086, г. Воронеж, ул. Любы Шевцовой, д. 34

> Телефоны: (8172) 51-82-50, 51-46-12, 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru, pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт: https://jurnauka-vipe.ru

Подписной индекс 41253 по электронному каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет: 30.06.2025

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерова Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологичских наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
КУЗЬМИНЫХ А. Л. «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г
ШУРУХНОВ Н. Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России
СЕЛИВЕРСТОВ В. И., ГРУШИН Ф. В. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи)131
РОМАНЕНКО Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации
АНИСИМОВ В. Ф., ЛАПШИН В. Ф., ШАМУРЗАЕВ Т. Т. Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики
СТАРОСТИН С. А., ГОЛОДОВ П. В. Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики
КАЗАК Б. Б. Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект)
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
КУЧКАРЕВ Ю. Ю., ГОРНОСТАЕВ С. В. Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных
ИСКАНДАРОВ Р. Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЕФИМЕНКО А. А., ПИСАРЕВ О. М. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников
ЗАУТОРОВА Э. В. Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы
ПОЛЯКОВА Я. Н., КАШКИНА Е. В. Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья УДК 94(47).084.8-9 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001

«Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6133-0300

Реферат

Введение: в статье на основе анализа опубликованных и неопубликованных архивных документов, а также советской периодической печати рассмотрены организационные, военно-политические и символические аспекты массового конвоирования военнопленных германской армии по Москве 17 июля 1944 г. Цель: исследовать комплекс межведомственных мероприятий по сосредоточению военнопленных в Москве, организации движения колонн и поддержанию общественного порядка в городе, освещению «марша побежденных» в средствах массовой информации. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, текстологический и формальноюридический методы. Результаты: в ходе исследования удалось реконструировать целостную картину подготовки, проведения и информационного сопровождения массового конвоирования немецких военнопленных по Москве. Выводы: автор приходит к выводу, что «марш побежденных» имел большое политическое и идеологическое значение, демонстрировал военное и моральное превосходство советской армии над гитлеровскими войсками, а также воплотил идею справедливого возмездия нацистской Германии со стороны Советского Союза. Беспрецедентная по своему масштабу пропагандистская операция, ход которой курировал лично И. В. Сталин, вселяла в сердца советских людей веру в приближающуюся Победу Советского Союза над нацизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; немецкие военнопленные; конвоирование; органы внутренних дел; военная пропаганда.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г. // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 118–124. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001.

© Кузьминых А. Л., 2025

"March of the Vanquished": Preparation, Organization and Symbolic Significance of Escorting German Prisoners of War through Moscow on July 17, 1944

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6133-0300

Abstract

Introduction: based on the analysis of published and unpublished archival documents, as well as the Soviet periodical press, the author considers organizational, military-political and symbolic aspects of the mass convoy of prisoners of war of the German army in Moscow on July 17, 1944. *Purpose*: to study a set of interdepartmental measures to concentrate prisoners of war in Moscow, organize movement of columns, maintain public order in the city, and ensure media coverage of the "march of the vanquished". *Methods*: theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, textual and formal legal methods. *Results*: we have reconstructed a complete picture of the preparation, conduct and information support of the mass convoy of German prisoners of war in Moscow. *Conclusion*: the author concludes that the "march of the vanquished" was of great political and ideological importance, demonstrating the military and moral superiority of the Soviet army over Hitler's troops and the idea of just retribution. The propaganda operation, unprecedented in its scale, the course of which was personally supervised by J.V. Stalin, instilled faith in the hearts of the Soviet people in the approaching Victory of the Soviet Union over Nazism.

Keywords: Great Patriotic War; German prisoners of war; escorting; internal affairs agencies; military propaganda.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "March of the vanquished": preparation, organization and symbolic significance of escorting German prisoners of war through Moscow on July 17, 1944. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 118–124. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001.

Введение

В истории Великой Отечественной войны имеется несколько исключительно ярких символических событий, оказавших заметное влияние на ее восприятие современниками. Одним из таких событий стал «марш побежденных» – массовое конвоирование немецких военнопленных через Москву 17 июля 1944 г. История этого беспрецедентного по масштабу пропагандистского мероприятия получила освещение как в документальных публикациях [1–3; 5], так и в статьях исследователей [4]. В рамках данной статьи автором рассмотрены подготовка, ход и итоги конвоирования немецких военнопленных через Москву, а также восприятие современниками этого события и его символическое значение.

Летом 1944 г. советские войска провели одну из самых крупных и успешных наступательных операций периода Великой Отечественной войны – операцию «Багратион». В результате разгрома группы немецких армий «Центр» были освобождены Белоруссия, большая часть Литвы и значительная часть Польши. По данным Совинформбюро, частями 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов с 23 июня по 23 июля 1944 г. было взято в плен 158 480 немецких солдат и офицеров, в том числе 22 генерала [5]. В целом, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, в 1944 г. в его ведение поступило в 7 раз больше военнопленных, чем за два предыдущих года войны (Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 23) (далее – РГВА).

С целью демонстрации достигнутых военных успехов советское правительство решило провести уникальную пропагандистскую акцию – марш пленных немцев по улицам Москвы. НКВД СССР был разработан детальный план конвоирования военнопленных, включавший транспортировку контингента, его материальное и санитарное обеспечение, организацию движения колонн, поддержание порядка во время передвижения.

Основная часть

Подготовка мероприятия осуществлялась в тесном взаимодействии с военным командова-нием и органами государственной безопасности. Ответственными за перевозку военнопленных были назначены заместитель начальника Центрального управления военных сообщений генерал-майор технических войск В. И. Дмитриев и начальник отдела перевозок Наркомата госбезопасности СССР комиссар госбезопасности Д. В. Аркадьев; за обеспечение военнопленных продовольствием – начальник штаба тыла Красной армии генерал-лейтенант М. П. Миловский и заместитель начальника Управления военного снабжения НКВД генерал-майор интендантской службы Я. Ф. Горностаев; за медико-санитарное обслуживание военнопленных - начальник санитарного отдела Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР полковник медицинской службы М. К. Ежов; за войсковую охрану и организацию конвойной службы в пунктах погрузки и выгрузки, во время движения по железной дороге, а также в местах сосредоточения - командир московской дивизии конвойных войск НКВД полковник И. И. Шевляков; за охрану и конвоирование по городу - командир кавалерийского полка 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД подполковник Васильев; за обеспечение общественного порядка на улицах города – начальник московской милиции комиссар милиции 2-го ранга В. Н. Романченко [3, с. 135].

О масштабе подготовительных мероприятий красноречиво свидетельствуют цифры. В Москву планировалось доставить 60 тыс. обезоруженных германских военнослужащих, в том числе: 26 тыс. чел. с 1-го Белорусского фронта, 5 тыс. чел. – со 2-го Белорусского фронта и 29 тыс. чел. – с 3-го Белорусского фронта. В публикациях встречаются данные о том, что перед отправкой военнопленных в Москву осуществлялся отбор здоровых и способных передвигаться пешим порядком гитлеровских солдат и офицеров [6].

В период с 11 по 16 июля 1944 г. 26 железнодорожных эшелонов должны были перевезти 20 генералов, 1200 офицеров и 58 780 рядовых. Разгрузку прибывающих в Москву военнопленных планировалось начать в 20 часов 15 июля и закончить в 21 час 16 июля 1944 г. После выгрузки военнопленных следовало сосредоточить в трех пунктах: 33 тыс. чел. – на площади Московского ипподрома, 19 тыс. чел. – на территории кавалерийского полка 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД, 8 тыс. - на станции Москва-Товарная Западной железной дороги. После завершения конвоирования предусматривалась отправка военнопленных 26 эшелонами в лагеря НКВД с Савеловского, Ржевского, Октябрьского, Ярославского, Казанского, Курского, Павелецкого, Киевского, Белорусского вокзалов, а также станций Бойня и Канатчиково [3, c. 136].

Перед маршем пленных планировалось разделить на 26 эшелонных колонн, каждая их которых, в свою очередь, разбивалась на три батальонные колонны – первые две по 800 чел. и третья – 900 чел. Движение колонн предписывалось осуществлять рядами в 20 чел. по фронту и 40 чел. в глубину. Между батальонными колоннами устанавливался интервал в 25 м, между эшелонными – 50 м.

Маршрут движения колонн выглядел следующим образом: Московский ипподром, Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского и далее по Садовому кольцу через Самотечную площадь, Колхозную площадь, Красные ворота, площадь Курского вокзала, Таганскую, Добрынинскую, Крымскую, Смоленскую, Кудринскую площади, площадь Маяковского, улицу Горького, Ленинградское шоссе, Московский ипподром. Таким образом, предусматривалось кольцевое движение колонн. Головная колонна должна была двигаться с ипподрома, вслед за ней – колонна с территории кавалерийского полка, в хвосте – колонна от рампы Москва-Товарная Западной железной дороги. Генералы и офицеры должны были следовать в особой группе (вслед за третьей колонной) под литерой «З-А». Движение колонн планировалось свободным шагом, а не в положении «смирно». Военнопленные должны были следовать в том виде (обмундирование, обувь, знаки различия), в котором они прибыли из мест пленения.

Конвоирование и охрана эшелонов военнопленных в пути возлагались на конвой, организованный в местах погрузки контингента; от мест разгрузки до пунктов сосредоточения – на 36-ю дивизию конвойных войск НКВД, по городу – на кавалерийский полк 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД. Каждый конный конвоир вооружался винтовкой и шашкой. Во время движения колонн по городу поддержание порядка вменялось в обязанность московской милиции с привлечением кавалерийского эскадрона, отдельного мотобатальона, рядового и оперативного состава. Согласно специально разработанному плану в местах перекрестков и наибольшего скопления народа требовалось расставить усиленные наряды милиции. Контроль за движением трамваев и автотранспорта во время прохождения колонн поручался сотрудникам отдела по регулированию уличного движения [3, c. 137].

Обеспечение военнопленных продовольствием (в виде сухих пайков) на путь следования от мест погрузки до Москвы надлежало производить за счет ресурсов 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, перед и после конвоирования – фондов Управления военного снабжения НКВД. Для снабжения военнопленных водой в пункты сосредоточения следовало подать 20 автоцистерн. С 12 по 15 июля военнопленные должны были получать горячую пищу один раз в день, 16 июля – два раза в день, 17 июля – перед выступлением колонн – предусматривался горячий завтрак.

Медико-санитарное обслуживание военнопленных в процессе перевозки поручалось специально выделенному медперсоналу из расчета один врач и один фельдшер на эшелон. Больные, подлежащие госпитализации, должны были эвакуироваться в санлетучку № 668, расположенную на военной платформе Белорусского вокзала. В пунктах сосредоточения военнопленных (ипподром, кавалерийский полк и рампа товарной станции) организовывались медпункты. Во время движения военнопленных по городу медицинское обеспечение следовало осуществлять посредством подвижных медпунктов, за которыми были закреплены транспортные средства для эвакуации больных и отстающих в санлетучки на Казанском, Павелецком, Киевском и Белорусском вокзалах. Больных, не требовавших госпитализации, предлагалось эвакуировать в эшелонах в общем порядке, а при массовом сосредоточении - направлять в специальные госпитали. В случае смерти захоронение трупов военнопленных предписывалось производить силами Красногорского лагеря НКВД № 27 [3, с. 138].

13 июля 1944 г. народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия направил донесение Государственному комитету обороны СССР и И.В. Сталину о предстоящем конвоировании военнопленных через Москву. В отличие от ранее разработанного НКВД плана конвоирование военнопленных предлагалось провести не 17, а 15 июля, то есть на два дня раньше. Количество конвоируемых военнопленных уменьшалось с 60 до 55 тыс. чел., количество эшелонов для перевозки контингента – с 26 до 24. Сосредоточение военнопленных устанавливалось не в трех, а в двух пунктах: на Московском ипподроме и плацу 1-й мотострелковой дивизии НКВД. Оба сборных пункта, находившиеся в районе развилки Хорошевского и Ленинградского шоссе, планировалось изолировать и взять под охрану конвойных войск.

Маршрут движения военнопленных также претерпел изменения. Их предлагалось конвоировать с Московского ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького, площади Маяковского и далее Садовым кольцом по улицам: Садово-Триумфальной, Садово-Каретной, Садово-Самотечной, Садово-Сухаревской, Садово-Спасской, Садово-Черногрязской, Чкаловской, Зацепному валу, Житной улице, Крымскому валу, Зубовскому и Смоленскому бульварам, улице Чайковского, через Кудринскую площадь по Баррикадной и Краснопресненской улицам, через Краснопресненскую площадь, по Ваганьковской улице на ипподром.

Также указывалось, что колонны будут построены по 20 чел. в шеренгу, по 800 чел. в батальонной колонне, за исключением двух участков пути – от Курского вокзала до Крымской площади и от Кудринской площади до Хорошевского шоссе, где эти ряды предполагалось уменьшить до шеренги в 10 чел. по фронту, в связи с тем что ширина улицы в этих местах не позволяла вести колонну в 20 чел. по фронту. Движение планировалось начать в девять часов утра и завершить к четырем часам вечера. Также к донесению прилагалась схема г. Москвы с обозначением маршрута конвоирования военнопленных [3, с. 138–139].

Однако предложенную дату мероприятия пришлось перенести. Причиной этого стали, по всей видимости, сложности с приемом и этапированием военнопленных, о чем свидетельствует донесение Л. П. Берии № 758/б от 16 июля 1944 г. на имя И. В. Сталина. В нем говорилось о недостатках в организации работы сборных пунктов военнопленных и отдела по делам военнопленных при 2-м Белорусском фронте, для исправления которых туда были командированы заместитель начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР Н. Т. Ратушный и начальник Управления конвойных войск НКВД В. М. Бочков с группой оперативных работников и переводчиков [3, с. 140]. В целях улучшения приема военнопленных от войсковых частей и соединений и их эвакуации вглубь страны в июле-августе 1944 г. был образован фронтовой отдел УПВИ НКВД СССР, реорганизована система фронтовых учреждений военного плена, развернуты новые приемные и сборные пункты,

фронтовые приемно-пересыльные лагеря (РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 165–167; Оп. 23а. Д. 1. Л. 15–19).

15 июля на стол И. В. Сталина легло очередное сообщение Л. П. Берии. В нем указывалось, что конвоирование военнопленных через Москву будет начато в 11 часов утра 17 июля. Маршрут движения военнопленных по городу в очередной раз был скорректирован. Планировалось прохождение 18 эшелонных колонн от ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького через площадь Маяковского, по Садовой-Каретной, Садовой-Самотечной, Садово-Сухаревской, Садово-Черногрязской до площади Курского вокзала. Остальные 8 эшелонных колонн должны были пройти от площади Маяковского по Большой Садовой, Садово-Кудринской через Крымскую и Калужскую площади и далее по Большой Калужской [2, с. 39].

Руководство движением колонн было возложено на командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника А. А. Артемьева. Интересно отметить, что последний командовал парадом на Красной площади 7 ноября 1941 г., а в мае-июне 1945 г. на него была возложена организация и общее руководство Парадом Победы [7]. Ответственными за поддержание порядка на улицах и движение транспорта и пешеходов были назначены комендант г. Москвы генерал-майор К. Р. Синилов и начальник милиции г. Москвы, комиссар милиции 2-го ранга В. Н. Романченко. Операция готовилась в режиме строгой секретности. Извещение начальника милиции г. Москвы о конвоировании военнопленных планировалось напечатать в газете «Правда» и передать по Московской закрытой радиосети в 7-8 часов утра 17 июля [2, с. 39; 3, с. 139].

В номере «Правды» от 17 июля 1944 г. было опубликовано извещение начальника милиции г. Москвы комиссара милиции 2-го ранга В. Н. Романченко, в котором говорилось: «Управление милиции г. Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря военнопленных часть немецких военнопленных рядового и офицерского состава в количестве 57 600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной Армии 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов. В связи с этим, 17 июля, с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных... будет ограничено. Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выходок по отношению к военнопленным» [8].

Вечером 17 июля 1944 г. Л. П. Берия направил донесение № 763/б на имя И. В. Сталина (Государственный комитет обороны), В. М. Молотова (Наркомат иностранных дел СССР) и Г. М. Маленкова (Центральный комитет ВКП(б)) об итогах конвоирования немецких военнопленных через Москву. В нем сообщалось, что движение колонн военнопленных с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра 17 июля по маршруту: Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского, Садово-Каретная, Садово-Самотечная, Садово-Черногрязская, улица Чкалова, Курский вокзал и по улицам: Каляевской, Новослободской и 1-й Мещанской. По этому маршруту прошло 42 тыс. военнопленных, в том числе колонна военнопленных генералов и офицеров численностью 1227 чел., из них 19 генералов и 6 старших офицеров (полковники и подполковники). Движение колонн на этом маршруте продолжалось 2 часа 25 мин [2, с. 45].

Вторая часть колонн военнопленных прошла от площади Маяковского по улицам: Большая Садовая, Садово-Кудринская, Новинский бульвар, Смоленский бульвар, Зубовская площадь, Крымская площадь, Большая Калужская улица, ст. Канатчиково Окружной железной дороги. По этому маршруту прошло 15 600 военнопленных, на что ушло 4 часа 20 мин.

После прибытия к пунктам погрузки военнопленные направлялись железнодорожными эшелонами в лагеря. К 19 часам все 25 эшелонных колонн были погружены в вагоны и направлены к местам назначения. Из общего количества проконвоированных через город 57 600 военнопленных медицинская помощь потребовалась только четырем пленным, которые были направлены в санлетучку «ввиду ослабления». Военнопленные генералы по прибытию на Курский вокзал были погружены на автомашины и доставлены «по назначению» [2, с. 45].

При прохождении колонн военнопленных население вело себя организованно. Со стороны граждан были многочисленные восторженные возгласы и приветствия в честь Красной армии, Верховного главнокомандования, генералов и офицеров Красной армии. Также было зафиксировано большое количество выкриков антифашистского содержания: «Смерть Гитлеру!», «Смерть фашизму!», «Сволочи, чтобы они подохли», «Почему вас не перебили на фронте?». Никаких происшествий в городе во время прохождения колонн военнопленных зафиксировано не было. После прохождения военнопленных улицы города были очищены поливальными машинами [3, с. 141–142].

Среди немецких генералов, прошедших по улицам столицы, были весьма титулованные военачальники Третьего Рейха: исполнявший обязанности командующего 4-й армией генерал-лейтенант Винценц Мюллер; командир 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенант Ганс фон Траут; командиры 27 и 53-го армейских корпусов генералы инфантерии Пауль Фёлькерс и Фридрих Голльвитцер; командир 260-й пехотной дивизии Гюнтер Кляммт; командир 45-й пехотной дивизии генерал-майор Йоахим Энгель; командир 383-й пехотной дивизии, комендант г. Орла, затем Брянска и Бобруйска генерал-лейтенант Адольф Хаманн; комендант г. Могилева генерал-майор Готфрид фон Эрмансдорф и др. После завершения марша они под усиленной охраной были направлены в Бутырскую и Лефортовскую тюрьмы для допросов и оперативно-следственных мероприятий. Судьбы упомянутых немецких генералов сложились по-разному. Одни (А. Хаман и Г. Эрмансдорф) за совершенные по их приказу зверства и злодеяния были приговорены военным трибуналом к смертной казни через повешение, другие (Г. Траут и Ф. Голльвитцер) – к двадцати пяти годам каторжных работ. Кто-то умер во время заключения (П. Фёлькерс и Й. Энгель), некоторые пережили советский плен и вернулись в послевоенную Германию (В. Мюллер, Ф. Голльвитцер, Г. Траут) [6].

По воспоминаниям очевидцев, во время конвоирования германские генералы, у которых по условиям капитуляции были оставлены мундиры, ордена и знаки различия, вели себя демонстративно высокомерно. Они старались не смотреть по сторонам, делая вид, что «пленом не сломлены». Что касается солдат вермахта, то их поведение было разным: одни хмуро и злобно глядели по сторонам, другие шли молча, потупив глаза и смотря себе под ноги, третьи – с любопытством разглядывали столицу и москвичей [9].

Через день после конвоирования военнопленных на страницах центральных советских газет вышли репортажи, посвященные этому неординарному событию. Так, в номере газеты «Правда» от 19 июля 1944 г. были опубликованы очерки Л. Леонова «Немцы в Москве», «Они увидели Москву» Б. Полевого и стихотворение Д. Бедного «Страшнее нет суда...». Позднее на экранах советских кинотеатров был показан документальный короткометражный фильм «Проконвоирование военнопленных немцев через Москву» (1944, реж. И. В. Венжер). По указанию Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) перед публикацией все материалы направлялись для просмотра и утверждения начальнику Главного политуправления Красной армии, секретарю ЦК ВКП(б) А.С.Щербакову [4].

«Гитлеровцы, мечтавшие о покорении всего мира, прошли по площадям Москвы, но не в роли победителей, а в качестве побежденных», - так звучала главная мысль, которую стремились донести до читателей и зрителей органы советской пропаганды. «Несостоявшиеся хозяева планеты, они плелись мимо нас долговязые и зобатые, с волосами, задыбленными, как у чертей в летописных сказаниях, в кителях нараспашку, брюхом наружу, но пока еще не на четвереньках, - в трусиках и босиком, а иные в прочных, на медном гвозде ботинках, которых до Индии хватило бы, если бы не Россия...», - с иронией и сарказмом писал Леонид Леонов. Не ускользнула от внимательных глаз писателя и реакция москвичей, молча, с чувством презрения смотревших на шествие обезоруженного врага: «Народ мой в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы! Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата...» [10]. Об аналогичной реакции москвичей упоминают авторы научного труда «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история» [11, с. 356–357].

По аналогии с Москвой подобные «парады побежденных» прошли и в столицах некоторых советских республик, освобожденных от врага. Так, 16 августа 1944 г. по улицам и площадям Киева были проконвоированы 36 тыс. бывших неприятельских военнослужащих, в том числе 549 офицеров. Ответственными за проведение операции были назначены заместитель наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглов и нарком внутренних дел УССР В. С. Рясной. «Марш позора» продолжался свыше пяти часов, а общая длина маршрута, пролегающего через центральные районы города, составила более двадцати километров. За движением колонн поверженного врага наблюдали свыше 150 тыс. киевлян. Охрану военнопленных осуществляли военнослужащие конвойных войск НКВД, а патрулирование улиц – сотрудники милиции [12].

После завершения мероприятия пленные были направлены на восстановление разрушенных городов, заводов и шахт, а также на другие объекты народного хозяйства. В целом, на 5 декабря 1944 г. союзным и республиканским наркоматам было выделено для трудового использования свыше 435 тыс. военнопленных (РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 148–149).

Выводы

Таким образом, конвоирование немецких военнопленных по улицам Москвы 17 июля 1944 г. явилось важным общественно-политическим событием, ознаменовавшим крах гитлеровской армии на советско-германском фронте. Проведение данного мероприятия, осуществлявшееся под личным контролем И. В. Сталина, имело не только внутриполитическое, но и внешнеполитическое значение, так как наглядно демонстрировало возросшую военную мощь Советского Союза.

«Марш побежденных» стал сильнейшим ударом по имиджу германских вооруженных сил. Если пленение армии Ф. Паулюса под Сталинградом доносилось до массовой аудитории посредством плакатной, фотографической и кинематографической продукции, то здесь москвичи стали живыми свидетелями конвоирования огромной массы неприятельских солдат и офицеров, что произвело сильнейшее психологическое воздействие.

Публичное конвоирование обезоруженного неприятеля представляло собой символическое развенчание образа сверхчеловека и сверхнации, которые культивировала нацистская пропаганда. В сознании советских людей это был акт справедливого возмездия в отношении нацистской Германии, стремившейся поработить народы Советского Союза. При этом СССР противопоставлялся Третьему Рейху в практике обращения с военнопленными. Последние сохраняли право на жизнь и направлялись на восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Первый опыт массового конвоирования военнопленных, требовавший тесного взаимодействия и координации между различными государственными ведомствами и военным командованием, в дальнейшем был реализован при проведении аналогичных мероприятий в других городах Советского Союза, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

«Конвоирование начато в 11 часов утра» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 2 (15).
С. 138–139.

2. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). [авт.-сост.: В. П. Ямпольский (рук.) и др.]. М., 2007. 894 с.

3. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / под ред. В. А. Золотарева. Т. 24 (13–1): нормативные документы [авт.-сост.: В. Н. Вартанов и др.]. М., 1996. 557 с.

4. Григорьев Е., Сорокин А. «Вчера мы видели бандитов, кровопийц…» : «Марш побежденных» глазами архивистов, историков и писателей // Родина. 2019. № 7. С. 38–45. URL: https://rodina-history.ru/2019/07/17/rodina-marsh-pobezhdennyh-glazami-arhivistov-istorikov-i-pisatelej.html (дата обращения: 13.02.2025).

5. 22 июля 1944 года (от Советского информбюро) // Наша Победа. День за днем (проект РИА Новости). URL: https:// web.archive.org/web/20130728111509/http://9may.ru/26.07.1944/inform/m1026 (дата обращения: 11.02.2025).

6. Сысоев Н. Парад побежденных // Военно-промышленный курьер. 2017. № 26 (690). 12–18 июля. URL: https:// www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk262017/20/assets/basic-html/index.html#12 (дата обращения: 12.02.2025). 7. Генерал Павел Артемьев: «Немцы могли дойти до Кремля за полчаса». URL: https://vm.ru/society/611531-general-

pavel-artemev-nemcy-mogli-dojti-do-kremlya-za-polchasa (дата обращения: 11.02.2025).

Извещение от начальника милиции гор. Москвы о конвоировании немецких военнопленных // Правда. 1944.
№ 171. С. 4.

9. Пахомов В. Парад побежденных // Советская Россия. № 94. 2004. 17 июля. URL: https://csdfmuseum.ru/ articles/964-парад-побежденных-битые-в-белоруссии-под-конвоем-через-москву (дата обращения: 13.02.2025). 10. Леонов Л. Немцы в Москве // Правда. 1944. № 172. 19 июля. С. 3.

11. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история / [ред. комис.: П. Н. Поспелов (пред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. 631 с.

12. Грищенко Н. Немецкий «Марш позора» прошел в Киеве 80 лет назад // Родина. 2024. 16 авг. URL: https://rodinahistory.ru/2024/08/16/nemeckij-marsh-pozora-proshel-v-kieve-80-let-nazad.html (дата обращения: 07.02.2025).

REFERENCES

1. "The convoy started at 11 a.m.". Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation, 1995, no. 2 (15), pp. 138–139. (In Russ.).

2. Yampol'skii V.P. et al. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti v Velikoi Otechestvennoi voine: sbornik dokumentov. *T. V. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.)* [State security agencies in the Great Patriotic War: collection of documents. Volume V. Book 2. The borders of the USSR were restored (July 1 – December 31, 1944)]. Moscow, 2007. 894 p.

3. Grigor'ev E., Sorokin A. "Yesterday we saw bandits, bloodsuckers...": "March of the vanquished" through the eyes of archivists, historians and writers. *Rodina = Motherland*, 2019, no. 7, pp. 38–45. Available at: https://rodina-history. ru/2019/07/17/rodina-marsh-pobezhdennyh-glazami-arhivistov-istorikov-i-pisatelej.html (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).

4. July 22, 1944 (from the Soviet Information Bureau). *Nasha Pobeda. Den' za dnem (proekt RIA Novosti)* [Our Victory. Day by day (RIA Novosti project)]. Available at: https://web.archive.org/web/20130728111509/http://9may.ru/26.07.1944/ inform/m1026 (In Russ.). (Accessed February 11, 2025).

5. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR. T. 24 (13–1): normativnye dokumenty [Russian Archive: the Great Patriotic War. Foreign prisoners of war of the Second World War in the USSR. Vol. 24 (13–1): normative documents]. Ed. by Zolotarev V.A. Moscow, 1996. 557 p.

6. Sysoev N. Parade of the vanquished. *Voenno-promyshlennyi kur'er = Military-Industrial Courier*, 2017, no. 26 (690), July 12–18. Available at: https://www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk262017/20/assets/basic-html/index.html#12 (Accessed February 12, 2025).

7. General Pavel Artem'ev: "Nemtsy mogli doiti do Kremlya za polchasa" [General Pavel Artem'ev, "The Germans could reach the Kremlin in half an hour"]. Available at: https://vm.ru/society/611531-general-pavel-artemev-nemcy-mogli-dojti-do-kremlya-za-polchasa (accessed February 11, 2025).

8. Notification from the chief of police of the city of Moscow about the convoy of German prisoners of war. *Pravda* = *Truth*, no. 171, 1944, p. 4. (In Russ.).

9. Pakhomov V. March of the vanquished. *Sovetskaya Rossiya = Soviet Russia*, 2004, no. 94, July 17. Available at: https:// csdfmuseum.ru/articles/964-parad-pobezhdennykh-bitye-v-belorussii-pod-konvoem-cherez-moskvu (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).

10. Leonov L. The Germans in Moscow. *Pravda = Truth*, 1944, no. 172, Juky 19, p. 3. (In Russ.).

11. Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza. 1941–1945: Kratkaya istoriya [Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Brief history]. Moscow, 1970. 631 p.

12. Grishchenko N. The German "March of shame" was held in Kiev 80 years ago. *Rodina = Motherland*, 2024, August 16. Available at: https://rodina-history.ru/2024/08/16/nemeckij-marsh-pozora-proshel-v-kieve-80-let-nazad.html (In Russ.). (Accessed February 7, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, https://orcid. org/0000-0001-6133-0300 **ALEKSANDR L. KUZMINYKH** – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Departmentof Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6133-0300

Статья поступила 31.03.2025

Научная статья УДК 34:94 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия

matros49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1132-760X

Реферат

Введение: в статье рассматриваются различные подходы к повышению уровня профессиональной подготовки надзирательского состава тюрем царской России, в том числе и тех, которые были предназначены для отбывания наказания женщинами. Отмечается роль руководителей Главного тюремного управления в инициировании профессиональной подготовки служащих тюрем с ориентиром на специфику деятельности в этой сфере, сложность решения вопросов, требующих наличия разносторонних знаний. Цель: показать истоки профессионального пенитенциарного образования, роль закона от 13 июля 1913 г. («Об учреждении школы в Санкт-Петербурге для подготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для подготовления кандидатов на должности тюремной надзирательницы»), раскрыть его правовые положения, направленные на установление компетенции Санкт-Петербургской школы подготовки старших надзирателей тюрем и Московской школы подготовки надзирательниц, рассмотреть порядок зачисления в школы, правовой статус обучающихся, финансовое обеспечение учебного процесса, преподавателей, обучающихся, их служебное положение после обучения. В статье использовались методы сравнительного анализа, аналогии, идеализации, обобщения, формализации, конкретизации. Результаты: установлены подходы к этапам формирования профессиональной подготовки служащих тюрем для обеспечения их эффективной деятельности, а также заслуга отдельных ученых (И. Ф. Фойницкий, Н. Ф. Лучинский) и руководителей Главного тюремного управления царской России (М. Н. Галкин-Враской, С. С. Хрулев) в стремлении показать важность для государства и общества эффективной деятельности учреждений, исполняющих наказания. Выводы: закон от 13 июля 1913 г. об учреждении с 1 сентября 1913 г. по 31 декабря 1915 г. школ: 1) в Санкт-Петербурге для подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и 2) в Москве – для кандидаток на должности тюремной надзирательницы является первым законом, который возвел пенитенциарное образование в ранг государственного.

Ключевые слова: Главное тюремное управление; Санкт-Петербург; Москва; школа; тюремные надзиратели; обучение.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационноправовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 125–130. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002.

Law of July 13, 1913: Organizational and Legal Aspects of Forming the Prison Staff Training System in Tsarist Russia

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia matros49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1132-760X

Abstract

Introduction: the article discusses various approaches to improving the level of professional training of prison guards in tsarist Russia, including those who guarded female convicts. The role of heads of the Main Prison Administration in initiating professional training of prison employees is noted, the specifics of activities in this area and the complexity of solving issues requiring diverse knowledge are described. Purpose: to show the origins of professional penitentiary education, the role of the law of July 13, 1913 ("On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow"), to disclose its legal provisions fixing the competence of the Saint Petersburg School for the Training of Senior Prison Female Wardens and the Moscow School for the Training of Female Wardens. An order of enrollment in schools, a legal status of students, financial support for the educational process, teachers, students, and their official position after training are considered. The article uses methods of comparative analysis, analogy, idealization, generalization, formalization, and concretization. Results: the article reveals approaches to the stages of professional training of prison employees and describes achievements of individual scientists (I.F. Foinitskii, N.F. Luchinskii) and heads of the Main Prison Administration of Tsarist Russia (M.N. Galkin-Vraskoi, S.S. Khrulev) in proving the importance of effective performance of penitentiary institutions. Conclusions: the law of July 13, 1913 on the establishment of schools in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden in the period of September 1, 1913 to December 31, 1915 is the first law that elevated penitentiary education to the rank of the state.

Keywords: Main Prison Administration; Saint Petersburg; Moscow; school; prison guards; training.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Law of July 13, 1913: organizational and legal aspects of forming the prison staff training system in Tsarist Russia. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 125–130. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002.

Введение

Профильное образование служащих любого правоохранительного ведомства предполагает наличие соответствующих образовательных учреждений. Истоки решения этого вопроса представляют определенный интерес для служащих и работников уголовно-исполнительной системы, преподавательского состава, а также для тех, кому не безразлична история российского государства.

Вопрос о необходимости подготовки специалистов для службы в пенитенциарных учреждениях Российской империи ставился руководителями Главного тюремного управления (ГТУ), учеными. Так, профессор Иван Яковлевич Фойницкий, известный российский тюрьмовед, один из создателей пенитенциарного права, в 1872 г. в «Судебном вестнике» опубликовал статью «Проект основных положений тюремного преобразования в России» [1, с. 11], в которой затрагивал и образовательную тематику. Однако это сразу не ре-

шало застаревшей проблемы. Анализируя высказывания профессора Сергея Викторовича Познышева, характеризовавшего отношение правительства Российской империи к использованию научных знаний в сфере исполнения уголовного наказания, можно сделать вывод о том, что оно не было положительным. Сложность, психологическая трудность, особенности организации отбывания наказания в тюрьме, значение тюремной сферы для общества и правопорядка не принимались во внимание. Считалось, что «для несложных целей и примитивной грубости этого "мертвого" дома особых пенитенциарных знаний не требуется. Строгий и распорядительный начальник, крепкие замки и решетки, наружная дисциплина и отсутствие побегов - вот все, что, казалось, нужно... для хорошей постановки пенитенциарного дела» [2, с. 13].

Первым (1874 г.) не только в России, но и в мировом сообществе, кто непосредственно обратил внимание на тюремное образование, был профессор Петербургского университета И. Я. Фойницкий. Он для всех студентов юридического факультета ввел курс по тюрьмоведению и читал его более 20 лет, до 1905 г. Формирование курса началось с отдельных статей, таких как «Тюремная реформа и тюрьмоведение (вступительная лекция, прочитанная 8 января 1874 г.)», «Русская карательная система» [1, с. 11], опубликованных в 1874 г. в журналах «Судебный вестник» и «Сборник государственных знаний». По оценкам современников, статьи и лекции И. Я. Фойницкого имели выдающееся научное и практическое значение [1, с. 12].

Подготовку кадров для системы исполнения наказаний исследователи связывают с созданием в Российской империи Главного тюремного управления в 1879 г. [3; 4] и с первым ее начальником – Михаилом Николаевичем Галкиным-Враским [5; 6]. Он возглавлял управление с 1879 по 1896 г. В целях усиления подготовки служащих, передачи им содержания ведомственных установок, информирования о деятельности Главного тюремного управления Михаил Николаевич инициировал с января 1893 г. издание журнала «Тюремный вестник».

С целью подготовки специалистов для занятия должностей в тюремном ведомстве прорабатывалось создание специальных подготовительных курсов. В 1912 г. «Главным тюремным управлением был уже внесен на рассмотрение законодательных установлений проект учреждения таких курсов... По указанному законопроекту, курсы для подготовления кандидатов на тюремные должности должны состоять под названием "Тюремных курсов" при Главном тюремном управлении, под непосредственным руководством начальника сего управления» [7, с. 1205]. Однако решения вопроса на законодательном уровне не последовало. Поэтому начальником Главного тюремного управления Степаном Степановичем Хрулевым было принято решение о проведении при управлении систематических чтений по тюрьмоведению. «Для организации чтений и ближайшего заведывания ими... был назначен редактор "Тюремного вестника", инспектор Главного тюремного управления действительный статский советник Н. Ф. Лучинский» [7, c. 1205].

Открытие чтений состоялось 1 марта 1912 г. Программа включала профессионально направленный круг вопросов, представляющих интерес для служащих тюрем. В круг программных вопросов входили: «1) начала уголовного права и учение о наказаниях, в особенности же краткая история и сравнительный анализ различных пенитенциарных систем; 2) элементарные понятия по психологии и психоневрологии; 3) изложение в общих чертах государственного устройства в России, с более подробными объяснениями касательно организации судебной и тюремной частей; 4) соединенные с практическими занятиями чтения по различным отраслям тюремного управления и хозяйства, как то: по строительной части, по тюремной гигиене, по продовольствию и одежному довольствию арестантов, по арестантским работам, по тюремной статистике и отчетности и т. п.» [7, с. 1205-1206]. 10 мая 1912 г. чтения при ГТУ завершились.

В редакционной статье «Тюремного вестника» за 1912 г. «Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном Тюремном Управлении» говорилось о широте задач, их сложности, требующей разнообразных профессиональных знаний. «В идеальном начальнике тюрьмы, – писал Николай Флорианович (Федорович) Лучинский, – должны совмещаться всевозможные профессии: в одно и то же время он воин и администратор, интендант и архитектор, техник и коммерсант и даже психиатр и юрист» [8, с. 6].

Таким образом, на уровне научной общественности была сформулирована необходимость в создании системы подготовки кадров для пенитенциарной системы, а значит, и в издании специального законодательного акта, регламентирующего создание подобных учебных заведений.

Основная часть

13 июля 1913 г. был принят высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон, которым предусматривалось: І. учредить с 1 сентября 1913 года сроком по 31 декабря 1915 года: 1) школу в Санкт-Петербурге для подготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и 2) школу в Москве для подготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы на основании Положений о сих школах [9; 10].

Значимость и уникальность этого законодательного акта состояли в том, что он являлся первым документом такого уровня [11; 12], открывшим тюремное образование с 1 сентября 1913 г. В нем были закреплены материально-технические, финансовые, учебные, социальные, пенсионные, организационные положения. Они устанавливали правовой статус школ, учащихся, выпускников, компетенцию руководителей, специального совета (комиссии). Приложенные к закону положения позволили в процессе сравнительно-правового исследования установить определенные различия в организации деятельности и статусе этих двух школ.

1. Подготовка кандидатов на должность старшего надзирателя была организована в школе, состоящей при Санкт-Петербургских местах заключения. В нее принималось 30 младших тюремных надзирателей, прослуживших не менее двух лет. Отбору кандидатов на учебу на местах уделялось особое внимание. Об этом свидетельствует указание исполняющего должность начальника ГТУ Г. Ф. Беттихера. В нем говорилось: «Ввиду крайне серьезных требований, предъявляемых к лицам, занимающим должности старших тюремных надзирателей по части несения обязанностей службы и являющимся ближайшими руководителями их в сем отношении, но нередко заведывающим даже отдельными отраслями управления в местах заключения, на правах помощников начальника тюрьмы, - выбрать лиц, которые будут командированы для прохождения курса обучения в означенной школе, должен производиться с особой тщательностью и осмотрительностью» [13, с. 964]. Кроме перечисленного, было рекомендовано обращать внимание на уровень образования, возраст, состояние здоровья, нравственные (отсутствие пристрастия к употреблеКурс бесплатного обучения длился четыре месяца, дважды в год – с 15 января по 15 мая и с 15 августа по 15 декабря. Командируемые на учебу в порядке, определенном начальником ГТУ, младшие тюремные надзиратели получали пособие, включающее стоимость железнодорожного билета третьего класса для проезда от места службы до Санкт-Петербурга и обратно, плюс по тридцать копеек за каждые сутки нахождения в пути. Все обучающиеся получали установленное им денежное содержание по прежнему месту службы, пользовались квартирой и продовольствием в натуре. По завершении обучения в школе прошедшие испытания выпускники получали особое свидетельство и право пользоваться преимуществом при назначении на должность старшего надзирателя.

Следует указать еще на одно объективное решение (от 26 июля 1913 г.), следовавшее из указания исполнявшего должность начальника ГТУ. В нем говорилось: «ввиду краткости времени, оставшегося для открытия школы в С.-Петербурге... в текущем году могут быть командированы лишь младшие надзиратели, состоящие на службе в Европейской России, почему к надзирателям, служащим в прочих местностях, настоящие правила будут иметь применение не ранее, как с начала 1914 года» [13, с. 965].

1.1. В указанный период для подготовки кандидаток на должность тюремной надзирательницы при Московской женской тюрьме также была создана школа. Ее наполняемость составляла двадцать пять человек, период обучения - шесть месяцев - с 1сентября по 1 марта. На обучение принимались лица женского пола, исключительно по их собственному прошению, в возрасте не менее 21 года, способные по состоянию своего здоровья к службе в тюремной страже. Кандидатки должны были ранее окончить какое-либо учебное заведение, хотя бы низшего разряда, или выдержать соответствующее испытание при поступлении в школу. Более длительный срок обучения, в сравнении с обучением в Санкт-Петербургской школе, объяснялся отсутствием у лиц женского пола опыта работы в тюремной системе. Обучение было бесплатным, при этом выдавалось пособие в размере пятидесяти копеек в сутки.

Выпускницы, равно как и младшие надзиратели, получали особое свидетельство, дающее преимущество в занятии должности тюремной надзирательницы. На них было распространено обязательство (условие), заключающееся в том, что окончившие школу и получившие назначение на должность в тюремном ведомстве были обязаны прослужить в нем не менее трех лет. В случае неисполнения обозначенной обязанности они должны были возвратить денежную сумму, полученную ими в качестве пособия при обучении в школе.

2. Санкт-Петербургскую школу возглавлял начальник школы, назначаемый начальником Главного тюремного управления. Он уполномочивался на осуществление административно-хозяйственной и учебной деятельности. При школе создавался особый комитет, его председателем был губернский тюремный инспектор. Членами комитета по должности были начальник школы и преподаватели, а также избираемые два члена Санкт-Петербургского благотворительного комитета. Компетенция комитета школы была предельно ограниченной: общее наблюдение за преподаванием; принятие мер, могущих способствовать успешной подготовке учащихся; обсуждение вопросов, относящихся к административно-хозяйственной деятельности.

2.1. Руководство Московской школы подготовки надзирательниц в силу объективных условий было двусоставным – начальник Московской женской тюрьмы и его помощница. Их непосредственная деятельность состояла в решении учебных и административно-хозяйственных вопросов. Более широкий круг вопросов, наряду с учебными и административно-хозяйственными, включал:

– установление, с утверждения начальника ГТУ, программы преподавания в школе и порядка ведения практических занятий учащихся. Как и в Санкт-Петербурге, учащиеся могли назначаться для временного исполнения обязанностей тюремных надзирательниц в Московской женской тюрьме и женском отделении тюремной больницы. В таком случае для временного пользования они получали казенное обмундирование по установленной форме за счет общих кредитов, отпускаемых на обмундирование стражи;

приглашение преподавателей;

– прием в школу и выпуск из нее учащихся. Решался образованным при школе советом. Его председателем была одна из директрис Московского дамского благотворительно-тюремного комитета (избираемая им). На правах членов в совете работали: московский губернский тюремный инспектор (участвующий в совете на правах заместителя председательницы совета на время ее отсутствия); одна директриса Московского дамского благотворительно-тюремного комитета (по результатам ее избрания); начальник Московской женской тюрьмы, его помощница; преподаватели школы. Кроме перечисленного, совет устанавливал внутренний распорядок школы. Это осуществлялось путем издания особой инструкции, которая утверждалась московским губернатором.

В Санкт-Петербургской школе функции по определению внутреннего распорядка путем издания для этого особых правил и назначение преподавателей осуществлял начальник ГТУ. Он же устанавливал программу преподавания и порядок проведения практических занятий. Таким образом, компетенция совета при московской школе, в силу объективных причин, была шире по сравнению с Санкт-Петербургским комитетом.

3. По причине объективных обстоятельств (количество учащихся, периодичность, сроки обучения) в Санкт-Петербургской школе подготовки кандидатов на должности старшего надзирателя вводилась самостоятельная должность начальника, с присвоением ему VIII класса по чинопроизводству, V разряда по пенсии. В одну тысячу двести рублей в год был определен оклад содержания – 600 руб. жалования и 600 руб. столовых, а также квартира в натуре при школе.

3.1. В Московской школе должность начальника, как мы уже указывали, была совмещенной – ее возглавляли начальник Московской женской тюрьмы и его помощница.

Оригинальность анализируемого закона от 13 июля 1913 г. состояла и в том, что он конкретно расписывал цели выделяемых из государственного казначейства средств. В законе было прописано, что размер кредитов, потребных на наем помещения для Санкт-Петербургской школы, на наем квартиры для начальника и казармы для учащихся и на продовольствие последних, а равно на устройство или на наем помещений для Московской школы, определять с 1914 г. в сметном порядке.

4. На содержание Санкт-Петербургской школы в течение двух лет, начиная с 1914 г., планировалось выделять по 3400 руб., в том числе: а) на содержание начальника школы 1200 руб.; б) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 600 руб. Для того чтобы иметь представление о затратах на приобретение учебных пособий и стоимость отдельных изданий, приведем следующие данные: годичная подписная цена «Тюремного вестника» с доставкой и пересылкой составляла 7 руб.; в) на наем преподавателей школы – 1600 руб.

4.1. В обозначенный период на содержание Московской школы тюремных надзирательниц планировалось выделить: по 3350 руб. в год, в том числе: а) на уплату преподавателям школы – 900 руб.; б) на выдачу пособий учащимся в школе – 2250 руб.; в) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 200 руб. Общий расход на обе школы составлял 6750 руб. в год.

5. В 1913 г. было запланировано отпустить из средств государственного казначейства для Санкт-Петербургской школы: 1) 2766 руб., из них: а) на содержание начальника школы – 400 руб.; б) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий для школы – 200 руб.; в) на наем преподавателей школы – 533 руб.; г) на наем помещения для школы, квартиры для начальника и казармы для учащихся – 833 руб.; д) на продовольствие учащихся – 880 руб.

5.1. Затраты в обозначенный период времени на Московскую школу составили 1616 руб., в том числе: а) на оплату преподавателей – 300 руб.; б) на выдачу пособий учащимся – 750 руб.; в) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 66 руб.; г) на наем помещения для школы – 500 руб.

На обе школы затраты составили 4382 руб. с отнесением расхода на счет ожидаемых сбережений от назначений по Государственной росписи расходов на 1913 г.

Ориентируясь на отдельные материалы, публикуемые в журнале «Тюремный вестник», и руководители ГТУ, и отдельные представители тюремной науки (Н. Ф. Лучинский) восприняли создание школ как возможность повышения профессионального уровня и престижа работы служащих тюрем царской России.

Заключительная часть

По объективным причинам (пол, возраст, срок обучения, отсутствие опыта службы в тюрьме) правовой статус школы в Москве для подготовки кандидаток на должности тюремной надзирательницы и Санкт-Петербургской школы старших тюремных надзирателей различался. Положения о школах были закреплены законодательно.

Закон от 13 июля 1913 г. о создании в Санкт-Петербурге и Москве школ для профессиональной подготовки служащих тюрем послужил предпосылкой для последующего целенаправленного образования сотрудников пенитенциарной системы. Опыт царской России в этом направлении успешно использовался в дальнейшем.

В период Временного правительства начальником Главного тюремного управления был назначен правовед А. А. Жижиленко (с оставлением на должности профессора Санкт-Петербургского университета). 17 марта 1917 г. он подписал приказ № 2 о создании пенитенциарных курсов для переподготовки тюремного персонала для работы «в условиях обновления государственного строя и свободной общественной жизни».

Учебные заведения СССР позаимствовали и усовершенствовали опыт школ подготовки тюремных служащих Российской империи, например, по проведению практических занятий, ознакомительных практик, стажировок в должности непосредственно в условиях предстоящей практической деятельности после завершения образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов И. Я. Фойницкого, Д. И. Дриля, Н. Д. Сергеевского. СПб., 1914. 152 с.

2. Познышев Сергей Викторович. Профессор Государственного Московского Психоневрологического Института. Профессор международной Академии Наук в Тулузе // Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.

3. Зубов С. В. Сохранять память о М. Н. Галкине-Враском // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3. С. 9–19.

4. Гайдук С. Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 226 с.

5. Яковлева О. Н. Начальники Главного тюремного управления Российской империи: история ведомства в лицах // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 99–103.

6. Беляева Л. И. Роль М. Н. Галкина-Враского в формировании основ управления системой исполнения наказаний Российской империи // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1-4), № 3. С. 379–398.

7. Отдел неофициальный. Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном тюремном управлении // Тюремный вестник. 1912. № 6-7. С. 1203–1209.

8. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. 80 с.

9. Высочайше утвержденный одобренный Государственнымъ Советомъ и Государственною Думою закон от 13.07.1913 «Об учреждении школы въ С.-Петербургѣ для подготовленія кандидатовъ на должности старшаго тюремнаго надзирателя и школы въ Москвѣ для подготовленія кандидатовъ на должности тюремной надзирательницы» // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Петроград, 1916 (№ 39906). 10. Об учреждении школы в С.-Петербурге для подготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для подготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы // Тюремный вестник. 1913. № 6-7. С. 900–904.

11. Волошин Д. В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 2 (21). С. 24–27. 12. Шурухнов Н. Г. Генезис центров научного обеспечения подготовки кадров для исполнения наказаний и борьбы с преступностью // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4). С. 552–565.

13. О порядке применения закона 13 июля 1913 г. об учреждении Школы в С.-Петербурге для подтовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и Школы в Москве для подготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы // Тюремный вестник. 1913. № 6–7. С. 964–965.

REFERENCES

1. Lyublinskii P.I. *Pamyati trekh russkikh kriminalistov I.Ya. Foinitskago, D.I. Drilya, N.D. Sergeevskogo* [In memory of three Russian criminologists I.Ya. Foinitskii, D.I. Dril, N.D. Sergievskii]. Saint Petersburg, 1914. 152 p.

2. Sergei V. Poznyshev. Professor at the Moscow State Psychoneurological Institute. Professor at the International Academy of Sciences in Toulouse. In: *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow, 1923. 342 p. (In Russ.).

3. Zubov S.V. Preserving the memory of M.N. Galkin-Vrasky. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2024, no. 3, pp. 9–19. (In Russ.).

4. Gaiduk S.L. *Tyuremnaya politika i tyuremnoe zakonodatel'stvo poreformennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prison policy and prison legislation of post-reform Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1987. 226 p.

5. Yakovleva O.N. Chiefs of the Main Prison Administration of the Russian Empire: the history of the agency in person. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 99–103. (In Russ.).

6. Belyaeva L.I. The role of M.N. Galkin-Vraskoi in the formation of the foundations of the management of the system of execution of punishments of the Russian Empire. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 3, pp. 379–398. (In Russ.).

7. Non-official department. The experience of systematic reading on prisons at the Main Prison Administration. *Tyuremnyi* vestnik = Prison Bulletin, 1912, no. 6–7, pp. 1,203–1,209. (In Russ.).

8. Luchinskii N.F. Osnovy tyuremnago dela [Fundamentals of prison service]. Saint Petersburg, 1904. 80 p.

9. Law of July 13, 1913 "On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow" approved by the State Council and the State Duma. In: *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. XXXIII* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXXIII]. Petrograd, 1916. No. 39,906. (In Russ.).

10. On the establishment of a school in St. Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, No. 67, pp. 900–904. (In Russ.).

11. Voloshin D.V. Moscow school of prison keepers as the first educational institution for training of penitentiary staff in Russia. *Vektor nauki TGU. Seriya: pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology*, 2015, no. 2 (21), pp. 24–27. (In Russ.).

12. Shurukhnov N.G. The genesis of the centers for scientific support of personnel training for the execution of punishments and the fight against crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2024, vol. 19 (1–4), pp. 552–565. (In Russ.).

13. On the procedure for applying the law of July 13, 1913 on the establishment of a school in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, pp. 964–965. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия, matros49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1132-760X **NIKOLAI G. SHURUKHNOV** – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, https://orcid. org/0000-0003-1132-760X

Статья поступила 22.01.2025

Научная статья УДК 343.97 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003

Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

vis home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1217-8856

Реферат

Введение: в статье на основании материалов специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 2022 г. дается уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве и находящихся в исправительных колониях особого режима. Показаны некоторые особенности исполнения лишения свободы в этих исправительных учреждениях. Приводятся данные по следующим направлениям: распределение осужденных в зависимости от срока этапирования к месту отбывания наказания; продолжительность содержания в СИЗО; распределение по условиям отбывания наказания; распределение в зависимости от места отбывания наказания; распределение в зависимости от количества исправительных учреждений; распределение в зависимости от использования права на телефонные разговоры; распределение в зависимости от получения и отправления денежных переводов; распределение в зависимости от количества полученных посылок и передач; распределение в зависимости от количества полученных бандеролей; распределение в зависимости от количества предоставленных краткосрочных и длительных свиданий. Цель: дать развернутую характеристику осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима. Методы: сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. Результаты: рассмотрены особенности условий и места отбывания наказания, а также социальные связи анализируемой категории осужденных. Выводы: полученные сведения позволят повысить эффективность целей наказания при исполнении лишения свободы в исправительных колониях особого режима.

К лючевые слова: осужденные к лишению свободы; исправительные колонии особого режима; уголовно-исполнительная характеристика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Селиверстов В. И., Грушин Ф. В. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 131–143. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003.

© Селиверстов В. И., Грушин Ф. В., 2025

Penal Characteristics of Particularly Dangerous Recidivists (Conditions and Place of Serving the Sentence, Social Ties)

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia Moscow State Linguistic University, Moscow. Russia vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

FEDOR V. GRUSHIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fedor062@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1217-8856

Abstract

Introduction: the article analyzes penal characteristics of particularly dangerous recidivists who are held in special-regime correctional facilities on the basis of materials of the 2022 special census of convicts and persons in custody. Some features of the execution of imprisonment in these correctional institutions are shown. The article specifies distribution of convicts according to the time of transfer to the place of serving their sentence; duration of detention in a pre-trial detention center; conditions of serving the sentence; the place of serving the sentence; the number of correctional institutions; the use of the right to telephone conversations; the receipt and dispatch of money transfers; the number of parcels and transfers received; the number of book parcels received; and the number of short-term and long-term visitations allowed. Purpose: to provide a detailed analysis of penal characteristics of convicts held in special-regime correctional facilities. Methods: comparative law and empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, a legal-dogmatic method and a method of interpretation of legal norms. Results: the specifics of the conditions and place of serving a sentence and social ties of this category of convicts are described. Conclusion: the information obtained will make it possible to boost effectiveness of achieving the goals of punishment in the execution of imprisonment in special-regime correctional facilities.

Keywords: persons sentenced to imprisonment; special-regime correctional facilities; penal characteristics.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I., Grushin F.V. Penal characteristics of particularly dangerous recidivists (conditions and place of serving the sentence, social ties). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 131–143. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003.

Введение

Рецидивная преступность всегда представляла повышенную угрозу для развития любого государства, в том числе и для Российской Федерации. Борьба с данным негативным явлением осуществляется на профилактическом, юридическом, организационном, социальном, религиозном и других уровнях. Одним из направлений в деле противодействия рецидивной преступности выступает проводимая государством уголовно-исполнительная политика.

Значимым в деле борьбы с рецидивной преступность является установленный специальный порядок исполнения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления при особо опасном рецидиве. Для этой категории осужденных в уголовноисполнительной системе созданы исправительные колонии особого режима, проблемам исполнения наказания в которых посвящали свои работы специалисты в области уголовно-исполнительного права. Так, правовое положение осужденных анализировала С. В. Михеева [1], исправительное воздействие на осужденных с учетом применения различных средств исправления рассматривал С. Н. Бычков [2], проведение воспитательной работы с осужденными изучали Ю. Ю. Кучкарев и Э. В. Зауторова [3].

В целях эффективного исправления осужденных представляет определенный интерес их уголовноисполнительная характеристика, выявленная в результате Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в декабре 2022 г. [4]. В рамках данной статьи будут рассмотрены такие ее элементы, как условия и место отбывания наказания, а также социальные связи осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях особого режима.

132

Методика проведения исследования

Девятая специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проводилась путем внесения администрацией исправительных учреждений сведений о личности осужденных и содержащихся под стражей в специально разработанную компьютерную программу по показателям, заранее определенным в переписном листе. В исправительных колониях особого режима переписной лист был заполнен на каждого пятого осужденного, определенного методом случайной выборки.

Условия и место отбывания наказания на день переписи

По общему правилу на основании ч. 1 ст. 73 УИК РФ осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Однако ч. 4 указанной статьи для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений устанавливает исключение, в соответствии с которым данная категория осужденных направляется для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с приказом Минюста России от 26.01.2018 № 17 «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» осужденные направляются для отбывания наказания не позднее 10 дней со дня получения администрацией СИЗО, исправительного учреждения, при котором создано помещение, функционирующее в режиме СИЗО, извещения о вступлении приговора суда в законную силу.

Учитывая отдаленность колоний особого режима, процесс этапирования из СИЗО может занимать определенное время, с возможностью временного содержания осужденных в транзитно-пересыльных пунктах ФСИН России. В соответствии с ч. 7 ст. 76 УИК РФ предельный срок содержания осужденных в таких пунктах составляет не более 20 суток.

По результатам переписи 2022 г. половина осужденных (51 %) рассматриваемой категории была этапированы к месту отбывания наказания в течение 10 дней (табл. 1).

Данные о распределении осужденных, которым назначено наказание с отбыванием в исправительной колонии особого режима, по времени их содержания в СИЗО после вступления приговора в законную силу, представлены в таблице 2.

В исправительных колониях особого режима для осужденных установлены обычные, облегченные и строгие условия отбывания наказания. Разделение осужденных по условиям отбывания наказания является реализацией принципа дифференциации исполнения наказаний, предусмотренного ст. 8 УИК РФ, а также элементом прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания.

Таблица 1

Распределение осужденных в исправительных колониях особого режима в зависимости от срока этапирования к месту отбывания наказания (%)

	Срок этапирования	
до 10 дней	свыше 10 дней до 1 месяца	свыше 1 месяца
50,9	33,9	15,2

Таблица 2

Продолжительность содержания в СИЗО осужденных, которым назначено отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима, после вступления приговора суда в законную силу (%)

Срок содержания в СИЗО	Перепись 2022 г.
До 10 дней	26,2
Свыше 10 дней до 1 месяца	30,8
Свыше 1 до 2 месяцев	8,8
Свыше 2 месяцев	7,8
Свыше 4 месяцев	26,4
Итого	100

Основная масса осужденных содержится непосредственно в исправительной колонии особого режима в трех видах условий. Вместе с тем есть незначительная часть осужденных, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, но которые содержатся в других учреждениях:

 в тюрьме (перевод злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в порядке ст. 78 УИК РФ на срок до трех лет);

– в СИЗО (осужденные, которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания; осужденные, перемещаемые из одного места отбывания наказания в другое; осужденные оставленные в изоляторе или переведенные в него в порядке, установленном ст. 77.1 УИК РФ; осужденные на срок не свыше шести месяцев, оставленные в СИЗО с их согласия);

– в лечебном исправительном учреждении;

– в лечебно-профилактическом учреждении (табл. 3).

	Перепись 1999 г.	Перепись 2009 г.	Перепись 2022 г.	
Вид условий (места нахождения)	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Обычные условия	36,8	47,8	63,4	80,5
Облегченные условия	6,3	13,8	11,6	10,1
Строгие условия	56,9	38,4	22,5	6,4
Льготные условия			-	0,1
В тюрьме на общем режиме			0,3	0,3
В тюрьме на строгом режиме			1,8	1,8
В колонии-поселении живет с семьей в собственном доме или на арендуемой жилплощади			-	0,1
Отбывает наказание в СИЗО			0,4	0,7
Итого	100	100	100	100

Распределение осужденных по условиям отбывания наказания в исправительных колониях особого режима (%)

Как видно из таблицы 3, 97,5 % осужденных, которым назначено отбывание наказание в исправительной колонии особого режима, содержатся в данном учреждении на тех или иных условиях: 63,4 % – содержится в обычных условиях отбывания наказания, 11,6 % – в облегченных и 22,5 % – в строгих.

Незначительное количество осужденных содержится в тюрьме, на строгом или общем режиме – 2,1 % (осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в период отбывания наказания в колонии особого режима и переведенные судом в тюрьму, в порядке ст. 78 УИК РФ, на срок до трех лет), а также в СИЗО – 0,4 %.

Если сопоставить осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, с другими осужденными мужчинами, отбывающими лишение свободы, то можно увидеть следующее:

– доля лиц, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания, в колонии особого режима гораздо выше (в 3,5 раза), чем в остальных исправительных колониях;

– доля лиц, содержащихся в облегченных условиях отбывания наказания, в колонии особого режима чуть выше (на 1,5%), чем в других исправительных учреждениях.

Если сопоставить условия отбывания наказания в динамике, то можно выявить тенденцию к постоян-

ному существенному сокращению доли лиц, содержащихся в строгих условиях: в 1999 г. доля таких лиц превышала половину от всех осужденных и составляла 56,9 %, в 2009 г. – 38,4 %, а в 2022 г. сократилась до 22,5 %, то есть более чем в два раза за двадцать три года. Соответственно, увеличивалась доля осужденных в иных условиях – в большей степени в обычных условиях и в меньшей в облегченных.

В дополнение к данным, указанным в таблице 3, представлена информация о распределении осужденных, которым назначено отбывание наказание в исправительных колониях особого режима, по учреждениям, в которых они находились на день переписи (табл. 4).

Осужденные, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, в силу различных обстоятельств (болезнь, этапирование и пр.) могут находиться в других учреждениях. Как видно из таблицы 4, существенных отличий с видом учреждения, в котором находились осужденные на день переписи, между колоний особого режима и другими учреждениями не наблюдается. Некоторая разница объясняется тем, что осужденные, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, по действующему законодательству, не могут находиться в воспитательных колониях, колониях-поселениях и в СИЗО в качестве хозяйственной обслуги.

Таблица 4

Учреждение, в котором находились осужденные на день переписи (%)

	Перепись 2022 г.		
Вид учреждения	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ	
1	2	3	
Воспитательные колонии	0,0	1,8	

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

1	2	3
Исправительные колонии	91,3	79,6
Тюрьма	2,2	2,1
Колония-поселение	0,0	7,6
ЛПУ	0,8	1,3
ЛИУ	4,2	3,8
СИЗО (хозобслуга)	0,0	1,9
СИЗО, ПФРСИ (приговор вступил в силу, однако в ИУ осужденный еще не отправлен)	0,5	0,9
СИЗО, ПФРСИ (осужденный этапирован из ИК или оставлен там для производства следственных действий)	0,7	0,7
СИЗО (осужденному осталось отбывать менее 6 месяцев)	0,0	0,1
СИЗО (осужденный следует транзитом)	0,3	0,2
Итого	100	100

Весьма существенное значение имеют данные о месте содержания осужденных внутри исправительного учреждения (табл. 5), так как позволяют сделать определенные выводы о характеристике осужденных.

Таблица 5

	Перепись 2022 г.		
Место содержания	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ	
В общежитиях ВК, ИК, колонии-поселения	59,6	90,0	
В помещении камерного типа ИК особого режима (в запираемых помещениях ИК общего и строгого ре- жима)	34,9	3,1	
В общей камере в тюрьме	1,7	1,9	
В одиночной камере в тюрьме	0,6	0,2	
В штрафном (дисциплинарном) изоляторе в ВК, ИК, колонии-поселении, в тюрьме	0,5	0,8	
В порядке меры взыскания В одиночной камере ИК особого режима (в ИК обще- го, строгого режима – в помещении камерного типа)	0,7	1,6	
В едином помещении камерного типа	0,5	0,2	
В общежитии за пределами охраняемой зоны ИК и ВК	0,0	0,1	
В собственной или на арендуемой жилплощади в ко- лонии-поселении, ИК общего режима	0,0	0,0	
В жилом помещении в ВК	0,0	0,1	
В камере СИЗО, ПФРСИ	1,5	2,0	
Итого	100	100	

Место содержания на день переписи (%)

Как уже было отмечено, в исправительных колониях особого режима содержатся наиболее опасные преступники, в связи с этим установлено, что в строгих условиях осужденные проживают не в запираемых помещениях, а в помещениях камерного типа. Кроме того, вместо меры взыскания в виде перевода в помещение камерного типа предусмотрен перевод в одиночную камеру. Относительно других осужденных к лишению свободы в исправительных колониях особого режима гораздо больше доля лиц, отбывающих наказание в строгих условиях (в помещениях камерного типа), – на 31,7 %. Данная категория осужденных характеризуется отрицательно и склонна к нарушению условий отбывания наказания. Вместе с тем доля лиц, к которым применяются такие взыскания, как водворение в штрафной изолятор и перевод в одиночную камеру (перевод в ПКТ), в колониях особого режима незначительно, но ниже.

Наукой уголовно-исполнительного права доказано, что чем дальше исправительное учреждение от места проживания и, соответственно, от родственников осужденного, тем сложнее ему сохранить социально полезные связи, которые положительно влияют на его исправление. В связи с этим законодатель в ст. 73 УИК РФ предусмотрел общее правило, согласно которому осужденные к лишению свободы отбывают

наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Представление о месте отбывания наказания дает таблица 6.

Таблица 6

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Место отбывания наказания	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
В том районе (городе), где жил до ареста	4,9	7,7	25,2
Не в том районе (городе), но в том же субъекте Российской Федерации, где имел постоянное место житель- ства	33,0	28,8	49,5
В другом субъекте Российской Фе- дерации по месту осуждения	3,2	3,8	4,2
В другом субъекте Российской Фе- дерации не по месту жительства и не по месту осуждения	54,0	58,2	19,0
Не имел постоянного места житель- ства	4,9	1,5	2,1
Итого	100	100	100

Распределение осужденных в зависимости от места отбывания наказания (%,	денных в зависимости от места отбывания наказания (%)
---	---

Ксожалению, нетданных посоотношению местаотбывания наказания осужденного с местом его нахождения до осуждения по переписи 2009 г. Однако если сопоставить места отбывания наказания по переписям 1999 и 2022 г., то видны следующие позитивные тенденции:

– идет небольшое увеличение доли лиц, которые отбывают наказание в том районе (городе), где жили до ареста, – с 4,9 % в 1999 г. до 7,7 % в 2022 г.;

– достаточно существенно снизилась доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и не имевших постоянного места жительства до осуждения, – с 4,9 % в 1999 г. до 1,5 % в 2022 г.

Вместе с тем с негативной точки зрения можно констатировать, что с 54 % до 58,2 % увеличилась доля осужденных, которые отбывают наказание в другом субъекте Российской Федерации (не по месту жительства и не по месту осуждения). Данная категория осужденных находится в наиболее уязвимых условиях с точки зрения сохранения социально полезных связей. Вместе с тем высказываются позиции, согласно которым в отдельных случаях отбывание наказание не по месту жительства может положительно отразиться на осужденном. Например, С. М. Савушкин полагает, что «при отсутствии работы в колонии, где осужденный отбывает наказание, и при его согласии, возможно, было бы целесообразным направить его в другой регион» [5, с. 88].

Если сопоставить исправительные колонии особого режима с другими учреждениями, то видно, что осужденные в колониях особого режима гораздо в большей степени отбывают наказание за пределами субъекта Российской Федерации, в котором они жили до осуждения. В исправительных колониях особого режима доля таких лиц достигает 62 %, а в остальных исправительных учреждениях – 23,2 %. Объяснение этому обстоятельству достаточно простое – колоний особого режима существенно меньше (по состоянию на 1 января 2023 г. – 35), чем общего (164) и строгого (251), а также колоний-поселений (94), то есть далеко не в каждом субъекте Российской Федерации имеются исправительные колонии особого режима.

Данные о месте отбывания лишения свободы наглядно характеризуют отмеченное в науке диалектическое противоречие. Общественная опасность лица, совершившего преступление при особо опасном рецидиве, его криминальная запущенность обусловливают необходимость усиленного воспитательного воздействия на него, в том числе и с помощью семьи, а экономические факторы, наоборот, диктуют в большей степени, чем для других категорий осужденных, территориальное отдаление осужденных от места постоянного жительства, где у осужденных (не у всех) остаются семьи.

Указанные данные необходимо учитывать при решении вопроса о месте открытия новых колоний особого режима, а также строительства учреждений объединенного типа, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

С местом отбывания наказания достаточно тесно связан вопрос перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое. В ряде случаев такой перевод стимулирует правопослушное поведение осужденного (в порядке изменения вида учреждения на основании ст. 78 УИК РФ в зависимости от поведения), а в других случаях может оказывать негативное влияние (при переводе в другое исправительное учреждение с сохранением вида учреждения, например, при закрытии колонии). Представление о количестве учреждений, в которых осужденный отбывал наказание, дает таблица 7.

Таблица 7

Распределение осужденных в зависимости от количест	ва исправительных учреждений,
в которых они отбывали наказание по дан	ному приговору (%)

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Количество исправительных учреждений, в которых осужденный отбывал наказание по данному приговору	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	72,8	54,5	56,8
2	17,5	29,6	23,3
3	5,9	9,5	6,7
4 и более	3,8	6,4	13,2
Итого	100	100	100

Если сопоставить места отбывания наказания по переписям 1999 и 2022 г., то видно, что доля лиц, отбывающих наказание в одном учреждении, существенно сократилась – с 72,8 % в 1999 г. до 54,5 % в 2022 г.

Социальные связи осужденных

Такая цель наказания, как исправление осужденных, достигается с помощью различных средств, основные из которых обозначены в ч. 2 ст. 9 УИК РФ: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Представляется, что одним из средств исправления осужденных является поддержание социальных связей с семьей, родственниками и другим позитивным окружением. В науке уголовно-исполнительного права предлагалось включить поддержание социальных связей осужденных в перечень основных средств исправления, предусмотренный в ч. 2 ст. 9 УИК РФ [6, с. 90]. Именно так поступил законодатель в Республике Казахстан (п. 3 ч. 1 ст. 7 УИК Республики Казахстан).

Поддержание социальных связей осужденных выражается в следующих аспектах отбывания наказания в виде лишения свободы: выезды за пределы исправительного учреждения;

- телефонные разговоры;

- получение денежных переводов;

 получение посылок, передач, бандеролей;

- краткосрочные и длительные свидания.

В отличие от осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, колониях-поселениях, исправительных колониях общего и строгого видов режима, осужденным в исправительной колонии особого режима выезды за пределы учреждения не предоставляются (ч. 3 ст. 97 УИК РФ). На основании ст. 92 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры. Законодатель формально не ограничивает количество данных разговоров, однако устанавливает, что при отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до двенадцати в год.

Представление о пользовании осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях особого режима, правом на телефонные разговоры дает таблица 8.

Таблица 8

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Количество телефонных разговоров осужденных в год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1 раз	2,0	7,3	6,5
2 раза	0,7	7,0	5,9
3 раза	0,2	5,2	5,9
4 раза	0,2	6,9	7,4

Распределение осужденных в зависимости от использования права на телефонные разговоры (%)

1	2	3	4
Нет из-за того, что некому было зво- нить	5,1	4,9	1,6
Не было желания	40,0	14,9	9,3
Итого	100	100	100

Анализ данных о телефонных разговорах осужденных позволяет сделать вывод о явном прогрессе в данном направлении, связанном с оснащением практически всех исправительных учреждений средствами связи, что позволяет осужденным в полной мере реализовывать право на телефонные разговоры. За 23 года, прошедшие с переписи осужденных в 1999 г., доля осужденных, которые хоть раз за год воспользовались правом на телефонные разговоры, выросла с 3,2 до 78,8 %! При этом свыше половины осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях особого режима, совершают более четерех звонков в течение года. Если в 1999 г. доля осужденных, не воспользовавшихся правом на телефонные разговоры по причине отсутствия технических возможностей, составляла 50,2 %, то в 2022 г. – 0,6 %!

Если сопоставить исправительные колонии особого режима с другими учреждениями, то видно, что осужденные в колониях особого режима пользуются правом на телефонные разговоры несколько реже. Так, если доля осужденных в исправительных колониях особого режима, которые хоть раз за год воспользовались правом на телефонные разговоры, составляет 78,8 %, в других учреждениях – 88,1 %. Ключевыми причинами, обусловившими меньшую востребованность телефонных разговоров в колониях особого режима, стали отсутствие желания звонить – 14,9 %, а также отсутствие лиц, которым можно было бы позвонить, – 4,9 %.

На основании ч. 5 ст. 91 УИК РФ осужденные к лишению свободы вправе получать переводы денежных средств. Кроме того, за счет средств, находящихся на лицевых счетах (деньги, заработанные в период отбывания наказания, пенсии, пособия и пр.), осужденные вправе осуществлять переводы денежных средств близким родственникам, а с разрешения администрации исправительного учреждения – иным лицам.

Денежные средства, которые осужденные получают переводами, нередко являются для них единственной возможностью приобрести продукты питания и предметы первой необходимости в магазине (интернет-магазине) исправительного учреждения, поскольку часть осужденных не обеспечена оплачиваемым трудом и, соответственно, не получает заработной платы (табл. 9).

Таблица 9

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Получение денежных переводов за год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Да	7,1	42,5	41,9
Нет	92,9	57,5	58,1
Итого	100	100	100

Распределение осужденных в зависимости от получения ими денежных переводов (%)

Представление об осуществляемых осужденными, содержащимися в исправительных колониях

особого режима, переводах денежных средств дает таблица 10.

Таблица 10

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Отправление денежных переводов за год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Да	1,6	15,9	15,0
Нет	98,4	84,1	85,0
Итого	100	100	100

Распределение осужденных в зависимости от отправления ими денежных переводов (%)

Как видно из представленных данных, относительно переписи осужденных 1999 г. существенно выросла доля осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях особого режима и получающих переводы, – в 6 раз. Кроме того, в 9,9 раза выросла доля осужденных, отбывающих наказание в колониях особого режима и отправляющих переводы (как правило, родственникам). Наметившиеся тенденции стоит считать положительными, так как они свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении социальных связей осужденного с семьей, с другой – об улучшении трудовой занятости осужденных, а также материального положения их родственников.

Существенной разницы в получении и отправлении денежных средств между осужденными, содержащимися в исправительных колониях особого режима, и другими осужденными, отбывающими лишение свободы, не наблюдается.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 УИК РФ осужденным к лишению свободы разрешается получение посылок, передач и бандеролей. Их количество ограничено в зависимости от вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания. В исправительных колониях особого режима осужденным, содержащимся в обычных условиях, разрешается получать три посылки или передачи и три бандероли в течение года; осужденным, содержащимся в облегченных условиях, - четыре посылки или передачи и четыре бандероли в течение года; осужденным, содержащимся в строгих условиях, - одну посылку или передачу и одну бандероль в течение года. В порядке поощрения (ст. 114 УИК РФ) осужденным в течение года может быть разрешено получение дополнительно до четырех посылок или передач. Кроме того, больные осужденные, осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, могут получать дополнительные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемом в соответствии с медицинским заключением.

Представление о количестве получаемых осужденными, содержащимися в исправительных колониях особого режима, посылок и передач дает таблица 11.

Таблица 11

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Количество полученных посылок и передач за год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	-	29,1	16,9
2	-	20,8	17,9
3	-	10,6	18,2
4	-	5,3	13,5
5	-	2,4	4,7
6	-	1,3	2,9
7	-	0,4	1,5
8	-	0,6	1,0
9	-	0,1	0,5
10	-	0,2	0,4
11	-	0,0	0,2
12	-	0,2	0,9
0	54,0	29,0	21,4
Итого		100	100

Распределение осужденных в зависимости от количества полученных ими посылок и передач (%)

Представление о количестве получаемых осуж- лониях особого режима, бандеролей дает таблиденными, содержащимися в исправительных ко- ца 12.

Таблица 12

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Количество полученных бандеролей за год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1	-	17,1	13,3
2	-	6,1	6,4

Распределение осужденных в зависимости от количества полученных ими бандеролей (%)

1	2	3	4
3	-	1,3	3,1
4	-	0,6	2,2
5	-	0,1	0,3
6	-	0,1	0,2
7	-	0,0	0,0
8	-	0,0	0,0
9	-	0,0	0,0
10	-	0,0	0,0
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0	0,0
0	66,4	74,7	74,5
Итого		100	100

Как видно из приведенных данных, по переписи 2022 г. доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, которые не получили ни одной посылки или передачи в течение года, относительно переписи 1999 г. сократилась практически в два раза – с 54 до 29 %, что свидетельствует об улучшении социально полезных связей осужденных. Вместе с тем доля осужденных, которые в течение года не получили ни одной бандероли, несколько увеличилась – с 66,4 до 74,7 %. Данный факт можно объяснить падением интереса осужденных к получению бандеролей, вызванным изменением почтовых правил, исключивших направление в бандеролях продуктов питания (конфет, печенья и пр.).

Осужденные в исправительных колониях особого режима получают посылки, передачи и бандероли в меньшем количестве, чем осужденные из других исправительных учреждений, что объясняется в первую очередь большей степенью утраты социально полезных связей. Кроме того, в исправительных колониях особого режима законодательно предусмотрено минимальное количество разрешенных посылок, передач и бандеролей.

На основании ч. 1 ст. 89 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляются краткосроч-

ные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения осужденным в исправительных колониях особого режима не предоставляются. Свидания осужденных с родственниками или близкими лицами – это ключевой фактор, влияющий на поддержание осужденными социально полезных связей.

В течение года осужденным в исправительных колониях особого режима разрешается иметь: в обычных условиях – по два краткосрочных и длительных свидания; в облегченных условиях – по три краткосрочных и длительных свидания; в строгих условиях – два краткосрочных свидания и одно длительное. В порядке поощрения (ст. 114 УИК РФ) осужденному в течение года может быть предоставлено дополнительно до четырех краткосрочных или длительных свиданий.

Данные о количестве краткосрочных свиданий, проводимых с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения, представлены в табл. 13.

Таблица 13

	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
Количество краткосрочных свиданий за год	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1	-	8,6	15,0
2	-	2,7	8,1
3	-	0,8	3,5
4	-	0,1	1,8
5	-	0,0	0,5
6	-	0,0	0,3
7	-	0,0	0,1
8	-	0,0	0,1
9	-	0,0	0,1
10	-	0,0	0,1

Распределение осужденных в зависимости от количества предоставленных им краткосрочных свиданий (%)

1	2	3	4
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0	0,3
0	85,5	87,8	70,1
Итого		100	100

Вызывает беспокойство, что подавляющее большинство (87,8 %) осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, свое право на краткосрочные свидания в течение 2022 г. вообще не реализовывали. Если сравнивать с другими учреждениями, то данный показатель выше (хуже) на 17,7 %. Из осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и воспользовавшихся правом на краткосрочное свидание, большинство имело лишь одно краткосрочное свидание в течение года. Если сопоставить данные с переписью 1999 г., то доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и не воспользовавшихся правом на краткосрочное свидание, практически не изменилась.

Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения – с иными лицами (табл. 14).

Таблица 14

Количество длительных сви- даний за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	-	10,3	12,4
2	-	3,4	9,1
3	-	1,4	4,8
4	-	0,5	2,2
5	-	0,2	0,5
6	-	0,2	0,3
7	-	0,0	0,1
8	-	0,0	0,1
9	-	0,0	0,1
10	-	0,0	0,0
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0,	0,1
0	92,7	84,0	70,3
Итого		100	100

Количество длительных свиданий, предоставленных осужденным, содержащимся в исправительных колониях особого режима (%)

Доля осужденных, содержащихся в ИК особого режима и не реализовавших свое право на длительные свидания, также весьма высока (84 %), но чуть меньше (лучше) по сравнению с реализацией права на краткосрочные свидания – на 3,8 %. По сравнению с переписью 1999 г. доля осужденных, которые не воспользовались правом на длительные свидания, сократилась на 8,7 %. Если сравнивать с другими исправительными учреждениями, то доля осужденных, содержащихся в колониях особого режима и не реализовавших свое право на длительные свидания, выше на 13,7 %.

Чем же можно объяснить то, что осужденные столь редко пользуются краткосрочными и длительными свиданиями?

Во-первых, сказывается то зафиксированное переписью обстоятельство, что многие осужденные

отбывают наказание вдали от дома и семьи. Родственники и близкие зачастую не могут себе позволить (даже в рамках установленных УИК РФ норм) навещать осужденных по материальным соображениям либо в связи с состоянием здоровья, или по другим обстоятельствам.

Во-вторых, у части осужденных, содержащиеся в исправительных колониях особого режима, в силу рецидива преступлений и больших сроков наказания утрачены социально полезные связи с родственниками и близкими. Согласно переписи осужденных 2022 г. 69,9 % осужденных в колониях особого режима не состояли в браке, а у каждого двенадцатого (8,9 %) во время отбывания наказания распался зарегистрированный или гражданский брак [4, с. 12–13].

В-третьих, повлияло на данный результат развитие информационных технологий, в первую очередь теле-

фонной сети с предоставлением возможности пользования официальной и неофициальной (такое явление имеется в системе исправительных учреждений) телефонией. С более широким внедрением практики предоставления осужденным видеосвиданий не следует ожидать повышения роли традиционных свиданий в приоритетах осужденных и их родственников.

В-четвертых, следует учитывать ограничения, вводимые во время пандемии коронавируса. Несколько лет исправительные учреждения были закрыты для родственников по соображениям нераспространения эпидемии. И хотя в 2022 г. ограничения в предоставлении свиданий по данному основанию были сняты, в сознании осужденных и членов их семей сформировался алгоритм преимущественного поддержания связей более легким способом, а именно путем денежных переводов, посылок и телефонных разговоров.

Заключение

По сравнению с 1999 г. в 2022 г. увеличились доли осужденных, находящихся в обычных и облегченных условиях. Почти в три раза сократилась доля осужденных, находящихся в строгих условиях исправительных колоний особого режима. Все это свидетельствует не столько о более стабильном правопослушном поведении осужденных, сколько о реализации тенденции гуманизации обращения с осужденными.

По сравнению с 1999 г. имеется противоречивая (по некоторым показателям положительная, по отдельным показателям – отрицательная) динамика по такому показателю, как отбывание лишения свободы по месту жительства семьи осужденного. В статике экономические факторы (небольшое количество исправительных колоний особого режима) в большей степени, чем для других категорий осужденных, определяют территориальное отдаление осужденных от места постоянного жительства.

По сравнению с 1999 г. также имеется положительная динамика в пользовании осужденными в исправительных колониях особого режима предоставленными законом возможностями по поддержанию социальных связей с семьей, родственниками и иным социально позитивным окружением. Однако зафиксированная переписью 2022 г. статика поддержания социально полезных связей, особенно использования права на краткосрочные и длительные свидания, свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер по поддержанию семейных отношений осужденных. Определенные шаги в этом предпринимаются: 12 марта 2025 г. на расширенном заседании коллегии директор ФСИН России А. Гостев отметил, что по итогам проведенной работы с осужденными, утратившими социально полезные связи, в 2024 г. семейные отношения возобновили более 2,4 тыс. чел.» [7].

Недостаточный уровень поддержания социально полезных связей осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима, с одной стороны, подтверждает актуальность усилий Российской Федерации по созданию службы пробации, призванной оказывать содействие в семейно-адаптационной, социально-психологической, профессиональной подготовке, трудовом и бытовом устройстве освобождаемых из мест лишения свободы лиц. С другой стороны, он свидетельствует о необходимости тонкой настройки механизмов пробации с учетом появляющегося практического опыта применения норм Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и предложений юридической науки [8, с. 196–201].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михеева С. В. Правовое положение осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 185 с.

2. Бычков С. Н. Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях особого режима: организационно-правовые вопросы и характерные особенности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 271 с. 3. Кучкарев Ю. Ю., Зауторова Э. В. Особенности воспитательной работы с осужденными в исправительных колониях особого режима // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей : сб. науч. ст. обучающихся Вологод. ин-та права и экономики ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2020. С. 136–140.

4. Грушин Ф. В., Маликова Н. Б. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года. М., 2024. 88 с.

5. Савушкин С. М. Социальные связи осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 86–90.

6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.

7. Директор ФСИН России генерал внутренней службы Российской Федерации Аркадий Гостев провел расширенное заседание коллегии по итогам работы ведомства. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=795990 (дата обращения: 15.03.2025).

8. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–202.

REFERENCES

1. Mikheeva S.V. *Pravovoe polozhenie osuzhdennykh. soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal status of convicts held in special-regime correctional facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Samara. 2011. 185 p.

2. Bychkov S.N. *Ispolnenie ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: organizatsionno-pravovye voprosy i kharakternye osobennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of criminal punishment in the form of imprisonment in special-regime correctional facilities: organizational and legal issues and characteristic features: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg. 1996. 271 p.

3. Kuchkarev Yu.Yu., Zautorova E.V. Features of educational work with convicts in special-regime correctional facilities. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye problemy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk: nauchnyi podkhod molodykh issledovatelei: sb. nauch. st. obuchayushchikhsya Vologod. in-ta prava i ekonomiki FSIN Rossii* [Actual problems of social sciences and humanities: the scientific approach of young researchers: collection of scientific articles by students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Vologda. 2020. Pp. 136–140. (In Russ.).

4. Grushin F.V., Malikova N.B. *Kharakteristika osuzhdennykh. otbyvayushchikh lishenie svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits. soderzhashchikhsya pod strazhei, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of convicts serving their sentences in special-regime correctional facilities: based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022]. Moscow. 2024. 88 p.

5. Savushkin S.M. Social connections of persons sentenced to the deprivation of freedom as a factor of their differentiation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law.* 2021. no. 18. pp. 86–90. (In Russ.).

6. Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and substantiation of theoretical modeling]. Moscow. 2017. 328 p.

7. Direktor FSIN Rossii general vnutrennei sluzhby Rossiiskoi Federatsii Arkadii Gostev provel rasshirennoe zasedanie kollegii po itogam raboty vedomstva [Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, General of the Internal Service of the Russian Federation Arkadii Gostev held an expanded board meeting on the results of the department's work]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=795990 (accessed March 15, 2025).

8. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka* = *Penitentiary Science*. 2022. vol 16. no. 2. pp. 194–202. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, vis_home@list.ruhttps://orcid.org/0000-0002-9554-5438 **ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН** – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru, https://orcid. org/0000-0002-1217-8856 VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vis_home@list.ruhttps://orcid. org/0000-0002-9554-5438

FEDOR V. GRUSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fedor062@yandex.ru, https:// orcid.org/0000-0002-1217-8856

Статья поступила 17.03.2025

Научная статья УДК 343.36 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, https://orcid.org/0000-0001-8652-1728

Реферат

Введение: статья посвящена анализу отдельных вопросов теории и практики применения ст. 305 УК РФ. Цель: на основе обобщения теоретических положений уголовно-процессуальной науки и практики уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудных судебных актов показать проблемные моменты, влияющие на эффективность защиты интересов правосудия при раскрытии и расследовании данной категории преступлений. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики, исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. Результаты: анализ исследованного материала показал, что уголовно-правовые средства и процессуальные механизмы защиты интересов правосудия нуждаются в совершенствовании. Выводы: для повышения защиты интересов правосудия при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 305 УК РФ, требуются ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании судьи; дополнительное исследование вопросов о стадиях совершения данного преступления и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление; выявление его элементов и установление его совокупности с другими должностными преступными деяниями представителей судебной власти; предоставление судейскому сообществу и другим уполномоченным лицам возможности участия в уголовных делах данной категории с целью защиты интересов Российской Федерации.

К лючевые слова: неправосудный судебный акт; заведомая неправосудность; уголовная ответственность судьи; уголовное преследование судьи; ст. 305 УК РФ; интересы правосудия; преступления против правосудия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Романенко Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Original article

The Interests of Justice as an Object of Criminal Law Protection in a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

NATAL'YA V. ROMANENKO

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, https://orcid.org/0000-0001-8652-1728

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of the theory and practice of applying Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Purpose*: based on the generalization of theoretical provisions of criminal procedure science and the practice of criminal prosecution of judges for making knowingly unlawful judicial acts, to show key problematic issues affecting the effectiveness

```
© Романенко Н. В., 2025
```

of protecting the interests of justice in the detection and investigation of this category of crimes. *Methods*: theoretical methods of formal and dialectical logic, historical, comparative legal, empirical methods of description, interpretation; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. *Results*: the analysis of the studied material has shown that criminal law tools and procedural mechanisms for protecting the interests of justice need to be improved. *Conclusion*: in order to enhance the protection of the interests of justice when considering cases of crimes provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to limit the dispositive principle in the criminal prosecution of a judge, to conduct additional research into the stages of committing this crime and the possibility of criminal prosecution for an unfinished crime; to identify its elements and to establish its combination with other official criminal acts of representatives of the judiciary; and to provide representatives of the judicial community and other authorized persons with the opportunity to participate in criminal cases of this category in order to protect the interests of the Russian Federation.

Keywords: unlawful judicial act; deliberate unlawfulness; criminal liability of a judge; criminal prosecution of a judge; Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation; interests of justice; crimes against justice.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romanenko N.V. The interests of justice as an object of criminal law protection in a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Статья 305 УК РФ: значимость и применимость

Правосудию в современном мире заслуженно отводится роль одного из самых эффективных способов защиты прав человека, и, по меткому выражению ученых, это «одна из тех высших социальных ценностей, которую человечество могло бы представить в свое оправдание на суде истории» [1, с. 13]. До последнего времени «суд и осуществляемое им правосудие являются одним из востребованных методов разрешения конфликтов на основе норм реального права» [2, с. 47]. Оно охватывает всю без исключения процессуальную деятельность вне зависимости от стадий и вида судопроизводства - «ибо только в таком случае судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, а не ее локальным свойством» [3, с. 46]. Оно является единственным способом реализации судебной власти как одного из видов власти государственной, причем ветви самой дружелюбной к человеку и гражданину, максимально ориентированной на обеспечение его интересов, в том числе от злоупотреблений представителями других ее ветвей.

Поэтому объяснимо, что его собственные интересы подлежат особой правовой охране, в том числе и силами уголовного закона, избравшего для таких целей в качестве щита гл. 31 УК РФ. Сегодня в ней содержится более двух десятков статей, в которых обозначены уголовно наказуемые деяния, посягающие на нормальное решение судом стоящих перед ним задач. Эти статьи «адресованы» самой разнообразной аудитории – от рядовых лиц, даже не вовлеченных в судопроизводство, до профессиональных его участников – следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов. Одна из них выделяется своим особым положением – это ст. 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»).

Данная статья уникальна как по кругу субъектов (ибо предназначена только для «элиты» правоприменителей – самих вершителей правосудия), так и по порядку ее применения (которое в силу их особого

конституционно-правового статуса осуществляется всегда в особой процедуре, с учетом положений, предусмотренных гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»). Указанное преступное деяние предусмотрено только для судей и квалифицируется отдельно от других совершаемых ими должностных преступлений (например, злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или их превышения (ст. 286 УК РФ), получения взятки (ст. 290 УК РФ), посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ)), которые рассчитаны на более широкий круг субъектов. Заметим, что далеко не все должностные лица – прокуроры, адвокаты, депутаты, министры, нотариусы, уполномоченные и пр. - могут «похвастаться» наличием такого исключительного состава, предусмотренного только для них и ни для кого более.

«Элитарность» данной статьи обусловливает ее особое положение в ряду других статей УК РФ и нечастое по сравнению с ними применение. Для составления полного и объективного представления об особенностях уголовно-правовой охраны интересов правосудия как объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, нами было проведено самостоятельное исследование, результаты которого регулярно дополняются и частично излагались ранее [4; 5]. Исследовались материалы, содержащие свыше ста случаев уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудного судебного акта в период 2002–2024 гг., начиная с момента инициации - получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи в квалификационной коллегии судей, в том числе 55 постановленных в отношении судей приговоров по ст. 305 УК РФ. Основное исследование проводилось в рамках работы над диссертацией по теме «Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации». Как показывает практика, случаи уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудных судебных актов встречаются примерно 3-5 раз в год, при этом, по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество осужденных по ней лиц еще меньше – 1–2 приговора в год. Конечно, это ничтожно малое количество по сравнению, например, с кражами, мошенничествами, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и пр., которых ежегодно в нашей стране совершаются десятки тысяч. В этой связи в теории и на практике нередко высказываются мнения о неприменимости ст. 305 УК РФ: «реальная практика применения данной нормы практически отсутствует» [6, с. 4], «статистика преступности в сфере правосудия свидетельствует о незначительной доле этих преступлений в общей совокупности преступности» [7, с. 4].

С мнением о бесполезности данной статьи трудно согласиться. Да, ст. 305 применяется намного реже, чем даже другие статьи гл. 31 УК РФ. Но подчеркнем, что ее применение не должно идти в сравнение с применением других, «массовых», статей УК РФ хотя бы из-за малочисленности субъекта преступления (доля судейского корпуса, без учета судей в отставке, по данным федеральных законов 2019-2023 гг. о федеральном бюджете на соответствующие календарные годы, от 29.12.1999 № 218-ФЗ об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации, в среднем сегодня составляет около 40 тыс. чел., то есть менее одного процента от всего населения страны). При этом следует учитывать не только количество постановленных по ст. 305 УК РФ приговоров, но и количество случаев иного завершения уголовного преследования (например, прекращения уголовного дела за давностью, по амнистии, в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием), а также случаев его неудавшейся инициации (отказа квалификационной коллегии судей в даче согласия на возбуждение уголовного дела в соответствии с положениями ст. 448 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», например, за отсутствием заведомого умысла в деянии судьи), что также часто встречается. По мнению ученых, «уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных решений реализуется далеко не всегда» [8, с. 22].

О повышенной значимости указанного посягательства для государства говорит и сам факт существования уголовной ответственности за вынесение неправосудных судебных решений во всех ранее действовавших образцах отечественного уголовного закона (ст. 114 УК РСФСР 1926 г., ст. 111 УК РСФСР 1922 г, ст. 177 УК РСФСР 1960 г.), где предусматривалась аналогичная сегодняшней ответственность судей за данное преступление. Но при этом в первых редакциях вместо условия заведомости эта статья устанавливала наличие у судей корыстной или иной личной цели, а также предусматривала более тяжелые санкции – «вплоть до расстрела».

Полагаем, что сколько веков существует само правосудие, столько же существует и антиправосудие, одним из первых примеров которого можно выделить

эпизод с Понтием Пилатом, принявшим «решение не по своему личному убеждению, а по настоянию толпы, требующей крови и казни» [3, с. 45]. Попытки недобросовестных сторон и некоторых судей «прогнуть правосудие под себя» всегда были, есть и будут, и потому очевидно, что стражем надлежащего соблюдения интересов правосудия ст. 305 УК РФ должна оставаться всегда, выступая когда-то незримым, а когда-то вполне осязаемым хранителем его хрупкой сущности. Однако это не значит, что, хотя она изначально и не рассчитана на массовое использование, применение ее положений не сталкивается с проблемами. Многие из них связаны, по мнению ученых, с тем, что «в теории и практике не выработано научно обоснованных критериев квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ» [6, с. 4]. К сожалению, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» обошел вниманием ст. 305 УК РФ [9, с. 268], очевидно, с учетом все тех же незначительных статистических показателей ее применения, которые не являются показателями ее реальной востребованности.

Можно отметить тенденцию последних лет, связанную со снижением количества выявляемых преступлений, предусмотренных ст. 305 УК РФ (в 2002-2015 гг. среди всех должностных преступлений судей оно занимало лидирующую позицию, составляя примерно 80 %). Сегодня же среди представителей судейского корпуса существенно увеличивается доля преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Но не думаем, что это связано с тем, что неправосудных решений стало выноситься меньше. Ученые, рассуждая в целом о направленных против правосудия преступлениях, отмечают их очень высокий уровень латентности («еще большее количество лиц, совершивших подобные деяния, остается вне поля зрения правоохранительных органов, так как данные преступления традиционно принято считать высоколатентными» [8, с. 22; 10, с. 6], «в действительности незаконных арестов, задержаний, вынесения неправосудных приговоров и пр. в реальности несравненно больше» [11, с. 602]), объясняя это рядом криминологических причин (эти преступления «не регистрируются, уголовные дела не возбуждаются и виновные часто остаются безнаказанными... доказать факт нарушения закона судьей очень трудно, а иногда и невозможно... даже зарегистрированные преступления сотрудников правоохранительных органов весьма редко передаются в суд, дело обычно ограничивается дисциплинарным взысканием или увольнением со службы... это объясняется как корпоративной, ложно понимаемой "солидарностью" юристов, снисходительно относящихся к нарушению законности своими коллегами, так и более опасными причинами: личными знакомствами в руководящих кругах, подкупом должностных лиц, криминальными связями» [11, с. 602]). Соглашаясь в целом с этими утверждениями, отметим, что с процессуальной точки зрения эти тезисы требуют более детальной аргументации.

Процессуальные механизмы защиты интересов правосудия

Одним из процессуальных способов защиты является возможность участия в деле в качестве потерпевшего со всеми правами, предоставляемыми ст. 42 УПК РФ. Однако данная статья не предусматривает возможности признания потерпевшим по уголовному делу публичных элементов, например Российской Федерации как носителя, чьим именем постановлен неправосудный судебный акт и чьим интересам вред причинен в первую очередь, а также не гарантирует участия в деле ее представителей (традиционно ими выступают органы прокуратуры). Формально потерпевшими в таких делах чаще всего признаются частные лица – физические или юридические, интересы которых непосредственно ущемлены неправосудным судебным актом. Как правило, это участники, не уведомленные о рассмотрении дела, не извещенные надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, чьи права и интересы затронуты судебным актом, лишившиеся собственности, привлеченные к административной ответственности и др. Не бывает представителей потерпевших и от лица судейского сообщества, на чьи органы - советы, квалификационные коллегии судей и пр. - законом возложена задача утверждения авторитета судебной власти, обеспечения выполнения судьями требований, предъявляемых Кодексом судейской этики (п. 4 ст. 4 Российской Федерации от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»). А ведь авторитету судебной власти преступлением судьи, предусмотренным ст. 305 УК РФ, наносится тяжелый ущерб:

– «указанные умышленные действия судьи Л. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти Российской Федерации, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново);

– «своими действиями судья Е. дважды грубо нарушила указанные выше нормы гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, подорвала авторитет судебной власти в государстве, нарушила нормальную работу органов правосудия, а также причинила вред законным интересам лиц в гражданском процессе» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2007 № УКПИ07-2 в отношении Е., судьи Трусовского районного суда г. Астрахани);

– «указанные умышленные действия судьи Х. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в причинении ущерба репутации судьи, дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов, что способствовало формированию в обществе негативного отношения к суду и судейской профессии» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № АКПИ23-732, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № АПЛ23-475 в отношении Х., мирового судьи судебного участка № 33 в границах административно-территориального образования г. Великие Луки Псковской области);

 – «судья А. предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка осуществления судьей своих служебных полномочий по осуществлению правосудия и формирования у С. убеждения о коррумпированности органа судебной власти, подрыва авторитета и дискредитации последнего... Своими действиями судья А. существенно нарушил... охраняемые законом интересы государства, поскольку подорвал авторитет судебной власти, дискредитировал статус судьи и пренебрег присягой судьи» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2023 № АКПИ23-683, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 № АПЛ23-420 в отношении А., судьи Майкопского городского суда Республики Адыгея), и пр.

Трудно согласиться с тем, что формирование в обществе негативного мнения о судебной власти в государстве является «необоснованным домыслом обвинения, поскольку суду не представлено никаких доказательств того, что умышленно допущенные нарушения закона мировым судьей Ф. были преданы огласке среди населения и население выразило мнение о своем негативном отношении к судебной власти в стране» (приговор Тюменского областного суда от 30.07.2014 № 2-28/2014 в отношении Ф., мирового судьи судебного участка № 5 г. Тобольска). Каждый случай уголовного преследования судьи за любое преступление – это феномен, который всегда вызывает широкий общественный резонанс, воспринимается болезненно как нечто экстраординарное, требующее незамедлительного и адекватного реагирования, хотя население, как правило, и не выражает это активно (митингами, пикетами, протестами и пр.).

Другим способом защиты уголовно-правовых интересов является возможность обжалования судебного акта, затрагивающего интересы конкретного субъекта, даже если он не был привлечен к участию в деле. В соответствии с положениями процессуального законодательства к субъектам обжалования, помимо непосредственных участников правового спора, относятся также «иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы». В различных видах судопроизводства (ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ, ст. 320, 376, 391.1 ГПК РФ, ст. 295, 318, 332 КАС РФ, ст. 42, 257, 273, 308.1 АПК РФ) они называются по-разному:

 – «лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»;

 - «другие лица, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями»;

 – «лица, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»; – «другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами»;

 – «лица, не участвовавшие в деле, о правах и об обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт».

Однако представители Российской Федерации либо судейского сообщества ни в одной из перечисленных статей не указаны прямо в числе субъектов апелляционного, кассационного или надзорного обжалования приговоров, постановленных по ст. 305 УК РФ за вынесение неправосудных судебных актов по уголовным, гражданским, административным, арбитражным делам.

Наконец, еще одним способом защиты публичных интересов (в том числе интересов правосудия) является право на обращение в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям. Ими наделены органы прокуратуры, которые уполномочены на совершение подобных действий в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, ч. 1 ст. 39 КАС РФ, ч. 1 ст. 52 АПК РФ. Сложно представить, в каком размере денежного эквивалента вред, причиненный авторитету судебной власти, может быть компенсирован судьей, осужденным за совершение преступления, в том числе предусмотренного ст. 305 УК РФ. На практике иски о возмещении вреда, причиненного Российской Федерации вследствие умаления интересов правосудия, авторитета судебной власти, заявленные к осужденным по ст. 305 УК РФ судьям в ее интересах органами прокуратуры, также не встречаются.

Таким образом, процессуальные механизмы защиты интересов правосудия – основного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, представляются сегодня довольно абстрактными.

Структура объекта преступного посягательства и характеристика его цели

Требует уяснения также объект преступного посягательства, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с учетом того что в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации об этом не сказано («авторы разъяснений оказались столь искусными юристами, что смогли охарактеризовать составы преступлений, не упоминая объекта, против которого они направлены» [1, с. 14]).

Традиционно учеными в данном преступлении выделяются два объекта посягательства – основной и дополнительный. К основному относятся общественные отношения, обеспечивающие решение судом стоящих перед ним задач правосудия, к дополнительному – права, свободы и законные интересы сторон [12, с. 221; 13, с. 429]. Подчеркнем, что именно такая расстановка акцентов следует из сформулированной законодателем конструкции и расположения данной статьи: состав помещен именно в гл. 31, а, например, не в гл. 19 УК РФ («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), где бы он мог звучать как «Нарушение права на судебную защиту путем вынесения судьей неправосудного судебного акта», то есть законодатель отводит интересам правосудия безусловный приоритет перед интересами личности.

В принципе, это характерно для всех статей гл. 31 УК РФ и для многих статей других глав кодекса. В то же время этот приоритет обособляет правосудие как объект уголовно-правовой охраны от государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступления против которых сосредоточены в гл. 30 УК РФ. Это выглядит логично с учетом того, что судья как субъект преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, государственным служащим не является, а занимает государственную должность – федеральную либо субъекта РФ. Однако при этом отмечается смешение объектов уголовно-правовой защиты всего раздела X («Преступления протии государственной власти») и входящей в него гл. 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), из наименования которой упоминание о государственной власти следовало бы исключить. Также следствием этого является возможность установления совокупности преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с преступлениями, предусмотренными в гл. 30 УК РФ.

Следует отметить, что участники процесса, будучи недовольными судебным решением, в любом случае стремятся обвинить судью в пристрастности, умышленном характере его неправомерных действий. При таких условиях справедливым выглядит утверждение, что «любое лицо, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом, следовательно, имело место совершение преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ» [14, с. 101]. Поэтому повышенный стандарт доказанности, обеспечиваемый признаком заведомости (по мнению ученых, этот признак обязывает правоприменителя установить не просто умысел, а «предшествующую ему осведомленность обвиняемого о каком-либо значимом обстоятельстве» [15, с. 73]), выглядит оправданно. Кроме того, отмеченная выше расстановка акцентов в диспозиции ст. 305 УК РФ и приоритет интересов правосудия над частными интересами участников судопроизводства не позволяют говорить о возможности уголовного преследования судьи за любое решение, которым оказывается недовольна одна из сторон.

Законодатель сегодня отказался от формулировки цели как необходимого признака данного преступления, освободив правоприменителя от необходимости ее выявления. Как видится, это является одним из серьезных упущений, поскольку от цели совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, зависит, надо ли выявлять в деянии судьи признаки других преступлений. Практика показывает, что цель совершения данного преступления в подавляющем большинстве случаев (около 80 %) корыстная [об этом мы также писали ранее – 16–18] (предполагается непосредственное получение вознаграждения в виде денежного эквивалента – взятки), то есть подкуп как основной способ оказания влияния на судью делает преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, преступлением коррупционной направленности [19,

с. 338] (последняя охватывает лишь те должностные преступления, совершение которых обусловливается подкупом должностных лиц). Это же подтверждается исследованиями других ученых: «мотивы вынесения заведомо неправосудных судебных актов в подавляющем большинстве случаев основаны на материальных потребностях субъектов (в том числе потребности в систематическом повышении уровня своего благосостояния, а также в стабильном заработке)» [8, с. 23; 20, с. 78]; «в случаях вынесения заведомо неправосудных судебных актов преобладают личные мотивы, связанные в большинстве случаев с коррупцией, с просьбами "высоких покровителей" виновных или с близкими отношениями с представителями преступного мира (что большей частью остается в тени)» [11, с. 604]. То есть в данном случае в деянии судьи должна усматриваться совокупность преступлений, предусмотренных ст. 305 и 290 УК РФ, а если при этом использовался поддельный протокол судебного заседания, которого в действительности не проводилось, то еще и ст. 292 УК РФ.

Кроме корыстной, возможна и иная личная заинтересованность. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также п. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами. Применительно к рассматриваемому преступлению это различного рода зависимость судьи от участников спора в силу ранее оказанных ими услуг, связанность определенными обязательствами перед ними, чувством невыплаченного долга и др. - и, как следствие, желание угодить, отблагодарить, воздать должное. Данный характер зависимости свидетельствует о наличии в деянии судьи признаков совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 и 285 (286) УК РФ (а также при наличии поддельного протокола дополнительно ст. 292). И лишь примерно в каждом десятом случае вынесение неправосудного судебного акта обусловлено исключительно ненадлежащей организацией работы, оно совершается с целью не допустить дальнейшего затягивания сроков рассмотрения дел, сократить количество находящихся в производстве дел, скрыть небрежность в своей работе и улучшить ее показатели во избежание неблагоприятных дисциплинарных последствий (в данном случае ст. 305 УК РФ применяется в «чистом виде» или в совокупности только со ст. 292 УК РФ).

Взаимообусловленость деяний, предусмотренных ст. 305 и 290 (а также 285, 286, 292 УК РФ) представляется очевидной, а установление этой взаимосвязи и назначение более строгого наказания за совокупность преступлений – необходимым условием надлежащей охраны интересов правосудия. Однако, не будучи обязательно выявляемой, цель вынесения неправосудного судебного акта при расследовании данного преступления выявляется не всегда, и совокупность этого преступления с другими зачастую не устанавливается.

Ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании по ст. 305 УК РФ

Присутствие интересов правосудия – максимально абстрагированной категории, ориентированной на неограниченный круг лиц, «целью которых является защита прав и свобод человека и гражданина» (обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2019 № АКПИ19-35 и др.) - дополнительно сужает возможность реализации диспозитивного начала, и без того ограниченного в уголовном судопроизводстве, например примирения обвиняемого с потерпевшим. Оно допускается по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые (что вполне подходит под параметры деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ), и организуется только между судьей и потерпевшими - частными лицами: «Потерпевший полагает указанный приговор незаконным, так как в ходе судебного разбирательства не исследовались доказательства, он не был допрошен как подсудимый, не проводились прения сторон, ему не предоставлено право обратиться к суду с последним словом, приговор не провозглашался, в судебных заседаниях участия он не принимал. Но впоследствии судьей Л. ему в полной мере возмещен моральный вред в сумме 70 000 рублей, от исковых требований он отказывается» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново).

Этический аспект примирения вследствие возмещения в виде денежного эквивалента вреда, причиненного актом неправосудия, весьма сомнителен. И если потерпевший может определить достаточный для себя размер, исходя из собственного уровня притязательности и представлений о справедливости, то кто и в каком размере может определить размер морального вреда, причиненного Российской Федерации, и как судья, заглаживая вред, должен извиняться перед ней? Очевидно, что ответов на эти вопросы нет. Поэтому такое примирение больше напоминает «отступное» за легализацию преступного поведения представителя публичной власти по отношению к человеку и гражданину, за попранное право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации, чем достижение легитимного компромисса между равными сторонами уголовно-правового спора.

Цена сделки с правосудием, в каком бы размере она не назначалась, выглядит весьма цинично: «В ходе следующей встречи судья Г. пояснил ему, что он может вынести решение в пользу С., однако для этого ему необходимо передать 2 000 000 рублей, что являлось ценой за вынесение незаконного и неправосудного решения» (приговор Пролетарского районного суда Ростова-на-Дону от 19.07.2024 № 1-13/2024 в от-
Таким образом, возможно, удовлетворяя интересы дополнительного объекта преступного посягательства, такое примирение никак не компенсирует интересы основного объекта – правосудия, и даже при выполнении всех формальных условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, лишь подчеркивает его неуместность. Поэтому полагаем, что специфика объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, должна влечь прямой запрет прекращения дела за примирением, деятельным раскаянием, судебным штрафом и по любым другим компромиссным основаниям. Позитивное посткриминальное поведение, которое требуется в большинстве этих случаев, может служить лишь смягчающим обстоятельством и уменьшить размер ответственности, но не освободить от нее.

Выявление интересов правосудия как объекта преступного посягательства в каждом преступлении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий

Не всегда интересы правосудия как объект преступного посягательства устанавливаются в преступном поведении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий. Конституционный Суд Российской Федерации в известном постановлении от 18.10.2011 № 23-П («По делу о проверке конституционности положений ст. 144, 145 и 448 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации и п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко») подчеркнул, что преступлению, предусмотренному ст. 305 УК РФ, как правило, сопутствует ряд других преступлений («Мошенничество» (ст. 159), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285), «Превышение должностных полномочий» (ст. 286), «Получение взятки» (ст. 290)). С одной стороны, это говорит о том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, крайне редко совершается как единичное, само по себе. Как справедливо отмечается учеными, многие незаконные действия «связаны с получением или покушением на получение взятки (главным образом за обещание прекратить уголовное дело, вынести оправдательный приговор, удовлетворить незаконное исковое требование и т. п.)» [11, с. 603]. При этом Верховный Суд Российской Федерации в определении от 09.12.2013 № 24-Д13-9 уточнил, что перечень приведенных выше Конституционным Судом Российской Федерации составов преступлений не является исчерпывающим, то есть отмеченные преступления совершаются в дополнение к вынесению заведомо неправосудного судебного акта чаще всего (хотя и не обязательно только они).

С другой стороны, вся противоправная деятельность, которая инициируется вокруг судьи, в связи с его служебными полномочиями, так или иначе ориентирована на принятие им неправосудного судебного акта. Судья, в соответствии со своим конституционно-правовым статусом, наделен только одной публичной функцией, направленной на реализацию судебной власти, отправлением правосудия (в отличие, например, от сотрудника прокуратуры, в арсенале которого в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» насчитывается более десяти властно-распорядительных полномочий надзорного и ненадзорного характера). Поэтому судья представляет собой объект преступного интереса не за «общее покровительство» или «общее попустительство», а лишь в связи со своей возможностью, злоупотребив должностными полномочиями, превысив их или действуя в соответствии с ними, принять решение в пользу того или иного участника процесса. Причем эти действия могут быть связаны как непосредственно с принятием судебного акта в рамках конкретного уголовного, гражданского или административного дела, находящегося в производстве судьи, так и с некоторыми организационными действиями, например, направленными на принятие дела к своему производству: «Адвокат К. обратилась к судье К. с предложением признать недопустимыми доказательствами первоначальные протоколы допросов Х. в качестве подозреваемого и обвиняемого, в которых тот изобличал Д. в совершении преступлений... на что судья К. согласился, потребовав денежные средства в сумме 13 000 000 руб., из которых в сумме 4 000 000 руб. являлись гарантом принятия им уголовного дела к своему производству» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

Именно эта возможность притягивает к судье определенную категорию недобросовестных лиц, превращая его в «орудие» совершения преступления. В противном случае все преступное общение с судьей лишено какого-либо смысла. В одних ситуациях данные лица – представители сторон, адвокаты, просто знакомые, знакомые знакомых и пр. - могут склонять судью к противоправным действиям путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения или оказания иного давления, но чаще всего путем подкупа, обещания ему вознаграждение в той или иной незаконной форме (например, предлагая взятку). Иногда сам судья, не обладая необходимыми моральными качествами, может предложить это представителям сторон, например вымогать взятку (решение Квалификационной коллегии судей Свердловской области от 05.06.2018 об отставке судьи Арбитражного суда Свердловской области Г., решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 28.11.2018 о даче согласия на возбуждение уголовного дела, решение Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № АКПИ19-71, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2019 № АПЛ19-153).

Признаки обусловленности взятки вынесением неправосудного судебного акта достаточно очевидны:

– «за полученную от Д. взятку судья Г. вынес по делу определение о введении процедуры наблюдения в отношении ООО и об утверждении временным управляющим П. и огласил его резолютивную часть, а затем изготовил в полном объеме данное (мотивированное) определение» (приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 11.04.2023 № 1-6/2023 в отношении Г., судьи Арбитражного суда Алтайского края);

– «судья А. предложил П. передать ему 100 тысяч рублей за вынесение решения об удовлетворении искового заявления. А. поставил условие, что положительное решение по иску будет вынесено после получения им в полном размере взятки. При таких обстоятельствах рассмотрение гражданского дела было отложено» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2011 № УКПИ11-10 в отношении А., судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону);

– «судья К. в результате неоднократных переговоров... согласился на предложение. Таким образом, у него возник преступный умысел: признать недопустимыми доказательствами протоколы допроса Д. в качестве подозреваемого и обвиняемого, прекратить уголовное преследование А. и Д. в части совершения ими преступлений в составе организованной группы, квалифицировав их деяния как совершенные группой лиц по предварительному сговору, назначить минимально возможное наказание А. и Д. при отсутствии на то законных оснований, за что потребовал взятку в виде денег в сумме 13 000 000 руб., что является особо крупным размером» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

В теории и практике устойчивым является мнение о необходимости установления в этих деяниях совокупности преступлений: «если вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или другого судебного акта связано с получением взятки, рассматриваемое общественно опасное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 УК и ст. 290 УК РФ» [21, с. 101]. Однако при этом получение взятки (ст. 290 УК РФ) идет основным составом (ежегодные отчеты о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания, отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам) (то есть деянием, которое было бы совершено в любом случае), а вынесение неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ) – дополнительным (то есть совершенным факультативно, которое могло бы быть, а могло и нет). Ученые определяют данную квалификацию как факультативную, надстроечную, необязательную: «дополнительная квалификация происходит тогда, когда уже установлено, что содеянное предусмотрено определенными составами преступления (определенным составом преступления), но этого еще недостаточно, чтобы дать окончательную уголовно-правовую оценку содеянного» [22, с. 119; 23].

Преступление, предусмотренное ст. 305 УК ПФ, не всегда является оконченным к моменту получения взятки или хотя бы ее части: достаточно часто стороны договариваются о полностью авансовой схеме – сначала вносится весь платеж незаконного вознаграждения, а уже после полного расчета судья выполняет достигнутую договоренность и постановляет решение в интересах взяткодателя. Вследствие этого состав преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выявляется не всегда, а значит, и совокупность преступлений в деянии судьи также не устанавливается. Как видится, это упущение является прямым следствием практической невозможности уголовного преследования за неоконченное преступление по ст. 305 УК РФ (см. ниже), а также дополнительного характера квалификации деяния, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и обеспечивает ненадлежащий уровень защиты интересов правосудия.

Неочевидность совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ

Уголовное преследование судьи по любому преступлению отягощено процессуальными сложностями, предусмотренными гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации». При преследовании по ст. 305 дополнительно в качестве осложняющих элементов добавляются условия неочевидности данного преступления. Ведь внешне все выглядит благополучно: судья занимается текущей повседневной работой – изучает материалы дел, проводит судебные заседания, дает поручения сотрудникам аппарата о подготовке запросов, уведомлений, извещений сторон, проектов документов, выносит и оглашает судебные акты и др. Да, возможно, к нему в кабинет заходят какие-то люди – участники спора, представители прокуратуры и адвокатуры, посетители, о чем-то они разговаривают за закрытыми дверьми, наедине, но это в принципе не преступно. Нет насилия, угроз, незаконного проникновения в чужие помещения, нарушения общественного порядка, выражения неуважения к обществу и пр., то есть способ его совершения неочевиден. И лишь в случае задержания на месте преступления сотрудниками правоохранительных органов в ходе оперативного эксперимента становится известно о том, что эта благообразная с виду деятельность носила преступный характер.

Но такое бывает чаще всего при задержании в момент передачи предмета взятки или иного незаконного вознаграждения, то есть при совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 или 290 УК РФ. Отметим, что способ получения незаконного вознаграждения до настоящего времени чаще всего остается традиционным – передача наличных, при которой преступление пресекается, и в дальнейшем собирание доказательств тоже ориентировано на указанные составы преступлений. Помимо показаний свидетелей – взяткодателей, ими являются следующие доказательства:

– постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»; рапорты о его результатах, согласно которым получены сведения о наличии в действиях судьи состава преступления; постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей; постановления о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд; заявления лиц о добровольном согласии на участие в оперативно-розыскных мероприятиях в целях выявления и пресечения преступной деятельности судьи;

 показания сотрудников ФСБ, участвовавших в задержании; показания присутствовавших при задержании понятых и представителей общественности;

 протоколы осмотров мобильных устройств, электронных носителей аудио- и видеозаписей переговоров о взятке, детализаций звонков с абонентских устройств, флэш-накопителей с записью камер видеонаблюдения;

 акты осмотра, обработки и выдачи денежных средств и муляжей денежных средств, протоколы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с изъятием документов, предметов и материалов;

 – заключения экспертиз (фоноскопических, лингвистических, криминалистических).

Материалы, которыми оформляется задержание с поличным, становятся одним из основных доказательств по ст. 290 или 159 УК РФ, но они не могут подтвердить вынесение неправосудного судебного акта. Не исключено, конечно, определенное пересечение доказательственных средств, но при этом невозможно использовать заложенный в институте задержания мощный ресурс внезапности, рассчитанный на неготовность контролируемого лица к вмешательству правоохранительных органов и его захвату с поличным. Отсюда складывается специфический набор доказательственных средств, применяемых при раскрытии и расследовании преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. В данной ситуации требуются иные средства доказывания: ими становятся показания (участников процесса, работников аппарата суда, председателя суда, других судей), протоколы осмотров документов, материалы находящихся в производстве уголовных, гражданских, административных дел, а также иные документы - акты о назначении судьи на должность, о присвоении ему квалификационного класса, о прекращении его полномочий, акты вышестоящих судов об отмене принятого им судебного решения как неправосудного. Важным источником доказательств является сам протокол судебного заседания, которое в действительности не проводилось, - его можно расценить как вещественное доказательство.

Их собирание осуществляется несколько иначе, нежели собирание доказательств, изобличающих в получении взятки или иного незаконного вознаграждения. Как правило, здесь нет необходимости проводить обследования и обыски в служебных и жилых помещениях судьи, прослушивать его телефонные переговоры. Нельзя застигнуть судью в момент вынесения неправосудного судебного акта (особенно с учетом отсутствия однозначно определенного момента его вынесения). Практически ни одно из перечисленных выше доказательств не является прямым, а потому они должны собираться в достаточной совокупности. Однако в условиях ограниченности применяемого к судьям принуждения это собирание затруднено, и впоследствии, при оформлении представления Председателя Следственного комитета Российской Федерации в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела, материалы, подтверждающие получение незаконного вознаграждения, предоставляются в достаточном объеме, а материалы, подтверждающие, что вознаграждение предлагалось за принятие неправосудного решения, и какого именно, по какому производству, в чью пользу, как правило, отсутствуют.

В большинстве ситуаций при их расследовании, если ст. 305 УК РФ идет не основным, а дополнительным составом, вопрос о возможности такой связи (совокупности) не исследуется вообще:

– Б. сообщил, что в случае вынесения решений, смягчающих уголовную ответственность, он готов передать судье денежное вознаграждение. В связи с вышеизложенным судья Т. решил получить через посредника взятку в особо крупном размере от родственников Б. за совершение входящих в его полномочия действий в интересах последнего. Судья Т. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Красноярского краевого суда от 29.12.2022 № 2-26/2022 в отношении Т., заместителя председателя Советского районного суда г. Красноярска);

– Д. в ходе неоднократных встреч с судьей С., с которым он поддерживал доверительные отношения, обращался к нему с просьбой об оказании содействия в решении вопроса о вынесении Волжским районным судом г. Саратова оправдательного приговора в отношении своего знакомого. С. решил создать уверенность в том, что он в связи с занимаемой им должностью судьи может, используя свое служебное положение, способствовать вынесению такого приговора за передачу ему денежных средств в сумме 15 млн. руб. Судья С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Пензенского областного суда от 21.03.2019 № 2-04/2018 в отношении С., судьи Саратовского областного суда);

– у судьи К. возник преступный умысел обеспечить вынесение определения об отказе в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, поступившего в Арбитражный суд г. Москвы, за денежное вознаграждение. Судья К. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 12.07.2022 № 1-102/22 в отношении К., судьи Арбитражного суда г. Москвы);

– в производство судьи Р. поступило арбитражное дело по исковому заявлению «АР» к ООО «РБ». В период подготовки к рассмотрению данного арбитражного дела у него возник умысел на получение взятки за вынесение решения об отказе в удовлетворении исковых требований. Судья Р. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Краснодарского краевого суда от 23.09.2015 № 2-29/2015 в отношении Р., судьи Арбитражного суда Краснодарского края).

В подобных случаях уголовное преследование по ст. 305 УК РФ оказывается в прямой зависимости от волеизъявления или возможностей правоохранительных органов, превращается в некое подобие частного обвинения: если есть достаточные данные – уголовное преследование состоится и согласие на возбуждение уголовного дела у квалификационной коллегии судей будет испрашиваться, если нет следственные органы ограничиваются лишь преследованием за получение взятки (мошенничество). Следует отметить, что разграничение ответственности судьи между ст. 290 и 159 УК РФ здесь проходит в зависимости от того, находилось ли дело, за решение по которому судья получил или намеревался получить незаконное вознаграждение, в его производстве. Если да, то есть судья имел реальную возможность законными или незаконными действиями такое решение принять, то он подлежит ответственности по ст. 290 УК РФ. Если судья путем обмана или злоупотребления доверием получил вознаграждение за способствование таким действиям, которые он не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения (дело находилось в производстве других судей, в том числе в суде вышестоящей инстанции, а он лишь обещал «помочь с решением вопроса»), содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (см. п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Однако объекты уголовно-правовой охраны здесь различные, и интересы правосудия ни ст. 290, ни тем более ст. 159 УК РФ, помещенной даже в другой раздел УК РФ - «Преступления в сфере экономики», не защищены. Кроме того, о необходимости ограничивать диспозитивное (частное) начало при преследовании за посягательство на интересы правосудия мы уже говорили выше.

Отсюда следует, что интересы правосудия требуют дополнительно выявлять и устанавливать признаки преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в любом преступном деянии судьи, связанном с исполнением должностных полномочий.

Ответственность за неоконченное деяние, предусмотренное ст. 305 УК РФ: возможна ли?

Другая причина того, что вынесение неправосудного судебного акта при наличии очевидных признаков данного преступления в вину судье не вменяется, в том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, как было отмечено выше, нередко до конца не доводится. Это может быть связано с пресечением получения незаконного вознаграждения, которое предназначалось судье за принятие незаконного решения. Но тогда ответственность за него должна наступать как за неоконченное деяние.

Однако вопрос об установлении стадии преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, ни в теории, ни на практике не рассматривается, хотя сам по себе умышленный характер данного деяния его не исключает. Отметим, что умысел судьи на принятие неправосудного судебного решения зарождается во время первых договоренностей со сторонами; конкретизируется при обсуждении «деталей» – сроков, сумм, способов возмещения вреда и пр., при принятии от участников без должной требовательности и в нарушение инструкций фиктивных документов и т.п.; реализуется при распечатывании текста судебного решения, удостоверении его своей подписью и печатью суда; завершается при изготовлении, заверении и выдаче сторонам (исполнителям) копий незаконного судебного решения, даче поручений работникам аппарата изготовить задним числом подложный протокол судебного заседания и пр.

Например, «В период до 19 сентября к мировому судье А. обратилось неустановленное лицо с просьбой в нарушение установленного законом порядка признать гражданку В. собственником автомашины марки «БМВ Х5»... А., осознавая незаконный характер просьбы... ответил согласием, после чего получил сфальсифицированное исковое заявление... Подсудимый 19 сентября умышленно, с целью последующего вынесения заведомо неправосудного решения... вынес незаконное определение о принятии искового заявления к своему производству, возбудив гражданское дело № 2-468... В тот же день, продолжая реализацию умысла на вынесение заведомо неправосудного решения... минуя обязательную стадию подготовки дела к разбирательству... вынес незаконное определение о назначении дела к судебному разбирательству... 24 сентября, реализуя умысел на вынесение заведомо неправосудного решения... вынес заведомо неправосудное решение, которым иск удовлетворил... В период с 24 сентября по 10 октября подсудимый изготовил копию заведомо неправосудного решения от 24 сентября по гражданскому делу № 2-468, снабдив ее личной подписью и оттиском печати мирового судьи, после чего передал неустановленному лицу для последующего предъявления в органы ГИБДД и регистрации транспортного средства» (приговор Свердловского областного суда от 27.07.2007 № 2-77/07 в отношении А., мирового судьи судебного участка № 2 Нижнесергинского района Свердловской области).

Конечно, эти обстоятельства в первую очередь характеризуют субъективную сторону – умысел, определяя его как заранее обдуманный (в отличие от возникшего внезапно) и конкретизированный (в отличие от неопределенного) [24, с. 90-92], но также говорят и о том, что планирование вынесения неправосудного судебного акта начинается задолго до его подписания, а само вынесение не случается одномоментно. Однако в уже отмеченном нами ранее постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу С. Л. Панченко была высказана правовая позиция, установившая недопустимость уголовного преследования судьи по ст. 305 УК РФ, если вынесенный им судебный акт вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный. Впоследствии эта позиция была отражена и в уголовно-процессуальном законодательстве: ст. 448 УПК РФ была дополнена частью восьмой аналогичного содержания (Федеральный закон от 05.04.2013 № 54-ФЗ). Ею была окончательно разрушена возможность выделения стадий преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и привлечения к ответственности за приготовление к нему (по ч. 2) или покушение на него. Отметим, что ни в одном из исследованных нами случаев деяние, предусмотренное ст. 305 УК РФ, не было квалифицировано со ссылкой на ст. 30 УК РФ (ни до 2011 г., ни тем более после), хотя предполагаем, что в такой ситуации случаев применения ст. 305 УК РФ было бы намного больше и сама дискуссия о ее «мертвом» характере сошла бы на нет.

Но если принятие судебного акта не было завершено по не зависящим от судьи причинам (например, в силу задержания на месте получения взятки за вынесение неправосудного судебного акта) либо уголовное преследование не инициировалось в силу процессуальных сложностей, особенностей доказывания и пр., то эти действия, направленные против интересов правосудия, остаются безнаказанными.

Заключение

Полагаем, что интересы правосудия как основного объекта уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном ст. 305 УК РФ, требуют более взвешенного подхода в правоприменительной деятельности: ограничения диспозитивного начала, дополнительного исследования вопросов о его стадиях и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление, об установлении его совокупности с другими должностными преступными

деяниями, возможности участия в их защите представителям судейского сообщества и другим уполномоченным лицам.

Круг отмеченных проблем требует комплексного подхода к их решению с точки зрения теории уголовно-правовых наук, законодательства и практики его применения. В числе первоочередных мер видится необходимым конкретизировать диспозицию ст. 305 УК РФ, указав в ней, что неправосудность судебного акта должна быть установлена судом вышестоящей инстанции путем его отмены в предусмотренном процессуальным законом порядке, приведя ее тем самым в соответствие с ч. 8 ст. 448 УПК РФ, а также с отмеченной выше позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 18.10.2011 № 23-П. Такого же пристального внимания требует исследование вопросов об объективной и субъективной сторонах данного преступного деяния, санкциях и практике назначения наказания, об особенностях возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел данной категории, проблемах дисциплинарной ответственности судьи, совершившего его, и вопросах прекращения его статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветков Ю. А. Что такое правосудие вообще и уголовное правосудие в частности // Мировой судья. 2023. № 12. С. 13–20.

2. Колоколов Н. А. Российское правосудие в условиях новой правовой реальности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 2. С. 47–56.

3. Бозров В. М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // Российский судья. 2020. № 2. С. 39–50.

4. Романенко Н. В. Вынесение приговора в отношении судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 2 (16). С. 53–60.

5. Романенко Н. В. Осуществление уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации: проблемные вопросы теории и правоприменительной практики. М., 2018. 416 с.

6. Карташов А. Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 171 с.

7. Титова А. В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. 27 с.

8. Пономарев В. Г., Рожнов А. П. Вынесение заведомо неправосудного судебного акта (статья 305 УК РФ): криминологическая характеристика личности преступника // Отечественная юриспруденция. 2015. № 2 (2). С. 21–26.

9. Зенина Л. С. Вопросы разграничения вынесения заведомо неправосудного судебного решения с преступлениями против личности (статьи 128 и 154 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 7. С. 267–272.

10. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.

11. Криминология : учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2022. 800 с.

12. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII. М., 2024. 276 с.

13. Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 505 с.

14. Иванов А. О. К вопросу об объективных признаках вынесения заведомо неправосудного судебного акта // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 99–102.

15. Пикуров Н. И. «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4 (117). С. 67–74.

16. Романенко Н. В. Проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности и применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, обладающих статусом судьи : моногр. М., 2017. 144 с.

17. Романенко Н. В. Организационно-правовая модель уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации. М., 2020. 304 с.

18. Романенко Н. В. Судейская преступность в современной России: миф или реальность? // Мировой судья. 2017. № 7. С. 21–26.

19. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 544 с.

20. Идрисов К. Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного расследования и суда : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 262 с.

21. Павлов В. Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 87–116.

22. Зацепин А. М. Признаки дополнительной квалификации преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 116–122.

23. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 490 с.

24. Джинджолия Р. С., Бабаев Р. Г., Бабаев Э. Р. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. М., 2022. 334 с.

REFERENCES

1. Tsvetkov Iu.A. What is justice in general and criminal justice in particular. *Mirovoi sud'ya* = *Magistrate Judge*, 2023, no. 12, pp. 13–20. (In Russ.).

2. Kolokolov N.A. Russian justice in the conditions of a new legal reality. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.).

3. Bozrov V.M. The essence, content and form of justice in criminal cases in the russian legal science: general and special. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.).

4. Romanenko N.V. Sentencing in respect of judges. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 2 (16), pp. 53–60. (In Russ.).

5. Romanenko N.V. Osushchestvlenie ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii: problemnye voprosy teorii i pravoprimenitel'noi praktiki [The existence of criminal proceedings against judges in the Russian Federation: problematic issues of theory and law enforcement practice]. Moscow, 2018. 416 p.

6. Kartashov A.lu. Ugolovnaya otvetstvennosť za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: diss. ... kand. yurid. nauk [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2004. 171 p.

7. Titova A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2010. 27 p.

8. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Pronouncing a deliberately unlawful judicial act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological characteristics of the criminal's personality. *Otechestvennaya yurisprudentsiya* = *Russian Jurisprudence*, 2015, no.2 (2), pp. 21–26. (In Russ.).

9. Zenina L.S. Issues of distinguishing between the issuance of a deliberately unjust judicial decision and crimes against the person (articles 128 and 154 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* = *Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 7, pp. 267–272. (In Russ.).

10. Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii* [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation]. Volgograd, 1999. 268 p.

11. Kriminologiya: ucheb. [Criminology: textbook]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Eminova. V.E. Moscow, 2022. 800 p.

12. Lebedev V.M. *Kommentarii k Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 tomakh. T. 4. Osobennaya chast'. Razdely X–XII* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Vol. 4. Special part Sections X–XII]. Moscow, 2024. 276 p.

13. Borovikov V.B. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': ucheb. dlya vuzov* [Criminal law. Special part: textbook for universities]. Moscow, 2024. 505 p.

14. Ivanov A.O. On the issue of objective signs of a deliberately unlawful judicial act. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* = *Siberian Law Review*, 2011, no. 14, pp. 99–102. (In Russ.).

15. Pikurov N.I. Reliable knowledge as an element of the design of a criminal law norm: problems of qualification. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 4 (117), pp. 67–74. (In Russ.).

16. Romanenko N.V. Problemnye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti i primeneniya mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii lits, obladayushchikh statusom sud'i: monogr. [Problematic issues of the implementation of operational investigative activities and the application of measures of criminal procedural coercion against persons with the status of a judge (monograph)]. Moscow, 2017. 144 p.

17. Romanenko N.V. *Organizatsionno-pravovaya model' ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii* [Organizational and legal model of criminal proceedings against judges in the Russian Federation]. Moscow, 2020. 304 p.

18. Romanenko N.V. Judicial crime in contemporary Russia: myth or reality? *Mirovoi sud'ya* = *Magistrate Judge*, 2017, no. 7, pp. 21–26. (In Russ.).

19. Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov [Criminology: textbook for universities]. Ed. by Malkov V.D. Moscow, 2011. 544 p.

20. Idrisov K.R. *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda: diss. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against justice committed by officials of the bodies of preliminary investigation and trial: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2007. 262 p.

21. Pavlov B.G. Qualification of crimes against justice with a special subject. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* = *Leningrad Law Journal*, 2007, no. 3, pp. 87–116. (In Russ.).

22. Zatsepin A.M. Elements of additional qualification of crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 116–122. (In Russ.).

23. Zatsepin A. M. *Dopolnitel'naya kvalifikatsiya prestupleniya: doktrina i praktika: dis. d-ra yurid. nauk* [Additional qualification of a crime: doctrine and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2022. 490 p. EDN GTDWXR.

24. Dzhindzholiya R.S., Babaev R.G., Babaev E.R. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie* [Criminal law. General part: textbook]. Moscow, 2022. 334 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени А. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, https://orcid.org/0000-0001-8652-1728 NATAL'YA V. ROMANENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after A.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, https:// orcid.org/0000-0001-8652-1728

Статья поступила 17.02.2025

Научная статья УДК 343.132 (575.2) doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005

157

Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВ

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, anisimov.vf@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru

Реферат

Введение: в настоящее время доказано, что использование медиативных процедур в различных сферах общественной жизни, как правило, характеризуется высокой степенью эффективности разрешения конфликтов. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства, которая также нуждается в дополнительных мерах по примирению представителей сторон обвинения и защиты с обязательным соблюдением прав и законных интересов каждого их них. Проблема регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики медиации как альтернативного и восстановительного способа разрешения уголовного дела, а также особенности ее применения в рамках конкретного уголовного дела составляют предмет настоящего исследования. Цель: на основе анализа нормативных актов Кыргызстана и России, практики применения медиации в уголовном процессе отдельных государств, трудов ученых-правоведов, официальных статистических данных выработать предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Кыргызстан по исследуемой проблематике. Методы: диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный, индукции, дедукции, анализа, синтеза и др. Результаты исследования подтверждают наличие недостатков в действующем законодательстве Кыргызстана в части отдельных особенностей регламентации осуществления медиативных процедур в уголовном процессе. Выявленные недостатки носят частный характер, а потому могут быть устранены без пересмотра системообразующих институтов уголовного права и процесса. Выводы: 1) одним из условий подтверждения необходимой квалификации медиатора является наличие высшего юридического образования; 2) медиативные функции наряду с профессиональным медиатором может выполнять должностное лицо правоохранительных и (или) судебных органов, осуществляющее производство по уголовному делу; 3) заключение медиативного соглашения не препятствует обвиняемому/подсудимому отказаться от признания отдельных имеющих юридическое значение обстоятельств и фактов, установленных по делу.

Ключевые слова: альтернативный способ; восстановительное правосудие; защита; медиация; медиатор; подозреваемый; обвиняемый; потерпевший; разрешение конфликта; суд.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Анисимов В. Ф., Лапшин В. Ф., Шамурзаев Т. Т. Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

© Анисимов В. Ф., Лапшин В. Ф., Шамурзаев Т. Т., 2025

Current State and Ways to Improve Mediation in Criminal Proceedings of the Kyrgyz Republic

VALERII F. ANISIMOV

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. LAPSHIN

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Abstract

Introduction: it has now been proven that the use of mediation procedures in various spheres of public life, as a rule, is characterized by a high degree of effectiveness in conflict resolution. The sphere of criminal proceedings is no exception, which also needs additional measures to reconcile representatives of the prosecution and defense sides, with mandatory respect for the rights and legitimate interests of each of them. The problem of regulation in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic of mediation as an alternative and restorative method of resolving a criminal case, as well as the specifics of its application in a specific criminal case, is the subject of this study. Purpose: based on the analysis of normative acts of Kyrgyzstan and Russia, the practice of using mediation in the criminal process of individual states, the works of legal scholars, official statistical data, to develop proposals aimed at improving the criminal procedure legislation of the Republic of Kyrgyzstan on the issues under study. Methods: dialectical, comparative-legal, system-structural, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. The results of the study confirm the existence of shortcomings in the current legislation of Kyrgyzstan in terms of certain features of the regulation of mediation procedures in criminal proceedings. The identified shortcomings are of a private nature, and therefore can be eliminated without reviewing the system-forming institutions of criminal law and the process. Conclusions: 1) one of the conditions for confirming necessary qualifications of a mediator is the availability of higher legal education; 2) mediation functions, along with a professional mediator, may be performed by a law enforcement official and (or) judicial authorities conducting criminal proceedings; 3) the conclusion of a mediation agreement does not prevent the accused / defendant from refusing to recognize certain legally significant circumstances and facts established in the case.

K e y w o r d s : alternative method; restorative justice; defense; mediation; mediator; suspect; the accused; victim; conflict resolution; court.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Anisimov V.F., Lapshin V.F., Shamurzaev T.T. Current state and ways to improve mediation in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Введение

Любое цивилизованное государство стремится обеспечить минимизацию негативных последствий, вызванных совершением преступления. Данное правило в равной степени касается как потерпевшего от преступной деятельности, так и лица, признаваемого виновным в совершении уголовно наказуемого деяния. В странах постсоветского пространства либерализация уголовной ответственности преимущественно существляется по пути смягчения наказания уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами регламентации. Это находит свое проявление, например, в виде включения в уголовные законы новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, введения новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, расширения возможностей судейского усмотрения при выборе вариантов смягчения мер ответственности, применяемых к осужденному. Примеры гуманизации условий исполнения наказаний также можно встретить в действующих уголовно-исполнительных законах стран бывшего СССР. Они, как правило, связаны с созданием условий для исполнения новых видов наказаний, не предполагающих изоляцию от общества, дифференцированного подхода к определению режима отбывания лишения свободы и др.

В то же время достаточно значительный потенциал экономии уголовной репрессии содержат институты современного уголовно-процессуального права. Обеспечение надлежащего разрешения уголовного конфликта между потерпевшим и обвиняемым на уровне производства по уголовному делу, как представляется, является более эффективным решением в части соблюдения прав и законных интересов личности и обеспечения гуманизации мер уголовной ответственности без ущерба для достижения цели восстановления социальной справедливости (исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений). Поэтому медиация в уголовном процессе имеет достаточно большие перспективы с учетом имеющего место социального запроса.

Постановка вопроса о применении медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызстана является актуальной и своевременной, поскольку данный метод разрешения дела не используется в правоприменительной деятельности.

В законодательстве Кыргызской Республики заложены основы для применения медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. При этом в научной литературе доказывается значительная социальная польза от реализации медиативных механизмов именно в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 122]. Мы полагаем, что введение медиации в уголовное судопроизводство позволит снизить производственную нагрузку на правоохранительные и судебные органы. В рамках судебной реформы Верховный суд Кыргызской Республики заявляет о резком росте количества уголовных дел, подлежащих рассмотрению в национальных судах различных инстанций. Если в 2020 г. количество уголовных дел составляло 125 тыс. 285 дел и судебных материалов, то по итогам 2024 г. уже 251 тыс. 62. Также, по данным высшей судебной инстанции Кыргызстана, количество дел, рассматриваемых судьей, выросло в 2-2,5 раза и до 85 дел в месяц. Например, в Ленинском районном суде Бишкека осуществляют правосудие 23 судьи. В данный суд за 2022 г. поступило 14 тыс. 783 дела и судебных материалов, за 2023 г. – 15 тыс. 304, а за 2024 г. – 23,5 тыс. Средняя нагрузка на одного судью составляет от 53 до 85 дел и судебных материалов в месяц, что на 35-65 единиц выше установленной нормы [2].

Согласно ч. 3 ст. 61 Конституции Кыргызской Республики государство обеспечивает развитие внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина. Правовое регулирование медиации закреплено в Законе Кыргызской Республики от 28.07.2017 № 161 (по сост. на 08.08.2023) «О медиации» (далее – Закон КР о медиации). Но институт медиации в уголовном процессе до настоящего времени не обеспечивает необходимое снижение нагрузки на органы судебной системы и прогнозируемую эффективность разрешения уголовно-правовой конфликта с соблюдением всех прав и законных интересов его сторон (преступник, потерпевший и др.) без прохождения всех стадий обычного порядка уголовного судопроизводства. Устранение данных барьеров в настоящее время является очередным социально значимым вызовом для уголовно-правовой науки.

Обсуждение

Оценка уголовно-процессуальной медиации в странах постсоветского пространства неоднозначна. Если, например, в Российской Федерации медиативные процедуры в рамках производства по уголовному делу пока еще являются только предметом научного диспута, то в Республике Кыргызстан медиация уже получила официальное признание и закрепление в системе институтов уголовно-процессуального права. В целом указанный институт достаточно положительно воспринимается в научной среде и, по мнению большинства исследователей, медиация в уголовном процессе будет способствовать совершенствованию института примирения сторон [3, с. 356].

Однако на основе анализа имеющихся в настоящее время исследований можно заключить, что среди ученых не достигнуто общего понимания сущности медиации в уголовном процессе. Подтверждением данного вывода являются неоднозначные толкования рассматриваемой категории. Так, Л. В. Головко определяет медиацию как «любую процедуру, в рамках которой предоставляется возможность пострадавшему и правонарушителю с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления» [4, с. 128].

По мнению В. Н. Сизовой, медиация – это «упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами – в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел небольшой и средней степени тяжести» [5, с. 158].

По утверждению Л. А. Воскобитовой, медиация – это «основанная на законе возможность разрешать конфликты при помощи посредника наиболее приемлемым для сторон образом, влекущая заключение мирового соглашения или прекращение производства» [6, с. 65].

Л. Н. Симанович определяет медиацию по уголовным делам в качестве элемента восстановительного правосудия, посредством которого достигаются ускорение уголовного судопроизводства (de lege ferenda), финансовая экономия и эффективное восстановление нарушенных прав потерпевшего [7, с. 47].

Медиация в уголовном судопроизводстве, по мнению А. А. Арутюняна, является разновидностью особого (упрощенного) порядка рассмотрения уголовного дела. Ее применение содействует упрощению и, как следствие, в ряде случаев ускорению уголовного судопроизводства посредством отказа от уголовного преследования при наличии определенных условий или посредством внедрения дифференцированных процедур, направленных на разрешение уголовноправового конфликта без проведения расследования и судебного разбирательства в общем порядке [8, с. 21].

Из предлагаемых российскими учеными научно обоснованных решений о целесообразности введения в уголовный процесс медиации как одного из средств эффективного разрешения уголовно-правового конфликта, законодатель ограничился применением данного процессуального института только в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация применяется в спорах, которые возникают в рамках реализации преимущественно частноправовых отношений. Исключением из этого правила являются публичные правоотношения, реализуемые в ходе административного судопроизводства.

Указанный федеральный закон является нормативным актом, определяющим юридические основы возникновения и правила реализации медиативных процедур. Поэтому в случаях, не предусмотренных указанным нормативным актом, медиация становится возможной только при указании в ином федеральном законе на основание и порядок ее осуществления (ч. 1 ст. 3). Учитывая, что действующий УПК РФ не предусматривает возможность применения медиации, последняя не может применяться как самостоятельное средство урегулирования уголовно-процессуальных отношений.

Но категорично заявить об отсутствии признаков медиации в российском уголовно-производстве тоже было бы неверным, поскольку ст. 76 УК РФ предусматривает отдельный вид освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести. Основанием для такого освобождения является утрата лицом, совершившим преступление, общественной опасности, а условие для такого признания сводится к факту примирения с потерпевшим. Медиативные процедуры примирения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном кодексе не получили детальной регламентации, что можно рассматривать лишь как перспективную возможность законотворческой деятельности в части медиации в уголовном судопроизводстве. Пока же на роль медиаторов могут претендовать представители всех сторон правоотношения: суд, следователь, потерпевший, защитник, подозреваемый, обвиняемый и др. Ключевое значение отводится факту официального примирения подозреваемого/обвиняемого/подсудимого и потерпевшего, сопровождаемого заглаживанием вреда, причиненного в результате совершения преступления, то есть признаками, характерными для медиации.

Российская практика нормотворчества в части медиативных процедур в уголовном судопроизводстве пока не воспринимает зарубежный опыт: в настоящее время многие страны признают медиацию по уголовным делам как эффективную процедуру разрешения споров. Наиболее развит институт медиации в таких странах, как Япония, Корея, США, Великобритания, Германия, Австралия, Китай, Индия и др. [9, с. 90]. В 70-е годы прошлого столетия в США в результате практикуемой общественными и религиозными организациями восстановительной работы с преступниками стали появляться различные программы примирения в уголовном судопроизводстве. Разработка и реализация программ восстановительного правосудия обеспечили эффективность применяемых уголовных и уголовно-процессуальных мер принуждения, что сопровождалось экономией уголовной репрессии и обеспечением восстановления прав и законных интересов потерпевшего от преступления. В течение двадцати лет медиативные инструменты были включены в уголовно-процессуальные законы большинства штатов [10, с. 202–204].

В первые годы на медиацию направлялись материалы по преступлениям небольшой тяжести, совершенные несовершеннолетними преступниками, в последнее время все сильнее обнаруживает себя иная тенденция: на медиацию чаще направляют материалы о преступлениях, более тяжких или совершенных взрослыми преступниками. При этом стоит отдельно отметить, что вышеуказанные нормы распространяются как на несовершеннолетних, так и на взрослых преступников. Особенностью содержания американского варианта медиации является то, что она рассматривается в качестве одного из видов процедур правосудия, а не средства примирения сторон на любой стадии уголовного судопроизводства. Это означает, что выполнение процессуальных мероприятий по программе медиации возможно только с момента поступления уголовного дела в суд для принятия решения по существу [10, с. 203].

Учитывая положительный опыт применения медиации на любой стадии производства по уголовному делу, законодатель Кыргызстана принял решение о пользе рецепции указанного института в национальное законодательство, в результате чего был принят Закон КР о медиации. Официальное содержание медиации определяется как процедура урегулирования спора при содействии медиатора (медиаторов) путем согласования интересов спорящих сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения (п. 1 ст. 2). Закон определяет основные юридически значимые составляющие медиации как межотраслевого правового института:

- принципы осуществления;

 – правовой статус медиатора как участника специфических правоотношений в области семейного, трудового, уголовного и иного права;

 процедурные правила примирения конфликтующих сторон, включая медиативные особенности по некоторым категориям споров.

Анализ отдельных положений данного Закона позволяет выявить некоторые аспекты правовой регламентации, которые имеют небесспорный характер и (или) нуждаются в дополнительном уточнении. Прежде всего речь идет о требованиях, которые предъявляются к образованию медиатора. В соответствии п. 2 ч. 1 ст. 9 одним из условий приобретения указанного статуса является наличие высшего образования. Полагаем, что подобное положение требует уточнения, поскольку очевиден факт наличия высшего образования в области юриспруденции, тогда как формально установленное законом условие может выполняться при наличии высшего образования любой специальности: гуманитарной, естественно-научной, технической и т. п. По справедливому мнению ряда исследователей, отсутствие у профессионального медиатора глубоких познаний в области юриспруденции может привести к негативным результатам реализации примирительных процедур, в том числе к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [11, с. 393]. В связи с чем считаем целесообразным к требованиям, предъявляемым к медиаторам, отнести высшее юридическое образование как условие допуска к профессиональной деятельности.

Некоторую дискуссионность вызывают ограничения, которые вызваны должностным положением лица, претендующего на осуществление медиативных уголовно-процессуальных действий, то есть государственных или муниципальных служащих (п. 1 ч. 2 ст. 9). Данный запрет находит свою конкретизацию в ст. 26 Закона КР о медиации, в которой содержится описание уголовно-процессуальных статусов сторон. В частности, сторонами медиации в сфере уголовно-правовых отношений являются потерпевший и лицо, подозреваемое в совершении преступления, или лицо, отбывающее наказание. Факт участия в медиации в случае недостижения согласия по спору не может рассматриваться как отказ от обвинения или как признание вины. Не могут выступать в качестве медиатора в сфере уголовно-правовых отношений следователь, прокурор, судья, сотрудник уголовно-исполнительной системы и пробации, адвокат одной из сторон.

Логика законодателя в части установления такого запрета в целом понятна: медиатор должен быть независим, что предполагает отсутствие у него каких-либо обязательств, в том числе перед органами власти и управления. Включение его в состав Республиканского сообщества медиаторов (гл. 3) как раз и обеспечивает (по мнению законодателя) подобную независимость. Это позволяет провести аналогии с представителями адвокатуры, которые осуществляют функции профессиональных защитников в уголовном процессе на безвозмездной или договорной основе. Но применение правил, которые распространяются на деятельность адвоката в уголовном процессе, мало оправдано, так как не отвечает сути медиации как средства внесудебного урегулирования конфликта. Подтверждение высказанных сомнений можно найти в содержании базовых принципов, на которых строится проведение медиации, одним из которых является нейтральность медиатора (п. 3 ст. 3, ст. 6).

Нейтральность медиатора предполагает:

- беспристрастность;

 независимость от сторон медиативных процедур, органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, физических лиц; обеспечение равенства интересов конфликтующих сторон, исключающее частные предпочтения и преференции.

Положения ст. 3 и 6 Закона КР о медиации исключают возможность инициирования и осуществления процедур медиации властными субъектами уголовного судопроизводства: судом, прокурором, следователем, руководителем следственного подразделения, органом дознания, по причине их принадлежности к органам государственной (судебной и исполнительной) власти. Кроме того, перечисленные субъекты, за исключением суда, представляют сторону обвинения, что формально указывает на отсутствие беспристрастности в уголовном процессе.

Подход, демонстрируемый законодателем Кыргызской Республики, носит сугубо формальный характер и потому создает неоправданные препятствия для эффективности применения медиации на любой стадии уголовного процесса, а также при исполнении назначенного наказания. Перечисленные субъекты уголовного процесса, в отличие, например, от представителей стороны защиты, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Кыргызстана (УПК КР) обязаны обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования всех обстоятельств дела (ст. 19), а не только тех, которые формируют доказательственную базу виновности подозреваемого и обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления. Беспристрастность суда вообще не может вызывать сомнений, поскольку он не принадлежит к какой-либо из сторон уголовного судопроизводства, а его независимость определяется одним из принципов уголовно-процессуального законодательства (ст. 9).

В этой части уместно привести пример российского уголовного судопроизводства, в котором официально не предусматривается медиатор как самостоятельный участник процессуальных отношений, но характерная для медиации задача – примирение с потерпевшим и экономия уголовной репрессии - реализуется через институты освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ) и прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Субъектами деятельности, направленной на разрешение конфликта, возникшего на основе факта совершения преступления и нарушения прав, свобод и (или) законных интересов потерпевшего, как раз являются перечисленные выше властные участники уголовного процесса, хотя объективность и непредвзятость их действий по примирению сторон под сомнение не ставится [12, с. 52].

Кроме этого, некоторые исследователи справедливо указывают на наличие нравственной составляющей в инициировании судом или субъектами предварительного расследования примирительных процедур между преступником и потерпевшим [13, с. 53]. По этой причине допущенное существенное сужение круга лиц, имеющих право реализовывать примирительные процедуры в ходе производства по уголовному делу, а равно при исполнении назначенного наказания, нам видится неоправданным ни с правовой, ни с социальной точек зрения.

Неоправданные коллизии имеют место в нормах УПК КР и Закона КР о медиации, которые определяют правовое содержание медиации. Так, согласно ч. 3 ст. 26 Закона КР о медиации для участия в медиации стороны должны соглашаться с обстоятельствами, установленными в ходе производства по уголовному делу. Медиация как способ разрешения уголовного дела преследует задачу достижения сторонами взаимоприемлемого способа разрешения конфликта. При этом подозреваемый (обвиняемый), потерпевший могут и не соглашаться с обстоятельствами дела, выполняя при этом обязательства, связанные с процедурой медиации (возмещать причиненный вред и т. д.). В этой части мы вновь наблюдаем приоритет создания «формальной чистоты» уголовного преследования, которая сводится к закреплению в какой-то степени вынужденного согласия сторон отказаться от своих претензий на защиту прав и законных интересов в пользу принятия решения о прекращении уголовного судопроизводства в связи с примирением сторон. В то же время истинной задачей медиации является обеспечение обвиняемым и иными лицами восстановления всех нарушенных прав и законных интересов потерпевшему, в результате чего последний не настаивает на реализации уголовной ответственности в полном объеме и не видит при этом несправедливости в принимаемом решении по делу. Учитывая данные обстоятельства, полагаем, что установление условия реализации медиативных процедур, предусмотренного ч. 3 ст. 26 указанного закона, не отвечает действительному социально-правовому содержанию медиации. На этом основании указанное положение целесообразно исключить для обеспечения эффективности деятельности по примирению сторон уголовного судопроизводства.

Судя по официальным статистическим данным, медиация в уголовном судопроизводстве не нашла должной востребованности, несмотря на свой высокий социально-правовой потенциал как средства экономии уголовной репрессии. Новейшие научные исследования свидетельствуют, что в настоящее время количество ежегодно заключаемых медиативных соглашений не превышает ста, из которых только пятая часть (21 %) – по уголовным делам, находящимся в производстве суда. Приблизительно треть (27 %) от общего числа медиативных процедур не имеет положительного результата, так как стороны не приходят к решению о возможности заключить медиативные соглашения с последующим отказом от продолжения уголовного преследования [14, с. 358]. Возможно, перечисленные обстоятельства и выступают основными препятствиями для широкого применения уголовно-процессуальной медиации в Кыргызстане.

Заключение

Медиация как институт уголовно-процессуального права Кыргызской Республики имеет значительные перспективы для развития, прежде всего, по причине обеспечения экономии уголовной репрессии и эффективности решения социально значимых задач: восстановление нарушенных прав потерпевшего, инициативное заглаживание лицом, совершившим преступление, причиненного вреда, высокая степень воспитательного воздействия на общество и др.

Для масштабирования практики успешной реализации медиативных процедур в законодательство Кыргызстана необходимо внести ряд изменений и дополнений, направленных на создание дополнительных условий для качественного выполнения функций медиатора и включение дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Для этого необходимо реализовать следующие законодательные решения:

1. Одним из требований, которые предъявляются к кандидату на получение статуса «медиатор», должно являться наличие высшего юридического образования. Образование по иным специальностям не гарантирует наличие достаточных знаний, умений и навыков, необходимых для квалифицированного разрешения юридических споров.

2. Функции медиатора в уголовном процессе может выполнять не только официальный представитель Республиканского сообщества медиаторов, но и должностные лица правоохранительных и судебных органов, осуществляющих производство по делу. Необходимые правовые гарантии надлежащего выполнения ими указанных функций лежат в основе их правового (уголовно-процессуального) статуса.

3. Заключение медиативного соглашения, констатирующего факт примирения с потерпевшим, не может создавать ограничения или препятствия для отказа обвиняемого от некоторых установленных по делу фактов и обстоятельств, имеющих юридическое значение. Признание всех инкриминируемых обвиняемому обстоятельств, полученных в процессе реализации уголовного преследования, не может быть условием освобождения от уголовной ответственности и формировать сущность института уголовнопроцессуальной медиации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салмина С. Г. К вопросу об институте медиации в уголовном процессе // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 122–125.

2. Обзор Верховного суда Кыргызской Республики за 2020–2024 гг. Сколько в год рассматривается дел в судах? Цифры растут. URL: https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut-ezhegodno (дата обращения: 12.03.2025).

3. Петухов И. И. Эвристический потенциал медиации в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 355–360.

4. Головко Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.

5. Сизова В. Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 156–158.

6. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. М., 2006. С. 65–73.

7. Симанович Л. Н. Перспективы применения института медиации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые основы обеспечения национальной безопасности. 2018. № 3 (23). С. 46–50.

8. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.

9. Липка Д. В. Медиация в зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 6. С. 88–93.

10. Василенко А. С. Медиация в уголовном процессе США // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 202–208.

11. Иванушкина Ю. А., Худойкина Т. В. Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 11. С. 392–395.

12. Яцеленко Б. В. Уголовно-правовая природа усмотрения // Уголовное право. 2024. № 3. С. 50–58.

13. Рябинина Т. К., Грохотова Е. А. Нравственная характеристика примирительной процедуры в частном обвинении // Юридический мир. 2014. № 5. С. 51–53.

14. Турсунбаева Н. С. Медиация в Кыргызской Республике: принцип добровольности // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 11. С. 354–360.

REFERENCES

1. Salmina S.G. On mediation institute in criminal procedure. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* = Yugra State University Bulletin, 2017, no. 1 (44), pp. 122–125. (In Russ.).

2. Obzor Verkhovnogo suda Kyrgyzskoi Respubliki za 2020–2024 gg. Skol'ko v god rassmatrivaetsya del v sudakh? Tsifry rastut [Review of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic for 2020-2024. How many cases are considered in the courts per year? The numbers are growing]. Available at: https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut-ezhegodno (accessed March 12, 2025).

3. Petukhov I.I. *Evristicheskii potentsial mediatsii v ugolovnom protsesse Respubliki Belarus'* [Heuristic potential of mediation in the criminal process of the Republic of Belarus]. Minsk, 2016. Pp. 355–360.

4. Golovko L.V. Institute of criminal law mediation and its prospects in the Russian Federation. *Zakon = Law*, 2009, no. 4, pp. 127–135. (In Russ.).

5. Sizova V.N. Mediation in criminal law: issues of definition of the concept. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* = *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31), pp. 156–158. (In Russ.).

6. Voskobitova L.A. The model law of the subject of the Russian Federation "On the Reconciliation Service". In: *Vestnik vosstanovitel'nogo pravosudiya. Vyp. 6* [Bulletin of Restorative Justice. Issue 6]. Moscow, 2006. Pp. 65–73. (In Russ.).

7. Simanovich L.N. Prospects of using the institution of mediation in criminal proceedings of the Russian Federation. *Pravovye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti = Legal Foundations of National Security*, 2018, no. 3 (23), pp. 46–50. (In Russ.).

8. Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 32 p.

9. Lipka D.V. Mediation in foreign countries. Pravo i upravlenie = Law and Management, 2023, no. 6. S. 88–93. (In Russ.).

10. Vasilenko A.S. Mediation in the criminal process of the USA. *Vestnik Permskogo universiteta*. *Yuridicheskie nauki* = *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2012, no. 2, pp. 202–208. (In Russ.).

11. Ivanushkina Yu.A., Khudoikina T.V. Actual problems of application of mediation procedure in the Russian Federation. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 11, pp. 392–395. (In Russ.).

12. Yatselenko B.V. The criminal-legal nature of discretion. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 3, pp. 50–58. (In Russ.).

13. Ryabinina T.K., Grokhotova E.A. Moral characteristics of the conciliation procedure in private prosecution. *Yuridicheskii* mir = Legal World, 2014, no. 5, pp. 51–53. (In Russ.).

14. Tursunbaeva N.S. Mediation in the kyrgyz republic: the principle of voluntariness. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2024, vol. 10, no. 11, pp. 354–360. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, anisimov.vf@gmail.com **VALERII F. ANISIMOV** – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid. org/0000-0001-8549-6305

ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Статья поступила 18.03.2025

Научная статья УДК 342.95 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006

Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid.org/0000-0002-0108-7916

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2747-9723

Реферат

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы содержания и реализации законодательства, устанавливающего компенсацию за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, раскрываются социально-правовое значение и особенности данного межотраслевого правового института. Цель: на основе анализа законодательного регулирования и практики присуждения компенсации за ненадлежащие условия содержания установить имеющиеся правовые проблемы в данной области и предложить меры по их решению. Методы: формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой. Результаты: выявлен ряд проблем в исследуемой области (в административном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует требование предварительного досудебного обжалования нарушений условий содержания; не сформулированы четкие критерии для разграничения нарушений условий содержания и иных нарушений, существенных и малозначительных нарушений, критерии определения размеров денежной компенсации; законодательно не определены особенности обеспечения условий содержания подозреваемых и обвиняемых при их конвоировании в спецавтомобилях и спецвагонах; затруднены сбор и обеспечение сохранности доказательств для опровержения фактов нарушений, имевших место задолго до поступления иска в суд: отсутствует единообразная судебная практика относительно применения срока исковой давности; имеют место правонарушающее поведение самих осужденных (подозреваемых, обвиняемых) и злоупотребление с их стороны правом на обращение в суд); сформулирован ряд предложений (обеспечить неукоснительное и объективное применение правовых норм о сроках исковой давности; законодательно закрепить виды нарушений условий содержания, порядок определения размера компенсации, требование предварительного досудебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц, приведших к нарушению условий содержания; предусмотреть возможность подачи самостоятельного административного иска только о присуждении компенсации). Выводы: правовой институт компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении получил подробную правовую регламентацию, однако в соответствующей сфере остается ряд проблем, требующих своего решения; повышению эффективности реализации данного института будут способствовать организация мониторинга выявляемых нарушений и проведение соответствующей профилактической работы.

К лючевые слова: уголовно-исполнительная система; следственный изолятор; исправительное учреждение; условия содержания; административное судопроизводство; взыскание компенсации.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Старостин С. А., Голодов П. В. Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 165–172. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006.

[©] Старостин С. А., Голодов П. В., 2025

Compensation for Poor Conditions of Detention in Penitentiary Institutions of the Russian Federation: Problems of Legislation and Practice

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid.org/0000-0002-0108-7916

PAVEL V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2747-9723

Abstract

Introduction: the article discusses certain issues of the content and implementation of legislation establishing compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation, reveals socio-legal significance and features of the intersectoral legal institution under consideration. Purpose: based on the analysis of legislative regulation and the practice of awarding compensation for poor conditions of detention, to identify existing legal problems in this area and propose measures to solve them. Methods: formal-logical, system-structural and comparative-legal methods. Results: we have identified a number of problems in the area under study (administrative and penal legislation do not require a preliminary pre-trial appeal of the violation of detention conditions; there are no clear criteria for distinguishing violations of detention conditions and other violations, significant and minor violations, criteria for determining the amount of monetary compensation; legislation does not define the specifics of ensuring detention conditions for the suspected and accused during their transportation in special vehicles and special wagons; it is difficult to collect and secure evidence to refute violations that had occurred long before the claim was filed in court; there is no uniform judicial practice regarding the application of the statute of limitations; the convicted, suspected and accused abuse their right to appeal to the court). A number of proposals are formulated (to ensure strict and objective application of legal norms on the limitation period; to legislate types of detention conditions violations, the procedure for determining the compensation amount, and the requirement of a preliminary pre-trial appeal against officials' actions (inaction) resulting in the violation of detention conditions; to provide for the possibility of filing an independent administrative claim only for compensation). Conclusion: the legal institution for the compensation for the violation of detention conditions is legally regulated, but there are problems to be addressed; monitoring of detected violations and carrying out appropriate preventive work will contribute to improving the effectiveness of its implementation.

Keywords: penal system; pre-trial detention center; correctional institution; detention conditions; administrative proceedings; recovery of compensation.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Starostin S.A., Golodov P.V. Compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation: problems of legislation and practice. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 165–172. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006.

Введение

Охрана государством достоинства личности закреплена в Конституции Российской Федерации. Ничто не может быть основанием для его умаления. Вместе с тем в современных реалиях еще имеют место факты нарушения данного конституционного требования. Не является исключением и деятельность, связанная с реализацией уголовной ответственности и применением мер уголовно-процессуального принуждения. Особую значимость приобретают нарушения, выражающиеся в ненадлежащих условиях содержания под стражей лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных в местах лишения свободы. Их допущение негативно сказывается на состоянии законности и правопорядка в уголовно-исполнительной сфере, обеспечении прав и свобод лиц, подвергшихся уголовному преследованию, наносит серьезный вред авторитету государственной власти вообще и уголовно-исполнительной системы (УИС) в частности.

Наиболее распространенными нарушениями условий содержания являются переполненность и неудовлетворительное санитарное состояние помещений исправительных учреждений и следственных изоляторов, плохое сантехническое оборудование, нахождение в одном жилом помещении здоровых и больных людей, курящих и некурящих лиц, сложности с лечением и лекарственным обеспечением, низкое качество пищи, невыдача вещевого имущества, нарушение права на личную безопасность и ряд других. При этом следует учитывать, что понятие условий содержания в законодательстве не раскрывается и исчерпывающий систематизированный перечень их не приводится. Верховный Суд Российской Федерации рассматривает эти условия в широком смысле, выводя их за пределы регулирования исключительно уголовно-исполнительного законодательства (например, право на юридическую помощь, доступ к правосудию и др.) [1]. Более того, предоставление отдельным лицам незаконных привилегий и льгот также может свидетельствовать о нарушении названных выше условий.

В последние годы на государственно-правовом уровне предпринят ряд мер по приближению условий содержания в учреждениях УИС к международным стандартам и предотвращению их нарушения. В числе таких мер наряду с сокращением численности «тюремного населения», увеличением финансирования УИС, развитием институтов государственного и общественного контроля можно назвать создание на национальном уровне действенного механизма судебно-правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания. Данный механизм введен Федеральным законом от 27.12.2019 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 494-ФЗ) и предусматривает право лиц, находящихся в учреждениях УИС, получить компенсацию за нарушение условий содержания под стражей (содержания в исправительных учреждениях) за счет средств федерального бюджета на основании судебного решения, принятого в порядке административного судопроизводства [2].

Общая характеристика института компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении

Институт компенсации за нарушение условий содержания предусмотрен ст. 17 и 17.1 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 12.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ и ст. 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (КАС РФ). Указанными нормами установлено право подозреваемых, обвиняемых и осужденных на получение компенсации, а также регламентированы особенности подачи и рассмотрения требований о присуждении компенсации.

В соответствии с положениями КАС РФ административное исковое заявление подается не позднее трех месяцев со дня нарушения. Административное исковое заявление может подать как административный истец, так и его представитель, самостоятельно определяя подсудность дела (ч. 4 ст. 24 КАС РФ). Административными ответчиками, как правило, выступают целый перечень субъектов, основным из которых является ФСИН России как главный распорядитель средств федерального бюджета. Компенсация присуждается с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий.

Особенности работы с требованиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных о взыскании компенсации за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС

При работе с требованиями о взыскании компенсаций за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС следует учитывать возможность злоупотребления со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных правом на подачу административного иска. Побуждают к таким действиям желание и реальный шанс получить денежную компенсацию за действия, которые сотрудники ФСИН России не в силах опровергнуть ввиду невозможности доказывания и которых в действительности не было [3]. Поэтому осужденные находят основания для подачи административного иска, нередко указывая на те нарушения условий содержания, опровергнуть которые достаточно сложно (неприятный запах в спальных помещениях, плохое качество воды, повышенный уровень шума и т. п.) [4], либо жалуясь на текущие (несущественные) несоответствия условий содержания, оперативное устранение которых не представляется возможным в силу существования для этого регламентированных процедур (например, процедура заключения государственного контракта). В определенной мере это обусловлено отсутствием мер ответственности за злоупотребление правом при подаче административного искового заявления.

Административные истцы часто пропускают либо умышленно затягивают сроки обращения в суд. Однако суды восстанавливают сроки давности, считая доводы представителей административных ответчиков несостоятельными. По прошествии нескольких лет с момента нарушения ответчик не всегда имеет возможность представить необходимые доказательства [5]. При этом несвоевременность обращения осужденного за восстановлением нарушенных прав и получением компенсации не всегда связана с трудностями в сборе доказательств, подтверждающих факт нарушения, в условиях пребывания в изоляции, а бывает обусловлена лишь возникшим желанием получить компенсацию после своего освобождения.

О злоупотреблении правом на получение компенсации за ненадлежащие условия содержания могут свидетельствовать и факт повторного обращения осужденного в суд с административным иском, а также отсутствие предварительных жалоб осужденного, что косвенно говорит о том, что у административного истца нет цели добиваться устранения нарушения его прав (целью является получение денежной компенсации). Изучение судебной практики демонстрирует, что достаточность денежных средств для устранения нарушений условий содержания, конструктивные особенности зданий и сооружений учреждений УИС, проведение реконструкции зданий не принимаются судами в качестве достаточного доказательства, свидетельствующего о наличии чрезвычайных или непредвиденных обстоятельств. При этом суды учитывают данные объективные факторы, но лишь в совокупности с принятыми мерами по устранению нарушений.

В судебной практике встречаются ситуации, когда суд исходит не только из факта конкретного нарушения условий содержания, а рассматривает его с учетом совокупности иных сопутствующих обстоятельств, усугубляющих положение истца. Например, размещение некурящего лица в камере с курящими будет признано судебными инстанциями нарушением условий содержания при наличии у истца заболевания дыхательной системы. Здесь следует принимтаь во внимание возможность прямого применения правового принципа гуманизма в сфере правоотношений, возникающих при размещении подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах принудительного содержания [6; 7]. При вынесении решения по результатам рассмотрения административного иска судом могут учитываться и такие сопутствующие обстоятельства, как несоблюдение нормы санитарной площади камер, время года, особенности климата по месту дислокации учреждения УИС и др.

Проблемным моментом, на наш взгляд, является отсутствие законодательного закрепления критериев и правовых последствий признания нарушения условий содержания в учреждении УИС малозначительным. Например, жалобы поступают на неприятный запах в спальных помещениях, повышенный уровень шума, лай собаки за окном или дым, исходящий из трубы здания бани [4]. Даже при фактическом наличии и подтверждении факта нарушения условий содержания (например, представление прокуратуры об устранении нарушений уголовно-исполнительного законодательства) суды принимают в расчет отсутствие доказательств того, что данные нарушения повлекли существенные негативные последствия для осужденного (подозреваемого, обвиняемого). В решении Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 20.07.2020 № 2А-1095/2020 указано, что сам по себе факт содержания в условиях, не соответствующих надлежащим условиям содержания, без установления конкретных фактов, которые бы свидетельствовали о каких-либо негативных последствиях такого содержания для истца, не может являться основанием для привлечения ответчиков к ответственности.

Суды, делая вывод о недоказанности нарушения прав осужденного, нередко ссылаются на то, что осужденный в период отбывания наказания не жаловался на нарушение условий содержания [8; 9]. Отсутствие жалоб, с одной стороны, говорит о несущественности нарушения для осужденного, с другой – не позволяет администрации учреждения своевременно выявлять и устранять нарушения, а также документально их фиксировать.

Администрациями учреждений УИС постепенно вырабатывается комплексный подход к формированию доказательной базы [4]. Набор доказательств специфичен для каждой конкретной ситуации (нарушения условий содержания) и поэтому должен составляться с учетом ее особенностей. Сбор доказательств направлен на опровержение доводов административного истца в полном объеме или в определенной части как применительно к самому факту нарушения, так и к его объему, продолжительности, уровню негативного влияния и имевших место последствий с учетом наличия обстоятельств непреодолимой силы, объективно существующих сопутствующих факторов (недостаточность финансирования, проведение ремонтов и т. п.), а также характеристик и специфики поведения самих осужденных (порча имущества, курение в неразрешенных местах, состояние здоровья, постановка на профучет и т. п.). Чаще всего суды основывают решения о присуждении компенсации за ненадлежащие условия содержания на факте наличия и содержании актов прокурорских проверок (представлений прокуратуры), имеющихся в материалах дела или инициативно истребуемых в органах прокуратуры. В силу ст. 61 КАС РФ обстоятельства административного дела, которые согласно закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами (например, оспариваемый факт ненадлежащего оказания осужденному медицинской помощи может быть опровергнут результатами судебно-медицинской экспертизы, а не показаниями медицинского работника исправительного учреждения и составленными им медицинскими документами).

В соответствии ч. 1 ст. 62 КАС РФ лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений. В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47 разъяснено, что в силу ч. 2 и 3 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания соблюдения надлежащих условий содержания лишенных свободы лиц возлагается на административного ответчика соответствующий орган или учреждение, должностное лицо, которому следует подтверждать факты, обосновывающие возражения. Вместе с тем административному истцу надлежит в административном исковом заявлении, а также при рассмотрении дела представлять (сообщать) суду сведения о том, какие права, свободы и законные интересы лица, обратившегося в суд, или лица, в интересах которого подано административное исковое заявление, нарушены, излагать доводы, обосновывающие заявленные требования, прилагать имеющиеся соответствующие документы, в частности описания условий содержания, медицинские заключения, обращения в органы государственной власти и учреждения, ответы на такие обращения, документы, содержащие сведения о лицах, осуществлявших общественный контроль, а также о лишенных свободы лицах, кото-

рые могут быть допрошены в качестве свидетелей, если таковые имеются (Апелляционное определение Вологодского областного суда от 31.05.2022 № 33а-2124/2022 (дело № 2а-815/2022). Одних показаний административного истца недостаточно для установления факта нарушения условий его содержания, он должен конкретизировать факты, указанные им в административном исковом заявлении: когда именно имели место данные нарушения, сообщал ли он о них сотрудникам учреждения, если сообщал, то кому именно, каким образом фиксировались его сообщения, принимались ли какие-либо меры по его заявлениям (Решение Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 20.07.2020 № 2А-1095/2020). Следовательно, административный истец должен доказуемо подтвердить факт нарушения условий содержания.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 227 КАС РФ в случае удовлетворения административного иска суд указывает на необходимость устранения административным ответчиком допущенных нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца [10]. Вместе с тем на практике суды нередко ограничиваются лишь признанием незаконными действий (бездействий) административных ответчиков, а также присуждением компенсации, что влечет за собой дальнейшее несоответствие условий содержания установленным законом требованиям и, как следствие, дальнейшее нарушение прав, свобод и законных интересов административных истцов [11]. В связи с этим особую актуальность приобретают профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин нарушений, развитие системы взаимодействия с иными правоохранительными органами, а также совершенствование системы учета и документирования состояния условий содержания в учреждениях УИС.

Основные проблемы и предложения по совершенствованию законодательства

В практике деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов возникает немало проблем, связанных с применением норм, регламентирующих вопросы присуждения компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении в соответствии со ст. 227.1 КАС РФ. В частности, в административном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует требование предварительного досудебного обжалования нарушений условий содержания; не выработаны четкие критерии для разграничения нарушений условий содержания и иных нарушений, существенных и малозначительных нарушений, критерии определения размеров денежной компенсации; законодательно не определены особенности обеспечения условий содержания подозреваемых и обвиняемых при их конвоировании в спецавтомобилях и спецвагонах (в основном применяются подзаконные нормативные правовые акты); затруднены сбор и обеспечение сохранности доказательств для опровержения фактов нарушений, имевших место задолго до поступления иска в суд; отсутствует единообразная судебная практика относительно применения срока исковой давности, предусмотренного ст. 219 КАС РФ; имеют место правонарушающее поведение самих осужденных (подозреваемых, обвиняемых) и злоупотребление с их стороны правом на обращение в суд и др.

Одной из самых распространенных процессуальных проблем является фактическое нивелирование ст. 219 КАС РФ, которой предусмотрен трехмесячный срок для подачи административного искового заявления в порядке ст. 227.1 КАС РФ, поскольку суды не рассматривают пропуск срока исковой давности в качестве самостоятельного основания для отказа в удовлетворении искового заявления и нередко восстанавливают пропущенные сроки [12]. Такая возможность предусмотрена п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47, признающим длящийся характер нарушений условий содержания в местах лишения свободы и право административного истца на обращение в суд в течение всего срока нахождения в учреждении УИС, а также в течение трех месяцев по убытии из учреждения. Данная правовая проблема ставит в невыгодное положение административного ответчика в процессе сбора доказательств и доказывания в ситуациях, когда с момента предполагаемого нарушения условий содержания прошел значительный период времени: документы и иные свидетельства о реальном состоянии условий содержания к моменту рассмотрения административного спора могут быть уже утрачены (сроки хранения документов истекли, сотрудники – потенциальные свидетели уволились и т. п.).

В связи с этим считаем, что обеспечение безусловного применения срока обращения с исковым заявлением могло бы исключить злоупотребление правом на обращение в суд со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых, особенно если очевиден момент окончания нарушения (например, в случае перевода осужденного (подозреваемого, обвиняемого) из исправительного учреждения (следственного изолятора), при содержании в котором имело место нарушение, в другое учреждение либо из одного отряда (отделения, участка, иного подразделения) в другой). Вместе с тем существует иная позиция, согласно которой к материальным правоотношениям, связанным с нарушением условий содержания под стражей, имевшим место до вступления в силу Закона № 494-ФЗ, применяются правила исчисления сроков исковой давности по требованиям о защите личных неимущественных прав, предусмотренным абз. 2 ст. 208 ГК РФ, то есть сроки исковой давности не применяются вне зависимости от того, вступил ли в силу Закон 494-ФЗ к моменту подачи соответствующего искового заявления (например, Кассационное определение СК по административным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2024 по делу № 8а-9434/2024) [13].

Анализ судебной практики по рассмотрению дел об установлении компенсации за нарушение условий содержания в учреждениях УИС демонстрирует, что размеры сумм денежных компенсаций, фактически присуждаемых в пользу административных истцов,

существенно различаются в зависимости от региона даже по схожим по содержанию и продолжительности нарушениям. Данное положение вещей обусловлено наличием конкретной региональной судебной практики при отсутствии нормативно закрепленных критериев и процедуры определения размеров компенсаций. В связи с этим полагаем возможным законодательное установление предельных или даже фиксированных размеров компенсаций в зависимости от вида допущенного нарушения. Детальная категоризация нарушений условий содержания в исправительных учреждениях и следственных изоляторах представляется непростой задачей ввиду множественности правовых источников в данной области, а также существенных отличий одних и тех же по составу нарушений в зависимости от их продолжительности, обстоятельств, при которых они были допущены, и наступивших последствий. Тем не менее систематизация перечня условий содержания, нарушение которых влечет право осужденного на обращение в суд с требованием о присуждении компенсации, видится целесообразной (например, в рамках ст. 12.1 УИК РФ и ст. 17.1 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

Наиболее существенными по своему характеру нарушениями, предельный (фиксированный) размер компенсации по которым должен быть установлен на максимальном уровне, следовало бы признать нарушения следующих прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых: на охрану здоровья (медицинское лечение и лекарственное обеспечение), обеспечение средствами реабилитации инвалидов, получение квалифицированной юридической помощи, личную безопасность (в том числе защиту от жестокого обращения (пытки) и умаления человеческого достоинства), свидания с родственниками, а также религиозных прав и права на доступ к правосудию, прав, связанных с материально-бытовым обеспечением осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей. По иным нарушениям предельный (фиксированный) размер компенсации целесообразно сделать меньше, предусмотрев при этом безусловную обязанность суда по присуждению компенсации в случае установления факта нарушения.

В настоящее время отсутствие предварительных письменных жалоб и заявлений от административного истца на имя соответствующих должностных лиц администрации исправительного учреждения (следственного изолятора), территориального органа или центрального аппарата ФСИН России, органов прокуратуры не всеми судами принимается в качестве основания для отказа в удовлетворении требования о присуждении компенсации. Однако имеется и иная практика, согласно которой отсутствие со стороны истца обращений по поводу ненадлежащих условий содержания свидетельствует о низкой значимости для него заявленных обстоятельств (решение Шарьинского районного суда Костромской области от 08.02.2022 № 2А-1017/2021). Полагаем, что суды должны учитывать факт обращения с жалобами к руководству учреждения УИС о неудовлетворительных условиях содержания, поскольку это позволит обеспечить своевременную фиксацию уполномоченным органом факта нарушения в документах, которые в последующем могут быть использованы в качестве доказательств. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в ст. 227.1 КАС РФ требование предварительного досудебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц исправительного учреждения (следственного изолятора).

Законодательно не решен вопрос о возможности подачи самостоятельного административного иска только о присуждении компенсации в том случае, если истец по тем или иным причинам не воспользовался правом на присуждение компенсации, предусмотренной статьей 227.1 КАС РФ, обжаловав ранее решения, действия (бездействие) административного ответчика [11]. Необходимо также внести в ч. 4 ст. 108 УПК РФ дополнения, предусматривающие информирование суда прокурором, участвующим в процессе, о возможности (невозможности) содержания под стражей.

Заключение

Таким образом, правовой институт компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении нашел свое закрепление в законодательстве, по вопросам его применения сложилась определенная судебная практика, в том числе обобщенная на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Между тем до настоящего времени остается ряд проблемных вопросов, требующих своего решения посредством внесения изменений в законодательство и формирования адекватных складывающейся судебной практике правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации. Основные из них связаны с применением сроков исковой давности при обращении в суд, злоупотреблением правом со стороны административных истцов, отсутствием четкого перечня видов (категорий) условий содержания в учреждениях УИС, правовых ориентиров для расчета размеров присуждаемых компенсация.

Кроме того, особую актуальность приобретают профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин нарушений, развитие системы взаимодействия с иными правоохранительными органами, а также совершенствование системы учета и документирования состояния условий содержания в учреждениях УИС. Необходимы постоянный мониторинг данных вопросов, исключение причин и условий нарушений, особенно субъективных, устранение их последствий. Учреждения и органы ФСИН России должны действовать системно во взаимодействии с органами прокуратуры, институтами общественного контроля, исходить из принципа недопустимости нарушений прав человека, принимать исчерпывающие меры по результативному их выявлению и предотвращению [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

 Чорный В. Н. Основания и порядок реализации права осужденного на компенсацию за нарушение условий его содержания в исправительном учреждении // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 10. С. 52–59.
Голодов П. В., Дербина О. В. Работа с требованиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных о взыскании компенсаций за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС в соответствии со статьей 227.1 КАС РФ : практ. рук. Вологда, 2024. 45 с.

3. Дуванова Т. В. Некоторые особенности реализации права на обращение при подаче и рассмотрении требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении // Дискуссионные вопросы пенитенциарной науки и практики : сб. науч. тр. профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2022. С. 47–51.

4. Сипягина М. Н. Присуждение компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении. Первый опыт российского судопроизводства // Петербургские Пенитенциарные конференции : материалы конф. : в 4 т. (г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.). СПб., 2021. Т. 4. С. 275–281.

5. Бобров А. М. О правоприменительной практике присуждения компенсации за нарушения условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении (на основе материалов ГУФСИН России по Пермскому краю и судов общей юрисдикции в регионе) // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 21 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Е. В. Сенатовой. Рязань, 2022. С. 35–41.

6. Панченко В. Ю., Деменишин А. В. Надлежащие условия в местах принудительного содержания России: актуальные вопросы нормативного правового регулирования и судебной практики // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 90–97.

7. Панченко В. Ю., Деменишин А. В. Применение правовых принципов и норм о раздельном содержании курящих и некурящих в местах принудительного содержания // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 88–95.

8. Белик В. Н., Искра М. А. К вопросу реализации права на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1–4), № 2. С. 160–165.

9. Головастова Ю. А. Право осужденных на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания в исправительном учреждении: новелла уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Самара, 3–4 июня 2021 г.). Самара, 2021. С. 53–55.

10. Административное судопроизводство : учеб. / В. А. Власенко, О. П. Зиновьева, И. А. Невский [и др.] ; под ред. Е. С. Смагиной. М., 2021. 483 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/1165264 (дата обращения: 30.06.2024).

11. Сыроежина К. К., Дербина О. В. О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей и в исправительном учреждении // Актуальные проблемы административного права и процесса : сб. научн. тр. Вологда, 2022. С. 124–130.

12. Мельникова Н. А., Сизов Д. О. Проблемы содержания статьи 227.1 КАС РФ и механизма ее реализации в современных условиях // Актуальные проблемы административного права и процесса : сб. науч. тр. Вологда, 2022. С. 81–87.

13. Алехин Д. Е., Алехина Е. Е. Особенности рассмотрения судами общей юрисдикции дел о взыскании компенсации за нарушение условий содержания под стражей // Правда и закон. 2024. № 4 (30). С. 25–32.

REFERENCES

1. Chornyi V.N. Grounds and procedure for exercising convict's rights for compensation in case of violation of conditions of his maintenance in correctional institution. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Vedomosti of the Penal System*, 2021, no. 10, pp. 52–59. (In Russ.).

2. Golodov P.V., Derbina O.V. Rabota s trebovaniyami podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh o vzyskanii kompensatsii za nenadlezhashchie usloviya soderzhaniya v uchrezhdeniyakh UIS v sootvetstvii so stat'ei 227.1 KAS RF : prakt. ruk. [Dealing with demands of the suspected, accused and convicted persons for compensation for improper conditions of detention in correctional institutions in accordance with Article 227.1 of the Code of Administrative Judikal Procedure the Russian Federation : a practical guide]. Vologda, 2024. 45 p.

3. Duvanova T.V. Some features of the realization of the right to appeal when filing and considering a claim for compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Diskussionnye voprosy peniten-tsiarnoi nauki i praktiki: sb. nauch. tr. professorsko-prepodavatel'skogo sostava VIPE FSIN Rossii* [Controversial issues of penitentiary science and practice: collection of scientific papers]. Vologda, 2022. Pp. 47–51. (In Russ.).

4. Sipyagina M.N. Award of compensation for violation of conditions of detention, detention in a correctional institution. The first experience of Russian legal proceedings. In: *Peterburgskie Penitentsiarnye konferentsii: materialy konferentsii: v 4-kh tomakh (g. Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda)* [Saint Petersburg Penitentiary Conferences: conference materials: in 4 volumes (Saint Petersburg, May 17–18, 2021)]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 275–281. (In Russ.).

5. Bobrov A.M. On the law enforcement practice of awarding compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution (based on materials from the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Oblast and courts of general jurisdiction in the region). In: Senatova E.V. (Ed.). *Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sb. mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 21 aprelya 2022 g.)* [Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference (Ryazan, April 21, 2022)]. Ryazan, 2022. Pp. 35–41. (In Russ.). 6. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Appropriate conditions in places of detention in Russia: topical issues of legal regulation and judicial practice. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).

7. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Application of legal principles and norms on the segregation of smokers and nonsmokers in places of detention. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).

8. Belik V.N., Iskra M.A. On the issue of exercising the right to compensation for violations of the conditions of detention of suspects and accused and the conditions of detention of convicts in correctional institutions. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* = *Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 2, pp. 160–165. (In Russ.).

9. Golovastova Yu.A. The right of convicts to receive monetary compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution: a novel of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhd. uch. (g. Samara, 3–4 iyunya 2021 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference with international participation (Samara, June 3–4, 2021)]. Samara, 2021. Pp. 53–55. (In Russ.).

10. Vlasenko V.A., Zinov'eva O.P., Nevskii I.A. et al. *Administrativnoe sudoproizvodstvo: uchebnik* [Administrative court proceedings: textbook]. Ed. by Smagina E.S. Moscow, 2021. 483 p.

11. Syroezhina K.K., Derbina O.V. On the problems arising in the resolution by courts of general jurisdiction of cases on the award of compensation for violations of conditions of detention and in a correctional institution. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. P. 124–130. (In Russ.).

12. Mel'nikova N.A., Sizov D.O. Problems of the content of Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation and the mechanism of its implementation in modern conditions. In: Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sbornik nauchnykh trudov *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. Pp. 81–87. (In Russ.). 13. Alekhin D.E., Alekhina E.E. Features of consideration by courts of general jurisdiction of cases on collection of compensation for violation of conditions in detention. *Pravda i zakon = Truth and Law*, 2024, no. 4 (30), pp. 25–32. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, профессор кафедры административно-правовых дисциплин факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid.org/0000-0002-0108-7916

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, https://orcid. org/0000-0002-2747-9723 **SERGEI A. STAROSTIN** – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia; professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia; SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid. org/0000-0002-0108-7916

PAVEL V. GOLODOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Rudssia, Vologda, Russia, pl-family@ yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2747-9723

Статья поступила 04.04.2025

Научная статья УДК 343.163 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007

173

Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект)

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАК

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, kafoppd@rambler.ru, https://orcid. org/0000-0003-4001-2463

Реферат

Введение: на основе исследования предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования исполнения наказания в виде обязательных работ, актуализируются выводы некоторых специалистов в сфере структурно-функционального анализа уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства о том, что, какими бы ни были совершенными уголовное судопроизводство и уголовно-правовые нормы, реальные результаты воздействия на лицо, совершившее преступление, можно оценить только после его осуждения, в период исполнения уголовного наказания. Именно от эффективности реализации установленного законодательством порядка и условий отбывания уголовного наказания зависит успешность предшествующих этапов, регламентированных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, теснейшим образом связанных с правоохранительной и судебной деятельностью в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ. Цель: исследовав различные подходы к правовому регулированию комплексных мер воздействия на осужденных к обязательным работам, совершивших одинаковые по своей правовой природе правонарушения, в сфере исполнения наказаний в виде как обязательных. так и исправительных, принудительных работ, выявить проблемы и пути совершенствования организационно-правовых основ взаимодействия судов с уголовно-исполнительными инспекциями при рассмотрении представлений о замене неотбытой части наказания более строгим видом наказания в целях предупреждения повторных преступлений. Методы: диалектический, формально-юридический, системный методы, методы анализа, синтеза, дедукции, межотраслевых юридических исследований, контент-анализа. Предметом исследования является процессуальная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, субъектами которой могут быть судьи и иные участники судебного процесса (уголовно-исполнительные инспекции, работодатели, представители правоохранительных органов и т. д.). Тема научной работы соответствует действующей Программе фундаментальных научных исследований на 2021–2030 гг. (исполнители – ФСИН России и другие заинтересованные представители правоохранительной системы), где в разделе «Фундаментальные и поисковые научные исследования» запланированы такие исследования, как «5.3.3. Криминология и пенитенциарная система: 5.3.3.3 Разработка альтернативных систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе». Результаты: предлагается внести в законодательство соответствующие изменения, которые будут способствовать повышению эффективности организации деятельности специализированных государственных органов в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, также акцент делается на необходимости совершенствования организационно-правовых основ взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами в целях предупреждения повторных преступлений. Выводы: среди основных причин повторных преступлений и иных нарушений порядка и условий отбывания обязательных работ, допущенных осужденными, ученые и практические работники выделяют недостаточную эффективность применения к ним мер воздействия, которая обусловлена в том числе несовершенством правовой регламентации взаимодействия судов со специализированными государственными органами, исполняющими альтернативные наказания.

Ключевые слова: судебная деятельность; предупреждение преступлений; альтернативные наказания; обязательные работы; организационно-правовые основы; уголовно-исполнительные инспекции; правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Казак Б. Б. Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 173–179. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007.

Original article

Judicial Activity in the Field of Execution of Alternative Punishment in the Form of Compulsory Labor (Organizational and Legal Aspect)

BRONISLAV B. KAZAK

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoppd@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4001-2463

Abstract

Introduction: the author proposes measures for improving legal regulation of the execution of punishment in the form of compulsory labor and considers points of view of some experts in the field of structural and functional analysis of criminal, criminal procedure and penal legislation that no matter how perfect criminal proceedings and criminal law norms are, the real results of the impact on an offender can be assessed only after his/her conviction, during the period of execution of a criminal sentence. The success of previous stages, regulated by criminal and criminal procedure legislation and closely related to law enforcement and judicial activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor, depends on the effective implementation of the procedure and conditions for serving a criminal sentence established by law. Studying various approaches to the legal regulation of complex influence measures in relation to those sentenced to compulsory labor who have committed offenses of the same legal nature in the field of execution of punishments in the form of compulsory, correctional, and forced labor, the author dwells on the problems of improving organizational and legal foundations of interaction between courts and criminal executive inspections when considering ideas on the substitution of the unserved part of the punishment with a more severe penalty in order to prevent repeated crimes. Methods: dialectical, formal legal, systematic methods, methods of analysis, synthesis, deduction, interdisciplinary legal research, content analysis. The author considers procedural activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor and identifies subjects of these activities, such as judges and other participants of the judicial process (criminal executive inspections, employers, representatives of law enforcement agencies, etc.). The topic of the scientific work corresponds to the current Fundamental research program for 2021–2030 (executors of the Federal Penitentiary Service of Russia and other interested representatives of the law enforcement system), where in the section "Fundamental and exploratory scientific research" it is planned to consider "Criminology and the penitentiary system: Development of alternative social response systems aimed at preventing and suppressing criminal behavior in society". Results: it is proposed to introduce appropriate amendments to legislation that will help improve effectiveness of the organization of specialized government agencies in the field of compulsory labor enforcement. The necessity to improve the organizational and legal framework for cooperation between criminal executive inspections and courts in order to prevent repeat crimes is emphasized. Conclusion: among the main reasons for repeated crimes and other violations of the order and conditions of serving compulsory labor on the part of convicts, scientists and practitioners highlight insufficient effectiveness of the application of measures of influence on offenders, which is caused, among other things, by imperfect legal regulation of the interaction between courts and specialized state bodies executing alternative punishments.

Keywords: judicial activity; crime prevention; alternative punishments; compulsory work; organizational and legal bases; criminal executive inspections; law enforcement activities.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kazak B.B. Judicial activity in the field of execution of alternative punishment in the form of compulsory labor (organizational and legal aspect). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 173–179. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007.

Введение

Анализ российского конституционного и уголовно-процессуального законодательства, заключений экспертного сообщества показывает, что определение понятия «судебная деятельность» в нормативных правовых актах, регламентирующих те или иные вопросы деятельности судов, отсутствует. Данное понятие чаще всего употребляется в юридической литературе либо как научная и учебная специальность, реализуемая в программах специалитета и аспирантуры системы высшего образования, либо как самостоятельная категория, отличающаяся от понятий «судебная власть», «правосудие», так как последнее является видом судебной деятельности, либо когда идет речь о критериях эффективности судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний [1, с. 122].

В свою очередь, судебная деятельность последовательно выступает за более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы. В целях реализации принципов гуманизации и справедливости за последние 15 лет количество приговоренных к лишению свободы сократилось более чем в два раза. Обязательные работы занимают третье место в системе наказаний, после лишения свободы и условного осуждения, они применяются в два раза чаще исправительных работ и в три раза – ограничения свободы, что свидетельствует о том, что процесс назначения и исполнения наказания в виде обязательных работ находится в центре внимания судебной деятельности. В юридической научной литературе справедливо отмечается, что осужденный к обязательным работам при отбывании наказания, реализуя социально полезную деятельность, удовлетворяет актуальные потребности общества, поэтому обязательный характер социально полезной деятельности осужденного преследует достижение цели по восстановлению социальной справедливости, а дополнительные обязанности и ограничения, введенные для него, позволяют реализовывать цель исправления [2].

Основной точкой зрения является утверждение о том, что в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита его конституционных прав и свобод. В данном случае судебная деятельность в виде отправления правосудия существенно отличается от правоохранительной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений, исполняющих наказания, прокуратуры.

Таким образом, судебная деятельность – это упорядоченная совокупность действий судов, входящих в судебную систему Российской Федерации (в лице судей и работников аппаратов судов), осуществляемая в процессуальных формах с целью отправления правосудия, а также направленная на организационное обеспечение осуществления правосудия и повышение доступности и эффективности судебной защиты.

Предметом нашего исследования является основной вид судебной деятельности: процессуальная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, субъектами которой могут быть судьи и иные участки судебного процесса (уголовноисполнительные инспекции, работодатели, представители правоохранительных органов и т. д.). В своей работе мы специально не рассматриваем вопросы организационно-распорядительного вида судебной деятельности, так как он является предметом исследования в иной сфере.

Сущность судебной деятельности реализуется через ее принципы, которые определяют форму и содержание той или иной деятельности. Несмотря на специфику действия принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения приговора, на судебную деятельность в сфере исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества вообще и наказания в виде обязательных работ в частности распространяются в полной мере такие принципы, как состязательность, гласность, публичность, независимость, язык судопроизводства, осуществление правосудия только судом [3, с. 375]. Таким образом, судебная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ осуществляется на основе принципов, обеспечивающих эффективную реализацию стоящих задач уголовной политики государства.

Основная часть

Правовой основой судебной деятельности в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ являются Конституция Российской Федерации (гл. 7, ст. 118-128), федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023), УПК РФ. В частности, ст. 397 УПК РФ регламентирует вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора о наказании в виде обязательных работ, в том числе о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в соответствии со ст. 49 УК РФ принудительными работами либо лишением свободы на определенный срок в соответствии с действующим законодательством; в соответствии с ч. 1 ст. 398 исполнение приговора об осуждении гражданина к обязательным работам может быть отсрочено судом на определенный срок при наличии следующих оснований: а) в случае наличия у осужденного к обязательным работам болезни, которая препятствует отбыванию этого вида наказания, тогда исполнение приговора может быть отсрочено до выздоровления осужденного, при наличии заключения врачебной комиссии; б) если осужденная к обязательным работам имеет беременность, воспитывает малолетнего ребенка или если осужденный к обязательным работам является единственным родителем у малолетнего ребенка, то исполнение приговора тоже может быть отсрочено на период до достижения ребенком четырнадцати лет; в) для осужденных к обязательным работам. у которых возникли тяжкие последствия или угрозы их возникновения для него или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, судом может быть отсрочено исполнение приговора на определенный срок до шести месяцев.

Следует отметить, что указанная мера, установленная нормами уголовно-процессуального законодательства, направленная на гуманизацию наказания, способствует исправлению осужденного к обязательным работам, восстановлению семьи и гарантирует социально-правовую защиту родителей и их детей. Институт отсрочки исполнения приговора регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства, решается судом, который рассматривает ходатайство осужденного к обязательным работам или его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора.

Статья 20 УИК РФ регламентирует виды судебного контроля за исполнением обязательных работ. В соответствии с данной нормой на суд возложена функция контроля за исполнением наказания в виде обязательных работ при решении вопросов, указанных в ст. 397 (за исключением случае, указанных в подп. 1 и 18) и ст. 398 УПК РФ. Отметим, что, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в сфере рассмотрения жалоб и заявлений, на суды возложена обязанность рассматривать жалобы осужденных к обязательным работам и их представителей на действия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Кроме того, указанные нормативно-правовые акты регламентируют такую форму судебного контроля за исполнением обязательных работ, как возложение обязанности на уголовно-исполнительные инспекции уведомлять суды, вынесшие приговор, о начале и месте отбывания осужденными наказания в виде обязательных работ [4, с. 10].

Установленные уголовно-исполнительным законодательством виды судебного контроля за исполнением обязательных работ требуют тщательного анализа нормативно-правого регулирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере взаимодействия их с судами, органами местного самоуправления, предприятиями и организациями, в которых отбывают наказание осужденные к обязательным работам, поскольку от этого взаимодействия зависит эффективность достижения целей рассматриваемого наказания.

Практика свидетельствует, что часть осужденных к наказаниям в виде обязательных работ совершают повторные преступления после постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции [5, с. 126]. Среди основных причин повторных нарушений эксперты (представители науки и практические работники) выделяют недостаточную эффективность применения к осужденным мер воздействия, которая обусловлена в том числе и несовершенством правовой регламентации таких мер.

Статья 29 УИК РФ устанавливает два вида ответственности осужденных к обязательным работам за нарушение ими порядка и условий отбывания наказания: а) предупреждение об ответственности; б) замена наказания более строгим видом наказания за злостное уклонение от отбывания обязательных работ. Этой же нормой на уголовно-исполнительную инспекцию возложена обязанность направлять в суд представление о замене обязательных работ более строгим видом наказания в случае злостного уклонения осужденным от отбывания обязательных работ. Анализ действующего уголовного, уголовнопроцессуального, уголовно-исполнительного за-

конодательства и правоприменительной практики свидетельствует о существовании проблем в данной сфере судебной деятельности, особенно при взаимодействии судов с уголовно-исполнительными инспекциями. В целом за последние три года практически каждое второе ходатайство уголовно-исполнительных инспекций (58 % от общего количества направленных ходатайств) судами отклонено, а доля неудовлетворенных судами ходатайств растет. Каждое второе (около 40 %) представление о замене наказания получило отказ в удовлетворении. Причина проблем кроется, прежде всего, в слабой организации работы уголовно-исполнительных инспекций при оформлении соответствующих документов, в недостаточном уровне профессиональной подготовки сотрудников этих учреждений. Для решения обозначенных проблем необходима методическая помощь правоохранительным органам в более эффективном применении наказания в виде обязательных работ.

Статья 49 УК РФ устанавливает, что если осужденный неоднократно, то есть систематически и злостно, не выполняет требования администрации уголовноисполнительных инспекций по соблюдению порядка и условий отбывания данного вида наказания, то он может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания обязательных работ и привлечен к ответственности в виде замены обязательных работ более строгим видом наказания, принудительными работами либо лишением свободы. Правоприменительная практика испытывает большие трудности с определением понятия «злостное уклонение». Для сравнения отметим, что наиболее точно понятие злостно уклоняющегося осужденного от наказания содержится в ст. 46 УИК РФ. В соответствии с ч. 3 данной статьи злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный: а) допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за неявку в уголовно-исполнительную инспекцию или на работу или б) скрывшийся с места жительства, местонахождение которого неизвестно. В результате анализа рассматриваемой проблемы установлено, что перечень нарушений, допущенных осужденными к обязательным работам, регулируется нормативно-правовым актом Верховного Суда Российской Федерации, а виды правонарушений, допущенных осужденными к исправительным и принудительным работам, регламентированы уголовно-исполнительным законодательством, то есть можно говорить о юридической коллизии разногласии и противоречии между нормативными правовыми актами Верховного Суда Российской Федерации и нормами уголовно-исполнительного законодательства, регулирующими одни и те же или смежные правоотношения. Категория «злостность» нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством характеризуется двумя признаками: повторность (два и более раз) и реальное уклонение от наказания (осужденный скрылся с места жительства, его местонахождение правоохранительным органам неизвестно).

Несколько иначе злостность обозначена при исполнении наказания в виде принудительных работ.

Во-первых, в ст. 60.15 УИК РФ понятие «злостность» употребляется в двух случаях, то есть при определении злостного нарушителя порядка и условий отбывания наказания и злостных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ.

Во-вторых, осужденный признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ при совершении (один раз) следующего злостного нарушения: а) употребления спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ; б) мелкого хулиганства; в) неповиновения представителям администрации исправительного центра или их оскорбления при отсутствии признаков преступления; г) изготовления, хранения или передачи запрещенных предметов и веществ; д) организации забастовок или иных групповых неповиновений, а равно участии в них; е) отказа от работы; ж) самовольного без уважительных причин оставления территории исправительного центра; з) несвоевременного (свыше 24 часов) возвращения к месту отбывания наказания. Здесь следует отметить наличие такого вида злостного нарушения, как отказ от работы, который может быть и среди осужденных к обязательным работам, там он заменен определением уклонения от работы, относительно которого существует довольно широкое толкование, и поэтому более понятным и распространенным в уголовно-исполнительной системе и законодательстве будет термин «отказ от работы», что позволит правоприменителям эффективно исполнять данный вид наказания.

В-третьих, осужденный может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания, если он совершил в течение года не менее трех нарушений, не являюхся злостными (последние прописаны в ч. 1 ст. 60.15 УИК РФ): а) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности; б) нарушение трудовой дисциплины; в) нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре; г) неявку без уважительной причины на регистрацию в исправительный центр, если разрешено проживание за его пределами.

Из приведенного перечня нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ можно позаимствовать некоторые определения нарушений относительно наказания в виде обязательных работ, например нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка, неявки без уважительной причины на регистрацию в уголовноисполнительную инспекцию.

Таким образом, в сфере правового регулирования ответственности осужденных за злостное нарушение порядка и условий отбывания наказаний имеют место спорные вопросы определения ключевого понятия «злостный». Как в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в различные периоды его функционирования, так и в юридической литературе развернулась широкая дискуссия относительно этого понятия. Например, «осужденные, злостно нарушающие требования режима» (ст. 53 ИТК РСФСР),

«злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» (ст. 188.3 УК РСФСР), «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ» (ст. 49 УК РФ), «осужденные, злостно уклоняющиеся от отбывания обязательных работ» (ст. 29 УИК РФ) [6]. Из приведенного примера усматривается, что злостное нарушение порядка и условий отбывания наказания всегда являлось основанием привлечения осужденных к дисциплинарной или уголовной ответственности в виде замены наказания более строгим видом наказания (обязательные работы заменяются лишением свободы или принудительными работами) либо перевода осужденного из исправительного учреждения с более легким режимом отбывания наказания в учреждение с более строгим режимом (из колонии-поселения в исправительную колонию строгого режима, из исправительной колонии в тюрьму) с вытекающими отсюда правовыми последствиями, выраженными в определенных ограничениях, запретах и введении дополнительных обязанностей [7].

С точки зрения судебной деятельности следует отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно обращался к этой проблеме, так как правоприменительная практика сложно решает вопросы применения указанных норм к осужденным, злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания в виде обязательных работ. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» и п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» суды при принятии решения о замене обязательных работ более строгим наказанием, в случае злостного уклонения от его отбывания, должны потребовать от уголовно-исполнительных инспекций документы, подтверждающие личность осужденного, характер и степень общественной опасности преступления, за которое осуждено лицо, состоящее на учете в уголовно-исполнительной инспекции, особенно документы, отражающие причины и условия, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания в виде обязательных работ. Например, сотрудник учреждения при подготовке в суд представления о замене осужденному обязательных работ более строгим наказанием обязан исследовать причины допущенных осужденным прогулов, появлений на работе в нетрезвом состоянии, уклонения от работы и т.д. Вместе с тем 80 % экспертов отмечают, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций испытывают трудности при подготовке качественных материалов в суд. Указанные обстоятельства требуют от них определенных знаний и умений, которые они могут получить в рамках повышения квалификации или профессиональной переподготовки, осуществляемой образовательными организациями ФСИН России по специальным образовательным программам.

Заключение

Исследование показало, что основными видами нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде обязательных работ являются: появление на работе в нетрезвом состоянии; прогул; увольнение с работы в целях уклонения от отбывания наказания; уклонение от обязанности сообщить об изменении места работы или места жительства в течение 10 дней; неявка более двух раз в течение месяца на обязательные работы без уважительных причин и т. п. В названном перечне нарушений спорным вопросом является определение «увольнение с работы в целях уклонения от отбывания наказания», которое требует дополнительного нормативного толкования, так как сам факт отсутствия на обязательных работах без уважительной причины и является отказом от их выполнения. За допущенные правонарушения осужденные к обязательным работам могут быть подвергнуты правовым мерами воздействия: замене обязательных работ более строгим видом наказания (п. 5.8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 59). Таким образом, за нарушения, совершение которых влечет ответственность, включая замену обязательных работ лишением свободы, суд «назначает» по своей правовой природе новый вид наказания. Если осужденный был предупрежден о недопустимости подобного поведения, если он не сделал выводов после письменного предупреждения со стороны администрации учреждения, тогда он признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания данного вида наказания и в отношении него принимается более строгая и единственная мера воздействия в виде замены обязательных работ лишением свободы либо принудительными работами, что напоминает отсрочку исполнения приговора или условное осуждение. Поэтому предложенные меры совершенствования правого регулирования исполнения наказания в виде обязательных работ актуализируют выводы некоторых специалистов о том, что, какими бы ни были совершенными уголовное судопроизводство и уголовноправовые нормы, реальные результаты воздействия на лицо, совершившее преступление, можно оценить только после его осуждения, в период исполнения уголовного наказания. Именно от порядка и условий отбывания уголовного наказания в основном зависит успешность предшествующих этапов, регламентированных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, которая, в свою очередь, зависит от уровня совершенствования базового законодательства, эффективность реализации которого теснейшим образом связана с правоохранительной деятельностью в сфере исполнения любого наказания, в в данном случае в виде обязательных работ [8].

Исходя из результатов исследования предлагаем внести соответствующие изменения в законодательство, которые будут способствовать повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ. Анализ судебной практики показывает, что судьи принимают решение о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ при наличии следующих оснований: а) более двух раз в течение месяца не вышел на обязательные работы без уважительных причин; б) более двух раз в течение месяца нарушил трудовую дисциплину; в) скрылся в целях уклонения от отбывания наказания. Из-за пробелов в нормативно-правовой базе судьи иногда самостоятельно разрабатывают методические рекомендации и руководствуются ими при признании осужденного к обязательным работам злостно уклоняющимся от наказания, что иногда не соответствует нормативному толкованию, представленному в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) и уголовно-исполнительном законодательстве.

Таким образом, судебная деятельность в сфере исполнения приговора о назначении наказания в виде обязательных работ регламентируется нормами не только уголовно-исполнительного, но и уголовнопроцессуального законодательства, носит многоаспектный характер, обусловлена необходимостью взаимодействия судов с органами государственной власти, органами правопорядка (прокуратурой, уголовно-исполнительной инспекцией, органами внутренних дел и т.д.), защитой осужденных, обеспечивает социально-правовую защиту прав и законных интересов осужденных к обязательным работам. Выполняя функции судебного контроля (ст. 397, 398 УПК РФ, ст. 20 УИК РФ), суд контролирует исполнение наказания в виде обязательных работ при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении данного вида наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пупышева Л. А. Обеспечение судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 122–127.

3. Качалов В. И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 372–378.

4. Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

5. Смирнова И. Н., Лихолат И. А. Организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 125–128.

6. Казак И. Б. Организация деятельности персонала исправительного учреждения по предупреждению противоправных действий со стороны осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 24 с.

^{2.} Авдеева Е. В. Обязательные работы в системе уголовных наказаний: вопросы законодательной техники и правоприменения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 23–27.

7. Гордополов А. Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4), № 3. С. 303–306. 8. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 191 с.

REFERENCES

1. Pupysheva L.A. The judicial activities in the sphere of execution of criminal sanctions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 2 (27), pp. 122–127. (In Russ.).

2. Avdeeva E.V. Compulsory labor in the system of criminal punishments: issues of legal writing and law enforcement. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management,* 2021, no. 6, pp. 23–27. (In Russ.).

3. Kachalov V.I. The nature of judicial activity at the stage of execution of the sentence or other final court decisions. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2016, no. 5, pp. 372–378. (In Russ.).

4. Amanullina A.F. Sudebnyi kontrol' v stadii ispolneniya prigovora: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Judicial control at the stage of execution of the sentence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2009. 25 p.

5. Smirnova I.N., Likholat I.A. Organizational and legal support for the functioning of penal enforcement inspections in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2012, no. 3, pp. 125–128. (In Russ.).

6. Kazak I.B. Organizatsiya deyatel'nosti personala ispravitel'nogo uchrezhdeniya po preduprezhdeniyu protivopravnykh deistvii so storony osuzhdennykh, priznannykh zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Organization of activities of correctional institution staff to prevent illegal actions by convicts recognized as malicious violators of the established procedure for serving sentences:Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2005. 24 p.

7. Gordopolov A.N. Malicious violator of the regime of serving a sentence: a comparative legal analysis of foreign legislation. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2020, vol. 15 (1–4), no. 3, pp. 303–306. (In Russ.).

8. Natashev A.E., Struchkov N.A. *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of correctional labor law]. Moscow, 1967. 191 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАК – доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии ФСИН России, Рязань, Россия, kafoppd@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4001-2463 **BRONISLAV B. KAZAK** – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoppd@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4001-2463

Статья поступила 24.04.2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья УДК 159.9.07 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008

Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ

Межобластная больница № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7194-6037

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ

Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, stanislavrz@ yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5259-0258

Реферат

Введение: в статье изучены психологические особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Наличие неизлечимой болезни и перспектива скорой смерти могут привести к нарушению социально полезных связей, правил внутреннего распорядка учреждения, деструктивному поведению. Проведен теоретический анализ особенностей отношения к жизни. Актуализируются наиболее частые реакции при проявлении неизлечимой болезни и специфические психологические проблемы данной категории осужденных. Отношение к жизни рассматривается как одна из важных составляющих профилактики суицидального поведения у данных лиц. Цель: изучить психологические особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, дать рекомендации по их психологическому сопровождению. Методы: сравнительный анализ, тест смысложизненных ориентаций (СЖО), U-критерий Манна – Уитни. Результаты: у осужденных, имеющих неизлечимые заболевания, отмечаются наиболее низкий уровень принятия своей жизни, отрицание реальности, а также недостаточное принятие прожитого. Неизлечимо больные не переживают за свою жизнь, имеют недоверие к себе и окружающим. При взаимодействии с другими испытывают жалость. На контакт идут опосредованно, не следят за своим внешним видом и поведением в связи с отсутствием принятия дальнейшей жизни. У них отмечается хроническая усталость как эффект от постоянных негативных мыслей, они испытывают чувство социальной изоляции и одиночества. Выводы: в ходе психологического сопровождения осужденных данной категории реалистичное отношение к жизни может выступать основой продления и продуктивного проживания оставшегося жизненного отрезка, использования своих возможностей, а с другой стороны – базой для адекватной коммуникации с окружающими, в том числе и в аспекте соблюдения норм поведения.

К лючевые слова: отношение к жизни; неизлечимо больные осужденные; пенитенциарная система; исправительные колонии; психологические аспекты; психологическое сопровождение; неизлечимые болезни.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Кучкарев Ю. Ю., Горностаев С. В. Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 180–188. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008.

[©] Кучкарев Ю. Ю., Горностаев С. В., 2025

Original article

Psychological Characteristics of the Attitude to Life among Terminally III Convicts

YURII YU. KUCHKAREV

Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7194-6037

STANISLAV V. GORNOSTAEV

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5259-0258

Abstract

Introduction: the article considers psychological features of terminally ill convicts' attitude to life in correctional institutions. The presence of an incurable disease and prospects of an early death can push a convicted person to violate socially beneficial relationships and internal regulations of the institution. A theoretical analysis of the specifics of attitudes to life is carried out. A number of the most frequent reactions to the manifestation of an incurable disease and specific psychological problems in this category of convicts are given. An attitude to life is considered as one of the important components of the issue to prevent suicidal behavior among convicts with incurable socially significant diseases. Purpose: to study psychological features of the attitude to life among terminally ill convicts and to provide recommendations on psychological support for this category. Methods: comparative analysis, Purpose-in-Life Test, and Mann-Whitney U-test. Results: the results of the study show that convicts with incurable diseases have the lowest level of acceptance of their lives. They do not worry about their lives and do not believe in themselves and others. When interacting with others, they feel pity. They make contact indirectly and do not care about their appearance and behavior. Terminally ill convicts often report chronic fatigue, which is the effect of constant negative thoughts. They experience feelings of social isolation and loneliness. Conclusion: when providing psychological support to convicts in this category, a realistic attitude to life can serve as the basis for longer productive life and, on the other hand, the basis for adequate communication with others, including in terms of compliance with behavioral norms.

Keywords: attitude to life; terminally ill convicts; penitentiary system; correctional facilities; psychological aspects; psychological support; incurable diseases.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kuchkarev Yu.Yu., Gornostaev S.V. Psychological characteristics of the attitude to life among terminally ill convicts. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 180–188. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008.

Введение

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации одной из актуальнейших проблем является совершенствование работы с осужденными различных категорий. В стране наблюдается рост заболеваемости неизлечимыми заболеваниями (например, онкологические заболевания (рак), вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД), типированные вирусы гепатита (A, B, C, D, E)) в обществе в целом, в том числе и среди осужденных. Поэтому изучение отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных даст возможность выстраивать эффективную социальнопсихологическую работу с данным контингентом в исправительных учреждениях. Данная проблема вызывает необходимость в улучшении, как психологической, так и медицинской помощи, этой категории осужденных.

По данным ФСИН России, на 20.12.2024 в учреждениях уголовно-исполнительной системы на лечении от туберкулеза находились 9209 чел., уровень заболеваемости составил 78,8 на 100 тыс. чел. [1]. Также отметим, что в местах лишения свободы есть и другие виды неизлечимых заболеваний, которым необходимо уделять внимание с целью дополнительного информирования людей, заинтересованных в решении проблем по оказанию помощи осужденным с такими заболеаваниями.

Общее количество ВИЧ-инфицированных осужденных в местах лишения свободы на 20.12.2024 г. составляло 51 627 чел. Наличие неизлечимой болезни и перспектива скорой смерти могут привести осужденного к нарушению социально полезных связей, правил внутреннего распорядка учреждения, проявлению деструктивного поведения, агрессивному поведению, утрате социально полезных навыков, сосредоточении на роли больного при отказе от всех остальных социальных ролей, что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации [2].

Отношение к жизни рассматривается в психологической науке в качестве системы, формирующей смыслы и цели жизнедеятельности человеческой личности, регулирующей способы их достижения (С. Л. Рубинштейн, Б. С. Братусь, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов, Е. А. Березина, М. И. Бобнева, А. В. Серый, Н. И. Непомнящая, Ю. М. Кузнецова и др.).

Поддержание жизни обеспечивает человеку как дальнейшее развитие, так и всестороннюю работу над собой и своей личностью. Также стоит отметить таких авторов, как В. В. Беляева, Е. В. Покровский, изучавших особенности лиц с ВИЧ-инфекцией.

В зарубежной психологии А. Адлер обратил внимание на взаимосвязь поведения с жизненным смыслом человека, направленностью жизни, представив достаточно развернутое понимание поведенческих смыслов жизни, которые он соотносил с жизненным стилем, планом [3]. В психологии выделяются два подхода к объяснению процесса структурирования жизненного пути личности с помощью планирования и сценарного воплощения [4]. Согласно первому подходу, представленному работами отечественных авторов (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и др.), личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни. Второй подход (А. Адлер, К. Роджерс, Э. Берн и др.) построен на уверенности в преимущественно бессознательном выборе жизненного плана, который осуществляется на ранних стадиях развития ребенка. В целом проблема отношения к жизни в психологии трактуется следующим образом: в понимании смысла жизни как высшей интегративной основы личности, а также в понимании смысла жизни как структурного элемента сознания и человеческой деятельности [5, с. 57].

Отношение к жизни может быть различным и зависит от индивидуальных особенностей осужденных, их мировоззрения, ценностей и убеждения. Неизлечимо больные осужденные склонны к пессимистическому взгляду на жизнь, отличаются безразличием к своей жизни, апатией.

Отношение к жизни определяется ценностями индивида и выражается в принятии либо непринятии жизни, принятии себя, ответственности за свою жизнь, стремлении или отсутствии стремления человека к развитию [6, с. 123]. Отношение к жизни формирует направленность осужденного. Она выражается в доминирующих целях и мотивах деятельности, интересах, идеалах, убеждениях, системе отношений, жизненных планах и перспективах, формируемых на основе потребностей, стремлений, желаний [7]. Желание представляет собой осознанную потребность в чем-либо вполне определенном [8]. Стремление у осужденного возникает при включении в структуру желания волевого компонента, а его интерес есть познавательная форма направленности на предметы. Интересы у большинства правонарушителей (как мужского, так и женского пола), отбывающих уголовные наказания, сугубо материальные, примитивные и развлекательные [9, с. 15]. Убеждение (высшая форма направленности) – это система мотивов

личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами [10].

Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных является сложной и многогранной темой, отражающей глубинные внутренние переживания и механизмы адаптации личности в условиях предельного стресса. Одной из ключевых составляющих отношения к жизни будет являться отношение к настоящему, прошлому и будущему [11, с. 3]. У индивидов, находящихся на грани жизни и смерти, наблюдается особое восприятие времени, которое становится не линейным, а скорее цикличным, насыщенным моментами отчаяния и надежды. Условия болезни диктуют разные модели поведения, которые могут отличаться от базовых устойчивых для общества [12, с. 162].

Сквозь призму неизлечимости болезни приходит осознание конечности существования, что нередко приводит к глубоким экзистенциальным размышлениям. Чувство утраты контроля над собственной судьбой формирует смесь гнева, тоски и смирения. Осужденный вступает в роль больного, которая предполагает выражение определенных эмоций и социальных обязательств [13]. Эти эмоции могут побуждать к переосмыслению жизненных ценностей – от поиска смысла в страданиях до стремления к примирению с окружающим миром. Потребности данной категории осужденных также притупляются, главным становится лишь физиологическое благополучие, а самоактуализация пропадает совсем [14, с. 370].

Взаимоотношения с другими людьми, например с сотрудниками администрации и другими осужденными, также играют ключевую роль в формировании их отношения к жизни, служа источником как поддержки, так и обвинений. Стремление к самовыражению и пониманию своего места в этом мире становится основным механизмом адаптации, позволяющим им справляться с нависшей тенью неизбежности.

В условиях тюремной среды, особенностями которой являются изоляция и подавленность, поддержка со стороны других заключенных и персонала может стать жизненно важной. Установление новых связей в общении может оказать положительное воздействие, создавая ощущение принадлежности к обществу. Единство с определенной группой способствует преодолению глубокого одиночества. Происходит повышение самооценки человека, что является первостепенным аспектом в процессе преодоления заболевания.

Прежде всего, сам факт наличия неизлечимого заболевания вызывает у любого человека внутренний конфликт, провоцирующий депрессию, эмоциональную неустойчивость, скрытую или явную агрессию. Отношение неизлечимо больных осужденных к своему заболеванию может варьироваться в зависимости от многих факторов, таких как тип заболевания, тяжесть симптомов. Реакция на заболевание во многом зависит от возраста, предшествующего злоупотребления алкоголем, наркотиками или их суррогатами, индивидуальных особенностей личности. Человек осознает неизбежность наступления смерти, и это осознание временности своего физического существования дает возможность задуматься о жизни и ее смысле [15, с. 16].

Рассмотрим наиболее типичные реакции ВИЧ-инфицированных осужденных:

1. Отрицание. Часто люди отрицают факт собственного заболевания, что может иметь двоякое значение. Так, первоначальное отрицание может быть полезным, так как на некоторое время оно способно ослабить стресс. Однако его продолжение способно затруднить адаптацию к новым жизненным условиям, которые необходимы, чтобы справиться с заболеванием, предотвратить его дальнейшее распространение, осознать социальную ответственность, которая налагается на осужденного.

2. Озлобленность. Поведение таких людей может стать разрушающим, осужденные могут нанести вред себе и другим. По мере прогрессирования заболевания человек может стать неспособным к работе, но при этом чувствовать себя удовлетворительно. «Бессодержательная» жизнь, полная ограничений в питании, деятельности, контактах, становится обычным явлением, а часто и причиной озлобленности. Озлобленность проявляется в раздражительности по поводу незначительных событий, может выражаться в идеях самообвинения, принимать форму суицидального поведения.

3. Суицидальные идеи и поступки. У осужденных значительно повышается риск суицида. Самоубийство может быть как активным (намеренное самоповреждение, влекущее за собой смерть), так и пассивным (саморазрушающее поведение, сокрытие серьезных осложнений).

4. Страх. Наиболее часто встречается страх смерти. Также имеются следующие страхи: быть брошенным или отвергнутым, оставить семью без поддержки, страх увечья, потери телесных или умственных способностей, потери конфиденциальности. Страх часто базируется на опыте других.

5. Беспокойство. Беспокойство почти всегда присутствует в жизни неизлечимо больного, отражая хроническую неопределенность, связанную с заболеванием. Оно может быть вызвано увеличившимся риском заражения другими заболеваниями, ухудшающейся способностью к эффективной деятельности, потерей физической и финансовой независимости.

Также можно отметить негативное отношение окружающих к лицам, имеющим неизлечимые заболевания. Неизлечимо заболевшие осужденные представляются как социально отвергнутые люди. Зачастую к ним проявляют отрицательную реакцию в связи с недостаточной осведомленностью большинства людей. Общество представляет неизлечимо больных как социально иных, практикующих маргинальные формы социального поведения - употребление наркотиков и сексуальную распущенность, что часто не лишено оснований. В связи с этим происходит формирование реакции отторжения от общества, что зачастую проявляется агрессивным поведением, желанием отомстить, страхом за свою жизнь и иногда заканчивается совершением преступлений или суицидами [16].

У осужденных происходит фиксация на отрицательных событиях прошлого, при этом осознание непоправимых совершенных ошибок, болезненные воспоминания и неприятные образы прошлого усугубляют тяжесть настоящего. Требования режима и особые условия пенитенциарного учреждения исключают гедонистическую ориентацию на настоящее [17, с. 11]. При этом временная перспектива подвергается резким изменениям, она подчиняется новой реальности. Отмечаются низкая осмысленность жизни, узость смысла жизни, отсутствие представлений о жизненном пути, низкая активность в сфере реализации жизненных смыслов, сосредоточение на прошлых событиях и нежелание думать о будущем. Осознание невозможности реализации контроля над собственной жизнью в местах лишения свободы усиливает ощущение бессмысленности происходящего вокруг, усиливает состояние неопределенности, страха перед будущим, отчаяния и бессилия [18, с. 3].

Сложные эмоциональные состояния неизлечимо больных осужденных нередко проявляются через творчество (изобразительное искусство, литература, музыка), что становится важным каналом самовыражения. Так, например, А. Г. Ковалев и Т. В. Бородкина подчеркивают, что арт-терапия – однин из главных методов работы с тяжелобольными пациентами. Создание рисунков, написание текстов или сочинение музыки помогает больным пациентам выразить свои внутренние чувства и переживания, которые они не могут передать словами [19, с. 145–147]. С помощью данного метода есть возможность взаимодействовать с неизлечимо больными осужденными, анализировать их внутреннее состояние.

Зачастую неизлечимо больные осужденные сталкиваются с внутренними конфликтами, страхами и переживаниями за свою жизнь. Внутренние составляющие личности переходят в негативный статус, понимание своей жизни и своего состояния исчезает. Некоторые осужденные начинают чувствовать вину перед другими. Эти эмоции зачастую проявляются во взаимоотношениях с другими осужденными. Социальная среда не всегда эмпатична к данной категории лиц. В связи с этим возможны различные психологические проблемы, которые специфически отражаются. Рассмотрим некоторые из них:

– Социальная изоляция: отстранение осужденного, имеющего неизлечимые заболевания, от общества, избегание самим обществом данного осужденного. Длительное нахождение в условиях социальной изоляции способно привести к нарушению социально полезных связей, навыков и т. д., что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации [20, с. 327].

– Чувство утраты контроля над жизнью: неизлечимо больные считают, что не могут планировать свою жизнь и вообще управлять ей. Все события в их жизни происходят случайным образом [21, с. 124–128].

– Страх перед неизбежностью смерти: постоянные мысли о своей смерти и невозможности будущей жизни без заболевания способствуют развитию тревожности, депрессии и многих других негативных психоэмоциональных состояний [22, с. 235–239]. Чувство сомнения: перед осужденным встает вопрос о лечении или отказе от медицинской помощи, что связано с малой информационной осведомленностью о заболевании, а также низком уровне самооценки [20, с. 150].

 – Проблемы с адаптацией к болезни: наличие неизлечимого заболевания сказывается и на физическом состоянии осужденного. Проявляются слабость, беспокойство, различные проблемы с телом.
Все это может привезти к снижению физической активности [23, с.178].

– Проблемы в коммуникативной сфере: факт наличия заболевания способствует развитию страха у окружающих при взаимодействии с осужденным, имеющим заболевание [24, с. 95–99]. На фоне этого осужденный может испытывать одиночество, трудности с получением поддержки от близких и знакомых.

– Агрессия по отношению к сотрудникам администрации: неизлечимо больные могут испытывать недоверие к сотрудникам администрации, а также медицинскому персоналу. Зачастую такое поведение сопровождается нарушением правил внутреннего распорядка учреждения и отказом от прохождения курса лечения [25, с. 12–15].

 Чувство несправедливости: неизлечимое заболевание может вызвать чувство злобы и обиды на свою судьбу, родственников. Осужденный может считать виноватым во всем общество или других людей, но забывать про собственные принятые решения в жизни [26, с. 110].

– Состояние депрессии: получение информации о наличии неизлечимого заболевания зачастую сопровождается таким негативным состоянием, как депрессия [23, с. 182]. В состоянии депрессии осужденный практически полностью отказывается от всех своих потребностей, оставляя в своей жизни только физические потребности, что в дальнейшем может сказываться на развитии личности.

 Аффективный и скрытый суицид: под влиянием негативных эмоций после получения информации о заболевании осужденный в отсутствии поддержки может совершать суицидальные действия [21, с. 128].

В работах В. Н. Мясищева мы можем увидеть, что проблема отношения личности к своей жизни рассматривается вместе с ее развитием и становлением. Отношение к своей жизни раскрывается как отношение к себе, другим и своей деятельности [13, с. 398]. В связи с этим психокоррекционная работа с неизлечимо больными осужденными должна проводиться в различных направлениях, таких как проработка ценностей личности, саморегуляции, взаимоотношений с другими осужденными, сотрудниками администрации. Одним из главных направлений будет формирование целей и их достижение [27, с. 903].

В исследованиях зарубежных авторов также освещается проблема, связанная с отношением к жизни у неизлечимо больных осужденных. Так, например, Марусчак Л. отмечает, что заключенные с хроническими заболеваниями чаще сообщают о психическом напряжении, депрессии и потере интереса к повседневной жизни, чем те, у кого таких заболеваний нет [28]. Многие заключенные мужчины с ВИЧ/СПИДом переживают глубокую скорбь из-за утраты будущих жизненных возможностей, включая свободу, семейные отношения и личные цели. Это свидетельствует о кризисе смысла жизни, который возникает у неизлечимо больных осужденных, они могут чувствовать, что все, чего они хотели достичь, стало недостижимым [29, с. 23–29]. Д. Рич отмечает, что заключенные с неизлечимыми болезнями испытывают трудности в построении жизненных планов, поскольку их диагноз воспринимается как приговор, а условия содержания усиливают чувство бессмысленности существования [30].

В эмпирическом исследовании С. Фазела было выявлено, что среди заключенных с хроническими заболеваниями (ВИЧ, рак, гепатит) отмечено значительно более высокое число попыток самоубийства, чем среди здоровых заключенных. Также было установлено, что внедрение специализированных программ поддержки (включая психотерапию, работу с диагнозом и планирование будущего) снизило уровень суицидальности на 30 % [31]. Стоит отметить, что неизлечимо больные осужденные подвержены более высокому уровню рецидива после освобождения [32].

Таким образом, на основе анализа литературы отечественных и зарубежных авторов мы можем сделать вывод, что у неизлечимо больных осужденных зачастую наблюдается чувство безысходности и отчаяния, они теряют интерес к жизни. Диагноз данной категорией воспринимается как приговор, что вызывает тревожность, депрессию и склонность к саморазрушению. Такой критерий, как отношение к жизни у неизлечимо больных осужденных, может играть важную роль в их ресоциализации, помощи в лечении болезни, а также является одним из важных показателей для снижения уровня суицидального риска и рецидива преступности с целью формирования реалистичного и позитивного отношения к жизни.

Описание исследования

Для изучения категории «отношение к жизни» у неизлечимо больных осужденных было проведено эмпирическое исследование на базе ФКЛПУ МБ-10 УФСИН России по Вологодской области. Были отобраны осужденные двух категорий: имеющие неизлечимые заболевания и здоровые. 60 осужденных мужского пола в возрасте от 25 до 30 лет (образование основное общее) были разделены на 2 группы: первая группа – 30 здоровых осужденных. Вторая группа – 30 неизлечимо больных осужденных. Среди неизлечимо больных представлены лица со следующими заболеваниями: ВИЧ/СПИД, туберкулез (в запущенной форме), сахарный диабет II степени, цирроз печени, хроническая сердечная недостаточность. Для анализа отношения к жизни использовалась методика «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева. Эта методика, разработанная российским психологом и философом, фокусируется на выявлении и развитии смысла жизни человека, а также на определении его ценностей, целей и мотивов. При анализе полученных результатов выявлены осознаваемые и неосознаваемые установки осужденных по отношению к своей жизни (см. рис.).

Рис. Показатели оценки смысла жизни осужденных (в %)

Такие показатели, как «Цели в жизни», имеют средний уровень и находятся с поле нормы. Осужденные из обеих групп не имеют планов на далекое будущее, живут настоящим днем, жизнь уже сложилась, жизнь, которую они прожили, уже никак не изменить.

По шкале «Процесс жизни» осужденные первой группы имеют результаты намного выше, чем второй. Они отмечают, что реализовали себя полностью в жизни, имеют ближайшие жизненные планы. Считают, что необходимо развивать себя, а также использовать свой жизненный опыт в будущем.

Низкий показатель по шкале «Результативность жизни» отмечается во второй группе. Осужденные чаще высказывают мнение о том, что их жизнь не достигла важных целей. Им не удалось добиться желаемого. Все планы на жизнь не имеют дальнейшей возможности осуществления. Неизлечимо больные осужденные не имеют сформированного понятия о своей жизни, конкретных целей, утрачена вера в себя и свои действия. Они хотели бы изменить свою жизнь, но не имеют сил и возможностей для этого.

Также по всем показателям у неизлечимо больных осужденных результаты ниже среднего. Они считают, что человек не может контролировать свою жизнь, нет смысла сторить планы на будущее, нет веры в какие-либо медицинские возможности лечения. Осужденные утратили воспоминания о своей жизни, считают, что она всегда имела отрицательный характер. Отмечают, что взаимоотношения с родственниками и окружающими всегда были негативными, без взаимопонимания.

При сравнении полученных результатов выявлено, что осужденные первой группы, наоборот, имеют более высокие показатели по всем шкалам. Здоровые осужденные считают, что имеют власть и контроль над своей жизнью, сами выбирают круг своего взаимодействия. Убеждены что контролируют свою жизнь и действия. Выстраивают дальнейшие планы на жизнь. У них появляются мотивы создания семьи и изменения своей жизни с целью недопущения дальнейших преступных действий.

Анализируя критерий «Общий показатель смысложизненных оринтаций» отметим, что осужденные первой группы имеют достижения в жизни, считают себя физически и психически здоровыми личностями, принимают себя такими, какие они есть. Осужденные второй группы, наоборот, имеют отрицательное отношение к себе, заниженную самооценку, низкие показатели адаптивных способностей и когнитивных возможностей.

Неизлечимо больные осужденные испытывают трудности в принятии решений и действуют только тогда, когда уверены, что все будет хорошо. Данная категория склонна к самоуничтожению, самокритике, считают себя неудачниками, проявляют высокую чувствительность к мнению других людей и боятся, что их осудят или отвергнут. Могут сомневаться в своих решениях и действиях, даже если они уже были приняты. Наличие неизлечимого заболевания может мешать осужденным достигать своих целей, брать на себя ответственность и жить полной жизнью.

Осужденные первой группы отмечают наличие возможностей для реализации в жизни, определения новых целей, проявляют интерес к своему здоровью. Неизлечимо же больные осужденные делают акцент на том, что недостаточно следили за своим здоровьем, что хотели бы изменить прошлое. Считают, что их жизнь обречена и никакое лечение не поможет в решении их проблем.

Для подтверждения или опровержения гипотезы о том, что имеются различия в отношении к жизни у осужденных с неизлечимыми болезнями и здоровыми, проведено сравнение показателей в изучаемых выборках при помощи U-критерия Манна – Уитни – критерия для сравнения независимых выборок. По полученным результатам все шесть критериев находятся в зоне значимости U_{кр} = 2,63 (p ≤ 0,01), таким образом, имеются достоверные различия показателей в группах осужденных, а значит, неизлечимо больные осужденные имеют негативное отношение к жизни, а также состояние отрицания реальности.

По результатам исследования у осужденных, имеющих неизлечимые заболевания, отмечаются наиболее низкий уровень принятия своей жизни, отрицание реальности, а также недостаточное принятие прожитой жизни. Осужденные не переживают за свою жизнь, имеют недоверие к себе и окружающим, при взаимодействии с другими испытывают жалость
к себе. На контакт идут опосредованно, не следят за своим внешним видом и поведением в связи с отсутствием принятия дальнейшей жизни. Неизлечимо больные осужденные зачастую отмечают хроническую усталость, которая является эффектом от постоянных негативных мыслей. Испытывают чувство социальной изоляции и одиночества. Могут испытывать трудности в выполнении обычных задач, что приводит к потере независимости и необходимости помощи других людей.

Выводы

Представленное исследование является пилотажным, проведено с целью изучения общих механизмов переживания у неизлечимо больных осужденных с разными заболеваниями. По результатам можно сделать вывод, что независимо от того, какие неизлечимые заболевания имеют осужденные, все они в равной мере испытывают физические и эмоциональные переживания. В будущем данное исследование может быть продолжено и конкретизировано с учетом диагнозов осужденных. Изучение данного вопроса поможет сформировать более точные и эффективные меры психологической, медицинской, социальной помощи осужденным в зависимости от их диагноза.

На основе полученных результатов разработаны рекомендации по психологическому сопровождению неизлечимо больных осужденных с целью поиска позитивной стратегии отношения к жизни, изменения уровня тревожности, определения смысложизненных ориентаций, формирования реалистичного отношения к жизни и принятия диагноза, создания положительной осмысленности своих действий и др.

Необходимо внедрять систематическую психологическую работу с неизлечимо больными осужденными, которая включает несколько этапов.

Первый этап предполагает диагностику с целью определения эмоционального и психологического состояния осужденных, выявления потребностей и уровня отношения к жизни, а также ее осмысленности. По результатам выстраивается индивидуальный план психологического сопровождения неизлечимо больного осужденного.

На этапе индивидуальной работы психолог использует различные методы воздействия, такие как психокорекция, консультация, тренинг. Именно индивидуальная работа является перспективной и необходимой – осужденного нельзя оставлять наедине с самим собой. Необходимо постоянно проводить лонгитюдные исследования для определения изменений в поведении, а также формирования реалистичного образа будущего, отслеживания их в ходе индивидуальной работы, что поможет повысить предсказуемость результатов деятельности. Кроме того, следует развивать чувство уверенности в себе, навыки постановки целей, жизнестойкость, обучать методам саморегуляции и рефлексии с целью изменения отношения к своей жизни и самому себе. Важно использовать методы когнитивно-поведенческой терапии для изменения отрицательных установок и убеждений по поводу своей настоящей и будущей жизни.

Неизлечимо больные осужденные должны видеть достижение своих целей и задач для формирования навыков саморегуляции и саморазвития, формирования положительной направленности на будущую жизнь. При оказании поддержки необходимо также использовать педагогические методы воздействия, привлекать сотрудников воспитательного отдела, обеспечивать участие неизлечимо больных осужденных в образовательном процессе для повышения их уверенности в себе, личностного развития.

Наличие неизлечимого заболевания может мешать осужденным достигать своих целей, брать на себя ответственность и жить полной жизнью, поэтому важно работать над преодолением страхов и сомнений. Уже на ранних этапах получения информации о наличии неизлечимой болезни следует повышать адаптивные возможности и формировать принятие своей болезни. Привлечение сотрудников медицинских частей позволит доводить информацию до осужденных о возможностях лечения заболевания на ранних этапах.

Социальным работникам исправительных учреждений необходимо помочь осужденным восстанавливать и поддерживать социальные связи с родственниками. Общение с близкими может сыграть важную роль в оказании помощи неизлечимо больным осужденным. Для многих людей, находящихся в заключении, поддержка близких является жизненно важной, особенно когда они сталкиваются с серьезным заболеванием. В таких случаях общение с родственниками может способствовать улучшению психического и эмоционального состояния больного, а также помочь ему справиться с чувством одиночества. Родственники могут предложить утешение, понимание и поддержку, которые помогут осужденному справиться с такими проблемами, как стресс, депрессия и тревога.

Соблюдение данных рекомендаций, включающих в себя работу по формированию позитивной самооценки, развитие навыков принятия решений, позволит значительно улучшить психологическое состояние данной категории осужденных, они смогут обрести смысл и цели в жизни, восстановить уверенность в себе и своих действиях, а также восстановить связь с близкими. В дальнейшем комплексная работа с данной категорией станет важным шагом по уменьшению показателей смертности, а также суицидальных действий неизлечимо больных осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: https://pda.fsin.gov.ru/ structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php (дата обращения: 29.01.2025).

2. Зауторова Э. В. Особенности ценностных и смысложизненных ориентаций ВИЧ-инфицированных осужденных : моногр. М., 2018. 107 с.

3. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб., 2017. 165 с.

4. Пиюкова С. С., Тарасова С. А. Пенитенциарная психология и педагогика : учеб.-метод. пособие. Самара, 2017. 85 с.

5. Будько Е. В. Модусы социального поведения в условиях кризисной ситуации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). С. 57–62.

6. Петросьян С. Н., Рябикова З. И. Современные подходы к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 3 (183). С. 123–135.

7. Бобылева И. Ю., Романов А. И., Степаненко М. В. Характеристика мужчин, отбывающих наказание в ИТК (по материалам спецперепси 1989 г.). М., 2012. 37 с.

8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999. 349 с.

9. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986.

10. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 2015. 342 с.

11. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / R. Fair and S. Moscovici (Eds.). Cambridge, 1984. P. 3–69.

12. Segall A. The Sick Role Concept: Understanding Illness Behavior // Journal of Health and Social Behavior. 1976. Vol. 17, no. 2. P. 162–169.

13. Parsons T. The social system. Glencoe, 1951.

14. Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological review. 1943. Vol. 50, № 4. P. 370–396.

15. Шкуратов В. А., Шкуратов В. А., Михайлова О. Ю., Котова Т. А. Проблемы изучения отношения к жизни и смерти в юридической психологии // Российский психологический журнал. 2012. № 2. С. 16–22.

16. Воронин Р. М. Психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3 (6). С. 68–75.

17. Саар Ю. Р. Психологическая характеристика жизненных планов правонарушителей (на материале ЭССР) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 24 с.

18. Адылин Д. М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 3–8.

19. Ковалев А. Г., Бородкина Т. В. Психологические аспекты работы с тяжелобольными пациентами. СПб., 2017. 280 с.

20. Лебедев И. Б., Евсеева И. Г., Чуманов Ю. В. Психологические особенности представления о смысле жизни осужденными и особенности его формирования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 326–332.

21. Абрамова Г. С. Психология заключенных: проблемы адаптации и реабилитации. М., 2018. 320 с.

22. Братусь Б. С. Аномальная психология : учеб. для вузов. М., 2019. 450 с.

23. Лебедева Н. М. Психология стресса и кризисных состояний. М., 2016. 300 с.

24. Холмогорова А. Б. Психотерапия в системе работы с тяжелобольными. М., 2018. 200 с.

25. Рекомендации по оказанию паллиативной помощи в условиях пенитенциарных учреждений. М., 2020. 50 с.

26. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2015. 240 с.

27. Chronicle E. P., Ormerod T. C., MacGregor J. N. When Insight Just Won't Come: The Failure of Visual Cues in the Nine-Dot Problem // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2001. Vol. 54, no. 3. Section A. P. 903–919.

28. Maruschak L. M., Harrison P. M., Song J. Medical Problems of State and Federal Prisoners and Jail Inmates, 2011-12. Washington, 2015. 18 p.

29. Vogel W. N. HIV disease in prisons: psychosocial aspects // AIDS Patient Care and STDs. 1996. Vol. 10, no. 1. P. 23–29. 30. Rich J. D., Rich J. D., Wakeman E. A., Dickman S. L. Delivering quality health care in the correctional setting // American Journal of Public Health. 2011. Vol. 101, suppl. 1. P. 23–30.

31. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners // The Lancet. 2011. Vol. 377, no. 9769. P. 956-965.

32. Williams B. A., Johnson E. M., West T. D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners // Journal of Aging and Social Policy. 2012. Vol. 24, no. 3. P. 254–266.

REFERENCES

1. Statistical data. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php (In Russ.). (Accessed January 29, 2025)

2. Zautorova E.V. Osobennosti tsennostnykh i smyslozhiznennykh orientatsii VICh-infitsirovannykh osuzhdennykh: monogr. [Features of the value and meaning of life orientations of HIV-infected convicts: monograph]. Moscow, 2018. 107 p.

3. Adler A. Individual'naya psikhologiya [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.

4. Piyukova S.S., Tarasova S.A. *Penitentsiarnaya psikhologiya i pedagogika: ucheb.-metod. posobie* [Penitentiary psychology and pedagogy: educational and methodical manual]. Samara, 2017. 85 p.

5. Bud'ko E.V. Modes of social behavior in a crisis situation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, no. 8 (430), pp. 57-62. (In Russ.).

6. Petros'yan S.N., Ryabikova Z.I. Current approaches to the problem of personality life script as a social and psychological phenomenon. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Adygea State University*, 2016, no. 3 (183), pp. 123–135. (In Russ.).

7. Bobyleva I.Yu., Romanov A.I., Stepanenko M.V. *Kharakteristika muzhchin, otbyvayushchikh nakazanie v ITK (po materialam spetsperepesi 1989 g)* [Characteristics of men serving sentences in penitentiary institutions (based on the materials of the 1989 special census)]. Moscow, 2012. P. 37.

8. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, 1999. 349 p.

9. Deev V.G. *Psikhologiya napravlennosti lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: avtoref. dis. ... d-pa psikhol. nauk* [Psychology of personality orientation of convicts serving sentences in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 1986. P. 15.

10. Poznyshev S.V. Osnovy penitentsiarnoi nauki [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 2015. 342 p.

11. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge, 1984. Pp. 3–69.

12. Segall A. The sick role concept: understanding illness behavior. *Journal of Health and Social Behavior*, 1976, vol. 17, no. 2, pp. 162–169.

13. Parsons T. The social system. Glencoe, 1951.

14. Maslow A.H. A theory of human motivation. Psychological Review, 1943, vol. 50, no. 4, pp. 370–396.

15. Shkuratov V.A., Mikhailova O.Yu., Kotova T.A. Problems of studying attitudes to life and death in legal psychology. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2012, no. 2, pp. 16. (In Russ.).

16. Voronin R. M. Psychological features of the HIV-infected prisoners. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development,* 2014, no. 3(6), pp. 68–75. (In Russ.).

17. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov pravonarushitelei: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of offenders' life plans: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2009. P. 11.

18. Adylin D.M. Criminal law and penal characteristics of hiv-infected persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2012, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).

19. Kovalev A.G., Borodkina T.V. *Psikhologicheskie aspekty raboty s tyazhelobol'nymi patsientami* [Psychological aspects of working with seriously ill patients]. Saint Petersburg, 2017. 280 p.

20. Lebedev I.B., Evseeva I.G., Chumanov Yu.V. Psychological features of ideas about the meaning of life by convicts and features of its formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 326–332. (In Russ.).

21. Abramova G.S. *Psikhologiya zaklyuchennykh: problemy adaptatsii i reabilitatsii* [Psychology of prisoners: problems of adaptation and rehabilitation]. Moscow, 2018. 320 p.

22. Bratus' B.S. *Anomal'naya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov* [Abnormal psychology: textbook for universities]. Moscow, 2019. 450 p.

23. Lebedeva N.M. *Psikhologiya stressa i krizisnykh sostoyanii* [Psychology of stress and crisis states]. Moscow, 2016. 300 p. 24. Kholmogorova A.B. *Psikhoterapiya v sisteme raboty s tyazhelobol'nymi* [Psychotherapy in the system of work with the

seriously ill]. Moscow, 2018. 200 p.

25. *Ministerstvo zdravookhraneniya RF. Rekomendatsii po okazaniyu palliativnoi pomoshchi v usloviyakh penitentsiarnykh uchrezhdenii* [Ministry of Health of the Russian Federation. Recommendations on palliative care in penitentiary institutions]. Moscow, 2020. 50 p.

26. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. Moscow, 2015. 240 p.

27. Chronicle E.P., Ormerod T.C., MacGregor J.N. When insight just won't come: the failure of visual cues in the nine-dot problem. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2001, vol. 54, no. 3, pp. 903–919.

28. Maruschak L.M., Harrison P.M., Song J. *Medical problems of state and federal prisoners and jail inmates, 2011–2012.* Washington, 2015. 18 p.

29. Vogel W.N. HIV disease in prisons: psychosocial aspects. *AIDS Patient Care and STDs*, 1996, vol. 10, no. 1, pp. 23–29. 30. Rich J.D., Wakeman E.A., Dickman S.L. Delivering quality health care in the correctional setting. *American Journal of Public Health*, 2011, vol. 101, no. 1, pp. 23–30.

31. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners. The Lancet, 2011, vol. 377, no. 9769, pp. 956–965.

32. Williams B.A., Johnson E.M., West T.D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners. *Journal of Aging and Social Policy*, 2012, vol. 24, no. 3, pp. 254–266.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ – старший психолог психологической лаборатории Межобластной больницы № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https:// orcid.org/0009-0000-7194-6037

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, stanislavrz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5259-0258 YURII YU. KUCHKAREV – Senior Psychologist at the Psychological Laboratory of the Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7194-6037

STANISLAV V. GORNOSTAEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, https://orcid. org/0000-0001-5259-0258

Статья поступила 27.02.2025

Научная статья УДК 159.9.072 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009

Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7277-7693

Реферат

Введение: расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, среди осужденных представляют многоуровневую проблему, обусловленную взаимодействием нейробиологических, психологических и социальных факторов. Высокий уровень рецидивизма среди осужденных с зависимостями и низкая эффективность традиционных подходов к реабилитации требуют проведения углубленного междисциплинарного анализа. Многочисленные исследования указывают на высокий уровень хронического стресса, испытываемого осужденными, что обусловливает необходимость рассмотрения взаимосвязи между хроническим стрессом и поддержанием зависимости в данной популяции. Высокая коморбидность зависимости и заключения под стражу требует более глубокого понимания основных факторов. таких как стресс. для разработки эффективных стратегий вмешательства. Цель: исследование механизмов формирования и поддержания зависимости в условиях пенитенциарной системы с особым акцентом на анализе влияния хронического стресса на нейрохимические процессы, когнитивно-эмоциональные паттерны и социальные детерминанты; обоснование ключевой значимости хронического стресса по сравнению с другими факторами поддержания зависимости и разработка расширенных рекомендаций для реабилитации. Методы: углубленный обзор и анализ актуальных научных публикаций, содержащих эмпирические данные, касающиеся распространенности и влияния хронического стресса, его связи с зависимостью у осужденных, а также эффективности различных реабилитационных подходов. Результаты: выявлено, что условия лишения свободы (сенсорная депривация, ограничение автономии, суровые условия содержания, насилие) приводят к повышенному уровню хронического стресса у осужденных, который усугубляет нейробиологические нарушения (дисфункция дофаминовой системы, гиперкортизолемия, подавление нейрогенеза) и эпигенетические изменения, связанные с данными расстройствами. Хронический стресс выступает ключевым фактором в поддержании и рецидиве зависимости, провоцируя тягу и способствуя употреблению психоактивного вещества как средства самолечения. Психологические факторы (выученная беспомощность, деформация временной перспективы, эмоциональная дисрегуляция) и социальные риски (стигматизация, изоляция, отсутствие реинтеграционных программ) тесно взаимодействуют со стрессом, формируя цикл дезадаптации. Подтверждена эффективность комплексных стратегий, сочетающих психологические интервенции (когнитивно-поведенческая терапия, терапия осознанностью), социальную поддержку (программы реинтеграции, вовлечение семьи, наставничество) и при необходимости фармакотерапию. Выводы: хронический стресс играет ключевую роль в поддержании зависимости у осужденных. Оптимизация реабилитации требует интеграции нейронаучных данных, психокоррекционных методик (когнитивно-поведенческая терапия, терапия осознанностью, травма-информированный подход) и социально-средовых подходов (программы реинтеграции, поддержка семьи, наставники, социальные работники). Перспективными являются комплексные программы, направленные на снижение аллостатической нагрузки, развитие копинг-стратегий, восстановление нейропластичности и обеспечение непрерывности поддержки после освобождения.

Ключевые слова: химические зависимости; осужденные; уголовно-исполнительная система; хронический стресс; реабилитация; рецидивизм; психологические интервенции; социальная поддержка.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

[©] Искандаров Р. Р., 2025

Original article

Biopsychosocial and Structural Determinants of Chemical Addictions in Prison Settings

ROBERT R. ISKANDAROV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7277-7693

Abstract

Introduction: substance use disorders among prisoners are a multi-level problem caused by the interaction of neurobiological, psychological and social factors. The problem of addiction among persons in places of imprisonment is widespread and has a significant impact on both the individuals themselves and the prison system as a whole. High recidivism rates among prisoners with addictions and low efficiency of traditional approaches to rehabilitation require in-depth interdisciplinary analysis. Numerous studies indicate high levels of chronic stress experienced by prisoners, which necessitates consideration of the relationship between chronic stress and maintenance of addiction in this population. High comorbidity of addiction and incarceration necessitates a deeper understanding of the underlying factors, such as stress, to develop effective intervention strategies. Purpose: to study mechanisms of addiction formation and maintenance in the penitentiary system, analyze the influence of chronic stress on neurochemical processes, cognitive-emotional patterns and social determinants, to substantiate the key importance of chronic stress compared to other factors in maintaining addiction, and to develop expanded recommendations for rehabilitation. Methods: an in-depth review and analysis of current scientific publications containing empirical data on the prevalence and impact of chronic stress, its relationship with addiction in convicts, and the effectiveness of various rehabilitation approaches was conducted. *Results*; it is revealed that prison conditions (sensory deprivation, limited autonomy, harsh conditions, and violence) provoke chronic stress in convicts, which aggravates neurobiological disorders (dysfunction of the dopamine system, hypercortisolemia, and suppression of neurogenesis) and epigenetic changes associated with these disorders. Chronic stress is a key factor in the maintenance and relapse of addiction, provoking cravings and contributing to the use of psychoactive substances as a means of selfmedication. Psychological factors (learned helplessness, distorted time perspective, and emotional dysregulation) and social risks (stigmatization, isolation, and lack of reintegration programs) closely interact with stress, forming a cycle of maladaptation. The effectiveness of complex strategies combining psychological interventions (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy), social support (reintegration programs, family involvement, and mentoring) and, if necessary, pharmacotherapy is confirmed. Conclusion: chronic stress plays a key role in maintaining addiction in convicts. Optimization of rehabilitation requires the integration of neuroscientific data, psychocorrectional methods (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy, and a traumainformed approach) and socio-environmental approaches (reintegration programs, family support, mentors, and social workers). Promising are complex programs aimed at reducing allostatic load, developing coping strategies, restoring neuroplasticity and ensuring continuity of support after release.

Keywords: chemical dependencies; convicts; penal system; chronic stress; rehabilitation; recidivism; psychological interventions; social support.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical addictions in prison settings. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 189–199. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009.

Введение

В современном мире расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, приобретают масштабы системного кризиса, затрагивающего как индивидуальное здоровье, так и общественную безопасность. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, доля осужденных с диагностированной зависимостью варьируется от 20 до 65 % в разных регионах [1]. По официальной статистике МВД России, каждый десятый заключенный страдает от химической аддикции [2]. Эти цифры не только отражают масштаб проблемы, но и подчеркивают ее структурную природу: употребление психоактивных веществ тесно связано с рецидивизмом, поскольку большая часть преступлений среди зависимых совершается либо под воздействием веществ, либо с целью их приобретения [3; 4].

Однако ключевой проблемой остается отсутствие достаточной эффективности реабилитационных программ в пенитенциарных учреждениях. Традиционные подходы, основанные на изоляции и принудительном воздержании, демонстрируют ограниченные результаты: лишь 5–15% лиц сохраняют ремиссию после освобождения [5]. Основная причина кроется в игнорировании комплексного взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов, формирующих феномен «двойной несвободы».

С одной стороны, хронический стресс, сенсорная депривация и ограничение автономии в тюрьмах усугубляют нейрохимические нарушения, вызванные длительным употреблением психоактивных веществ. Многочисленные исследования указывают на высокий уровень стресса, испытываемого осужденными, что требует детального рассмотрения его роли [6– 11]. С другой стороны, дезадаптивные когнитивные паттерны и стигматизация закрепляют зависимость как стратегию выживания. Высокая коморбидность зависимости и заключения под стражу обусловливает необходимость более глубокого понимания основных факторов, таких как стресс, для разработки эффективных стратегий вмешательства.

Существует практическая потребность в научно обоснованном анализе и конкретных действиях, которые могут быть реализованы для улучшения результатов реабилитации. Важно отметить, что данная проблема выходит за рамки пенитенциарной медицины, приобретая социально-экономическое измерение. Например, в странах с высоким уровнем неравенства, таких как США или Бразилия, отсутствие доступа к жилью и трудоустройству после освобождения увеличивает риск рецидива [12; 13].

В этой связи актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от репрессивных мер к научно обоснованным стратегиям, учитывающим как нейробиологические механизмы зависимости (например, дисфункцию дофаминовой системы под влиянием стресса), так и структурные недостатки пенитенциарной реабилитации. Целью работы является анализ взаимосвязи между нейрофизиологическими изменениями (особенно вызванными хроническим стрессом), психологическими особенностями [14; 15] и социальными условиями [16], которые совместно определяют устойчивость аддиктивного поведения среди осужденных. Особое внимание уделяется концепции аллостатической нагрузки, объединяющей биологические последствия хронического стресса и их влияние на адаптационный потенциал личности.

Настоящий обзор направлен на углубленный анализ научных публикаций, содержащих эмпирические данные по этой проблеме, с целью обосновать ключевую значимость хронического стресса по сравнению с другими факторами, способствующими сохранению зависимости у осужденных. Кроме того, будут представлены расширенные рекомендации для психологического и социального компонентов реабилитационной модели, направленные на повышение практической значимости работы.

Результаты исследования призваны стать основой для разработки интегративных программ реабилитации, сочетающих фармакотерапию, психокоррекцию и социальную поддержку. Таким образом, представленная работа вносит вклад в междисциплинарный диалог, связывающий нейронауку, клиническую психологию и пенитенциарную практику. Ее практическая значимость заключается в обосновании моделей, способных не только снизить рецидивизм, но и восстановить социально-психологический ресурс лиц, оказавшихся в условиях «двойной несвободы».

Распространенность и влияние хронического стресса среди осужденных. Эмпирические данные, полученные в результате научных исследований, последовательно демонстрируют повышенный уровень хронического стресса среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, а многочисленные исследователи сходятся во мнении, что опыт тюремного заключения обычно характеризуется высоким уровнем стресса, тревожности, низкой самооценкой, одиночеством и депрессией [17–20]. В частности, исследование, проведенное в тюрьмах Ганы, показало, что более половины заключенных испытывали умеренный или высокий уровень стресса, причем наиболее высокий уровень отмечался среди заключенных тюрьмы строгого режима [17].

Сама тюремная среда играет значительную роль в развитии стресса и психических проблем среди заключенных. Факторы, способствующие стрессу, включают изоляцию от семьи и социальных сетей [21], суровые условия содержания, отсутствие личного пространства, плохие санитарно-гигиенические условия [22; 23], насилие [24; 25] и отсутствие целенаправленной деятельности. Последовательность этих результатов в различных исследованиях и странах подчеркивает универсальность стресса как значимого фактора в тюремной среде.

Хронический стресс оказывает глубокое психологическое воздействие на заключенных. Он связан с различными психологическими расстройствами, включая тревожность, депрессию, самоповреждение, агрессивное поведение, навязчивые мысли и злоупотребление психоактивными веществами. Тюремное заключение может привести к развитию посттюремного синдрома, сходного с посттравматическим стрессовым расстройством, с долгосрочными последствиями для психического здоровья [25]. Хронический стресс может негативно влиять на тело. разум и жизнь человека, вызывая чувство подавленности, возбужденности, тревоги и опасений. Долгосрочные последствия хронического стресса, выходящие за пределы периода заключения, подчеркивают необходимость вмешательств, способствующих психологическому благополучию как во время, так и после лишения свободы [26].

Биологические основы: нейрохимия зависимости в условиях изоляции и хронического стресса. Хроническое употребление психоактивных веществ провоцирует глубокие нейробиологические сдвиги, которые в условиях тюрьмы усугубляются из-за сенсорной депривации, ограничения подвижности и постоянного стресса. Центральную роль играет дисфункция дофаминовой системы, регулирующей мотивацию и систему вознаграждения. У лиц с опиоидной зависимостью плотность D2-рецепторов в стриатуме снижается, что ослабляет контроль над импульсивными действиями и усиливает тягу к веществам. В тюрьме эти нарушения накладываются на хронический стресс, повышающий уровень кортизола. Гиперкортизолемия подавляет нейрогенез в гиппокампе, структуре, критичной для памяти и эмоциональной регуляции, и снижает уровень BDNF (нейротрофического фактора мозга) [27], что ограничивает нейропластичность и способность к обучению. Это создает порочный круг: стресс ухудшает когнитивные функции, что затрудняет преодоление зависимости, а сама зависимость усиливает воспри-ИМЧИВОСТЬ К СТРЕССУ.

Эпигенетические модификации, индуцированные средой, закрепляют эти изменения [28; 29]. У осужденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, выявлено гиперметилирование генов DRD2 и COMT, регулирующих дофаминовый обмен. Это снижает экспрессию D2-рецепторов и замедляет метаболизм дофамина, усиливая его накопление в синапсах и провоцируя импульсивность. Подобные изменения могут сохраняться годами, повышая уязвимость к рецидивам даже после освобождения.

Гиперактивация лимбической системы является еще одним следствием тюремных условий и хронического стресса. У заключенных с рассматриваемым расстройством фиксируется повышенная активность амигдалы, ответственной за реакции страха, и снижение активности префронтальной коры, модулирующей самоконтроль [30]. Этот дисбаланс усиливает эмоциональную лабильность, снижая толерантность к фрустрации и закрепляя связь между стрессом и поиском психоактивных веществ как быстрого решения.

Хронический стресс как ключевой фактор в поддержании зависимости. Анализ эмпирических данных и нейробиологических моделей позволяет утверждать, что хронический стресс играет ключевую роль в возникновении, поддержании и рецидиве зависимости у осужденных [5–7]. Многие люди попадают в тюремную систему уже с зависимостью, и стресс, связанный с заключением, может усугубить эти расстройства, приводя к употреблению психоактивных веществ в качестве средства самолечения. Тюремная среда, характеризующаяся насилием, изоляцией и недостатком реабилитационных услуг, может спровоцировать или усилить нездоровое употребление психоактивных веществ как способ справиться с трудностями. Стресс может вызывать тягу к наркотикам и приводить к рецидивам даже после периодов воздержания во время заключения. Чувство безнадежности, отсутствие перспектив на будущее и угнетающая тюремная среда способствуют стрессу и желанию уйти от реальности с помощью психоактивных веществ.

Нейробиологические модели показывают, что стресс активирует мозговые пути, участвующие в системе вознаграждения и мотивации (включая дофаминергические и норадренергические системы, а также кортикотропин-рилизинг-фактор), что повышает уязвимость к зависимости и рецидиву. Циклическая природа зависимости и стресса, когда стресс может провоцировать употребление психоактивных веществ, а употребление, в свою очередь, приводит к еще большему стрессу (включая юридические и социальные последствия), подчеркивает необходимость одновременного решения обеих проблем в рамках программ реабилитации. Нейробиологические данные предоставляют убедительное основание для понимания физиологической основы поведения, связанного со стрессом и зависимостью, что указывает на потенциальную эффективность вмешательств, направленных на эти пути.

Таким образом, хотя другие факторы играют роль, именно хронический стресс часто выступает тем катализатором и поддерживающим механизмом, который препятствует устойчивой ремиссии в условиях лишения свободы и после освобождения.

Психологические механизмы: ловушка дезадаптации под влиянием стресса. В условиях лишения свободы аддиктивное поведение трансформируется в сложный психологический феномен, где когнитивные искажения, эмоциональная дисрегуляция и институциональные ограничения взаимно усиливаются, часто под влиянием хронического стресса. Центральную роль играет феномен выученной беспомощности, описанный М. Селигманом [14]. Систематическое подавление автономии, невозможность влиять на базовые аспекты жизни и хроническая непредсказуемость среды формируют устойчивое убеждение в бессмысленности усилий. Исследования показывают, что лица с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в тюрьмах демонстрируют установки типа «ничего не изменить», что коррелирует с резистентностью к терапии и рецидивами. Этот когнитивный паттерн, усугубляемый стрессом и чувством безнадежности, не только снижает мотивацию, но и разрушает самоэффективность, закрепляя зависимость как единственную доступную стратегию контроля над негативными переживаниями.

Важным элементом становится деформация временной перспективы. В условиях изоляции и стресса происходит коллапс долгосрочного планирования: большинство заключенных фокусируются на текущем моменте, что связано как с нейробиологическими изменениями (угнетением префронтальной коры под влиянием стресса) [6; 30], так и с адаптацией к среде, где будущее воспринимается как абстракция. Согласно теории Ф. Зимбардо, такая суженная временная ориентация повышает привлекательность психоактивных веществ как средства немедленного эскапизма, минимизируя значимость отдаленных последствий [15]. Это создает порочный круг: вещества используются для подавления стресса и тревоги, вызванных неопределенностью, но их употребление еще сильнее разрушает способность к планированию.

Дисфункциональные убеждения, мифологизирующие эффекты психоактивных веществ, усугубляют ситуацию. В тюремной субкультуре формируются нарративы, идеализирующие вещества как инструмент «контроля над эмоциями» или «символ сопротивления». Эти убеждения, подкрепляемые групповой динамикой, трансформируют употребление в ритуал, конструирующий смысл в условиях экзистенциального вакуума [31]. Например, в некоторых сообществах заключенных прием психоактивных веществ ассоциируется с демонстрацией силы или принадлежностью к группе, что усиливает их символическую ценность.

Эмоциональная дисрегуляция, усугубляемая хроническим стрессом, выступает ключевым драйвером аддикции. У осужденных в тюрьмах часто диагностируются клинически значимая тревожность и симптомы депрессии. Гиперактивация амигдалы, ответственной за обработку страха и усиленной стрессом, сочетается с дефицитом нейромедиаторов, что снижает толерантность к фрустрации. Импульсивность, измеряемая тестами на отложенное вознаграждение, часто повышена [32]. В условиях ограничения альтернативных копинг-стратегий (творчество, спорт, общение) формируется патологическая петля: дистресс провоцирует употребление, которое, в свою очередь, углубляет эмоциональную нестабильность.

Адаптивные стратегии в тюремной среде приобретают парадоксальный характер. Употребление психоактивных веществ становится не только механизмом совладания с индивидуальным стрессом, но и инструментом социальной интеграции. В условиях депривации базовых потребностей (безопасность, принадлежность) вещества превращаются в социальный капитал, обмен на который укрепляет статус в иерархии сообщества. Например, доступ к веществам может служить «валютой» для получения защиты или информации, что институционализирует их употребление как норму.

Кульминацией этих процессов становится формирование такой зависимой идентичности, как устойчивая саморепрезентация, объединяющая стигму («Я – наркоман»), эмоциональную фиксацию на психоактивных веществах и восприятие трезвости как угрозы социальному положению [33]. Нейропсихологически это сопровождается снижением активности медиальной префронтальной коры, ответственной за саморефлексию [34], и гиперфункцией островковой доли, связанной с телесными ощущениями и тягой. Такая идентичность резистентна к внешним воздействиям, требуя глубокой реконфигурации самонарративов. Социальные факторы и их взаимодействие со стрессом. Хронический стресс является одним из ключевых факторов, влияющих на поддержание зависимости у осужденных, однако другие факторы также играют значительную роль и часто взаимодействуют со стрессом, усугубляя его воздействие. Социальная архитектура тюремной системы и условия после освобождения катализируют зависимость через стигматизацию, институциональное насилие, социальную изоляцию и экономическое исключение.

Социальная изоляция, вызванная разлукой с семьей и друзьями, усугубляется условиями заключения и может привести к чувству одиночества и безнадежности, что, в свою очередь, усиливает стресс и может способствовать употреблению психоактивных веществ как способу справиться с этими эмоциями. Двойная маргинализация, как преступника и наркомана, приводит к системной эксклюзии: после освобождения лица сталкиваются с отказами в трудоустройстве и жилье, что вызывает стресс и возвращает их в криминальные сети. Внутри тюрем иерархия, где зависимость ассоциируется со слабостью, ограничивает доступ к реабилитационным программам, закрепляя стигму.

Институциональное насилие (физическое, психологическое) является мощным стрессором, коррелирующим с усилением аддикции как формы сопротивления или бегства. В странах с репрессивной наркополитикой смертность от передозировок после освобождения значительно выше, чем в регионах с медико-социальным подходом, что отчасти связано с потерей толерантности и стрессом реинтеграции [35; 36]. «Культура молчания», где обращение за помощью воспринимается как предательство, блокирует доступ к поддержке и усиливает чувство изоляции. Отсутствие возможностей для образования, работы и личностного роста во время и после заключения может вызвать чувство безнадежности и отсутствия цели, что также является источником стресса и может способствовать рецидиву зависимости.

Экономические барьеры усиливают цикл зависимости: бедность, отсутствие страховки и жилья значительно повышают стресс и риск рецидива. В США значительная доля освобожденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, становятся бездомными в первый год [12; 13], что толкает их к криминалу или употреблению как стратегии выживания в условиях стресса.

Психические расстройства, такие как депрессия, тревожность и ПТСР, часто встречаются среди заключенных (особенно с учетом травматического опыта многих из них) [9–11; 25] и могут быть как причиной, так и следствием зависимости, а также фактором, способствующим ее поддержанию. Травма-информированный подход важен в этом контексте [37]. Хронический стресс значительно усугубляет эти состояния.

Таким образом, хотя социальные, экономические и сопутствующие психические факторы важны сами по себе, хронический стресс выступает как общий знаменатель и усилитель, пронизывающий все аспекты жизни заключенного и поддерживающий зависимость.

Философские основания: детерминизм, свобода воли и этика ответственности. Философский анализ зависимости в контексте лишения свободы требует обращения к фундаментальным вопросам человеческого агентства, моральной ответственности и природы принуждения. Во-первых, противоречие между нейродетерминизмом и свободой воли приобретает здесь особую остроту. Сторонники детерминизма, опираясь на данные нейронаук, утверждают, что аддиктивное поведение обусловлено изменениями в мозге: снижением активности префронтальной коры, дисфункцией системы вознаграждения и эпигенетическими модификациями [7; 28; 29]. В этой парадигме осуждение за употребление психоактивных веществ становится этически проблематичным аналогично наказанию за болезнь. Однако такой подход сталкивается с критикой со стороны экзистенциалистской традиции, подчеркивающей, что даже в условиях ограничений человек сохраняет способность к выбору. Как писал Ж.-О. Сартр, «мы приговорены быть свободными», что в контексте тюрьмы означает следующее: заключенный, несмотря на внешние и внутренние ограничения, продолжает нести ответственность за свои действия.

Во-вторых, дискуссия о моральной ответственности затрагивает этические теории, лежащие в основе пенитенциарных систем. Деонтология И. Канта, акцентирующая долг и рациональную автономию, оправдывает наказание как восстановление справедливости. Однако если зависимость лишает человека рационального контроля (из-за дисфункции префронтальной коры), то карательный подход теряет легитимность. Альтернативу предлагает утилитаризм И. Бентама: наказание должно быть направлено не на возмездие, а на предотвращение будущего вреда через реабилитацию. Этот подход согласуется с данными о том, что программы снижения вреда сокращают рецидивизм эффективнее, чем изоляция [35].

Компатибилизм, или «мягкий детерминизм», предлагает синтез этих позиций. Согласно Дж. Фишеру, даже в условиях биологической предопределенности человек сохраняет «направляющий контроль», способность реагировать на причины, что делает его морально ответственным [38]. В контексте рассматриваемых расстройств это означает, что, хотя нейрохимические нарушения ограничивают свободу выбора, заключенные сохраняют потенциал для изменений при наличии адекватных стимулов (терапия, образование). Например, применение налтрексона, блокирующего опиоидные рецепторы, не отменяет агентность, но создает условия для ее реализации [5].

Нейроэтика вносит в дискуссию новые аспекты. Работы П. Черчленд подчеркивают, что нейробиологические данные не отменяют мораль, но требуют переосмысления критериев ответственности [39]. Если зависимость – это хроническое заболевание мозга, то пенитенциарные системы должны фокусироваться на лечении, а не наказании [39]. Это согласуется с моделью восстановительного правосудия, где акцент смещается с изоляции на реинтеграцию, а диалог между жертвой и преступником становится инструментом исцеления.

Исторический контекст также важен: от дисциплинарных институтов М. Фуко, где тюрьма функционирует как «машина нормализации» [40], до современных концепций, рассматривающих ее как пространство восстановления человеческого достоинства. Философия Э. Левинаса, акцентирующая этику «другого», предлагает рассматривать заключенных не как объекты контроля, а как субъекты, чья уязвимость требует эмпатии и поддержки [41].

Отметим, что философский анализ демонстрирует, что зависимость в условиях лишения свободы – это не просто клиническая или правовая проблема, но этический вызов. Баланс между ответственностью и состраданием может быть достигнут через принцип пропорциональности: вмешательство должно учитывать как степень нейробиологических ограничений, так и потенциал для восстановления агентности. Это требует перехода от бинарной логики вины и наказания к комплексной модели, интегрирующей достижения нейронаук, этики и социальной работы.

Результаты исследования и обсуждение

Проведенный анализ позволил выявить комплекс взаимосвязанных факторов, определяющих устойчивость зависимости в условиях пенитенциарной системы, с особым акцентом на роли хронического стресса.

Нейробиологические и психологические аспекты. Выявлено, что нейробиологические нарушения (снижение плотности D2-рецепторов, гиперактивация амигдалы, дисфункция префронтальной коры) усугубляются под воздействием хронического стресса, характерного для тюремной среды. Эпигенетические изменения (гиперметилирование генов DRD2 и COMT) создают долгосрочные риски рецидивов. Психологические механизмы, такие как выученная беспомощность, деформация временной перспективы и эмоциональная дисрегуляция, тесно связаны с уровнем стресса и формируют замкнутый цикл дезадаптации и поддержания зависимости.

Ключевая роль хронического стресса. Анализ показывает, что хронический стресс выступает не просто одним из факторов, а центральным звеном, связывающим и усиливающим другие детерминанты зависимости у осужденных. Он напрямую влияет на нейробиологические пути, связанные с тягой и рецидивом, усугубляет психологическую уязвимость (тревогу, депрессию, импульсивность) и делает индивида более восприимчивым к негативным социальным влияниям (стигма, изоляция). Стресс тюремного заключения может как инициировать употребление психоактивных веществ в качестве копинг-механизма, так и провоцировать срывы у лиц, пытающихся сохранить ремиссию. Именно системное и пролонгированное воздействие стресса в условиях ограниченных ресурсов совладания объясняет его ключевую роль в поддержании зависимости в данной популяции, превосходя по своему интегрирующему влиянию другие отдельные факторы.

Социальные факторы и необходимость комплексных вмешательств. Социальные факторы, такие как стигматизация, отсутствие программ реинтеграции и экономическая эксклюзия, создают среду, благоприятствующую рецидиву, особенно в условиях стресса после освобождения. Опыт стран, внедряющих комплексные программы поддержки (образование, трудоустройство, жилье), демонстрирует значительное снижение рецидивизма, подтверждая важность средовых модификаций и социального компонента реабилитации.

Эффективность интервенций. Анализ литературы подтверждает эффективность комплексных подходов. Психологические интервенции, такие как когнитивно-поведенческая терапия и практики осознанности, доказали свою результативность в снижении стресса, тяги и предотвращении рецидивов у заключенных. Социальные программы, включающие поддержку при освобождении, вовлечение семьи, наставничество и активное участие социальных работников и волонтеров, играют критическую роль в успешной реинтеграции и поддержании ремиссии. При необходимости применяется фармакотерапия.

Рекомендации по реализации психологического компонента реабилитации

Для снижения хронического стресса и улучшения результатов ремиссии у осужденных с зависимостями в психологический компонент модели реабилитации целесообразно включить следующие конкретные действия и программы:

– Когнитивно-поведенческая терапия. Расширение доступа к индивидуальным и групповым сеансам, адаптированным для тюремных условий. Фокус на выявлении и изменении негативных мыслительных паттернов, связанных со стрессом и зависимостью, развитие навыков совладания с тягой. Использование таких техник, как ведение дневника мыслей, функциональный анализ поведения, когнитивная реструктуризация, тренировка навыков совладания, предотвращение рецидивов, самоконтроль, тренировка решения проблем.

– Практики осознанности. Внедрение программ, основанных на mindfulness (осознанности), включая медитацию, йогу и специализированные протоколы, такие как Mindfulness-Based RelapsePrevention (практики осознанности с когнитивно-поведенческими стратегиями, MBRP). Эти практики помогают снизить уровень стресса, улучшить эмоциональную регуляцию, повысить осознанность триггеров зависимости и развить безоценочное принятие. Протоколы MBRP могут быть адаптированы для тюремных условий.

– Группы поддержки. Организация регулярных групп поддержки, включая группы самопомощи (AA, AH) и терапевтические группы под руководством психологов. Предоставление безопасного пространства для обмена опытом, получения эмоциональной поддержки и развития чувства общности.

– *Травма-информированный подход.* Интеграция принципов травма-информированного подхода во

все аспекты реабилитации с учетом высокой распространенности травмы у осужденных с зависимостями. Это включает обучение персонала, скрининг на травму, создание безопасной среды и применение травма-специфических вмешательств.

– Развитие навыков совладания. Целенаправленное обучение заключенных эффективным стратегиям управления стрессом: техникам релаксации, саморегуляции, решения проблем, повышения самооценки.

– Позитивные психологические интервенции. Включение программ, направленных на развитие психологического благополучия и сильных сторон личности, что может улучшить психологическое состояние в условиях заключения.

Рекомендации по реализации социального компонента реабилитации

Реализация социального компонента для улучшения результатов ремиссии зависимых осужденных может включать следующие действия, программы и агентов влияния:

– Программы поддержки при освобождении. Разработка и расширение комплексных программ, обеспечивающих непрерывность поддержки при переходе из тюрьмы в общество. Включают помощь в поиске стабильного жилья, содействие в трудоустройстве, доступ к медицинским (включая лечение зависимости и психических расстройств) и социальным услугам, восстановление документов. Примеры: программы «PathwayForward» Армии Спасения, «FIT Program» Университета Северной Каролины.

 Вовлечение семьи. Интеграция членов семьи в процесс реабилитации (с согласия осужденного).
 Предоставление семейной терапии, обучения и групп поддержки для родственников с целью улучшения взаимоотношений, снижения стресса в семье и создания благоприятной домашней среды для выздоровления.

– Программы наставничества. Создание и поддержка программ, где успешно реабилитировавшиеся бывшие заключенные (наставники) оказывают практическую и эмоциональную поддержку освобождающимся. Наставничество способствует социальной интеграции, дает надежду, снижает чувство изоляции и риск рецидива.

 Образовательные и профессиональные программы. Расширение доступа к качественным образовательным (включая базовое образование и высшее) и профессиональным программам (профобучение востребованным специальностям) как во время заключения, так и после освобождения. Это повышает самооценку, конкурентоспособность на рынке труда, снижает экономический стресс и риск рецидива.

– Агенты влияния:

Социальные работники: усиление роли социальных работников в пенитенциарных учреждениях и службах пробации. Они координируют планирование реинтеграции, связывают с необходимыми ресурсами, оказывают психосоциальную поддержку и помогают в навигации по системе социальных услуг.

Волонтеры: привлечение обученных волонтеров из сообщества (включая выздоравливающих зави-

симых) для оказания неформальной поддержки, наставничества, помощи в организации досуга и групп самопомощи.

Группы взаимопомощи (АА/АН): обеспечение доступа и поддержка функционирования групп анонимных алкоголиков и анонимных наркоманов как внутри учреждений, так и в сообществе после освобождения.

Общественные организации: сотрудничество с некоммерческими и религиозными организациями, предоставляющими услуги по реинтеграции (жилье, питание, юридическая помощь, группы поддержки).

Выводы

На основании проведенного анализа можно заключить, что эффективная реабилитация лиц с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в пенитенциарной системе требует многоуровневого подхода, интегрирующего достижения нейронауки, психологии и социальной работы, с особым акцентом на управлении хроническим стрессом.

1. Признание ключевой роли стресса. Необходимо признать, что хронический стресс является центральным фактором, поддерживающим зависимость у осужденных, и сделать его снижение и управление им приоритетной задачей реабилитационных программ.

2. Интеграция биологического компонента. Следует учитывать нейробиологические последствия хронического стресса. При необходимости использовать фармакотерапию (например, налтрексон для снижения тяги при опиоидной зависимости) и методы, стимулирующие нейропластичность.

3. Внедрение комплексных психологических программ. Необходимо обеспечить широкий доступ к доказательным психологическим интервенциям, таким как когнитивно-поведенческая терапия и практики осознанности, адаптированным к условиям тюрьмы и направленным на развитие навыков совладания со стрессом и тягой. Возможно интегрировать травмаинформированный подход во все аспекты психологической помощи.

4. Развитие социального компонента и непрерывности поддержки. Ключевым условием является трансформация среды и поддержка после освобождения. Необходимо развивать программы реинтеграции (жилье, работа, образование), укреплять социальные связи (семья, наставничество), активно привлекать социальных работников и волонтеров. Следует обеспечить «бесшовный» переход и непрерывность лечения и поддержки при выходе из исправительного учреждения в общество.

5. *Многоуровневый подход.* Успешная реабилитация возможна лишь при синтезе трех компонентов:

 – биологического (фармакологическая и нефармакологическая коррекция нейрохимических дисфункций, вызванных зависимостью и стрессом);

 психологического (формирование адаптивных паттернов мышления, поведения и совладания со стрессом);

 – социального (создание поддерживающей среды и условий для реинтеграции, исключающих стигму и маргинализацию).

Данный подход не только соответствует принципам доказательной медицины и лучшим мировым практикам [42], но и отвечает на этические вызовы, связанные с проблемой зависимости в условиях лишения свободы, предлагая путь к восстановлению человеческого и социального капитала. Реализация этих рекомендаций позволит создать более эффективную и гуманную систему реабилитации, способствующую снижению уровня стресса, предотвращению рецидивов зависимости и успешной реинтеграции осужденных в общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. World Drug Report 2024 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: https://www.unodc.org/ unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html (дата обращения: 20.04.2025).

2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году // Государственный антинаркотический комитет. 2023. URL: https://media.mvd.ru/files/embed/6440403 (дата обращения: 20.04.2025).

3. Искандаров Р. Р. Психоактивные вещества как фактор совершения насильственных преступлений: современное состояние проблемы // Наркология. 2024. № 23 (1). С. 42–45.

4. Краткая характеристика состояния преступности за 2024 год. URL: https://мвд.pф/reports/index/ (дата обращения: 20.04.2025).

5. Chandler R. K., Fletcher B. W., Volkow N. D. Treating drug abuse and addiction in the criminal justice system: improving public health and safety // JAMA. 2009. Vol. 301, № 2. P. 183–190.

6. McEwen B. S. Neurobiological and Systemic Effects of Chronic Stress // Chronic Stress (Thousand Oaks). 2017. Vol. 1. Art. 2470547017692328.

7. Volkow N. D., Fowler D. S., Wang G. D. Neurobiologic Advances from the Brain Disease Model of Addiction // The New England journal of medicine. 2016. Vol. 374, № 4. P. 363–371.

8. Goomany A., Dickinson T. The influence of prison climate on the mental health of adult prisoners: a literature review // Journal of psychiatric and mental health nursing. 2015. Vol. 22, № 6. P. 413–422.

9. Brinded P. M. et al. Prevalence of psychiatric disorders in New Zealand prisons: a national study // The Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2001. Vol. 35. P. 166–173.

10. Brugha T. et al. Psychosis in the community and in prisons: a report from the British National Survey of psychiatric morbidity // The American journal of psychiatry. 2005. Vol. 162. P. 774–780.

11. Schnittker J., Massoglia M., Uggen C. Out and down: incarceration and psychiatric disorders // Journal of health and social behavior. 2012. Vol. 53, № 4. P. 448–464.

12. Baker O. et al. Experience delivering an integrated service model to people with criminal justice system involvement and housing insecurity // BMC Public Health. 2023. Vol. 23. Art. 222.

13. Morenoff J. D., Harding D. J. Incarceration, Prisoner Reentry, and Communities // Annual review of sociology. 2014. Vol. 40. P. 411–429.

14. Seligman M. E. Learned helplessness // Annual review of medicine. 1972. Vol. 23. P. 407–412.

15. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1271–1288.

16. Crewe B. The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison. Oxford, 2012. 528 p.

17. Ansah E. W. et al. Assessing Stress Levels, Predictors and Management Strategies of Inmates at Ankaful Prison Complex in the Central Region, Ghana // Behavioral sciences. 2023. Vol. 13, № 3. P. 201.

18. Edgemon T. G., Clay-Warner J. Inmate Mental Health and the Pains of Imprisonment // Society and Mental Health. 2018. Vol. 9, № 1. P. 33–50.

19. Lindquist C. H., Lindquist C. A. Gender differences in distress: mental health consequences of environmental stress among jail inmates // Behavioral sciences & the law. 1997. Vol. 15, № 4. P. 503–523.

20. Palmer E. J., Connelly R. Depression, hopelessness and suicide ideation among vulnerable prisoners // Criminal behaviour and mental health : CBMH. 2005. Vol. 15, № 3. P. 164–170.

21. Solbakken L. E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway // BMC Psychology. 2022. Vol. 10. Art. 185.

22. Evans G. W. The built environment and mental health // Journal of urban health : bulletin of the New York Academy of Medicine. 2003. Vol. 80. P. 536–555.

23. Nurse J., Woodcock P., Ormsby J. Influence of environmental factors on mental health within prisons: focus group study // BMJ. 2003. Vol. 327, № 7413. P. 480.

24. Boxer P., Middlemass K., Delorenzo T. Exposure to Violent Crime During Incarceration: Effects on Psychological Adjustment Following Release // Criminal Justice and Behavior. 2009. Vol. 36, № 8. P. 793–807.

25. Piper A., Berle D. The association between trauma experienced during incarceration and PTSD outcomes: a systematic review and meta-analysis // Journal of Forensic Psychiatry and Psychology. 2019. Vol. 30, № 5. P. 854–875.

26. Andersen H. S. et al. A longitudinal study of prisoners on remand: psychiatric prevalence, incidence and psychopathology in solitary vs. non-solitary confinement // Acta psychiatrica Scandinavica. 2000. Vol. 102, № 1. P. 19–25.

27. Вялова Н. М., Левчук Л. А. Роль BDNF в формировании депрессивных расстройств // Фундаментальные исследования. 2014. № 10-4. С. 771–775.

28. Andersen A. M. et al. Current and Future Prospects for Epigenetic Biomarkers of Substance Use Disorders // Genes (Basel). 2015. Vol. 6, № 4. P. 991–1022.

29. Bohacek J., Mansuy I.M. Molecular insights into transgenerational non-genetic inheritance of acquired behaviours // Nature reviews genetics. 2015. Vol. 16, № 11. P. 641–652.

30. Tanabe J. et al. Prefrontal cortex activity is reduced in gambling and nongambling substance users during decisionmaking // Human brain mapping. 2007. Vol. 28, № 12. P. 1276–1286.

31. Zika S., Chamberlain K. On the relation between meaning in life and psychological well-being // British journal of psychology. 1992. Vol. 83 (Pt. 1). P. 133–145.

32. Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling // Behavioural pharmacology. 2006. Vol. 17, № 8. P. 651–667.

33. Дьяков Д. Г., Жук Н. Н., Малаховская Е. С. Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ // Сибирский психологический журнал. 2016. № 59. С. 85–107.

34. Nejad A. B., Fossati P., Lemogne C. Self-referential processing, rumination, and cortical midline structures in major depression // Frontiers in human neuroscience. 2013. Vol. 7. Art. 666.

35. Degenhardt L. et al. Global patterns of opioid use and dependence: harms to populations, interventions, and future action // Lancet. 2019. Vol. 394. P. 1560–1579.

36. lacobucci G. Prisoners die from natural causes 20 years earlier than the general population, finds review // BMJ. 2024. Vol. 384. P. 198.

37. Trauma-Informed Care in Behavioral Health Services. Rockville (MD), 2014.

38. Fischer J. Deep Control: Essays on Free Will and Value. Oxford, 2012. 243 p.

39. Churchland Braintrust. What Neuroscience Tells Us About Morality // Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior. 2012. Vol. 3. P. 10.

40. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975. 328 p.

41. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб., 2000. 416 с.

42. Solbakken L. E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway // BMC Psychol. 2022. Vol. 10. Art. 185.

REFERENCES

1. World Drug Report 2024. *United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)*. 2024. Available at: https://www.unodc. org/unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html (accessed April 20, 2025).

2. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2023. *Gosudarstvennyi antinarkoticheskii komitet* [State Anti-Drug Committee]. 2023. Available at: https://media.mvd.ru/files/embed/6440403 (In Russ.) (Accessed April 20, 2025).

3. Iskandarov R.R. Psychoactive substances as a factor in committing violent crimes: the current state of the problem. *Narkologiya* = *Narcology*, 2024, no. 23 (1), pp. 42–45.

4. Brief description of the crime situation in 2024. *MVD Rossii* [The Ministry of the Interior of Russia]. 2024. Available at: https://mvd.rf/reports/index/ (In Russ.). (Accessed April 20, 2025).

5. Chandler R.K., Fletcher B.W., Volkow N.D. Treating drug abuse and addiction in the criminal justice system: improving public health and safety. *JAMA*, 2009, vol. 301, no. 2, pp. 183–190.

6. McEwen B.S. Neurobiological and systemic effects of chronic stress. *Chronic Stress (Thousand Oaks)*, 2017, vol. 1, art. 2470547017692328.

7. Volkow N.D., Fowler D.S., Wang G.D. Neurobiologic advances from the brain disease model of addiction. *The New England Journal of Medicine*, 2016, vol. 374, no. 4, pp. 363–371.

8. Goomany A., Dickinson T. The influence of prison climate on the mental health of adult prisoners: a literature review. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 2015, vol. 22, no. 6, pp. 413–422.

9. Brinded P.M. et al. Prevalence of psychiatric disorders in New Zealand prisons: a national study. *The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2001, vol. 35, pp. 166–173.

10. Brugha T. et al. Psychosis in the community and in prisons: a report from the British National Survey of psychiatric morbidity. *The American Journal of Psychiatry*, 2005, vol. 162, pp. 774–780. (In Russ.).

11. Schnittker J., Massoglia M., Uggen C. Out and down: incarceration and psychiatric disorders. *Journal of Health and Social Behavior*, 2012, vol. 53, no. 4, pp. 448–464.

12. Baker O. et al. Experience delivering an integrated service model to people with criminal justice system involvement and housing insecurity. *BMC Public Health*, 2023, vol. 23, art. 222.

13. Morenoff J.D., Harding D.J. Incarceration, prisoner reentry, and communities. *Annual Review of Sociology*, 2014, vol. 40, pp. 411–429.

14. Seligman M.E. Learned helplessness. Annual Review of Medicine, 1972, vol. 23, pp. 407–412.

15. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality* and Social Psychology, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1,271–1,288.

16. Crewe B. The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison. Oxford, 2012. 528 p.

17. Ansah E.W. et al. Assessing stress levels, predictors and management strategies of inmates at Ankaful Prison Complex in the central region, Ghana. *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, no. 3, p. 201.

18. Edgemon T.G., Clay-Warner J. Inmate mental health and the pains of imprisonment. *Society and Mental Health*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 33–50.

19. Lindquist C.H., Lindquist C.A. Gender differences in distress: mental health consequences of environmental stress among jail inmates. *Behavioral Sciences & the Law*, 1997, vol. 15, no. 4, pp. 503–523.

20. Palmer E.J., Connelly R. Depression, hopelessness and suicide ideation among vulnerable prisoners. *Criminal Behaviour* and *Mental Health: CBMH*, 2005, vol. 15, no. 3, pp. 164–170.

21. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychology*, 2022, vol. 10, art. 185.

22. Evans G. W. The built environment and mental health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 2003, vol. 80, pp. 536–555.

23. Nurse J., Woodcock P., Ormsby J. Influence of environmental factors on mental health within prisons: focus group study. *BMJ*, 2003, vol. 327, no. 7,413, pp. 480.

24. Boxer P., Middlemass K., Delorenzo T. Exposure to violent crime during incarceration: effects on psychological adjustment following release. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 36, no. 8, pp. 793–807.

25. Piper A., Berle D. The association between trauma experienced during incarceration and PTSD outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2019, vol. 30, no. 5, pp. 854–875.

26. Andersen H.S. et al. A longitudinal study of prisoners on remand: psychiatric prevalence, incidence and psychopathology in solitary vs. non-solitary confinement. *Acta psychiatrica Scandinavica*, 2000, vol. 102, № 1. p. 19–25.

27. Vyalova N.M., Levchuk L.A. The role of BDNF in the development of depressive disorders. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Fundamental Research*, 2014, no. 10–4, pp. 771–775. (In Russ.).

28. Andersen A.M. et al. Current and future prospects for epigenetic biomarkers of substance use disorders. *Genes (Basel)*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 991–1,022.

29. Bohacek J., Mansuy I.M. Molecular insights into transgenerational non-genetic inheritance of acquired behaviours. *Nature Reviews Genetics*, 2015, vol. 16, no. 11, pp. 641–652.

30. Tanabe J. et al. Prefrontal cortex activity is reduced in gambling and nongambling substance users during decision-making. *Human Brain Mapping*, 2007, vol. 28, no. 12, pp. 1,276–1,286.

31. Zika S., Chamberlain K. On the relation between meaning in life and psychological well-being. *British Journal of Psychology*, 1992, vol. 83, pp. 133–145.

32. Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling. *Behavioural Pharmacology*, 2006, vol. 17, no. 8, pp. 651–667.

33. D'yakov D.G., Zhuk N. N., Malakhovskaya E. S. Self-identification of patients suffering from mental and behavioral disorders due to the use of different types of psychoactive substances: comparative analyses. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2016, no. 59, pp. 85–107. (In Russ.).

34. Nejad A.B., Fossati P., Lemogne C. Self-referential processing, rumination, and cortical midline structures in major depression. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, vol. 7, art. 666.

35. Degenhardt L. et al. Global patterns of opioid use and dependence: harms to populations, interventions, and future action. *Lancet*, 2019, vol. 394, pp. 1,560–1,579.

36. lacobucci G. Prisoners die from natural causes 20 years earlier than the general population, finds review. *BMJ*, 2024, vol. 384, pp. 198.

37. Trauma-informed care in behavioral health services. *Center for Substance Abuse Treatment (US). Rockville (MD): Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US).* 2014.

38. Fischer J. Deep Control: Essays on Free Will and Value, Oxford, 2012. 243 p.

39. Churchland Braintrust. What Neuroscience Tells Us About Morality. *Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior*, 2012, vol. 3, p. 10.

40. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975. 328 p. (In French).

41. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected works. Totality and the Infinite]. Moscow; Saint Petersburg, 2000. 416 p.

42. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychol*, 2022, vol. 10, art. 185.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВ – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid. org/0000-0001-7277-7693 **ROBERT R. ISKANDAROV** – Candidate of Sciences (Medicine), Senior Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7277-7693

Статья поступила 04.04.2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья УДК 37 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010

Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФИМЕНКО

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, AAE.13@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0589-1116

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3559-6524

Реферат

Введение: в статье предпринята попытка актуализации ряда проблемных вопросов, связанных с функционированием института наставничества в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. В контексте воспитательной работы с персоналом пенитенциарного ведомства определяются цели и задачи наставнической деятельности. Акцентируется внимание на нормативно-правовой и социальной составляющих процесса наставничества, многообразии реализуемых функций. Констатируется, что наставничество представляет собой важный и эффективный инструмент, способствующий оптимальной адаптации молодых специалистов к условиям современной пенитенциарной деятельности. Цель: определение проблемных областей деятельности института наставничества в уголовно-исполнительной системе на современном этапе путем комплексной оценки отношений наставника и подшефного. Методы: метод анализа литературных источников, психологический вербально-коммуникативный метод, анкетирование. В качестве респондентов выступили 542 сотрудника уголовно-исполнительной системы, представленные двумя фокус-группами. Результаты: при организации наставнической деятельности важно сочетание организационных, правовых, социальных, психолого-педагогических факторов, учет которых позволяет найти наиболее оптимальные формы работы наставника с подшефным. Установлено, что для наставника важны дисциплинированность, коммуникабельность, правовая грамотность, сформированная готовность обучать. Выявлено, что занятия с имитацией выполнения служебных задач, контроль за исполнением служебных поручений по направлению деятельности, регулярные информирование и индивидуальные беседы являются наиболее эффективными формами наставнической деятельности. Определено, что эффективность взаимоотношений наставника и подшефного заключается в создании рациональной модели служебного поведения, в основе которой лежит практико-ориентированный подход к молодому сотруднику. Даны предложения по повышению роли института наставничества в уголовно-исполнительной системе. Выводы: констатируется, что институт наставничества играет важную роль в служебной деятельности. Интеграция административных, социальных, психолого-педагогических и методических компонентов позволяет сформировать эффективную модель взаимодействия наставника и подшефного. Это позволит повысить потенциал проводимой воспитательной работы с персоналом, в основе которой лежат принципы профессиональной преемственности и укрепления служебных традиций.

[©] Ефименко А. А., Писарев О. М., 2025

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы; воспитательная работа; институт наставничества; наставник; подшефный; служебная деятельность; профессиональное становление.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ефименко А. А., Писарев О. М. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 200–208. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010.

Original article

On Functioning of the Mentoring Institution in the Penitentiary System: the View of Employees

ALEKSANDR A. EFIMENKO

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0589-1116

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3559-6524

Abstract

Introduction: the article attempts to update a number of problematic issues related to the functioning of the mentoring institution in facilities and bodies executing criminal penalties. In the context of educational work carried out with the staff of the penitentiary department, the goals and objectives of mentoring activities are determined. Attention is focused on regulatory and social components of the mentoring process and the variety of functions performed. It is stated that mentoring is an important and effective tool that contributes to the optimal adaptation process of young professionals to the conditions of modern penitentiary activities. Purpose: to identify problematic areas of activity of the mentoring institution in the penitentiary system at the present stage and to determine the effectiveness of the work carried out by means of a comprehensive assessment of mentor-mentee relationships. Methods: a method of literary sources analysis, a psychological communicative method, and a survey. The survey covered 542 people divided into two focus groups. Results: when implementing mentoring activities, it is important to combine organizational, legal, social, psychological and pedagogical factors. It is established that discipline, sociability, legal erudition, and willingness to teach are of paramount importance for mentors. It is revealed that practice-focused lessons, monitoring of the execution of service duties, regular individual conversations are the most effective forms of mentoring. It is determined that the effectiveness of the mentor-mentee relationship depends on a rational model of official behavior based on a practice-oriented approach to a young employee. Some ways of increasing the role of the mentoring institution in the penal system are proposed. Conclusion: it is stated that in modern realities, the mentoring institution plays an important role in solving problems related to the personnel and organizational aspects of professional activity in the penal system. It is determined that the integration of administrative, social, psychological, pedagogical and methodological components in the implementation of mentoring activities makes it possible to form an effective mentor-mentee interaction model. This will significantly increase capacities of educational work with staff, based on key principles of supporting professional continuity and strengthening service traditions.

K e y w o r d s: penal system employee; educational work; mentoring institution; mentor; mentee; professional activity; professional development.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Efimenko A.A., Pisarev O.M. On functioning of the mentoring institution in the penitentiary system: the view of employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, np. 2 (70), pp. 200–208. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010.

Введение

В настоящее время одним из векторов развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является повышение качества подготовки специалистов, работающих в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания [1]. Работа в данном направлении подразумевает скоординированные действия должностных лиц всех уровней по непрерывному и дифференцированному подходу к различным категориям работников уголовно-исполнительной системы в целях их профессионального становления. Ежегодно на службу приходит значительное число молодых сотрудников, с которыми проводится обширный комплекс различных мероприятий в сфере государственно-политического (общественно-политического), духовно-нравственного и патриотического воспитания [2]. В этой связи большая роль отводится подготовке специалистов пенитенциарного профиля, представляющей собой целенаправленный процесс, ориентированный на систематическое приобретение профессиональных компетенций, необходимых для эффективного выполнения задач, возложенных на пенитенциарную службу. Указанная деятельность определена приказом ФСИН России от 13.06.2023 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» и направлена на формирование высокопрофессионального кадрового состава, способного эффективно решать задачи, стоящие перед Федеральной службой исполнения наказаний. Институт наставничества [3] определяется как важный, практико-ориентированный элемент целостной системы подготовки кадров в уголовно-исполнительной системе [4]. Ряд исследователей полагает, что с помощью активного использования системы наставничества возможно достичь постоянства кадрового состава. При этом система наставничества должна иметь определенную степень привлекательности для наставников, а также возможность давать объективную оценку достижений адаптанта [5].

Реализация наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федереции "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"», приказами ФСИН России от 30.12.2022 № 948 «Об утверждении Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», от 17.07.2024 № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», от 05.12.2024 № 851 «Об утверждении порядка организации индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, переведенного на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность

в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности», от 13.01.2025 № 5 «Об утверждении порядка организации индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, проходящего испытание, изучения его личных и деловых качеств и Порядка оценки результатов индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, прошедшего испытание», а также иными локальными нормативными актами учреждений и органов ФСИН России.

Наставничество является важной частью воспитательной работы, под которой в соответствии с приказом Минюста Российской Федерации от 17.06.2024 № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» понимается комплекс информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и профилактику нарушений служебной дисциплины. Наставничество является одним из важнейших направлений деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в работе с сотрудниками. Это позволяет говорить о важности имеющейся нормативно-правовой базы в контексте рассматриваемого нами вопроса [6].

Институт наставничества предполагает передачу знаний и навыков от более квалифицированных лиц менее квалифицированным, а также содействие их профессиональному становлению, под которым понимается процесс направленного и закономерного развития и саморазвития личности, определение своего места в мире профессий, реализация себя в профессии и самоактуализация своего потенциала для достижения вершин профессионализма [7]. Также следует акцентировать внимание на социальной составляющей наставничества, поскольку данный вид деятельности характеризуется целым рядом социальных функций, каждая из которых обладает определенной характеристикой (интегративной, воспроизводящей, регулятивной, коммуникативной, гуманистической, культурной, социально-политической, социализирующей) [8].

Таким образом, на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы наставничество является одним из эффективных инструментов адаптации молодых специалистов к условиям пенитенциарной действительности и выполнению служебных обязанностей в строгом соответствии с действующим законодательством, а также сохранения профессиональных традиций в служебной деятельности.

Эмпирическая часть

Для изучения эффективности института наставничества на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы, на базе Томского института повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний с сентября 2023 г. по октябрь 2024 г. было проведено эмпирическое исследование. В качестве респондентов выступили 542 (n = 542) сотрудника, проходящих обучение (профессиональное образование, профессиональную переподготовку, повышение квалификации) в институте.

Теоретическим базисом исследования выступил метод анализа нормативно-правовых и литературных источников. Был приведен скрининг научных публикаций по рассматриваемому вопросу, что позволило получить более детальное представление о теме исследования.

Для эмпирической части исследования разработана авторская анкета, включающая 21 закрытый и открытый вопрос, структурированный в два блока. Первый блок был направлен на выяснение социально-демографических и профессионально-служебных данных опрашиваемых, второй – включал вопросы, направленные на изучение мнений сотрудников относительно наставнической деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Было предположено, что эффективность индивидуального обучения молодых сотрудников определяется функционированием специфической модели в диаде взаимоотношений «наставник – подшефный», значимыми составляющими которой являются социальный аспект (вхождение молодого специалиста в новую для него социальную группу с учетом динамики выстраивания служебных взаимоотношений), профессиональный аспект (степень профессионализма наставника), морально-психологический аспект (учет эмоционального состояния участников воспитательного процесса, этическая ответственность за результат работы, формирование позитивной профессиональной модели поведения).

Для проведения анкетирования и последующей обработки полученных результатов респонденты были разделены на две фокус-группы, основанием формирования которых являлся имеющийся опыт работы в уголовно-исполнительной системе.

Фокус-группа 1 – сотрудники, проходящие обучение по образовательной программе «Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему» (лица, имеющие стаж службы до одного года), – 248 человек (n= 248).

Фокус-группа 2 – сотрудники, имеющие стаж службы от одного года и более (сотрудники отделов безопасности исправительных учреждений, отделов режима СИЗО, оперативных отделов исправительных учреждений, СИЗО, начальники отрядов, сотрудники психологических лабораторий исправительных учреждений, СИЗО, сотрудники кадровых подразделений, отделов охраны, по конвоированию), – 294 человека (n = 294).

Изучение личности традиционно принято начинать с социально-демографической характеристики. Использование данных показателей по отношению к одной группе (подгруппе) позволяет составить усредненный портрет личности. Более того, психологией и педагогикой выявлены многие закономерности, позволяющие учитывать особенности сотрудников разного пола, возраста, образовательного уровня и т. п., которые могут быть использованы в профессионально-служебной деятельности при постановке и решении конкретных служебных задач.

Анализ выборки свидетельствует об относительно равных долях сотрудников женщин (46 %) и мужчин (54 %) в целевой группе лиц, имеющих стаж службы в уголовно-исполнительной системе до одного года (фокус-группа 1). В фокус-группе 2 доля мужчин составляет значительное большинство – 71,4 %, женщин – 28,6 %.

Все опрошенные фокус-группы 1 находятся в возрастной группе до 45 лет. Большинство из них – это лица молодого возраста от 18 до 25 лет (46,8 %), далее – лица в возрасте от 25 до 30 лет (24,2 %), от 30 до 35 лет (19,3 %), от 35 до 40 лет и от 40 до 45 лет – по 4,8 % соответственно.

В фокус-группе 2 разделение респондентов по возрастным группам выглядит следующим образом: от 18 до 25 лет – 6,1 %; от 25 до 30 лет – 13,9 %; от 30 до 35 лет – 37,1 %; от 35 до 40 лет – 25,9 %; от 40 до 45 лет – 16,3 %; свыше 45 лет – 7,5 %.

41,9 % респондентов фокус-группы 1 имеет высшее образование, 30,6 % – среднее специальное, 23,4 % – среднее профессиональное, 4,1 % – среднее. Высшее образование имеют большинство сотрудников из фокус-группы 2 (89,1 %), среднее специальное – 8,8 %, среднее профессиональное – 5,1 %.

Стаж службы в уголовно-исполнительной системе у сотрудников фокус-группы 1 составляет до одного года. Вариативность стажа службы в фокус-группе 2 выглядит следующим образом: лица, имеющие стаж службы до одного года – 2 %; от 1 года до 5 лет – 17,7 %; от 5 до 10 лет – 24,8 %; от 10 до 15 лет – 27,6 %; от 15 до 20 лет – 18,4 %; свыше 20 лет – 9,2 %.

Таким образом, анализ социально-демографических данных позволил составить примерный портрет подшефного. Это молодой человек (мужчина или женщина), поступивший на службу в возрасте до 30 лет, имеющий в большинстве случаев высшее образование. Портрет сотрудника, который может выступить наставником, следующий: мужчина в возрасте от 25 до 45 лет, имеющий высшее образование и стаж службы от 10 до 20 лет.

Как известно, Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года требует от сотрудников знания нормативных правовых актов, реализующих пенитенциарную политику государства, поэтому важным обстоятельством является постоянное взаимодействие наставника и подшефного в вопросах анализа нормативных правовых актов, касающихся отбывания наказания разных категорий осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых.

Особую роль приобретает знакомство подшефного с личным составом учреждения. В частности, респонденты обеих фокус-групп отмечают тот факт, что наставник познакомил их в первый рабочий день с сотрудниками подразделения, а также с теми сотрудниками, с которыми общение происходит постоянно по роду занятий (37 % и 29,2 % соответственно). Респонденты фокус-группы 1 признают, что наставник их ни с кем не познакомил – 13 %, в фокус-группе 2 данный показатель составил 9 %.

Не вызывает сомнения тот факт, что формирование знаний, ценностей, правовых установок и чувств по отношению к существующей пенитенциарной действительности требует постоянного контакта между различными отделами и службами исправительного учреждения, которые обеспечивают соблюдение порядка и условий отбывания наказаний, а также эффективное использование средств исправления осужденных.

Основополагающую роль в служебной деятельности играет умение наставника давать правильные ответы на вопросы подшефного, применять правовые нормы на практике.

Исследование показало, что наставник мог дать ответы на вопросы подшефных практически всегда, на это указали 63 % респондентов фокус-группы 1 и 50,4 % – фокус-группы 2.

Около половины (48,3 %) респондентов фокусгруппы 1 подчеркнули, что наставник каждый раз давал обратную связь по результатам работы, обосновывал целесообразность тех или иных действий по направлениям служебной деятельности.

Аналогичный показатель для респондентов фокус-группы 2 составил 58,6 %. Достаточно большое количество опрошенных обеих фокус-групп (29 % и 21 % соответственно), указали, что результаты их работы подводились раз в неделю, вне зависимости от окончания задания.

Полученные результаты показывают, что наставнику важно учитывать индивидуально-психологические особенности подшефных, деятельность которых с одной стороны, направлена на исправление и ресоциализацию осужденных, а с другой – включает контроль за их поведением, исполнением ими обязанностей, ограничений и запретов, угрозу собственной безопасности.

Подчеркнем, что инициатива общения в одинаковой мере исходила как от наставника, так и подшефного (50 % на 50 %, в зависимости от инициатора общения). В данном ключе этот показатель составил 53,2 % в фокус-группе 1 и 51,7 % в фокус-группе 2.

Практические исследования показывают, что создание атмосферы доверия и взаимопонимания в коллективе достигается коммуникацией [9]. У руководителей, которые прислушиваются к мнению своих подчиненных, четко структурирована служебная деятельность. Производительность труда наставника увеличивается, что позволяет уделить большее внимание подшефным.

По мнению респондентов фокус-группы 1, результаты наставничества проявляются в эффективном выполнении конкретных поручений – 30,6 %, в формировании самостоятельности наставляемого – 30,6 %. В свою очередь, 35 % респондентов фокус-группы 2 в основном отмечают положительную мотивацию наставляемого к службе. Полагаем, что наставнику важно соблюдать золотую середину, то есть, с одной стороны, выбирать эффективные правовые методы воздействия на подшефных, а с другой – создавать условия для саморазвития и формирования самостоятельности наставляемого, где немаловажная роль отводится умению быть честным и брать на себя ответственность за принятые решения.

Проведенное исследование показало, что абсолютное большинство (92 %) сотрудников, входящих в фокус-группу 1, не имеют опыта работы в качестве наставника, 56,8 % респондентов фокус-группы 2 такой опыт имеют. Данное обстоятельство связано с тем, что в фокус-группу вошли сотрудники, имеющие стаж службы до одного года.

К следующему существенному показателю, характеризующему эффективность работы института наставничества, следует отнести уровень подготовки наставника [10]. Респондентам было предложено указать перечень профессиональных навыков, которыми, по их мнению, должен обладать наставник. Следует отметить, что классическая модель наставничества подразумевает, что наставник не является частью административной иерархии, выстроенной над подопечным. Это, в первую очередь, старший товарищ, обладающий большими знаниями и опытом [11]. Молодые сотрудники (фокус группа 1) в числе приоритетных назвали следующие: большой практический опыт, профессионализм в своей сфере (наличие данного навыка у наставника считают первостепенным 37,1 % опрошенных), выраженные организаторские качества (методичность, учение четко планировать, дисциплинированность, пунктуальность) - 24,8 %, компетентность, которая заключается в знании нормативно-правовой базы (21 %), ответственность (13,1 %). К числу незначимых были отнесены такие качества, как взаимопомощь, рассудительность, порядочность (по 1,1 %).

Несколько иная картина наблюдается у респондентов фокус-группы 2. Ими были выделены следующие значимые качества, способствующие эффективной наставнической деятельности: большой практический опыт, профессионализм в своей сфере (42,5 %), коммуникабельность (27,9 %), знание нормативно-правовых документов, регламентирующих служебную деятельность (25,2 %), ответственность (22,7 %). Не представляющими особой значимости действующие сотрудники назвали такие качества, как саморазвитие (1,4 %), умение оптимизировать свою работу (1 %), владение программным обеспечением, владение психологическими навыками, а также поддержание опрятного внешнего вида (по 0,7 %). Как можно заметить, существуют определенные различия во взглядах между молодыми и опытными сотрудниками, касающихся значимых качеств, которыми должен обладать наставник. Однако и те, и другие единодушны, что определяющим качеством, которое будет способствовать успешному наставничеству, является высокий уровень квалификации сотрудника, ответственного за данный вид работы.

Не менее интересным было получить представление о том, какими качествами, по мнению респондентов, должен обладать подшефный. Как приоритетные респонденты фокус-группы 1 указали качества, так или иначе относящиеся к волевому и мотивационному компонентам (целеустремленность, упорство, желание работать, заинтересованность в дальнейшей профессиональной деятельности) – 30,6 %; к сфере знаний – 19,3 %, в области коммуникации (открытость в контактах, умение работать и общаться в команде, доброжелательность) – 14,5 %. К числу наименее важных качеств подшефного молодые сотрудники отнесли самоконтроль, решительность, инициативность, саморазвитие, честность (каждое из указанных качеств набрало менее 3 %).

Схожая картина наблюдается при анализе ответов респондентов фокус-группы 2. Первое место по степени значимости, так же как и у молодых сотрудников, занимают качества, относящиеся к волевой и мотивационной сфере (целеустремленность, обучаемость, трудолюбие, мотивированность, заинтересованность в результатах в своей деятельности), – 32 %, на второе – коммуникативные качества (23,8%). Такое качество, как ответственность (под ним действующие сотрудники понимали готовность выполнения функциональных обязанностей лучшим образом, учет последствий, которые могут повлечь решения или действия самого человека, умение принимать решения в сложных ситуациях отметили 18,3 % респондентов. В то же время эмоциональный интеллект, стремление к карьерному росту, решительность, патриотизм в меньшей степени актуальны при проведении наставнической работы с подшефным (суммарный показатель составил 5,1 %). Мы можем говорить о том, что сотрудники, выступающие в роли наставников в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, так или иначе анализируют соответствие подшефных тем качествам, которые должны являться частью адаптационного процесса в русле служебной деятельности [12].

Один из вопросов анкеты касался типа информации, которую необходимо довести наставнику до своего подшефного для того, чтобы облегчить его вхождение в должность. Как известно, наличие объективной информации в процессе пенитенциарной деятельности позволяет получить сотрудникам полную картину оперативной обстановки в учреждении, а также грамотно ее оценить, что способствует более быстрой профессиональной адаптации [13]. В качества наиболее значимой информации респонденты фокус-группы 1 назвали знание законов, иных нормативно-правовых актов, документов, регламентирующих служебную деятельность в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания (25,8 %). На второе место молодые сотрудники поставили вопросы, связанные с получением информации, касающейся особенностей прохождения службы в целом, а также функциональных обязанностей по занимаемой должности (16,1 %). Также для них важны специфика работы отдела, в котором они проходят службу, особенности структур рабочего графика (14,5 %). Наименее значимая информация, по мнению респондентов группы 1, связана с действиями (выработкой алгоритма) при возникновении внештатных, экстремальных ситуаций, существующими обычаями и традициями в служебном коллективе, а также информация, раскрывающая этику служебного поведения, корпоративный этикет (1,6 %).

Что касается действующих сотрудников, имеющих большой стаж службы, то они считают, что в первую очередь подшефному необходимы знания, касающиеся деятельности конкретного структурного подразделения, в которое пришел сотрудник (21,7 % респондентов фокус-группы 2). На второе место сотрудники поставили информацию о правовых документах, определяющих современную уголовноисполнительную политику (20,6 %), на третье – сведения о функциональных обязанностях молодого сотрудника (16,5 %). Хотелось бы обратить внимание на то, что сотрудники, готовые выступить наставниками, в плане информационного обеспечения обратили бы внимание на особенности взаимодействия с осужденными и лицами, содержащимися под стражей (11,8 %), в том числе с приведением примеров из своей практической деятельности, а также знакомство молодого сотрудниками с коллегами (например, обмен контактными данными) – 10,8 %. Информация, касающаяся этики служебного поведения, общего культурного развития для наставников представляется наименее актуальной (3,4 %).

Заслуживает внимания проблемная область, связанная с определением наиболее эффективных форм работы с наставляемыми (подшефными). Молодые сотрудники в качестве приоритетных назвали практические занятия с имитацией выполнения служебных задач, а также исполнение служебных поручений по направлению деятельности (24,2%). Второе место по степени значимости заняли беседы наставников с подшефными (17,7 %). Также молодые сотрудники считают важными информирование об оперативной обстановке в учреждении в целом и ситуации в конкретном подразделении в частности, оперативные консультации по текущим вопросам, возникающим в служебной деятельности, оказание индивидуальной помощи (12,9 %). К менее эффективным формам работы респонденты фокус-группы 1 отнесли использование аудио- и видеометодов, а также организацию досуга во внеслужебное время (менее 2 %).

Иная ситуация наблюдается в фокус-группе 2. Так, первостепенным сотрудники считают проведение бесед с подшефными об особенностях службы в конкретном пенитенциарном учреждении, обязанностях по занимаемой должности (29,3 %). Решение практических задач также представляется важной формой работы наставника с подшефным (23,1 %). В решении повседневных служебных задач большую роль играют пример наставника, обращение к опыту наиболее квалифицированных сотрудников, ветеранов уголовно-исполнительной системы (16,3 %). К неэффективным формам работы респонденты фокус-группы 2 отнесли аудио- и видеометоды, а также проведение мероприятий, направленных на повышение культурного и образовательного уровня молодых сотрудников во внеслужебное время (2,8 %).

В заключение респондентам было предложено сформулировать рекомендации для эффективной наставнической деятельности. К сожалению, большая часть респондентов не высказала никаких предложений по данному вопросу (82,9 % респондентов фокус-группы 1 и 69,4 % – фокус-группы 2). Из предложенных путей повышения роли института наставничества отметим следующие:

– материально-финансовая составляющая (проработка вопроса, связанного с доплатой за наставническую деятельность, материальным стимулированием, поощрением за конкретные достижения). На важность данного вопроса обратили внимание более 70 % респондентов из тех, кто так или иначе проявил активность при ответе на последний пункт анкеты;

 временной фактор (выделение времени на наставничество для непосредственной работы с подчиненным, не в ущерб личному, контроль над подшефным, постоянный контакт с ним, недопущение снижения установленного срока наставничества в случае возникновения у молодого сотрудника какихлибо проблем в процессе службы);

 психологический аспект, связанный с учетом индивидуально-психологических особенностей личности подшефного, с последующей разработкой алгоритма индивидуальной работы с ним (в том числе в тесном контакте с психологической службой);

– оценка социального и профессионального концепта служебной деятельности, связанной с назначением наставниками самых опытных и ответственных сотрудников, формирование корпоративной культуры в системе отношений «наставник – подчиненный», проведение уроков мастерства, учебно-методических сборов наставников для обмена опытом и решения насущных проблем в этой области.

Выводы

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводу о том, что институт наставничества эффективен в решении ряда проблем организационного и кадрового характера, существующих в современных реалиях функционирования отечественной пенитенциарной системы, а именно: недостаток профессиональных знаний и опыта, трудности в социально-служебной сфере, наличие адаптационных препятствий в конкретном служебном подразделении, затруднения, связанные с формированием и повышением мотивации, отсутствие опоры на профессиональные традиции.

Установлено, что при осуществлении наставнической деятельности принципиальное значение имеет учет комплекса составляющих организационного, правового, социального и психолого-педагогического характера, которые позволяют применять на практике наиболее эффективные формы работы. К таким составляющим однозначно можно отнести оценку индивидуально-психологических особенностей наставников и подшефных, уровень подготовки наставника и имеющиеся у него инструменты передачи профессионального опыта и знаний, а также внедрение в служебную деятельность новых методов их трансляции, определение уровня мотивации к выполнению функциональных обязанностей по конкретной должности.

Определено, что особая роль в индивидуальной работе с подшефным принадлежит наставнику, который должен знать нормативно-правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний, объяснять особенности их применения на практике, профессионально отвечать на вопросы, возникающие у подшефного, а также предоставлять иную актуальную информацию с учетом складывающейся оперативно-режимной обстановки. Установлено, что большое значение имеет поддержка инициативы молодого сотрудника в пределах обозначенного служебного функционала, позволяющая формировать и развивать необходимые профессиональные качества: целеустремленность, усердие, решимость, стойкость, стремление к успеху.

Констатируется, что в контексте повышения роли института наставничества в уголовно-исполнительной системе целесообразно учитывать административные решения в плане как материального, так и нематериального поощрения деятельности наставников, выстраивание эффективной модели взаимодействия с заинтересованными служебными подразделениями в ходе осуществления индивидуального обучения, организация соответствующей методической работы по данному направлению.

На основе полученных эмпирических данных представляется целесообразной разработка методических рекомендаций, имеющих практико-ориентированную направленность, по организации эффективной работы с подшефным, исходя не только из специфики условий служебной деятельности, но и с учетом имеющегося у молодого сотрудника потенциала. Результаты исследования показали, что наставничество является двусторонним процессом, при котором важно соблюдение основополагающего условия, заключающегося в том, что наставник готов, имеет возможность и формирует необходимую среду для передачи своего профессионального опыта, а подшефный имеет все необходимые условия этот опыт перенять. Как итог - быстрое профессиональное становление молодого специалиста в сфере пенитенциарной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писарев О. М. Актуальные вопросы обучения профайлингу персонала УИС в образовательных организациях ФСИН России // VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина : сб. материалов : в 3 т. Пермь, 5–7 октября 2021 г. / сост. А. И. Согрина. Пермь, 2021. Т. 3. С. 103–106. 2. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников молодежного

 тосударственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание расотников молодежного возраста : метод. рекомендации / С. А. Фадеева и др. М., 2024. 45 с.

3. Организация наставнической деятельности в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России : метод. рекомендации / сост. Н. Г. Шубникова, Н. М. Тагирова, Н. Н. Ивашко ; под общ. ред. А. Б. Туманова. Новокузнецк, 2017. 46 с. 4. Ерофеева М. А., Лебедев М. В. Формирование коммуникативно-педагогической компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы средствами профессионального наставничества : моногр. М., 2024. 160 с. 5. Апахова В. М., Ваторопин А. С. Функции и особенности наставничества при первичной трудовой адаптации персонала уголовно-исполнительной системы // Siberian Socium. 2021. Т. 5, № 4 (18). С. 63–74.

6. Филиппова Т. В. Факторы, влияющие на развитие педагогического обеспечения наставничества в УИС // Осознание культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества : материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф., Севастополь, 16–17 апреля 2021 г. Севастополь, 2021. С. 117–119.

7. Чугунова Ю. С., Матвеенко В. Е. Профессиональное становление сотрудников УИС: духовно-нравственый аспект : моногр. Рязань, 2013. 173 с.

8. Скляренко И. С., Благовещенская М. А. Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 449–458.

9. Ерофеева М. А., Лебедев М. В. Формирование коммуникативно-педагогической компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы средствами профессионального наставничества : моногр. М., 2024. 160 с.

10. Дроздова Е. А., Аксенова А. В. Институт наставничества в уголовно-исполнительной системе: социально-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 253–255.

11. Мельникова М. В. Проблемные вопросы организации наставничества в уголовно-исполнительной системе // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 4 (8). С. 58–67.

12. Анфиногенов В. А. Отдельные аспекты социальной адаптации молодых сотрудников на службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 306–308.

13. Нурбаев М. С., Мишустин С. П. Организационно-правовое обеспечение наставничества в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы : учеб.-метод. пособие. Самара, 2015. 58 с.

REFERENCES

1. Pisarev O.M. Actual issues of training in the profiling of penal system employees in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *VII Pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S.I. Zlobinas: sb. materialov: v 3 tomakh, Perm, 5–7 oktyabrya 2021 goda. Tom 3* [VII Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: collection of materials: in 3 volumes, Perm, October 5–7, 2021. Volume 3]. Perm, 2021. Pp. 103–106. (In Russ.).

2. Fadeeva S.A., Mukhin M.I., Ugryumov Yu.M. et al. *Gosudarstvenno-politicheskoe, dukhovno-nravstvennoe i patrioticheskoe vospitanie rabotnikov molodezhnogo vozrasta: metod. rekomendatsii* [State-political, spiritual, moral and patriotic education of youth workers: methodological recommendations]. Moscow, 2024. 45 p.

3. Organizatsiya nastavnicheskoi deyatelnosti v FKOU VO Kuzbasskii institut FSIN Rossii: metod. rekomendatsii [Organization of mentoring activities at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: methodological recommendations]. Comp. by Shubnikova N.G., Tagirova N.M., Ivashko N.N. Ed. by Tumanov A.B. Novokuznetsk, 2017. 46 p.

4. Erofeeva M.A., Lebedev M.V. *Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professionalnogo nastavnichestva: monogr.* [Formation of communicative and pedagogical competence in employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024. 160 p.

5. Apakhova V.M., Vatoropin A.S. Functions and features of mentoring in personnel adaptation of the penal system. *Siberian Socium*, 2021, vol. 5, no. 4 (18), pp. 63–74. (In Russ.).

6. Filippova T.V. Factors influencing the development of pedagogical support for mentoring in correctional institutions. In: *Osoznanie Kultury – zalog obnovleniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva: materialy XXII Vseros. nauch.-prakt. konf., Sevastopol, 16–17 aprelya 2021 goda* [Awareness of culture is the key to the renewal of society. Prospects for the development of modern society: proceedings of the XXII All-Russian research-to-practice conference, Sevastopol, April 16–17, 2021]. Sevastopol, 2021. Pp. 117–119. (In Russ.).

7. Chugunova Yu.S., Matveenko V.E. *Professionalnoe stanovlenie sotrudnikov UIS: dukhovno-nravstvenyi aspekt: monogr.* [Professional development of UIS staff: spiritual and moral aspect: monograph]. Ryazan, 2013. 173 p.

 Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Methodological foundations for developing the mentoring institution in law enforcement agencies. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 449–458. (In Russ.).
 Erofeeva M.A., Lebedev M.V. *Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professionalnogo nastavnichestva: monogr.* [Formation of communicative and pedagogical competence among employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024.160 p.

10. Drozdova E.A., Aksenova A.V. Institute of mentoring in the penal enforcement system: social and legal aspect. *Probely v* rossiiskom zakonodatelstve = Gaps in Russian Legislation, 2018, no. 4, pp. 253–255. (In Russ.).

11. Mel'nikova M.V. Problem issues of mentoring in the prison system. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovanii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management*, 2019, no. 4(8), pp. 58–67. (In Russ.).

12. Anfinogenov V.A. Certain aspects of the social adaptation of young employees in the service of institutions and bodies of the penal system. *Probely v rossiiskom zakonodatelstv = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 4, pp. 306–308. (In Russ.).

13. Nurbaev M.S., Mishustin S.P. *Organizatsionno-pravovoe obespechenie nastavnichestva v rabote s kadrami ugolovno-ispolnitelnoi sistemy: ucheb.-metod. posobie* [Organizational and legal support for mentoring in working with personnel of the penal correction system: educational and methodological guide]. Samara, 2015. 58 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФИМЕНКО – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, AAE.13@yandex.ru, https://orcid. org/0000-0003-0589-1116

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@ mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3559-6524 ALEKSANDR A. EFIMENKO – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the Department of Organization of the Execution of Sentences of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@ yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0589-1116

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Personnel, Social, Psychological and Educational Work Organization of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-3559-6524

Статья поступила 21.01.2025

Научная статья УДК 377 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011

Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия elvira-song@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1334-2654

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема повышения профессионального уровня сотрудников уголовно-исполнительной системы, оптимизации их профессионального обучения. В связи с этим одной из приоритетных задач ФСИН России должна стать поддержка специалистов УИС на всех этапах их служебной деятельности, что предполагает как фундаментальное обучение, так и практико-ориентированный подход с эффектом погружения в служебную деятельность, профессиональное развитие сотрудников. Представлена экспериментальная программа профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, включающая в себя применение цифровых образовательных технологий, использование учебных рабочих мест, учебных полигонов, учебных рабочих маршрутов и т. д., реализуемая высококвалифицированным практико-ориентированным преподавательским составом образовательных организаций ФСИН России. Цель: получение объективной информации об уровне подготовки сотрудников в рамках профессионального обучения (первоначальная подготовка) для дальнейшей оптимизации образовательного процесса, улучшения качества процесса обучения. Методы: обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий анкетирование сотрудников: анализ данных первичной статистики: метод обобщения и сравнения. Результаты: исследование показало следующее: по итогам аттестации средний балл в экспериментальной группе составил 4,41, что на 1,14 балла выше уровня входного контроля. При этом средний балл в контрольной группе составил 3,68, что превышает уровень входного контроля лишь на 0,66 балла. В ходе итоговой аттестации слушатели экспериментальной группы, как правило, не имели проблем ни с теоретической, ни с практической частью квалификационного экзамена, при этом иногда допускались неточности в формулировках, а решение ситуационных задач не вызвало больших затруднений. Слушатели контрольной группы показали средний уровень знаний в теоретической части, при этом практическая часть квалификационного экзамена вызвала у большей части затруднения; решить в полном объеме ситуационные задачи смогли лишь 17,6 % испытуемых. Анализ оценки профессиональной деятельности молодого сотрудника УИС показал, что входившие в состав экспериментальной группы получили более высокие оценки руководителей, чем те, кто входил в состав контрольной группы. В связи с этим при проведении практических занятий необходимо широко применять как активные, так и интерактивные методы обучения, основанные на моделировании ситуаций служебной деятельности и выработке умений и навыков решения тех или иных профессиональных задач в условиях, максимально приближенных к реальным условиям несения службы. Выводы: реализация экспериментальной программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, при дифференцированном подходе позволяет определить необходимые условия для оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС, что будет способствовать повышению их профессионального уровня и эффективности их служебной деятельности в пенитенциарной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; образовательные организации ФСИН России; сотрудники; профессиональное обучение; экспериментальная программа; оптимизация профессионального обучения.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 209–217. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011.

[©] Зауторова Э. В., 2025

Optimizing Professional Training of Penal System Employees

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia elvira-song@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1334-2654

Abstract

Introduction: the article deals with the problem of improving the professional level of penal system employees and optimizing their professional training. In this regard, one of the priorities of the Federal Penitentiary Service of Russia should be to support its specialists at all stages of their official activities, which involves both fundamental training and a practice-oriented approach with the effect of immersion in official activities, professional development of employees. The article presents a pilot professional training program for citizens first recruited to the penal system that includes the use of digital educational technologies, training workplaces, training grounds, training work routes, etc., implemented by highly qualified practice-oriented teaching staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Purpose: obtaining objective information about the level of training of employees in the framework of vocational training (initial training) for further optimization of the educational process and improvement of the learning process quality. Methods: a review and analytical method consisting in the theoretical analysis of scientific sources on the subject of research; an empirical method including employee questionnaires; analysis of primary statistics data; a method of generalization and comparison. Results: according to the results of the study, the average score in the pilot group amounted to 4.41, which is 1.14 points higher than the entry control level. At the same time, the average score in the control group amounted to 3.68, which exceeds the entry control level by only 0.66 points. When taking a final exam, the experimental group participants, as a rule, had no problems with either the theoretical or practical part of the qualification exam, while sometimes inaccuracies in the wording were allowed. Solution of situational problems did not cause great difficulties. The control group participants showed an average level of knowledge in the theoretical part, while the practical part of the qualification exam caused difficulties for most of them; only 17.6% of the surveyed succeeded in it. In addition, the analysis of the assessment of the professional activity of a young penal system employee shows that those who were part of the experimental group received higher ratings from managers than those who were part of the control group. In this regard, during practical training, it is necessary to widely apply both active and interactive teaching methods based on modeling situations of official activity and developing skills and abilities to solve certain professional tasks in conditions as close as possible to real conditions of service. Conclusions: the implementation of an experimental professional training program for citizens first recruited to the penitentiary system with a differentiated approach allows us to determine necessary conditions for optimizing professional training of penitentiary staff, which will contribute to improving their professional level and effectiveness of their official activities in the penitentiary system.

Keywords: penal system; correctional institutions; educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia; employees; vocational training; experimental program; optimization of vocational training.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Zautorova E.V. Optimizing professional training of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 209–217. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011.

Введение

Развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) оказывает непосредственное влияние на уровень компетентности кадров и их подготовку для пенитенциарной системы. Особенности службы в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России) связаны с постоянно растущими требованиями к личностным и профессиональным качествам сотрудников, их моральной и эмоционально-психологической устойчивости, физической нагрузке, ответственности и т. д. Тем не менее практика свидетельствует о недостаточном уровне сформированности профессиональных, профессионально-специализированных компетенций специалистов УИС, что оказывает негативное влияние на выполнение ими профессиональной деятельности в соответствии с требованиями законодательства [1–4].

Так, анализ результатов опроса сотрудников, поступивших впервые на службу, показывает, что они не в достаточной степени знают основные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность УИС, испытывают трудности при ответе на вопросы о действиях в чрезвычайных ситуациях, порядке применения физической силы и огнестрельного оружия, не знакомы с правилами оформления документации и т. д. В связи с этим необходимо осуществлять поиск путей по оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС, которая представляется как непрерывный процесс повышения эффективности использования существующего образовательного пространства (методов, подходов и технологий), ориентированный на постоянное совершенствование знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на пенитенциарную систему и ориентированных на будущую самостоятельную профессиональную служебную деятельность сотрудников.

Таким образом, приоритетной задачей ФСИН России является поддержка специалистов УИС на всех этапах их служебной деятельности для повышения их профессионального уровня, создание условий для получения фундаментального практико-ориентированного обучения, способствующего профессиональному развитию сотрудников [5–7].

Освещение изучаемой проблемы в научной литературе

В отечественной педагогике и психологии компетентностный подход, позволяющий рассматривать готовность и способность обучающихся самостоятельно выполнять профессиональные и служебные обязанности, освещался в трудах таких ученых, как В. А. Адольв, А. Г. Бермус, В. А. Болотов, В. И. Звонников, И. А. Зимняя и др. [8].

Опора на деятельностный (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Г. К. Селевко, Г. А. Цукерман, В. Д. Шадриков и др.) и практико-ориентированный (О. И. Ваганова, Д. Варнеке, И. В. Вяткина, Ю. Б. Лунева и др.) подходы позволяет рассматривать профессиональное обучение и освоение образовательной программы слушателями образовательных организаций ФСИН России в условиях, приближенных к реальным профессиональным, сформировать у них необходимые компетенции с помощью выполнения реальных практических задач в учебное время [5].

Экспериментальная Программа профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС

В 2019 г. на межкафедральном заседании кафедр Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России (с февраля 2020 г. – Университет ФСИН России) было принято решение внедрить экспериментальную Программу профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС (далее – экспериментальная Программа); составитель – Е. В. Бодрова [9].

Экспериментальное исследование проводилось на базе Университета ФСИН России, ВИПЭ ФСИН России, Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России (прошли обучение 6814 чел.) и предусматривало непрерывное постепенное внедрение экспериментальной Программы в учебный процесс в течение учебного года. Непосредственными участниками эксперимента были выбраны 263 слушателя сборов профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС: рядовой и младший начальствующий состав (далее – МНС) – 136 чел., 6 групп по 18–25 чел. в каждой; средний и старший начальствующий состав (далее – СНС) – 127 чел., 6 групп по 17-25 чел. в каждой. Было выделено 6 экспериментальных групп (138 чел.) (далее – ЭГ), 6 контрольных групп (127 чел.) (далее – КГ).

Основой эксперимента стало применение в процессе обучения слушателей сборов профессионального обучения разработанной экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, для дальнейшей оптимизации образовательного процесса и улучшения качества процесса обучения.

Срок реализации экспериментальной Программы составил 18 недель (87 учебных дней): І этап – 13 недель (65 учебных дней) по месту прохождения службы с использованием дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ) до начала обучения в образовательной организации ФСИН России; ІІ этап – 5 недель (23–24 учебных дня) в образовательной организации ФСИН России (календарный график обучения представлен в табл. № 1). Общий объем экспериментальной Программы 390 часов, в том числе: 164 ч – очное обучение, 130 ч – обучение с использованием ДОТ, 96 ч – самостоятельная подготовка.

Экспериментальная Программа предусматривала освоение обучающимся следующих циклов учебных дисциплин: общепрофессиональный цикл, профессионально-специализированный цикл, цикл факультативных дисциплин, прохождение итоговой аттестации. Перечень учебных дисциплин факультативного цикла, указанный в экспериментальной Программе, носит рекомендательный характер.

Экспериментальная Программа разработана для всех сотрудников УИС: рядового состава и младшего начальствующего состава, среднего и старшего начальствующего состава (среднее/высшее профессиональное (неюридическое) образование), среднего и старшего начальствующего состава (среднее/ высшее профессиональное (юридическое) образование). Освоение экспериментальной Программы было направлено на формирование у обучающихся профессиональной компетенции, сформулированной в рамках реализации экспериментальной Программы, ПК-1 (Э) – способность на основе законодательства Российской Федерации и международных правовых актов осуществлять регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также при чрезвычайных обстоятельствах, оказание осужденным помощи в социальной адаптации, определение средств исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов. ПК-1 (Э) включает в себя 2 раздела: специальная (операционально-технологическая) составляющая и профессиональная психолого-педагогическая и этико-поведенческая составляющая компетентности.

Календарный график обучения по экспериментальной Программе
--

	Неделя	Названия циклов								
Место обучения / форма обучения		Общепрофессио- нальный цикл		Профессионально- специализированный цикл		Цикл факультативных дисциплин		Всего аудиторных часов	Самостоятельная подготовка	ВСЕГО часов
		Аудитор- ных часов	Самосто- ятельная подготов- ка	Аудитор- ных часов	Самостоя- тельная подготовка	Аудитор- ных часов	Самостоя- тельная подготовка	Всего ау, ча	Самостс подг	BCELO
І этап экспериментальной Программы										
	1	6	4	4	2			10	6	16
дения Т	2	6	4	4	2			10	6	16
	3	6	4	4	2			10	6	16
	4	6	4	4	2			10	6	16
	5	4	2	4	2	2	2	10	6	16
х х од	6	4	2	2	2	4	2	10	6	16
По месту прохождения службы / ДОТ	7	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	8	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	9	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	10	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	11	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	12	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	13	2	2	4	2	4	2	10	6	16
ИТОГО:		46	34	50	26	34	18	130	78	208
II этап экспериментальной Программы										
ая 7	14	2 (входной контроль)				40	4	44		
В образовательной организации ФСИН России / очная		8	2	24	2	6		40	+	
	15	6 2 (зачет)		26	4	4	2	38	6	44
	16			28	2	12	2	40	4	44
	17			202 (зачет)	2	142 (зачет)	2	38	4	42
	18			8 (итоговая аттестация)				8		8
ИТОГО:		16	2	100	10	38	6	164	18	182
ВСЕГО ча	СОВ	64	36	150	36	72	24	294	96	390
Общая трудоемкость		100		186		96		390		

Этапы реализации экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС

І этап – обучение по месту прохождения службы – предусматривал изучение дисциплин общепрофессионального цикла, профессионально-специализированного цикла, цикла факультативных дисциплин. Обучение включало в себя лекционные и семинарские занятия в режиме ДОТ с использованием LMS Moodle, а также онлайн-лекций с дублированием их записи в ЭИОС образовательной организации ФСИН России для слушателей, которые по разным причинам не смогли присутствовать на занятии. При этом обучающиеся выполняли задания преподавателей, используя рабочую тетрадь с серией творческих и интерактивных заданий (Flashанимация, интерактивные презентации, ментальные карты, инфографика и т. п.), практических самостоятельных работ с решением ситуационных задач, кроссвордов и т. д., способствующих формированию ключевых компетенций для решения служебных задач [10–12]. В каждой теме имеется QR-код, с помощью которого обучающиеся могли просмотреть подготовленные профессорско-преподавательским составом мультимедийные материалы по теме.

Выполнение данной учебной деятельности способствует повышению мотивации к изучению специальных учебных дисциплин, преемственности и перспективности преподавания, интенсификации учебного процесса; II этап – обучение в образовательной организации ФСИН России. По прибытии обучающихся в образовательную организацию ФСИН России в первый день обучения слушатели ЭГ выполняли входной контроль, который также направлен на выявление уровня освоения дисциплин в ходе I этапа обучения, что позволило выявить недостатки в осуществлении образовательной деятельности по месту службы, индивидуализировать обучение. Реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в образовательной деятельности активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных умений и навыков у обучающихся [13].

В рамках экспериментальной Программы использовались формы и методы, применяемые как индивидуальных, так и в групповых формах обучения (табл. 2).

Таблица 2

Формы и методы, рекомендованные к применению в образовательном процессе при реализации экспериментальной Программы

Формы и методы, применяемые в индивидуальном обучении							
– выполнение практических заданий							
– тренировки							
- ca	мопроверка						
— ко	- компьютерное тестирование						
– интерактивные квесты							
Формы и методы, применяемые в групповом обучении							
	 - групповой диалог (беседа, дискуссия, обсуждение проблемного вопроса) 						
Ð	– демонстрация, иллюстрация						
	– анализ практический ситуаций (каз	– анализ практический ситуаций (казусов)					
	– «кейс-метод»						
ЧНР	– «мозговой штурм»						
Дискуссионные	– разработка и защита мультимедиа презентаций (проектная методика)						
ckyc	– дебаты						
Ди	– «ПОПС-формула»						
	 прогулки по «виртуальным учрежде даний и их обсуждением 	цифровые образовательные техно- логии					
	– бинарная методика						
	– методика интегрированных (междисциплинарных) занятий						
Игровые	– дидактические игры						
	– творческие игры						
	– деловые игры						
	– ролевые игры						
	– организационно-деятельностные игры						
	– скринкастинг						
	– викторины						
	– интерактивные квесты с применен	ием aR- VR- технологий	цифровые образовательные техноло- гии				
ple	– коммуникативные тренинги						
Тренинговые	– тренинг делового общения						
ени	– создание опросов, анкет, тестов						
Tp	– модерация						

Обучающиеся при подготовке пользовались полнотекстовыми ресурсами электронно-библиотечной системы – электронной библиотеки с возможностью неограниченного доступа к изданиям по юридическим дисциплинам, общественным и гуманитарным наукам.

В рамках аудиторных занятий были организованы встречи с практическими работниками учреждений и органов УИС, ветеранами УИС, представителями государственных и общественных организаций. Реализация экспериментальной Программы обеспечивалась педагогическими и руководящими работниками образовательных организаций, а также лицами, привлеченными к ее реализации на условиях гражданско-правового договора (практические работники учреждений и органов УИС). III этап – обобщающий, заключался в проведении аналитической, статистической обработки и интерпретации результатов эксперимента, оформлении выводов, подготовке методических рекомендаций, описании опыта. В ходе третьего этапа экспериментального исследования отмечается разница между ЭГ (обучались по экспериментальной Программе) и КГ (обучались по Примерной программе) в достигнутых результатах.

В исследуемый период посредством различных педагогических методов был изучен уровень первоначальной подготовки слушателей до начала обучения по месту прохождения службы в форме тестирования и решения практических задач; уровень подготовки слушателей по итогам I этапа обучения (по месту прохождения службы) в форме входного контроля в образовательной организации ФСИН России. Через две недели обучения были проанализированы уровень подготовки в процессе обучения (тест, решение ситуационных задач), а также уровень полученных знаний, умений и навыков после обучения в образовательной организации ФСИН России (квалификационный экзамен, собеседование, решение кейс-задач при оценивании работодателем (начальниками учреждений и органов УИС, направивших сотрудников на обучение) готовности сотрудников к профессиональной деятельности), через три месяца после окончания сборов профессионального обучения – первоначальной подготовки – решение ситуационных задач, оценка профессиональной деятельности сотрудника УИС его непосредственным руководителем.

Результаты

На первом этапе эксперимента был определен первоначальный уровень знаний, умений и навыков у сотрудников УИС, будущих слушателей ЭГ и КГ до начала I этапа обучения (по месту прохождения службы). Для этого был применен метод тестирования, включающий в себя 20 теоретических вопросов, а также одну практическую задачу (табл. 3).

Таблица З

	Максимальная оценка	ЭГ		КГ	
Компоненты задания		ср. балл		ср. балл	
		MHC	CHC	MHC	CHC
Теоретические вопросы	5	2,97	3,16	3,02	3,19
Практическая задача	5	2,20	2,32	2,34	2,21
	5	2,59	2,74	2,68	2,70
Итого ср. балл	5	2,67		2,69	
Всего ср. балл	5	2,68		68	

Первоначальный уровень знаний, умений и навыков у сотрудников УИС до начала обучения на I этапе (по месту прохождения службы)

Исходя из данных таблицы, можно прийти к выводу, что у слушателей ЭГ и КГ уровень первоначальных знаний, умений и навыков одинаково низкий.

Далее сотрудники УИС приступили к I этапу обучения (по месту прохождения службы). Слушатели КГ обучались по месту прохождения службы (Приказ Минюста России от 27.08.2017 № 169), под руководством наставников в соответствии с Наставлением по организации профессиональной подготовки сотрудников УИС (настоящий документ утратил силу с 1 января 2024 г.). Слушатели ЭГ также обучались под руководством наставников, пользовались специально подготовленными материалами (электронная информационно-образовательная среда) образовательной организации ФСИН России (Университет ФСИН России, ВИПЭ ФСИН России, Кировский ИПКР ФСИН России).

Оценка уровня подготовки слушателей по окончании обучения в образовательной организации ФСИН России была проведена в ходе итоговой аттестации в форме квалификационного экзамена. Количество слушателей ЭГ в начале обучения в образовательной организации ФСИН России составляло 138 чел. За период обучения было отчислено 3 чел. по болезни. Количество слушателей КГ в начале обучения составляло 125 чел., отчислено 6 чел. (по болезни – 2 чел., по собственному желанию – 1 чел., за неосвоение учебного плана – 3 чел.).

Итоговая аттестация проходила в форме квалификационного экзамена и предполагала проверку персонального уровня теоретической подготовки (тест) и сформированности профессиональных умений, навыков, компетенций (комплексные практические задания) по дисциплинам «Правовые и организационные основы деятельности учреждений и органов УИС», «Основы профессиональной деятельности сотрудников».

По результатам итоговой аттестации средний балл у испытуемых ЭГ составил 4,41 (МНС – 4,34, СНС – 4,49), что на 1,14 балла выше уровня входного контроля. Средний балл сотрудников КГ составил 3,68 (МНС – 3,66, СНС – 3,71), что превышает уровень входного контроля лишь на 0,66 балла.

В ходе итоговой аттестации слушатели ЭГ, как правило, не имели проблем ни с теоретической, ни с практической частью квалификационного экзамена, при этом иногда допускались неточности в формулировках. Важно отметить, что ситуационные задачи, в том числе содержащие условия чрезвычайных происшествий, чрезвычайных ситуаций и чрезвычайных обстоятельств, не вызвали больших затруднений, равно как и составление соответствующих документов по фактам. Слушатели КГ показали средний уровень знаний теоретической части, при этом практическая часть квалификационного экзамена вызвала у большей части затруднения. Решить в полном объеме ситуационные задачи смогли лишь 17,6 % обучающихся КГ (СНС – 14; МНС – 8), тогда как данный показатель у сотрудников ЭГ составил 36,29 % (СНС – 27; МНС – 22).

После окончания профессионального обучения сотрудник УИС обязан был пройти собеседование по месту прохождения службы, в ходе которого работодателем осуществляется оценка качества освоения им образовательной программы. Анализ оценки руководителем профессиональной деятельности молодого сотрудника УИС показал, что лица, входившие в состав ЭГ, получили более высокие оценки от руководства, чем сотрудники, которые входили в состав КГ.

В дальнейшем в обеих группах сотрудников была проведена психолого-педагогическая поддержка в осуществлении ими служебной деятельности [14].

Таким образом, для оптимизации профессионального обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов для пенитенциарной системы необходимо осуществлять поиск путей и методов, способствовать реализации разработанной экспериментальной Программы обучения в образовательных организациях и территориальных органах ФСИН России. Обучение должно осуществляться в учреждениях и органах УИС под руководством практических работников территориальных органов ФСИН России и педагогических работников образовательных организаций ФСИН России. Образовательный процесс необходимо максимально приблизить к реальным условиям несения службы с использованием учебных рабочих мест, учебных рабочих маршрутов, в том числе с использованием aR- и VR- технологий. Наряду с этим требуется проведение выездных занятий в учреждения и органы УИС с привлечением практических работников. Данные меры будут способствовать оптимизации процесса обучения сотрудников, повышению их профессионального уровня и эффективности служебной деятельности в пенитенциарной системе.

Результаты исследования нашли отражение в описании положительного опыта «Использование специального вагона для перевозки осужденных в профессиональном обучении граждан, вновь принятых на службу» (2021) и передового опыта «Организация практико-ориентированного обучения в образовательных организациях ФСИН России с использованием дополненной и виртуальной реальности» (2022); разработки Концепции совершенствования (модернизации) электронной информационно-образовательной среды в Университете ФСИН России (2021), методических рекомендаций по реализации образовательных программ профессионального обучения и дополнительного профессионального образования в УИС (2020).

Заключение

Внедрение экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, включающей в себя применение цифровых образовательных технологий, использование учебных рабочих мест, учебных полигонов, учебных рабочих маршрутов, реализуемой высококвалифицированным практико-ориентированным преподавательским составом образовательных организаций ФСИН России, позволяет определить необходимые условия для оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС. Среди них: расширение круга профессиональных компетенций, формируемых в процессе обучения; применение дифференцированного обучения с использованием факультативных дисциплин; использование научного, методического, педагогического, материально-технического потенциала образовательных организаций ФСИН России; реализация практико-ориентированного образовательного процесса с внедрением современного цифрового обучения; увеличение срока обучения по Программе профессионального обучения и др.

Применение в процессе обучения разработанной экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, будет способствовать дальнейшей оптимизации и улучшению качества образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анискина Н. В., Дербина О. В., Дербин С. В. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под ред. О. В. Дербиной. Вологда, 2018. 309 с.

2. Брыков Д. А. Организация работы с кадрами УИС в современных условиях // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посв. памяти заслуженного деятеля науки РСФСР д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова и Дню российской науки (Рязань, 12 февр. 2021 г.). Рязань, 2021. С. 45–48.

3. Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными – бывшими работниками судов и правоохранительных органов // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–76.

4. Ковтуненко Л. В., Исаева К. В. Формирование профессионального мировоззрения сотрудников УИС в образовательном процессе вуза. Воронеж, 2023. 308 с.

5. Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3 (55). С. 575–584.

6. Жаркой М. Э. Дополнительное профессиональное образование работников уголовно-исполнительной системы и «Болонский процесс»: задача сохранения качества подготовки специалистов // Современные тенденции развития системы образования : сб. ст. Чебоксары, 2019. С. 255–259.

7. Подготовка кадров в современных условиях развития образования: реалии и перспективы : сб. материалов науч.-метод. конф. (Рязань, 31 марта 2022 г.). Рязань, 2022. 115 с.

8. Зауторова Э. В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 4. С. 5–9.

9. Бодрова Е. В., Шибаева Г. Е. Организация практико-ориентированного обучения в образовательных организация ях ФСИН России с использованием дополненной и виртуальной реальности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 59–66.

10. Зауторова Э. В. Некоторые проблемы и пути их решения в дополнительном профессиональном образовании // Траектория развития субъектов образовательного процесса : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2024. С. 141–147.

11. Федосеева Ж. А. Применение мультимедийных терминалов с базой данных вакансий в исправительных учреждениях УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 18–20.

12. Кузнецова Е. М. Перспективы развития современных информационных технологий в деятельности уголовноисполнительной системы // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь, 2018. С. 92–96.

13. Краскова О. В. Использование интерактивных форм проведения занятий в целях реализации компетентностного подхода. URL. https://www.informio.ru/publications/id1063/lspolzovanie-interaktivnyh-form-provedenija-zanjatii-v-celjah-realizacii-kompetentnostnogo-podhoda (дата обращения: 19.08.2024).

14. Писарев О. М. Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о модели служебного поведения, формирующей гуманное отношение к осужденным // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 2 (66). С. 210–218.

REFERENCES

1. Aniskina N.V., Derbina O.V., Derbina S.V. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: ucheb. posobie* [Public service in the penal system: textbook]. Vologda, 2018. 309 p.

2. Brykov D.A. Organization of work with the personnel of the penitentiary system in modern conditions. In: *Aktual'nye problemy organizatsii deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v usloviyakh razvitiya: mat. mezhvuzov. nauchno-praktich. konf., posv. pamyati zasl. deyatelya nauki RSFSR, dok. yur. nauk, prof. A.I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki (Ryazan', 12 fevr. 2021 g)* [Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system in the context of development: proceedings of inter-university research-to-practice conference dedicated to the memory of the distinguished scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science (Ryazan, February 12, 2021)]. Ryazan, 2021. Pp. 45–48. (In Russ.).

3. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional competence of employees of the penal enforcement system working with convicted persons-former employees of courts and law enforcement agencies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).

4. Kovtunenko L.V., Isaeva K.V. Formirovanie professional'nogo mirovozzreniya sotrudnikov UIS v obrazovatel'nom protsesse vuza [Formation of professional worldview of penal system employees in the educational process of the university]. Voronezh, 2023. 308 p.

5. Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3(55), pp. 575–584. (In Russ.).

6. Zharkoi M.E. Additional professional education of penal system employees and the "Bologna process": the task of preserving the quality of training specialists. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya: sb. statei* [Modern trends in the development of the education system: collection of articles: collection of article]. Cheboksary, 2019. Pp. 255–259. (In Russ.).

7. Podgotovka kadrov v sovremennykh usloviyakh razvitiya obrazovaniya: realii i perspektivy: sb. materialov nauch.metod. konf. (Ryazan', 31 marta 2022 g.) [Personnel training in modern conditions of education development: realities and prospects: proceedings of scientific methodological conference (Ryazan, March 31, 2022)]. Ryazan, 2022. 115 p.

8. Zautorova E.V. Competence approach in the educational process of the university. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo institute = Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute*, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russ.).

9. Bodrova E.V., Shibaeva G.E. Organization of practice-oriented training in educational institutions of the FPS of Russia using augmented and virtual reality. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 2, pp. 59–66.

10. Zautorova E.V. Some problems and ways to solve them in additional professional education. In: *Traektoriya razvitiya sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa: mat. II Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [The trajectory of the development of subjects of the educational process: materials of the II International research-to-practice conference]. Voronezh, 2024. Pp. 141–147. (In Russ.).

11. Fedoseeva Zh.A. The use of multimedia terminals with a database of vacancies in correctional institutions. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 11, pp. 18–20. (In Russ.).

12. Kuznetsova E.M. Prospects for the development of modern information technologies in activities of the penal system. *Vestnik FKU NIIIT FSIN Rossii = Bulletin of the Federal State Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2018, pp. 92–96. (In Russ.).

13. Kraskova O.V. *Ispol'zovanie interaktivnykh form provedeniya zanyatii v tselyakh realizatsii kompetentnostnogo podkhoda* [The use of interactive forms of teaching in order to implement a competence approach]. Available at: https://www.informio. ru/publications/id1063/Ispolzovanie-interaktivnyh-form-provedenija-zanjatii-v-celjah-realizacii-kompetentnostnogo-podhoda (accessed August 19, 2024).

14. Pisarev O.M. Ideas of Russian penal system employees about the official behavior pattern forming a humane attitude towards convicts. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 210–218. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1334-2654 EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, https:// orcid.org/0000-0002-1334-2654

Статья проступила 19.08.2024

Научная статья УДК 371.48:343.8 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012

Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации)

ЯНИНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА КАШКИНА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

Реферат

Введение: в статье рассматриваются основные показатели проводимой воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ в рамках реализации Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» территориальными органами ФСИН России Северо-Западного федерального округа. Указанные результаты представляют собой основные условия для организации и осуществления взаимодействия субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ. Цель: предпринята попытка выявления и обоснования некоторых особенностей осуществления субъектами пробации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам и их взаимодействия с иными субъектами пробации. Методы: анализ эмпирического материала, обобщение результатов, опрос, анкетирование, анализ нормативных правовых актов и результатов деятельности, изучение и обобщение результатов практической деятельности сотрудников исправительных центров ФСИН России. Результаты: выявлены наиболее эффективные, по мнению респондентов, направления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам как в целом по обозначенному федеральному округу, так и по его составляющим отдельным субъектам. Определены приоритетные мероприятия в формате проводимой индивидуальной, групповой и массовой воспитательной работы. Осуществлена оценка взаимодействия субъектов и иных заинтересованных в реализации пробации органов и организаций на основе заключенных соглашений с территориальными органами ФСИН России по Северо-Западному федеральному округу. Полученные данные были сопоставлены с общим показателем по всем территориальным органам ФСИН России для проведения сравнительного анализа с целью выявления особенностей применения пробации в исследуемом федеральном округе. Выводы: взаимодействие субъектов пробации и иных организаций является одним из основных компонентов в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ, выступает педагогической технологией в системе пробации.

Ключевые слова: пробация; пенитенциарная пробация; субъекты пробации; воспитательная работа; осужденные; принудительные работы; взаимодействие; территориальные органы ФСИН России.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Полякова Я. Н., Кашкина Е. В. Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 218–228. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012.

[©] Полякова Я. Н., Кашкина Е. В., 2025

Original article

Interaction of Probation Subjects and Other Organizations in the System of Educational Work with Convicts Serving Sentences in the Form of Forced Labor (Case Study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)

YANINA. N. POLYAKOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

EKATERINA V. KASHKINA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

Abstract

Introduction: the article considers key indicators of educational work with convicted persons sentenced to punishment in the form of forced labor within the framework of implementation of the Federal Law of February 6, 2023 No 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" conducted by territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The mentioned results are presented as the main conditions for organizing and implementing interaction between probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. Purpose: to substantiate the specifics of educational work with those sentenced to forced labor conducted by subjects of probation and their interaction with other probation subjects. Methods: analysis of empirical material, generalization of results, survey, questionnaire survey, analysis of normative legal acts and results of activity, study and generalization of the results of practical activity of employees of correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia. Results: the most effective, in the respondents' opinion, directions of educational work with convicts sentenced to forced labor are identified both in the federal district as a whole and in individual subjects of its constituent entities. Priority activities in the format of individual, group and mass educational work are determined. The interaction between the subjects and other bodies and organizations interested in the implementation of probation is assessed on the basis of agreements concluded with territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The obtained data are compared with the general indicator for all territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia to identify the specifics of probation application in the federal district under study. Conclusion: it is concluded that the interaction of probation subjects and other organizations is one of the main components in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. This interaction is presented as a pedagogical technology in the probation system.

Key words: probation; penitentiary probation; probation subjects; educational work; convicts; forced labor; interaction; territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Polyakova Ya.N., Kashkina E.V. Interaction of probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts serving sentences in the form of forced labor (case study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation). Penitentiary Science, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 218–228. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012.

Введение

Вопросы организации и осуществления воспитательной работы с осужденными не являются новыми для отечественной пенитенциарной науки. Вместе с тем современные социальные и политические процессы диктуют иные требования к вопросам проведения воспитательной работы с осужденными, и, как следствие, возникает необходимость в их научном обосновании, а также разработке новых педагогических технологий, способных обеспечить эффективность такой работы. Изучение вопросов организации и осуществления воспитательной работы с осужденными не теряет своей актуальности, о чем свидетельствуют многочисленные исследования современных ученых (А. В. Вилкова, Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля, Т. В. Кириллова, М. И. Кузнецов, В. М. Литвишков, С. А. Лузгин, Н. А. Тюгаева и др.). Однако известно, что вопросы науки без практической реализации теоретических идей, как и практика без научного подтверждения, не имеют смысла. Эти два независимых процесса взаимосвязаны, неотъемлемы друг от друга, что побуждает исследовать тот или иной процесс в зависимости от первоисточника образования как с научной, так и с практической стороны.

Основная часть

Принятый 6 февраля 2023 г. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» (далее – закон «О пробации»), взросший на подтвержденной наукой и практикой необходимости разработки принципиально нового подхода не только в исправлении осужденных, но и оказании им социальной помощи, позволяющей в том числе не допустить рецидива, аккумулировал в себе все перечисленные аспекты, где главным компонентом, позволяющим достичь наиболее значимых результатов в профилактике правонарушений и коррекции социального поведения, является воспитательная работа. Особую значимость данный вид деятельности приобретает при работе как с осужденными к лишению свободы, так и с осужденными к принудительным работам, то есть при применении пенитенциарной пробации, механизм реализации которой регламентирован приложением № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» (далее – приказ Минюста России № 350).

По прошествии первых шести месяцев действия закона «О пробации» в рамках научного исследования, реализуемого Научно-исследовательским институтом ФСИН России, были проанализированы результаты проводимой воспитательной работы в территориальных органах ФСИН России (далее – TO) в целях рассмотрения первых результатов реализации положения федерального и ведомственного законодательства, а также дальнейшего как совершенствования законодательства в этой сфере, так и распространения положительного опыта.

Анализ действующего федерального и ведомственного законодательства в части организации и осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках пенитенциарной пробации позволяет утверждать, что воспитательная работа с осужденными представляет собой педагогическую систему, схематично представленную на рисунке 1. Представленная система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам разработана на основе положений закона «О пробации» и приказа Минюста России № 350. Компоненты и элементы системы указаны в соответствии с упомянутыми выше нормативными правовыми актами. Следует отметить, что компонентом системы воспитательной работы могут выступать условия ее осуществления (материально-технические, кадровые; педагогические, психологические, социальные и т. д.). В упомянутых нормативных правовых актах условия как таковые не конкретизированы. Полагаем, что опыт практической реализации пенитенциарной пробации находится на начальной стадии, поэтому детальное изучение условий осуществления пенитенциарной пробации может быть предметом отдельного исследования.

Следуя принципам системного подхода, воспитательная работа с осужденными к принудительным работам в сфере пенитенциарной пробации представляет собой целостную совокупность компонентов и элементов, которые путем взаимодействия и интеграции способствуют достижению целей пенитенциарной пробации.

В представленной системе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам выделен ряд компонентов, а именно: субъекты, объекты, формы, направления воспитательной работы, цель и методы воспитательной работы в период прибытия осужденных в исправительные центры (далее – ИЦ) и отбывания наказания в ИЦ, взаимодействие с иными субъектами пенитенциарной пробации, структуры из числа работников и сотрудников ИЦ, организующих и осуществляющих воспитательную работу.

В целом компоненты рассматриваемой системы воспитательной работы не вызывают каких-либо специфических вопросов, тогда как взаимодействие с иными субъектами пенитенциарной пробации представляет собой новое направление деятельности [1]. Таким образом, в представленной системе отдельным компонентом является собственно механизм взаимодействия администрации ИЦ с иными субъектами пробации, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественными наблюдательными комиссиями, добровольцами (волонтерами), родственниками осужденных, а также гражданами [2-4].

Значимость такого взаимодействия по всем направлениям воспитательной работы неоспорима. Основные вопросы взаимодействия субъектов пробации заключается в ряде особенностей, объекты воспитательной работы – осужденные к принудительным работам (личностные качества, права и обязанности в соответствии с условиями отбывания наказания), режимные требования отбывания наказания в виде принудительных работ, правовые основы взаимодействия и т. д. [4; 5].

В нашем исследовании целью является выявление и обоснование некоторых особенностей осуществления субъектами пробации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам и взаимодействия с иными субъектами пробации. В первую очередь необходимо определить элементы воспитательной работы в составе системы, поскольку они выступают определяющими при дальнейшей организации взаимодействия с иными субъектами пробации.

Структура воспитательной работы с осужденными к принудительным работам

Субъекты ВР (предусмотрены ст. 6 ФЗ № 10): администрация ИЦ, сотрудники подразделений пробации, групп организации трудовой деятельности и воспитательной работы и иные сотрудники ИЦ, органы государственной власти, иные субъекты пробации, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных, а также граждане (п. 3, 4 Приложения № 2 к Приказу № 350).

Цель ВР: ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения, коррекция поведения осужденных к наказаниям в виде принудительных работ (п. 1).

Объекты ВР: осужденные к принудительным работам.

Формы проведения ВР: индивидуальные, групповые, массовые (п. 24).

Направления ВР: нравственное, правовое, трудовое, физическое, духовное, патриотическое (п. 14–23). Периоды отбывания наказания:

Прибытие осужденного в ИЦ	Отбывание наказания в ИЦ
<i>Цель:</i> адаптация к условиям ИЦ.	Цель: ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения, коррекция поведения осужденных.
Методы: Изучение личного дела (в течение 3 дней со дня прибытия осужденного в ИУ), ознакомительная бе- седа, планирование ВР (план ИВР на год) (п. 25–28).	Методы: ВР по направлениям (п. 14–23), инди- видуальные беседы (не реже 1 раза в 3 месяца) – п. 29, 32, ИВР с нарушителями (не реже 1 раза в неделю) – п. 30–31, общественно полезный труд (п. 34), социально-правовое просвещение (п. 40–41).

Совместные мероприятия ВР:

 – общественные объединения и религиозные организации, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных к принудительным работам и иные лица, имеющие положительное влияние на поведение осужденных к принудительным работам (п. 11);

– органы государственной власти, иные субъекты пробации, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных, а также граждане (п. 3, 36).

Структуры из числа работников и сотрудников ИУ:

– администрация ИЦ (п. 10).

Структуры из числа осужденных ИЦ:

– общие собрания осужденных (п. 37–39).

Рис. 1. Система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам

Итак, в ходе исследования была проведена оценка полученных из ТО ФСИН России Северо-Западного федерального округа (далее - СЗФО) данных о реализуемых мероприятиях при осуществлении воспитательной работы с указанной категорией осужденных. Напомним, что СЗФО состоит из следующих 11 субъектов Российской Федерации – Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа – с центром в г. Санкт-Петербурге [6]. Следовательно, как и в целом по стране, на деятельность ТО перечисленных субъектов распространяется действие главы 2 приложения № 2 к приказу № 350, согласно которой сотрудниками подразделений пробации, групп организации трудовой деятельности и воспитательной работы и иными сотрудниками ИЦ в рамках пенитенциарной пробации проводится воспитательная работа с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ.

В процессе исследования должностным лицам ТО было предложено ответить на вопрос о частоте проводимых мероприятий в формате различных направлений воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ, предусмотренных п. 14–23 приказа Минюста России № 350, проранжировав ответы в опросном листе в порядке убывания, где 6 – наиболее часто используемые направления, 1 – наименее используемые направления соответственно.

Для оценки частоты проведения мероприятий в формате различных направлений воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ использовался метод ранжирования, поскольку необходимо было выявить, какие направления более предпочтительны и значимы.
Основываясь на проведенной оценке полученных результатов, отметим, что трудовое воспитание оказалось в приоритете при осуществлении воспитательной работы с осужденными (средний ранг = 5,5), далее (по мере убывания ранга) – правовое воспитание (средний ранг = 4,31), нравственное воспитание (средний ранг = 4,23), патриотическое (средний ранг = 3,5), физическое (средний ранг = 2,65) и замыкает этот список духовное воспитание (средний ранг = 2,58) (рис. 2). Проанализировав полученные результаты, пришли к выводу, что трудовое воспитание является приоритетным, исходя из специфики исполнения самого вида наказания – принудительные работы, а также многоплановости воздействия данного направления, которое научно обосновано [7–11].

В результате сравнения частоты осуществления воспитательной работы (по направлениям) с общими аналогичными показателями по всем ТО в целом выявлено, что в ТО СЗФО направления физического, правового и духовного воспитания имеют более низкие показатели, чем по всем ТО, тогда как трудовому воспитанию отдается большее предпочтение (рис. 2). Патриотическое и нравственное направления воспитательной работы в ТО СЗФО по частоте использования в практической деятельности сотрудников ИЦ аналогичны всем ТО.

Puc. 2. Направления воспитательной работы

Сравнивая показатели по отдельным ТО тех или иных субъектов, входящих в состав СЗФО, наблюдается единообразие в выборе трудового воспитания как наиболее эффективного направления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам. Единственный ТО, из предоставивших запрашиваемую информацию, указавший на приоритетность правового направления воспитательной работы (средний ранг = 6), определив трудовое лишь на третье место – УФСИН России по Республике Карелия (рис. 3).

Puc. 3. Оценка направлений воспитательной работы по эффективности

Следующее, что заслуживает нашего внимания, это формы проведения воспитательной работы, которых, согласно п. 24 приложения № 2 к приказу № 350, насчитывается три: индивидуальные (далее – ИВР), групповые (далее – ГВР) и массовые (далее – МВР). Было предложено оценить по 5-ти балльной системе (5 – очень высокая, 4 – высокая, 3 – значительная, 2 – малозначительная, 1 – незначительная) эффективность воспитательной работы по указанным формам работы, а также по конкретным мероприятиям, относящимся к этим формам. При этом респондентам пояснялось, что эффективность определяется достижением цели мероприятия с наименьшими затратами ресурсов (временных, личностных, материальных и т. д.). Так, согласно полученным данным проведение мероприятий в рамках индивидуальной воспитательной работы респонденты указали наиболее эффективными (4,52 балла), при этом предпочтение отдавалось мероприятиям, проводимым с каждым осужденным к принудительным работам (4,5 баллов), а наименее результативной признана аттестация осужденных (2,48 балла) (рис. 4).

Рис. 4. Оценка эффективности индивидуальной воспитательной работы (все ТО СЗФО)

Отдельно обратим внимание на УФСИН России по Калининградской области, где наряду с мероприятиями, проводимыми с каждым осужденным к принудительным работам, прием осужденных по личным вопросам также расценивается как наиболее эффективное ИВР, определив каждому из этих мероприятий по 5 баллов. Отметим, что ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области каждому мероприятию в рамках ИВР по степени эффективности присудило по 4 балла (не стала исключением и аттестация осужденных), при этом индивидуальные беседы являются наиболее эффективными.

Puc. 5. Эффективность воспитательной работы (по формам проведения)

Групповая воспитательная работа, по мнению респондентов, по степени эффективности следует после ИВР (3,69 балла). К мероприятиям ГВР относятся обсуждение общих актуальных вопросов (3,6 балла), а также проводимые мероприятия с отдельными категориями (группами) осужденных (3,35 балла). Однако примечателен тот факт, что при оценке воспитательной работы по формам работы (рис. 5) (без дифференциации мероприятий) массовой воспитательной работе отдается наименьшее предпочтение (3,42 балла), а проводимые в рамках нее мероприятия респондентами признаны наиболее эффективными в сравнении с некоторыми мероприятиями ГВР: культурно-массовая (3,65 балла) и физкультурно-спортивная работы (3,17 балла), общие собрания (3,48 балла) и просветительские мероприятия (3 балла). При этом респонденты из УФСИН России по Псковской области и УФСИН России по Республике Карелия полагают, что наиболее эффективными в процессе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам являются общие собрания. Более того, ТО последнего из указанных субъектов на общем фоне резко контрастируют, обозначая физкультурно-спортивные мероприятия как наименее эффективные (1 балл). Общие показатели наглядно представлены на рисунке 6.

Рис. 6. Оценка эффективности проведения ГВР и МВР (все ТО СЗФО)

В целом можно признать, что с незначительным отрывом друг от друга по показателям ГВР и МВР равнозначны по эффективности проводимых мероприятий в отношении осужденных к принудительным работам в рамках пробации. Вместе с тем отметим, что использование ГВР и МВР в отношении осужденных к принудительным работам имеет свою специфику, связанную с самыми главными факторами – численностью и массовостью, которые обеспечиваются исключительно условиями исполнения наказания [12].

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос о частоте проводимых мероприятий с осужденными по направлениям воспитательной работы (нравственное, трудовое, правовое, физическое, патриотическое, духовное) в индивидуальной и групповой форме, где 5 – очень часто, а 1 – очень редко. Итак, наиболее часто в процессе индивидуальной воспитательной работы проводится правовое (3,90 балла), нравственное (3,48 балла), трудовое (3,43 балла), физическое (3,41 бала), патриотическое (3,40 балла) и духовное (3,26 балла) воспитание. В формате групповой воспитательной работы показатели идентичны, за исключением патриотического воспитания, занимающего третье место, и нравственного - пятое, тогда как при проведении индивидуальной работы эти направления зеркально противоположны (рис. 7).

Таким образом, анализ показателей воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках пенитенциарной пробации показал, что основной упор в воспитательной работе, осуществляемой сотрудниками ИЦ, приходится на трудовое, правовое и нравственное направления. При этом мероприятия физического воспитания представлены в основном в виде массовых спортивных мероприятий, тогда как физическое воспитание имеет более широкую направленность, в том числе формирование здорового образа жизни, профилактику социально значимых заболеваний и т. д. [13; 14].

В системе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в сфере пенитенциарной пробации особое место занимают вопросы взаимодействия с иными субъектами пробации.

Анализ проводимых субъектами пробации совместных мероприятий свидетельствует, что мероприятия духовной, патриотической и нравственной направленности чаще других реализуются в рамках заключенных соглашений. Следовательно, организованное взаимодействие позволяет увеличить частоту использования некоторых мероприятий, которые могут быть реализованы более эффективно сотрудниками ИЦ в совместной деятельности [15]. Кроме того, качество таких мероприятий также повышается, поскольку привлекаются специалисты по конкретным направлениям воспитательного воздействия.

Рис. 7. Частота мероприятий по направлениям воспитательной работы в групповой и индивидуальной формах (все ТО СЗФО)

Основой такого взаимодействия представляется собственно система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам, а само взаимодействие как совместная деятельность субъектов пробации организуется с учетом множества факторов: психологических, педагогических, организационных, правовых и т. д. [16–18].

Следуя положениям федерального и ведомственного законодательства, регламентирующего применение пробации, помимо субъектов пробации сотрудников уголовно-исполнительной системы, задействованных в воспитательном процессе, немаловажная роль в нем отводится иным субъектам - заинтересованным органам и организациям, указанным в ч. 3 ст. 6 закона «О пробации» (далее – субъекты). Из представленных данных следует, что представителями ФСИН России того или иного субъекта были заключены соглашения с субъектами с целью оказания содействия осужденным к наказаниям в виде принудительных работ, где наиболее активно к воспитательной работе с ними в формате взаимодействия привлекаются государственные организации - 16 (61,5 %), некоммерческие - 6 (23 %), коммерческие -2 (7,7 %), а также по одному соглашению заключено с общественной и образовательной организацией (по 3,8 % соответственно).

В этой связи полагаем необходимым более детально рассмотреть виды оказываемого субъектами содействия ИЦ в процессе осуществления пенитенциарной пробации в виде воспитательной работы с осужденными. Итак, если рассматривать оказываемое содействие в рамках соглашений по субъектам, их заключивших, то следует обратить внимание, что государственные органы в наибольшей степени оказывают содействие по вопросам трудоустройства, в разъяснении мер поддержки при трудоустройстве осужденных к принудительным работам после отбывания наказания, предоставлении рабочих мест (29,4 %). К примеру, реализуемое взаимодействие территориальных органов ФСИН России по Калининградской области с Центром занятости населения Калининградской области. Такое положение объясняется заинтересованностью и нуждаемостью работодателей в привлечении кадров, о чем свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым потребность в работниках у работодателей в Калининградской области за 2023 г. превысила 125 % по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года (в органы службы занятости поступило 13 609 заявлений). Схожее взаимодействие имеется у ТО ФСИН России по Псковской области с Областным центром занятости населения в рамках имеющегося соглашения, ориентированного на обозначенное направление, чем объясняется 10 566 поданных заявлений от работодателей, что составляет 109,7 % к декабрю 2022 г. [19].

Любопытно, что Мурманская область занимает последнее место в рейтинге по запросу кадров (78 %) при наличии взаимодействия ТО ФСИН России по Мурманской области с Центром занятости населения. Полагаем это обстоятельство является решающим при выборе направлений взаимодействия с заинтересованными субъектами, о чем свидетельствует приоритет проводимых духовно-нравственных мероприятий в формате содействия как с государственными органами, так и некоммерческими организациями (50 % от общей массы проводимой работы с осужденными в рамках пробации), что делает данный субъект лидирующим по духовно-нравственному воспитанию осужденных к принудительным работам среди иных субъектов по СЗФО. Рассматривая аспекты взаимодействия с иными субъектами пробации в УФСИН России по Мурманской области, следует отметить, что в рамках имеющихся соглашений с заинтересованными организациями задействованы основные направления воспитательной работы, а именно: трудовое, правовое (Мурманский центр занятости населения), духовное и нравственное (Мурманская и Мончегорская епархия Русской православной церкви), патриотическое в части пропаганды службы по контракту (Вооруженные силы РФ), физическое в части антинаркотической направленности (МРОО «Пробуждение», НО МРБФ «Шаг за шагом»). Кроме того, указанные организации принимают участие в мероприятиях социально-психологической и социально-педагогической направленности. Полагаем, что именно такой опыт взаимодействия по всем направлениям воспитательной работы может существенно влиять на эффективность проводимой воспитательной работы с осужденными к принудительным работам, в отношении которых применяется пенитенциарная пробация.

Кроме того, благодаря воспитательной работе, проводимой ТО ФСИН России по Архангельской и Мурманской областям, духовно-нравственное воспитание осужденных, реализуемое совместно субъектами пробации, занимает ведущие позиции среди всех направлений воспитательной работы, реализуемой согласно приказу Минюста России № 350.

Мы отметили лишь некоторые особенности взаимодействия субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках пенитенциарной пробации.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования были сформулированы следующие выводы: в рамках организации и осуществления воспитательной работы с осужденными в сфере пенитенциарной пробации в ИЦ приоритетными направлениями являются трудовое, правовое, патриотическое;

 наиболее эффективной формой воспитательной работы с осужденными в рамках пенитенциарной пробации в ИЦ признается индивидуальная;

 взаимодействие субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам является важным компонентом системы и повышает качество проводимых мероприятий за счет привлечения специалистов по конкретным направлениям воспитательного воздействия;

 взаимодействие субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам осуществляется с учетом ряда условий и ограничений, связанных с категорией осужденных и условиями отбывания наказания.

Вопросы взаимодействия субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам на современном этапе требуют более детального научного обоснования и являются перспективным направлением педагогического исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольховик Н. В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 71–79.

2. Кондратовская С. Н., Валькова Е. В. К вопросу о сотрудничестве органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Уголовно-исполнительная система и Русская Православная Церковь, другие традиционные для России религиозные объединения – взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–19 сентября 2018 г.). Рязань, 2018. С. 179–185.

3. Широкова А. А., Лебешев И. С. Правовые основы организации и практика проведения воспитательной работы с осужденными к принудительным работам // Нотариус. 2022. № 7. С. 8–11.

4. Чернышенко Е. В. Правовое регулирование и особенности организации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в исправительных центрах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2 (237). С. 22–27.

5. Мустафаев З. Р. Проблемы воспитательной работы в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы права, психологии, педагогики и экономики : сб. науч. тр. проф.-препод. состава ВИПЭ ФСИН России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2021. Ч. 2. С. 35–42.

6. Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Справочник. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/58 (дата обращения: 12.11.2024).

7. Зауторова Э. В. Трудовое воспитание осужденных в условиях лишения свободы при взаимодействии уголовноисполнительной системы и различных организаций // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Псков, 2023. С. 72–76. 8. Литвишков В. М., Митькина А. В. Пенитенциарная педагогика : курс лекций. М., 2004. 400 с.

9. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Проблемы воспитательной службы исправительных учреждений // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 2 (14). С. 18–23.

10. Полякова Я. Н. Организационно-педагогические условия реализации профессиональной ориентации лиц, осужденных к принудительным работам, их самоопределение и привлечение к труду в исправительных центрах // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежекварт. изд. Вып. 1. М., 2020. С. 263–267.

11. Полякова Я. Н. Организационные условия профессиональной ориентации лиц, осужденных к принудительным работам. Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежекварт. изд. М., 2019. С. 113–117.

12. Горина Е. Е., Саулина М. А. Применение групповых и массовых форм воспитательной работы с осужденными на современном этапе развития общества // Социальные отношения. 2023. № 2 (45). С. 19–27.

13. Зауторова Э. В. Роль физического воспитания осужденных в местах лишения свободы // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Вологда, 2018. С. 57–60.

14. Тюгаева Н. А., Чистотина О. Н. Педагогические основы воспитательной работы с условно осужденными : учеб. пособие. Рязань, 2011. 107 с.

15. Колесов В. И., Силенков В. И. Духовно-нравственное воспитание как средство воспитательной работы с осужденными // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 3 (11). С. 67–69.

16. Лебешев И. С., Новиков А. В, Слабкая Д. Н. Педагогическое воздействие в пенитенциарной системе. Практикоориентированный аспект на примере осужденных к принудительным работам // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 301–309.

17. Кевля Ф. И. Личностные особенности осужденных, приговоренных к принудительным работам // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Вологда, 11 декабря 2020 года. Вологда, 2021. Ч. 3. С. 85–89.

18. Горина Е. Е. Направления воспитательной работы с осужденными: особенности правового регулирования на современном этапе развития УИС // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты : сб. материалов круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов д-ра пед. наук, проф. Литвишкова В. М. и д-ра психол. наук, проф. Сочивко Д. В. (Рязань, 9 февраля 2024 г.). Тверь, 2024. С. 40–45.

19. Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-zapad_fo_4k-2023.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

REFERENCES

1. Ol'khovik N.V. Subject, mechanisms and legal bases of interaction of probation subjects with civil society institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 1 (54), pp. 71–79. (In Russ.).

2. Kondratovskaya S.N., Val'kova E.V. On the issue of cooperation between bodies and institutions of the penal system and religious organizations. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov', drugie traditsionnye dlya Rossii religioznye ob"edineniya – vzaimodeistvie v dukhovno-nravstvennom vospitanii osuzhdennykh: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan', 18–19 sentyabrya 2018 g.)* [Penal system and Russian Orthodox Church, other traditional religious associations in Russia – interaction in spiritual and moral education of convicts: collection of materials of the VI International research-to-practice conference (Ryazan, September 18–19, 2018)]. Ryazan, 2018. Pp. 179–185. (In Russ.).

3. Shirokova A.A., Lebeshev I.S. Legal grounds for organization and practice of carrying out of educational work with persons convicted to correctional labor. *Notarius* = *Notary*, 2022, no. 7, pp. 8–11. (In Russ.).

4. Chernyshenko E.V. Legal regulation and features of the organization of educational work with convicts sentenced to coercive labor in correctional centers. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 22–27. (In Russ.).

5. Mustafaev Z.R. Problems of educational work in correctional centers of the penal system. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye voprosy prava, psikhologii, pedagogiki i ekonomiki: sb. nauch. tr. prof.-prepod. sostava VIPE FSIN Rossii: v 2 ch. Ch. 2* [Actual issues of law, psychology, pedagogy and economics: collection of scientific works of lecturers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia: in 2 parts. Part 2]. Vologda, 2021. Pp. 35–42. (In Russ.).

6. Severo-Zapadnyi federal'nyi okrug (SZFO). Spravochnik [Northwestern Federal District (NWFD). Guide]. Available at: http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/58 (accessed November 12, 2024).

7. Zautorova E.V. Labor education of convicts in conditions of deprivation of liberty in the interaction of the penal enforcement system and various organizations. In: *Pravookhranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodeistviya: sb. materialov mezhvuz. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction: collection of materials of the inter-university scientific and practical conference with international participation]. Pskov, 2023. Pp. 72–76. (In Russ.).

8. Litvishkov V.M., Mit'kina A.V. *Penitentsiarnaya pedagogika: kurs lektsii* [Penitentiary pedagogy: course of lectures]. Moscow, 2004. 400 p.

9. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Problems of the educational service of correctional institutions. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk* = *Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2021, no. 2 (14), pp. 18–23. (In Russ.). 10. Polyakova Ya.N. Organizational and pedagogical conditions for the implementation of professional orientation of persons sentenced to forced labor, their self-determination and involvement in labor in correctional centers. In: Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd. Vyp. 1 [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue. Issue 1]. Moscow, 2020. Pp. 263–267. (In Russ.).

11. Polyakova Ya.N. Organizational conditions of professional orientation of persons sentenced to forced labor. In: *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd.* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue]. Moscow, 2019. Pp. 113–117. (In Russ.).

12. Gorina E.E., Saulina M.A. The application of group and mass forms of educational work with convicts at the modern stage of society. *Sotsial'nye otnosheniya = Social Relations*, 2023, no. 2 (45), pp. 19–27. (In Russ.).

13. Zautorova E.V. The role of physical education of convicts in places of deprivation of liberty. In: *Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii* [Collection of scientific papers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service]. Vologda, 2018. Pp. 57–60. (In Russ.).

14. Tyugaeva N.A., Chistotina O.N. *Pedagogicheskie osnovy vospitatel'noi raboty s uslovno osuzhdennymi: ucheb. posobie* [Pedagogical foundations of educational work with probation prisoners: study manual]. Ryazan, 2011. 107 p.

15. Kolesov V.I., Silenkov V.I. Spiritual and moral education, as a means of educational work with convicts. *Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Professional Legal Education and Science*, 2023, no. 3 (11), pp. 67–69. (In Russ.).

16. Lebeshev I.S., Novikov A.V, Slabkaya D.N. Pedagogical impact in the penitentiary system. practice-oriented aspect on the example of persons sentenced to forced labor. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022, vol. 12, no. 6A, pp. 301–309. (In Russ.).

17. Kevlya F.I. Personal characteristics of convicts sentenced to forced labor. In: *Penitentsiarnaya sistema Rossii v* sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i vosstanovleniyu : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. Vologda, 11 dekabrya 2020 goda. Ch. 3 [The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and restoration: collection of materials of the international research-to-practice conference: in 3 parts. Vologda, December 11, 2020. Part 3]. Vologda, 2021. Pp. 85–89. (In Russ.).

18. Gorina E.E. Directions of educational work with convicts: features of legal regulation at the present stage of the development of penal institutions. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti v penitentsiarnoi sisteme: pedagogicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: sb. materialov kruglogo stola, posv. pamyati uchenykh-penitentsiaristov d-ra ped. nauk, prof. Litvishkova V. M. i d-ra psikhol. nauk, prof. Sochivko D.V. (Ryazan', 9 fevralya 2024 g.)* [Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects: collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists Doctor of Sciences (Pedagogy) Professor. Litvishkov V.M. and Doctor of Sciences (Psychology), Professor Sochivko D.V. (Ryazan, February 9, 2024)]. Tver, 2024. Pp. 40–45. (In Russ.).

19. Socio-economic situation of the North-Western Federal District in 2023. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: sait* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation: website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-zapad_fo_4k-2023.pdf (In Russ.). (Accessed November 14, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЯНИНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научноисследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА КАШКИНА – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

YANINA N. POLYAKOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

EKATERINA V. KASHKINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

Статья поступила 21.02.2025

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

еLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019) Префикс doi: да (10.46741/2686-9764) РИНЦ: да Ядро РИНЦ: нет Перечень ВАК: да (отнесен к категории K2) CrossRef: да East View Information Services: да Система ГАРАНТ: да RSCI: нет Web of Science: нет Scopus: нет EBSCO: да WorldCat: да CyberLeninka: да DOAJ: да

https://jurnauka-vipe.ru

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764 ISSN (online) 2782-1986 2025, volume 19, no. 2 (70) science and practice journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

EDITOR-IN-CHIEF:

Vasilii N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law).

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the Vologda Institute of Law and Economics of of the Federal Penitentiary Service of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;

Yurii M. Antonyan – Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V.Lomonosov Moscow State University;

Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007. Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration Number PI No. FS77-76598 of August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher. Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, **Russian Federation**

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Federation

Address of the printing office: 34, Luba Shevtsova street, Voronezh, 394086, **Russian Federation**

> Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12, 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru, pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website:

https://jurnauka-vipe. ru/?Lang=en

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary of Russia

> Date of publication: June 30, 2025

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Sergei L. Babayan - professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice, professor at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Lyudmila A. Bukalerova - Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow, Russia;

Boris Ya. Gavrilov - Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Pavel V. Golodov - Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Vologda, 160002, Russian Ivan V. Dvoryanskov - Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Valentina I. Zubkova - Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor; Evgenii P. Ishchenko - professor at the Department of Criminology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation:

Lyubov' V. Kovtunenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;

Nodar Sh. Kozaev - Doctor of Sciences (Law), Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);

Ivan Ya.Kozachenko - professor at the Department of Criminal Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Aleksandr L. Kuzminykh - Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Konstantin B. Malyshev - Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Associate Professor;

Roman V. Nagornykh - Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Oksana B. Panova - Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Natal'ya V. Panteleeva - Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov - Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Roman A. Romashov - Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia:

Sergei A. Starostin - Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Vyacheslav L. Tsvetkov - Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov - Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and accident psychology (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences), In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2.

CONTENT

JURISPRUDENCE
KUZMINYKH A.L. "March of the Vanquished": Preparation, Organization and Symbolic Significance of Escorting German Prisoners of War through Moscow on July 17, 1944
SHURUKHNOV N.G. Law of July 13, 1913: Organizational and Legal Aspects of Forming the Prison Staff Training System in Tsarist Russia
SELIVERSTOV V.I., GRUSHIN F.V. Penal Characteristics of Particularly Dangerous Recidivists (Conditions and Place of Serving the Sentence, Social Ties)
ROMANENKO N.V. The Interests of Justice as an Object of Criminal Law Protection in a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation
ANISIMOV V.F., LAPSHIN V.F., SHAMURZAEV T.T. Current State and Ways to Improve Mediation in Criminal Proceedings of the Kyrgyz Republic
STAROSTIN S.A., GOLODOV P.V. Compensation for Poor Conditions of Detention in Penitentiary Institutions of the Russian Federation: Problems of Legislation and Practice
KAZAK B.B. Judicial Activity in the Field of Execution of Alternative Punishment in the Form of Compulsory Labor (Organizational and Legal Aspect)
PSYCHOLOGY
KUCHKAREV Yu.Yu., GORNOSTAEV S.V. Psychological Characteristics of the Attitude to Life among Terminally III Convicts
ISKANDAROV R.R. Biopsychosocial and Structural Determinants of Chemical Addictions in Prison Settings
PEDAGOGY
EFIMENKO A.A., PISAREV O.M. On Functioning of the Mentoring Institution in the Penitentiary System: the View of Employees200
ZAUTOROVA E.V. Optimizing Professional Training of Penal System Employees
POLYAKOVA Ya.N., KASHKINA E.V. Interaction of Probation Subjects and Other Organizations in the System of Educational Work with Convicts Serving Sentences in the Form of Forced Labor (Case Study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)

JURISPRUDENCE

Original article UDC 94(47).084.8-9 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001

"March of the Vanquished": Preparation, Organization and Symbolic Significance of Escorting German Prisoners of War through Moscow on July 17, 1944

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6133-0300

Abstract

Introduction: based on the analysis of published and unpublished archival documents, as well as the Soviet periodical press, the author considers organizational, military-political and symbolic aspects of the mass convoy of prisoners of war of the German army in Moscow on July 17, 1944. Purpose: to study a set of interdepartmental measures to concentrate prisoners of war in Moscow, organize movement of columns, maintain public order in the city, and ensure media coverage of the "march of the vanquished". Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, textual and formal legal methods. Results: we have reconstructed a complete picture of the preparation, conduct and information support of the mass convoy of German prisoners of war in Moscow. Conclusion: the author concludes that the "march of the vanquished" was of great political and ideological importance, demonstrating the military and moral superiority of the Soviet army over Hitler's troops and the idea of just retribution. The propaganda operation, unprecedented in its scale, the course of which was personally supervised by J.V. Stalin, instilled faith in the hearts of the Soviet people in the approaching Victory of the Soviet Union over Nazism.

Keywords: Great Patriotic War; German prisoners of war; escorting; internal affairs agencies; military propaganda.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. "March of the vanquished": preparation, organization and symbolic significance of escorting German prisoners of war through Moscow on July 17, 1944. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 118–124. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001.

[©] Kuzminykh A.L., 2025

Introduction

In the history of the Great Patriotic War, there are several exceptionally vivid symbolic events that had a significant impact on its perception by contemporaries. One of these events was the "March of the vanquished" – the mass convoy of German prisoners of war through Moscow on July 17, 1944. The history of this unprecedented propaganda event has been covered both in documentary publications [1; 2; 5] and scientific articles [3]. In this article, the author describes the preparation, course and results of the convoy of German prisoners of war through Moscow, as well as the perception of this event by contemporaries and its symbolic significance.

In the summer of 1944, Soviet troops conducted one of the largest and most successful offensive operations of the Great Patriotic War period, Operation Bagration. As a result of the defeat of the German army group Center, Belarus, most of Lithuania and a significant part of Poland were liberated. According to the Soviet Information Bureau, units of the 1st Baltic, 1st, 2nd and 3rd Belorussian fronts captured 158,480 German soldiers and officers, including 22 generals, from June 23 to July 23, 1944 [4]. In general, according to the Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR, in 1944, it received 7 times more prisoners of war than in the previous two years of the war (Russian State Military Archive. Archive 1p. List 23a. Case 1. Page 23).

In order to demonstrate the military successes achieved, the Soviet government decided to conduct a unique propaganda campaign – the march of captured Germans through the streets of Moscow. The NKVD of the USSR developed a detailed plan for transporting prisoners of war, which included material and sanitary provision, organization of the movement of columns, and maintenance of order during movement.

Research

The event was prepared in close cooperation with the military command and state security agencies. The Deputy Head of the Central Directorate of Military Communications, Major General of the Technical Troops V.I. Dmitriev and the Head of the Transportation Department of the USSR People's Commissariat of State Security, the Commissioner of State Security D.V. Arkad'ev were appointed responsible for the transportation of prisoners of war; the Chief of Staff of the Rear of the Red Army, Lieutenant General M.P. Milovskii and the Deputy Head of the NKVD Military Supply Department, Major General of the Quartermaster Service Ya.F. Gornostaev - for food provision, the Head of the Sanitary Department of the NKVD Department of Prisoners of War and Internees, Colonel M.K. Yezhov – for provision of medical and sanitary services to prisoners of war; the Commander of the Moscow Division of the NKVD Convoy Troops Colonel I.I. Shevlyakov - for military protection and organization of convoy service while transporting prisoners by rail, the Commander of the Cavalry Regiment of the 1st Motorized Rifle Division of the NKVD, Lieutenant Colonel Vasil'ev - for guarding and escorting around the city, and the Chief of the Moscow Police, Police Commissar of the 2nd Rank V.N. Romanchenko – for ensuring public order on the city streets [5, p. 135].

The scale of preparatory activities is eloquently evidenced by the figures. It was planned to deliver 60,000 disarmed German soldiers to Moscow, including: 26,000 people from the 1st Belorussian Front, 5,000 people from the 2nd Belorussian Front and 29,000 people from the 3rd Belorussian Front. There is evidence in publications that before sending prisoners of war to Moscow, healthy and able-bodied Nazi soldiers and officers were selected [6].

In the period from July 11 to July 16, 1944, 26 railway trains were supposed to transport 20 generals, 1,200 officers and 58,780 privates. Getting prisoners of war off the train in Moscow was scheduled to begin at 8 p.m. on July 15 and end at 9 p.m. on July 16, 1944. Then they had to be concentrated in three points: 33 thousand people on the Moscow Hippodrome square, 19 thousand people on the territory of the cavalry regiment of the 1st Motorized Rifle Division of the NKVD troops, 8 thousand at the Moscow-Tovarnaya station of the Western Railway. After the convoy was completed, it was planned to send prisoners of war in 26 echelons to NKVD camps from Savelovsky, Rzhevsky, Oktyabrsky, Yaroslavsky, Kazansky, Kursky, Paveletsky, Kievsky, Belorussky railway stations, as well as Boynya and Kanatchikova stations [5, p. 136].

Before the march, the prisoners were planned to be divided into 26 echelon columns, each of which, in turn, was divided into three battalion columns – the first two for 800 people and the third for 900 people. The movement of the columns was ordered to be carried out in rows of 20 people along the front and 40 people in depth. An interval of 25 m was established between battalion columns and 50 m between echelon columns.

The route of the columns was agreed as follows: the Moscow Hippodrome, the Leningradskoe Highway, the Gorky Street, the Mayakovsky Square and further along the Sadovoe Ring through Samotechnaya and Kolkhoznaya squares, the Krasnye Vorota, the Kursky Railway Station Square, Taganskaya, Dobryninskaya, Krymskaya, Smolenskaya, Kudrinskaya, and Mayakovskaya squares, the Gorky Street, the Leningradskoe Highway, and the Moscow Hippodrome. Thus, the circular movement of the columns was envisaged. The lead column was supposed to move from the hippodrome, followed by a column from the territory of the cavalry regiment, followed by a column from the Moscow-Tovarnaya ramp of the Western Railway. Generals and officers were to follow in a special group (following the third column) under the letter "3-A". The movement of columns was planned to be a free step, and not in the "attention" position. The prisoners of war had to follow in the form (uniforms, shoes, insignia) in which they arrived from the places of captivity.

Guarding echelons of prisoners on the way was assigned to convoys organized at places of getting the contingent to the train, to the 36th division of the NKVD escort troops when prisoners were transported from places of getting off the train to concentration points, and to the cavalry regiment of the 1st Motorized Rifle Division of the NKVD troops when they marched through the city. Each guard was armed with a rifle and a saber. During the movement of columns through the city, maintaining order was the responsibility of the Moscow police, with a cavalry squadron, a separate motorcycle battalion, ordinary and operational personnel being involved. According to a specially developed plan, reinforced police units were required to be deployed at points of large concentrations of people. Control over the movement of trams and vehicles during the passage of convoys was entrusted to employees of the department for traffic regulation [5, p. 137].

Food supplies (dry provisions) for prisoners of war on their way to Moscow were to be provided at the expense of the resources of the 1st, 2nd and 3rd Belorussian fronts, before and after the convoy – funds of the NKVD Military Supply Directorate. To supply prisoners of war with water, 20 tanker trucks were located at the concentration points. From July 12 to July 15, prisoners of war were to receive hot meals once a day, on July 16 – twice a day, and on July 17 a hot breakfast was provided.

Medical and sanitary services for prisoners of war during transportation were provided by a doctor and a paramedic per train. Patients to be hospitalized were evacuated to the sanitary train No. 668, located on the military platform of the Belorussky Railway Station. Medical posts were set up at the concentration points of prisoners of war (the hippodrome, the cavalry regiment and the ramp of the freight station). During the movement of prisoners of war through the city, medical care was provided at mobile first-aid posts, which had vehicles for evacuating patients to sanitary trains at Kazansky, Paveletsky, Kievsky and Belorussky Railway stations. Patients who did not require hospitalization were offered to be evacuated in echelons in a general manner, and in case of mass concentration, they were sent to special hospitals. In case of death, prisoners of war were buried by forces of the Krasnogorsk NKVD camp No. 27 [5, p. 138].

On July 13, 1944, the Head of the People's Commissariat for Internal Affairs L.P. Beria sent a report to the USSR State Defense Committee and J.V. Stalin about the upcoming convoy of prisoners of war through Moscow. Unlike the plan previously developed by the NKVD, it was proposed to escort prisoners of war not on July 17, but on July 15, that is, two days earlier. The number of escorted prisoners of war decreased from 60 to 55 thousand people, and the number of troop trains - from 26 to 24. The concentration of prisoners of war was established not in three, but in two points: at the Moscow hippodrome and the parade ground of the 1st Motorized Rifle Division of the NKVD. Both points, located in the area of the Khoroshevsky and Leningradskoye highway forks, were planned to be isolated and guarded by convoy troops.

The route of prisoners of war underwent changes as well. They were supposed to be

escorted from the Moscow Hippodrome along the Leningradskoye Highway, the Gorky Street, the Mayakovsky Square and further along the Garden Ring along Sadovo-Triumfalnaya, Sadovo-Karetnaya, Sadovo-Samotechnaya, Sadovo-Sukharevskaya, Sadovo-Spasskaya, Sadovo-Chernogryazskaya, Chkalovskaya, Zatsepny Val, Zhitnaya, Krymsky Val streets, Zubovsky and Smolensky boulevards, the Tchaikovsky Street, through the Kudrinskaya Square along Barrikadnaya and Krasnopresnenskaya streets, through the Krasnopresnenskaya Square, along the Vagankovskaya Street to the hippodrome.

It was also indicated that the columns would include 20 people in a line, 800 people in a battalion column, with the exception of two sections of the route – from the Kursky Railway Station to the Krymskaya Square and from the Kudrinskaya Square to the Khoroshevsky Highway, where these rows were supposed to be reduced to a line of 10 people along the front due to the width of the street in these places. The movement was scheduled to begin at nine o'clock in the morning and be completed by four o'clock in the evening. The report also included a diagram of Moscow indicating the route of the convoy of prisoners of war [5, pp. 138–139].

However, the proposed date of the event had to be postponed due to difficulties with the reception and transfer of prisoners of war, as evidenced by L.P. Beria's report No. 758/b of July 16, 1944 addressed to J.V. Stalin. It detailed shortcomings in the work organization at the assembly points of prisoners of war and the prisoners of war affairs department at the 2nd Belorussian Front. To eliminate them, the Deputy Head of the Prisoners of War Department of the NKVD of the USSR N.T. Ratushnyi, the Head of the NKVD Convoy Troops V.M. Bochkov, and a group of operatives and interpreters were sent there [5, p. 140]. In order to improve the reception of prisoners of war from military units and formations and their evacuation inland, in July–August 1944, the front-line department of the UPVI of the NKVD of the USSR was formed, the system of front-line institutions of military captivity was reorganized, new reception and assembly points were deployed, front-line reception and transfer camps (Russian State Military Archive. Archive 1p. List 9a. Case 8. Pages 165–167; List 23a. Case 1. Pages 15–19).

On July 15, L.P. Beria submitted another statement to J.V. Stalin. It indicated that the convoy of prisoners of war through Moscow would begin at 11 a.m. on July 17. The route of the prisoners of war through the city was once again adjusted. It was planned to march 18 echelon columns from the hippodrome along the Leningradskoye Highway, the Gorky Street through the Mayakovsky Square, along Sadovaya-Karetnaya, Sadovaya-Samotechnaya, Sadovo-Sukharevskaya, Sadovo-Chernogryazskaya streets to the Kursky Railway Station Square. The remaining 8 echelon columns were to move from the Mayakovsky Square along Bolshaya Sadovaya and Sadovo-Kudrinskaya streets through Krymskaya and Kaluzhskaya squares and further along the Bolshaya Kaluzhskaya Street [2, p. 39].

The command of columns was entrusted to the Commander of the Moscow Military District, Colonel-General A.A. Artem'ev. It is interesting to note that the latter commanded the parade on the Red Square on November 7, 1941, and in May–June 1945 he was entrusted with the organization and general management of the Victory Day Parade [7]. The Commandant of Moscow, Major General K.R. Sinilov, and the Chief of the Moscow police, 2nd rank Police Commissioner V.N. Romanchenko were appointed responsible for maintaining order on the streets and the movement of vehicles and pedestrians. The operation was prepared in strict secrecy. The notification of the Moscow Police Chief about the convoy of prisoners of war was planned to be printed in the newspaper Pravda and transmitted over the Moscow closed radio network at 7–8 a.m. on July 17 [2, p. 39; 5, p. 139].

The newspaper Pravda of July 17, 1944 published a notice by the Moscow Police Chief, 2nd Rank Police Commissioner V.N. Romanchenko, "The Moscow Police Department informs citizens that on July 17, part of the German prisoners of war, ordinary and officers, will be escorted through Moscow in the number of 57,600 people from among those recently captured by the Red Army troops of the 1st, 2nd and 3rd Belorussian fronts. In this regard, on July 17, from 11 a.m., the movement of vehicles and pedestrians along the routes of the columns of prisoners of war will be limited. Citizens are obliged to observe the order established by the police and not allow any antics towards prisoners of war" [8].

On the evening of July 17, 1944, L.P. Beria sent a report No. 763/b addressed to J.V. Stalin (State Defense Committee), V.M. Molotov (People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR) and G.M. Malenkov (Central Committee of the CPSU(b)) on the results of the convoy of German prisoners of war through Moscow. It reported that the movement of columns of prisoners of war from the Moscow Hippodrome had begun at exactly 11 a.m. on July 17 along the route: the Leningradskoe Highway, the Gorky Street, the Mayakovsky Square, Sadovo-Karetnaya, Sadovo-Samotechnaya, Sadovo-Chernogryazskaya, Chkalova streets, the Kursky Railway Station and along Kalyaevskaya, Novoslobodskaya and 1st Meshchanskaya streets. 42,000 prisoners of war went along this route, including a convoy of 1,227 generals and officers, of them 19 generals and 6 senior officers (colonels and lieutenant colonels). The movement of the columns on this route lasted 2 hours and 25 minutes [2, p. 45].

The second part of the columns of prisoners of war marched from the Mayakovsky Square along Bolshaya Sadovaya and Sadovo-Kudrinskaya streets Novinsky and Smolensky boulevards, Zubovskaya and Krymskaya squares, the Bolshaya Kaluzhskaya Street, and the Kanatchikova Station of the District Railway. It took 4 hours and 20 minutes for 15,600 prisoners of war to pass along this route.

Afterwards prisoners of war were sent to camps by train. At 7 p.m., all 25 echelon convoys were in the train and sent to their destinations. Of the total number of 57,600 prisoners of war escorted through the city, only four prisoners needed medical attention and were sent to the sanitary train "due to weakness". Upon arrival at the Kursky railway station, generals were loaded onto trucks and delivered "to their destination" [2, p. 45].

During the passage of the columns of prisoners of war, the population behaved in an organized manner. Citizens saluted the Red Army, the Supreme High Command, generals and officers of the Red Army. There were also anti-fascist shouts, such as "Death to Hitler!", "Death to fascism!", "Bastards, so that they die", "Why didn't you get killed at the front?". No incidents were recorded in the city during the event. After the passage of prisoners of war, the city streets were cleaned with irrigation machines [5, pp. 141–142].

Among the German generals who marched through streets of the capital were eminent military leaders of the Third Reich: the Acting Commander of the 4th Army Lieutenant General Vincenz Muller, the Commander of the 78th Assault Division Lieutenant General Hans von Traut; commanders of the 27th and 53rd Infantry Army Corps Generals Paul V Ickers and Friedrich Hollwitzer, the Commander of the 260 Infantry Army Corp Gunther Klammt, the Commander of the 45th Infantry Division, Major General Joachim Engel, the Commander of the 383rd Infantry Division, the Commandant of Orel, Bryansk and Bobruisk, Lieutenant General Adolf Hamann, the Commandant of Mogilev Major General Gottfried von Erdmannsdorff and others. After the march, they were sent under heavy guard to Butyrskaya and Lefortovo prisons for interrogations and operational investigative measures. The fates of the mentioned German generals developed in different ways. Some (A. Hamant and G. Erdmannsdorff) were sentenced to death by hanging by a military tribunal for the atrocities committed on their orders, while others (G. Traut and F. Hollwitzer) were sentenced to twentyfive years of hard labor. Someone died during the imprisonment (P. Völckers and J. Engel), some survived Soviet captivity and returned to post-war Germany (V. Muller, F. Hollwitzer, G. Traut) [6].

According to eyewitnesses, during the convoy, German generals, who had their uniforms, orders and insignia left behind under the terms of the surrender, behaved arrogantly. They tried not to look around, pretending that they were "not broken by captivity". As for Wehrmacht soldiers, their behavior was different: some frowned and glared at the sides, others walked in silence, lowering their eyes and looking at their feet, while others looked curiously at the capital and Muscovites [9].

On the following day, reports on this extraordinary event appeared on pages of central Soviet newspapers. So, the newspaper Pravda of July 19, 1944, published essays "The Germans in Moscow" by L. Leonov, "They Saw Moscow" by B. Polevoi and a poem "There is No Court More Terrible" by D. Bednyi. Later, a documentary short film "The Convoy of German Prisoners of War through Moscow" (1944, directed by I.V. Venzher) was shown on the screens of Soviet cinemas. According to the instructions of the Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the CPSU(b), before publication, all materials had been sent for review and approval to the head of the Main Political Directorate of the Red Army, the Secretary of the Central Committee of the CPSU (b) A.S. Shcherbakov [3].

"The Nazis, who had dreamed of conquering the whole world, marched through the squares of Moscow, but not as winners, but as the vanquished", was the main idea that the Soviet propaganda organs sought to convey to readers and viewers. "The would-be masters of the planet, they trudged past us - lanky and gobby, with their hair curled up like the devils in the chronicles, in tunics open, belly out, but not yet on all fours, in panties and barefoot, and others in sturdy, brass-studded boots, which were good enough to reach India if it weren't for Russia...," Leonid Leonov wrote with irony and sarcasm. The attentive eyes of the writer did not escape the reaction of Muscovites, who silently watched the march of the disarmed enemy with a feeling of contempt, "My people does not cross the boundaries of reason and does not lose their hearts in their passion. In Russian literature, there are no words of abuse or cliffhanging against an enemy soldier captured in battle. We know what a prisoner of war is. We do not burn prisoners, we do not mutilate them, we are not Germans! Not a well-deserved spit or stone flew towards the enemies being transported from station to station, although widows, orphans and mothers of those tortured by them stood on the sidewalks for the entire length of the procession. But even Russian nobility cannot protect these criminals from the venomous word of contempt: whoever kills a child loses the high rank of a soldier..." [10]. The authors of the scientific work "The Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Brief history" describe a similar reaction of Muscovites [11, pp. 356–357].

By analogy with Moscow, similar marches of the vanquished were held in capitals of some Soviet republics liberated from the enemy. So, on August 16, 1944, 36,000 former enemy soldiers, including 549 officers, were escorted through streets and squares of Kiev. The Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR S.N. Kruglov and the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR V.S. Ryasnoi were appointed responsible for the operation. "The March of Shame" lasted over five hours, and the total length of the route running through the central districts of the city was more than twenty kilometers. The movement of columns of the defeated enemy was observed by over 150,000 Kievans. Prisoners of war were guarded by soldiers of the NKVD escort troops and police officers patrolled the streets [12].

After the event, prisoners were sent to rebuild destroyed cities, factories and mines, as well as other facilities of the national economy. In general, on December 5, 1944, over 435 thousand prisoners of war were allocated to the Union and Republican People's Commissariats for labor use (Russian State Military Archive. Archive 1p. List 9a. Case 8. Pages 148–149).

Conclusions

Thus, the convoy of German prisoners of war through the streets of Moscow on July 17, 1944 was an important socio-political event that marked the collapse of the Nazi army on the Soviet-German front. This event, carried out under the personal control of J.V. Stalin, had not only domestic political, but also foreign policy significance, as it clearly demonstrated the increased military power of the Soviet Union.

The "March of the vanquished" was a major blow to the image of the German armed forces. If the capture of F. Paulus 's army at Stalingrad was brought to a mass audience through posters, photographic and cinematographic products, here Muscovites became living witnesses of the convoy of a huge mass of enemy soldiers and officers, which had a strong psychological impact.

The public escort of the disarmed enemy represented a symbolic debunking of the image of superman and supernationalism, which were cultivated by Nazi propaganda. In the minds of the Soviet people, this was an act of just retribution against Nazi Germany, which sought to enslave the peoples of the Soviet Union. At the same time, the USSR was opposed to the Third Reich in the practice of treating prisoners of war. The latter retained the right to life and were sent to restore the national economy destroyed by the war.

The first experience of mass escorting of prisoners of war, which required close coopera-

tion and coordination between various government departments and the military command, was later implemented during similar events in other cities of the Soviet Union liberated from the Nazi occupiers.

REFERENCES

 "The convoy started at 11 a.m.". Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation, 1995, no. 2 (15), pp. 138–139. (In Russ.).
 Yampol'skii V.P. et al. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti v Velikoi Otechestvennoi voine: sbornik dokumentov. T. V. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.) [State security agencies in the Great Patriotic War: collection of documents. Volume V. Book 2. The borders of the USSR were restored (July 1 – December 31, 1944)]. Moscow, 2007. 894 p.

3. Grigor'ev E., Sorokin A. "Yesterday we saw bandits, bloodsuckers...": "March of the vanquished" through the eyes of archivists, historians and writers. *Rodina = Motherland*, 2019, no. 7, pp. 38–45. Available at: https://rodina-history.ru/2019/07/17/rodina-marsh-pobezhdennyh-glazami-arhivistov-istorikov-i-pisatelej.html (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).

4. July 22, 1944 (from the Soviet Information Bureau). *Nasha Pobeda. Den' za dnem (proekt RIA Novosti)* [Our Victory. Day by day (RIA Novosti project)]. Available at: https://web.archive.org/web/20130728111509/http://9may.ru/26.07.1944/inform/m1026 (In Russ.). (Accessed February 11, 2025).

5. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR. T. 24 (13–1): normativnye dokumenty [Russian Archive: the Great Patriotic War. Foreign prisoners of war of the Second World War in the USSR. Vol. 24 (13–1): normative documents]. Ed. by Zolotarev V.A. Moscow, 1996. 557 p.

6. Sysoev N. Parade of the vanquished. *Voenno-promyshlennyi kur'er = Military-Industrial Courier*, 2017, no. 26 (690), July 12–18. Available at: https://www.vesvks.ru/public/flippingbook/ vpk262017/20/assets/basic-html/index.html#12 (Accessed February 12, 2025).

7. *General Pavel Artem'ev: "Nemtsy mogli doiti do Kremlya za polchasa"* [General Pavel Artem'ev, "The Germans could reach the Kremlin in half an hour"]. Available at: https://vm.ru/society/611531-general-pavel-artemev-nemcy-mogli-dojti-do-kremlya-za-polchasa (accessed February 11, 2025).

8. Notification from the chief of police of the city of Moscow about the convoy of German prisoners of war. *Pravda* = *Truth*, no. 171, 1944, p. 4. (In Russ.).

9. Pakhomov V. March of the vanquished. *Sovetskaya Rossiya* = *Soviet Russia*, 2004, no. 94, July 17. Available at: https://csdfmuseum.ru/articles/964-parad-pobezhdennykh-bitye-v-belorussii-pod-konvoem-cherez-moskvu (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).

10. Leonov L. The Germans in Moscow. *Pravda = Truth*, 1944, no. 172, Juky 19, p. 3. (In Russ.).

11. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza. 1941–1945: Kratkaya istoriya* [Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Brief history]. Moscow, 1970. 631 p.

12. Grishchenko N. The German "March of shame" was held in Kiev 80 years ago. *Rodina = Motherland*, 2024, August 16. Available at: https://rodina-history.ru/2024/08/16/nemeckij-marsh-po-zora-proshel-v-kieve-80-let-nazad.html (In Russ.). (Accessed February 7, 2025).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Departmentof Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6133-0300

Received March 31, 2025

Original article UDC 34:94 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia

matros49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1132-760X

Abstract

Introduction: the article discusses various approaches to improving the level of professional training of prison guards in tsarist Russia, including those who guarded female convicts. The role of heads of the Main Prison Administration in initiating professional training of prison employees is noted, the specifics of activities in this area and the complexity of solving issues requiring diverse knowledge are described. Purpose: to show the origins of professional penitentiary education, the role of the law of July 13, 1913 ("On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow"), to disclose its legal provisions fixing the competence of the Saint Petersburg School for the Training of Senior Prison Female Wardens and the Moscow School for the Training of Female Wardens. An order of enrollment in schools, a legal status of students, financial support for the educational process, teachers, students, and their official position after training are considered. The article uses methods of comparative analysis, analogy, idealization, generalization, formalization, and concretization. Results: the article reveals approaches to the stages of professional training of prison employees and describes achievements of individual scientists (I.F. Foinitskii, N.F. Luchinskii) and heads of the Main Prison Administration of Tsarist Russia (M.N. Galkin-Vraskoi, S.S. Khrulev) in proving the importance of effective performance of penitentiary institutions. Conclusions: the law of July 13, 1913 on the establishment of schools in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden in the period of September 1, 1913 to December 31, 1915 is the first law that elevated penitentiary education to the rank of the state.

Keywords: Main Prison Administration; Saint Petersburg; Moscow; school; prison guards; training.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Law of July 13, 1913: organizational and legal aspects of forming the prison staff training system in Tsarist Russia. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 125–130. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002.

[©] Shurukhnov N.G., 2025

Introduction

Specialized education of employees of any law enforcement agency presupposes the availability of appropriate educational institutions. The origin of the solution to this issue is of particular interest to penal system employees, teaching staff, as well as to those who care about the history of the Russian state.

The question of the need to train specialists to serve in penitentiary institutions of the Russian Empire was raised by the heads of the Main Prison Administration (GTU) and scientists. Thus, in 1872, Professor Ivan Ya. Foinitskii, a well-known Russian prison researcher and one of the founders of penal law, published an article "Draft Basic Principles of a Prison Reform in Russia" in the Judicial Bulletin [1, p. 11], in which he also touched on educational topics. However, this did not immediately solve the long-standing problem. Professor Sergei V. Poznyshev noted a negative attitude of the Russian Empire government to the application of scientific achievements in the field of criminal punishment execution. The complexity, psychological difficulties, specifics of the organization of serving sentences in prison, importance of the prison sector for society and law and order were not taken into account. "No special penitentiary knowledge is required for simple purposes and primitive rudeness of this "dead" house. A strict and efficient supervisor, strong locks and bars, external discipline and the absence of escapes seemed enough ... for good management of penitentiary activities [2, p. 13].

I.Ya. Foinitskii, a professor at the Saint Petersburg University, was the first (1874) not only in Russia, but also in the world community to pay direct attention to prison education. He introduced a special course on prison studies for all law students and taught it for more than 20 years, until 1905. The course began with individual articles, such as "Prison Reform and Prison Studies (introductory lecture delivered on January 8, 1874)", "The Russian Punitive System" [1, p. 11], published by li 1874 in the Judicial Journal and Collection of State Knowledge. According to contemporaries, I.Ya. Foinitskii's articles and lectures "had outstanding scientific and practical significance" [1, p. 12].

Researchers associate training of penal system personnel with the creation of the Main

Prison Administration in the Russian Empire in 1874 [3; 4] and with its first head, Mikhail N. Galkin–Vraskoi [5; 6]. He headed the department from 1879 to 1896. In order to strengthen the training process and to inform employees about activities of the Main Prison Administration, Mikhail Galkin–Vraskoi initiated the publication of the Prison Bulletin journal in January 1893.

To train specialists for positions in the prison department, it was planned to establish special preparatory courses. In 1912, "the Main Prison Administration already submitted a draft law for the establishment of such courses.... According to the draft law, courses for training candidates for prison positions were to be called "Prison courses" and conducted at the Main Prison Administration under the direct supervision of the head of this department" [7, p. 1205]. However, the issue was not resolved at the legislative level. Therefore, the head of the GTU (Stepan S. Khrulev) decided to conduct systematic readings on prison studies at the department. "To organize the readings and manage them closely ... the Editor of the Prison Bulletin, Inspector of the Main Prison Administration, Acting State Councilor N.F. Luchinskii was appointed" [7, p. 1205].

They started on March 1, 1912. The program included a professionally focused range of issues of interest to prison officials, such as "1) principles of criminal law and a punishment doctrine, especially a brief history and comparative analysis of various penitentiary systems; 2) basic concepts of psychology and neuropsychiatry; 3) an outline of the state structure in Russia with more detailed explanations regarding the organization of judicial and prison units; 4) readings combined with practical exercises on various branches of prison management and economy, such as construction, prison hygiene, food and clothing supplies for prisoners, prison work, prison statistics and reporting, etc." [7, pp. 1,205-1,206]. On May 10, 1912, the reading at the GTU ended. The editorial "The experience of systematic readings on prisons at the Main Prison Administration" of the Prison Bulletin for 1912 was devoted to the breadth of tasks and their complexity requiring a variety of professional knowledge. Nikolai Luchinskii wrote, "An ideal prison head should combine all kinds of professions: a soldier and an administrator, a quartermaster and an architect, a technician and a merchant, and even a psychiatrist and a lawyer" [8, p. 6].

Thus, the scientific community emphasized the need to create a prison staff training system and to issue a special legislative act regulating the creation of such educational institutions.

Research

On July 13, 1913, a law highly approved by the State Council and the State Duma was adopted. It fixed the following: "I. To establish from September 1, 1913 to December 31, 1915 1) a school in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and 2) a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden on the basis of the Provisions of these schools" [9; 10].

The significance and uniqueness of this legislative act lay in the fact that it was the first document of this level [11; 12], which started prison education on September 1, 1913. It included logistical, financial, educational, social, pension, and organizational provisions. They established the legal status of schools, students, and graduates, as well as the competence of managers and a special council (commission). The provisions attached to the law allowed, in the course of comparative legal research, to establish certain differences in the organization of activities and the status of these two schools.

1. Training of candidates for the position of a senior warden was organized at the school located in Saint Petersburg prisons. It admitted 30 junior prison guards who had served for at least two years. Special attention was paid to the selection of candidates for local studies. This is evidenced by the instruction of the Acting Head of the GTU G.F. Boetticher. "In view of the extremely serious requirements placed on persons who hold positions of senior prison guards in terms of service duties and who are their closest supervisors in this regard, but often even in charge of certain branches of management in places of detention as assistants to the prison governor, the selection of persons who will take the course at the designated school should be carried out with special care and prudence" [13, p. 964]. In addition to the above, it was recommended to pay attention to the level of education, age, state of health, moral (lack of addiction to alcohol) and service

qualities (execution of orders from superiors) [13].

The free training course lasted four months, twice a year - from January 15 to May 15 and from August 15 to December 15. Junior prison guards who were sent to study in accordance with the procedure determined by the head of the GTU received an allowance that included the cost of a third-class railway ticket for travel from the duty station to Saint Petersburg and back, plus thirty kopecks for every day they were on the road. All students received the salary set by him at their former place of service, used an apartment and food in kind. Upon completion of the training, graduates who passed tests received a special certificate and the right to take advantage of their appointment to the position of a senior warden.

We should mention another objective decision (of July 26, 1913) fixed in the instructions of the acting head of the State Technical University. So, "due to a short period of time left for the opening of the school in Saint Petersburg... this year, only junior guards serving in European Russia can be trained, which is why these rules will not apply to guards serving in other localities until the beginning of 1914" [13, p. 965].

1.1. During this period, a school was also established at the Moscow Female Prison to train female candidates for the position of a female prison warden. Its capacity was twenty-five people and the training period was six months from September 1 to March 1. Female persons were accepted for training solely on their own request, were at least 21 years old and were capable of serving in prison guards due to their state of health. Candidates had to have any education or pass the admission test. The longer period of study, compared to the Saint Petersburg school, was explained by the lack of female experience in the prison system. The training was free and an allowance of fifty kopecks per day was provided.

Female graduates, as well as junior guards, received a special certificate that gave them the advantage of holding the position of a female prison warden. After the graduation they were obliged to serve in prison for at least three years. In case of non-fulfillment of the obligation, they had to return the amount of money they received as a school allowance.

2. The Saint Petersburg school was managed by the head of the school, appointed by the head of the Main Prison Administration. He was authorized to carry out administrative, economic and educational activities. A special committee was created at the school and the provincial prison inspector was its chairman. The committee included a head of the school and teachers, as well as two elected members of the Saint Petersburg Charitable Committee. The competence of the school committee was extremely limited: general supervision of teaching; taking measures that could contribute to successful training of students; discussion of issues related to administrative and economic activities.

2.1. The Moscow School for the Training of Female Wardens due to objective conditions was managed by the head of the Moscow Female Prison and his assistant. Their direct activity consisted in solving educational and administrative issues. A wider range of issues, along with educational and administrative issues, included the following:

- establishment, with the approval of the head of the State Technical University, of the school's teaching program and the procedure for conducting practical classes for students. As in Saint Petersburg, trainees could be assigned to temporarily serve as female prison guards in the Moscow Female Prison and the female department of the prison hospital. In this case, for temporary use, they received official uniforms in accordance with the established form;

- inviting teachers;

– admission to and graduation from school. This issue was decided by the council formed at the school. Its chairman was one of the headmistresses of the Moscow Ladies' Charity and Prison Committee (elected by it). The council included the Moscow provincial prison inspector (participated in the council as a deputy chairman of the council during her absence), one headmistress of the Moscow Ladies' Charity and Prison Committee, the head of the Moscow Female Prison, his assistant, and teachers of the school. In addition to the above, the council established the internal regulations of the school. Special instructions were approved by the Moscow governor. At the Saint Petersburg School, the functions of setting internal regulations and appointing teachers were fulfilled by the head of the State Technical University. He also established the teaching program and the procedure for conducting practical classes. Thus, for objective reasons, the competence of the Moscow school council was broader than that of the Saint Petersburg committee.

3. Due to objective circumstances (number of students, frequency, duration of study), the Saint Petersburg School introduced an independent position of the head. He received 1,200 rubles a year – 600 rubles of monetary allowance and 600 rubles for food products. An apartment at the school was provided.

3.1. As we have already indicated, the Moscow School was headed by the head of the Moscow women's prison and his assistant.

The originality of the law of July 13, 1913 also consisted in the fact that it specifically outlined the goals of funds allocated from the state treasury. The law stipulated that the amount of loans required for the rental of premises for the Saint Petersburg School, for the rental of apartments for the head and barracks for students and for food for the latter, as well as for the establishment or rental of premises for the Moscow school, would be determined from 1914 in an estimated manner.

4. For the maintenance of the Saint Petersburg School, it was planned to allocate 3,400 rubles for 2 years starting from 1914, including: a) 1,200 rubles for the maintenance of the head of the school; b) 600 rubles for stationery and the purchase of textbooks. To illustrate the costs of purchasing textbooks and the cost of individual publications, we provide the following data: the annual subscription price of the Prison Bulletin with delivery and forwarding was 7 rubles; c) hiring of school teachers was 1,600 rubles.

4.1. As for the Moscow School of that period, it was planned to allocate 3,350 rubles per year, including: a) 900 rubles for salaries; b) 2,250 rubles for the provision of allowances to students at school; c) 200 rubles for office expenses and the purchase of textbooks. The total cost for both schools was 6,750 rubles a year.

5. In 1913, it was planned to allocate 2,766 rubles from the State Treasury to the Saint Pe-

tersburg School, of which: a) 400 rubles for the maintenance of the head of the school; b) 200 rubles for office expenses and the purchase of textbooks; c) 533 rubles for the hiring of teachers; d) 833 rubles for renting premises for schools, apartments for the head and barracks for students; e) 880 rubles for food for students.

5.1. The costs for the Moscow School in the specified period of time amounted to 1,616, including: a) 300 rubles for salaries; b) 750 rubles for the provision of allowances to students; c) 66 rubles for office expenses and the purchase of textbooks; d) 500 rubles for the rental of premises for the school.

The costs for both schools amounted to 4,382 rubles, with the expense attributed to the expected savings from appointments according to the State Expenditure List for 1913.

Based on individual materials published in the Prison Bulletin journal, both GTU heads and individual representatives of prison science (N.F. Luchinskii) perceived the creation of schools as an opportunity to improve the professional level and prestige of prison officers in tsarist Russia.

Conclusion

For objective reasons (gender, age, length of study, lack of prison service experience), the legal status of the Moscow School for the Training of Female Wardens and the Saint Petersburg School for the Training of Senior Prison Female Wardens had differences. The provisions on schools were fixed by law.

The law of July 13, 1913 "On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow" served as a prerequisite for the subsequent purposeful education of employees of the penitentiary system. The experience of tsarist Russia in this area was successfully used afterwards.

During the period of the Provisional Government, a legal expert A.A. Zhizhilenko was appointed head of the Main Prison Administration (he leaved the post of professor at the Saint Petersburg University). On March 17, 1917, he signed Order No. 2 on the creation of penitentiary courses for retraining prison staff to work "in conditions of the renewal of the state system and free public life".

Educational institutions of the USSR borrowed and improved the experience of training schools of prison wardens of the Russian Empire, for example, in conducting practical classes, introductory practices, internships in positions directly in the context of upcoming practical activities after graduation.

REFERENCES

1. Lyublinskii P.I. *Pamyati trekh russkikh kriminalistov I.Ya. Foinitskago, D.I. Drilya, N.D. Sergeevskogo* [In memory of three Russian criminologists I.Ya. Foinitskii, D.I. Dril, N.D. Sergievskii]. Saint Petersburg, 1914. 152 p.

2. Sergei V. Poznyshev. Professor at the Moscow State Psychoneurological Institute. Professor at the International Academy of Sciences in Toulouse. In: *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow, 1923. 342 p. (In Russ.).

3. Zubov S.V. Preserving the memory of M.N. Galkin-Vrasky. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2024, no. 3, pp. 9–19. (In Russ.).

4. Gaiduk S.L. *Tyuremnaya politika i tyuremnoe zakonodatel'stvo poreformennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prison policy and prison legislation of post-reform Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1987. 226 p.

5. Yakovleva O.N. Chiefs of the Main Prison Administration of the Russian Empire: the history of the agency in person. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute* = *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 99–103. (In Russ.).

6. Belyaeva L.I. The role of M.N. Galkin-Vraskoi in the formation of the foundations of the management of the system of execution of punishments of the Russian Empire. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 3, pp. 379–398. (In Russ.).

7. Non-official department. The experience of systematic reading on prisons at the Main Prison Administration. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1912, no. 6–7, pp. 1,203–1,209. (In Russ.).

8. Luchinskii N.F. *Osnovy tyuremnago dela* [Fundamentals of prison service]. Saint Petersburg, 1904. 80 p.

9. Law of July 13, 1913 "On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow" approved by the State Council and the State Duma. In: *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. XXXIII* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXXIII]. Petrograd, 1916. No. 39,906. (In Russ.).

10. On the establishment of a school in St. Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, No. 67, pp. 900–904. (In Russ.).

11. Voloshin D.V. Moscow school of prison keepers as the first educational institution for training of penitentiary staff in Russia. *Vektor nauki TGU. Seriya: pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology*, 2015, no. 2 (21), pp. 24–27. (In Russ.). 12. Shurukhnov N.G. The genesis of the centers for scientific support of personnel training for the execution of punishments and the fight against crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2024, vol. 19 (1–4), pp. 552–565. (In Russ.).

13. On the procedure for applying the law of July 13, 1913 on the establishment of a school in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, pp. 964–965. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1132-760X

Received January 22, 2025

Original article UDC 343.97 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003

Penal Characteristics of Particularly Dangerous Recidivists (Conditions and Place of Serving the Sentence, Social Ties)

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia Moscow State Linguistic University, Moscow. Russia vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438

FEDOR V. GRUSHIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fedor062@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1217-8856

Abstract

Introduction: the article analyzes penal characteristics of particularly dangerous recidivists who are held in special-regime correctional facilities on the basis of materials of the 2022 special census of convicts and persons in custody. Some features of the execution of imprisonment in these correctional institutions are shown. The article specifies distribution of convicts according to the time of transfer to the place of serving their sentence; duration of detention in a pre-trial detention center; conditions of serving the sentence; the place of serving the sentence; the number of correctional institutions; the use of the right to telephone conversations; the receipt and dispatch of money transfers; the number of parcels and transfers received; the number of book parcels received; and the number of short-term and long-term visitations allowed. Purpose: to provide a detailed analysis of penal characteristics of convicts held in specialregime correctional facilities. Methods: comparative law and empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, a legal-dogmatic method and a method of interpretation of legal norms. Results: the specifics of the conditions and place of serving a sentence and social ties of this category of convicts are described. Conclusion: the information obtained will make it possible to boost effectiveness of achieving the goals of punishment in the execution of imprisonment in special-regime correctional facilities.

K e y w o r d s : persons sentenced to imprisonment, special-regime correctional facilities, penal characteristics.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I., Grushin F.V. Penal characteristics of particularly dangerous recidivists (conditions and place of serving the sentence, social ties). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 131–143. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003.

Introduction

Recidivism has always posed an increased threat to the development of any state, includ-

ing the Russian Federation. This negative phenomenon is combated in all possible directions: preventive, legal, organizational, social, reli-

[©] Seliverstov V.I., Grushin F.V., 2025

gious, etc. One of the directions of countering recidivism is the state's penal policy.

One of the significant directions in the fight against recidivism is the established special procedure for the execution of imprisonment in relation to particularly dangerous recidivists who serve their sentences in correctional facilities of a special regime. Their legal situation was analyzed by S.V. Mikheeva [1], correctional effect on convicts in terms of the use of various means of correction was considered by S.N. Bychkov [2], and educational work with convicts was studied by Yu.Yu. Kuchkarev and E.V. Zautorova [3].

For the purpose of correcting convicts, it is important to consider their penal characteristics revealed as a result of the Ninth special census of convicts and persons in custody conducted in December 2022 [4]. Within the framework of this article, such elements as conditions and a place of serving a sentence, as well as social ties of convicts held in special-regime correctional facilities, will be considered.

Research methodology.

The Ninth special census of convicts and persons in custody was conducted by filing information about the identity of convicts and detainees into a specially designed computer program based on indicators pre-determined in the census form. In the special-regime correctional facility, a questionnaire was filled out for every fifth convict determined by random sampling.

Conditions and a place of serving the sentence as of the date of the census.

As a general rule, under Part 1 of Article 73 of the Penal Code of the Russian Federation, persons sentenced to imprisonment serve their sentences in correctional facilities on the territory of the subject of the Russian Federation in which they lived or were convicted. However, Part 4 of this article establishes an exception for particularly dangerous recidivists, according to which this category of convicts is sent to serve their sentences in prisons located in places designated by the Federal Penitentiary System of Russia.

In accordance with the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 17 of January 26, 2018 "On approval of the procedure for sending persons sentenced to imprisonment to serve their sentences in correctional institutions and their transfer from one correctional institution to another", convicts are sent to serve their sentences no later than 10 days from the date of receipt of a notification of the entry into force of the court verdict by the administration of a pre-trial detention center or the correctional facility operating as a pre-trial detention center.

Given the remoteness of a special-regime correctional facility, the process of transfer from the pre-trial detention center may take a certain amount of time, with the possibility of temporary detention of convicts in transit points. In accordance with Part 7 of Article 76 of the Penal Code of the Russian Federation, the maximum period of detention of convicts in transit points is no more than 20 days.

According to the results of the 2022 census, half of the convicts (51%) of this category were transferred to the place of serving their sentence within 10 days (Table 1).

Table 1

Distribution of convicts in special-regime correctional facilities according to the period of transfer to the place of serving the sentence (%)

Transfer period				
up to 10 days up to 1 month over 1 month				
50.9	33.9	15.2		

The distribution of convicts by the time of their detention in pre-trial detention centers after the entry of the court verdict into legal force is presented in Table 2.

Table 2

Duration of detention in pre-trial detention centers of convicts who were sentenced to imprisonment in special-regime correctional institutions after the entry of the court verdict into legal force (%)

Term of detention in the pre-trial detention center	The 2022 census
up to 10 days	26.2
over 10 days up to 1 month	30.8
over 1 to 2 months	8.8
over 2 months	7.8
over 4 months	26.4
Total	100

In special-regime penal correctional institutions, normal, light and strict conditions of serving the sentence are established for convicts. The division of convicts by conditions of serving the sentence is the realization of the principle of differentiating the execution of punishments, stipulated by Article 8 of the Penal Code of the Russian Federation, as well as an element of the progressive system of the execution and serving the sentence.

Though the bulk of convicts are held directly in special-regime correctional institutions, there is an insignificant part of convicts who are assigned to serve their sentences in a specialregime penal correctional facility, but are held in other institutions:

 prison (transfer of persistent violators of the established order of serving the sentence in accordance with Article 78 of the Penal Code of the Russian Federation for up to three years);

– pre-trial detention center (convicts who are to be sent to correctional institutions to serve their sentences; convicts transferred from one place of serving their sentences to another; convicts left in a pre-trial detention center or transferred to a pre-trial detention center in accordance with the procedure established by article 77.1 of the Penal Code of the Russian Federation; convicts who are left in a pre-trial detention center with their consent for a period not exceeding six months);

- medical correctional facility;

 medical treatment and preventive care facility.

Table 3

Distribution of convicts by conditions
of serving their sentences in special-regime
correctional facilities (%)

	The 1999 census	The 2009 census	The 2022 census	
Type of conditions (locations)	Convicts serving the sentence in the special- regime correc- tional facility	Convicts serving the sentence in the special- regime correctional facility	Convicts serving the sentence in the special- regime correctional fa- cility	Convicted men serving the sen- tence in other correctional facilities
normal conditions	36.8	47.8	63.4	80.5
light conditions	6.3	13.8	11.6	10.1
strict conditions	56.9	38.4	22.5	6.4
preferential conditions			-	0.1
in a general regime pris- on			0.3	0.3
in a maximum security prison			1.8	1.8
in a penal colony, lives with his family in their own home or in rented accommodation			_	0.1
in a pre-trial detention center			0.4	0.7
total	100	100	100	100

As can be seen from the table, 97.5% of the convicts assigned to serve their sentences in the special-regime correctional facility are held in this institution in different conditions: 63.4% of them serve the sentence in normal, 11.6% – in light and 22.5% – in strict conditions.

An insignificant number of convicts are held in prison (maximum security or general regime) -2.1% (convicts found to be malicious violators of the established order of serving their sentences while serving the sentences in the special-regime correctional facility and transferred by the court to prison under Article 78 of the Penal Code of the Russian Federation, for up to three years), as well as in a pre-trial detention center -0.4%.

If we compare convicts held in the specialregime correctional facility with other convicted men serving their sentences, we can see the following:

- the proportion of persons held in strict conditions of serving the sentence in specialregime correctional facilities is much higher (3.5 times) than in other correctional facilities;

- the share of persons held in light conditions of serving the sentence in special-regime correctional facility is slightly higher (by 1.5%) than in other correctional facilities.

If we compare the conditions of serving sentences in dynamics, we can identify a trend of constant significant reduction in the proportion of persons held in strict conditions: in 1999, the proportion of such persons exceeded half of all convicts and amounted to 56.9%; in 2009 – 38.4%, and in 2022 decreased to 22.5%, that is more than in twice in twenty-three years. Accordingly, the share of convicts serving the sentence in other conditions increased, to a greater extent in normal conditions and to a lesser extent in light conditions.

Table 4 shows the distribution of convicts assigned to serve the sentence in special-regime correctional facilities by the institutions they were kept on the census day.

Table 4

	The 2022 census		
Type of institution	Convicts serving the sentence in the special-regime cor- rectional facility	Convicted men serving the sentence in other cor- rectional facilities	
juvenile correctional facility	0.0	1.8	
correctional facility	91.3	79.6	
prison	2.2	2.1	
penal settlement	0.0	7.6	
medical correctional facility	0.8	1.3	
medical treatment and preventive care facility	4.2	3.8	
pre-trial detention center (maintenance)	0.0	1.9	
pre-trial detention center, area functioning as a pre-trial detention center (the sentence has en- tered into force, but the convicted person has not yet been sent to a correctional institution)	0.5	0.9	
pre-trial detention center, area functioning as a pre-trial detention center (the convicted person has been transferred from the correctional facility or left there for investigative actions)	0.7	0.7	
pre-trial detention center (the convicted person has less than 6 months to serve)	0.0	0.1	
pre-trial detention center (convicted person is be- ing transported to the correctional facility)	0.3	0.2	
Total	100	100	

An institution where convicts were held on the census day (%)

Convicts sentenced to serve the sentence in the special-regime correctional facility may be held in other institutions due to various circumstances (illness, transportation, etc.). As can be seen from Table 4, there are no significant differences in the type of institution where the convicts were kept on the census date. According to current legislation, convicts sentenced to serve the sentence in special-regime correctional institutions cannot be held in juvenile correctional facilities, penal settlements and pre-trial detention centers.

The data on the place of detention of inmates inside the correctional facility (table 5) are of great importance, as they allow certain conclusions to be drawn about characteristics of inmates.

facility

tional facility

	The 2022 census		
Place of detention	Convicts serving the sen- tence in the special- regime correctional facility	Convicted men serving the sentence in other correctional facilities	
in dormitories of the juvenile correctional facil- ity, correctional facility, penal settlement	59.6	90.0	
in the cell-type room of the special-regime cor- rectional facility (in lockable rooms of general and strict regime correctional facilities)	34.9	3.1	
in the general population cell in prison	1.7	1.9	
in the solitary confinement in prison	0.6	0.2	
in the penal (disciplinary) isolation ward of the juvenile correctional facility, correctional facil- ity, penal settlement, prison	0.5	0.8	
as a measure of punishment	0.7	1.6	
in the solitary confinement of the special-regime correctional facility (in the cell-type room of general and strict regime correctional facilities)	0.5	0.2	
in the single cell-type room	0.0	0.1	
in the dormitory outside the protected area of the juvenile correctional facility, correctional fa- cility	0.0	0.0	
in their own or rented accommodation in the penal settlement, general-regime correctional	0.0	0.1	

1.5

100

Place of detention on the census day (%)

As already noted, the most dangerous criminals are kept in special-regime correctional facilities. Being held in strict conditions, convicts do not live in lockable rooms, but in celltype rooms. In addition, instead of a penalty in the form of transfer to a cell-type room, in the special-regime correctional facility convicts are transferred to a solitary confinement. If we compare convicts held in special-regime correctional facilities with other prisoners, it can be seen that in special-regime correctional facilities the proportion of people serving sentences in strict conditions (in cell-type rooms) is much higher - by 31.7%. This category of convicts is negatively characterized and is prone to violating conditions of serving their sentences. At the same time, the proportion of persons to whom

in the residential building in the juvenile correc-

in the cell of the pre-trial detention center, area

functioning as a pre-trial detention center

penalties such as placement in a penal isolation ward and transfer to a solitary confinement is applied is insignificant, but lower.

2.0

100

It is proven that the further away a correctional institution is from the place of residence and, accordingly, from relatives of the convicted person, the more difficult it is for him to maintain socially useful connections that positively influence his correction. In this regard, it is no coincidence that the legislator provided for in Article 73 of the Penal Code of the Russian Federation a general rule according to which those sentenced to imprisonment serve their sentences in correctional facilities within the territory of the subject of the Russian Federation in which they lived or were convicted. Table 6 gives an idea of the place of serving the sentence.

Table 5

Table 6

	The 1999 census	s The 2022 census	
Place of serving the sentence	Convicts serving the sentence in the special-regime correctional facility	Convicts serving the sentence in the special-regime correctional facility	Convicted men serving the sentence in other correctional facilities
in the area (city) where he lived be- fore his arrest	4.9	7.7	25.2
in another area (city), but in the same subject of the Russian Fed- eration. where he had permanent residence	33.0	28.8	49.5
in another subject of the Russian Federation at the place of convic- tion	3.2	3.8	4.2
in another subject of the Russian Federation not at the place of resi- dence and not at the place of con- viction	54.0	58.2	19.0
had no permanent residence	4.9	1.5	2.1
Total	100	100	100

Distribution of convicts according to the place of serving the sentence (%)

Unfortunately, there is no data on the ratio of the convicted person's place of serving his sentence to his place of residence before his conviction according to the 2009 census. However, if we compare the places of serving sentences according to the censuses of 1999 and 2022, the following positive trends are visible:

- there is a slight increase in the proportion of people serving sentences in the area (city) where they lived before their arrest – from 4.9% in 1999 to 7.7% in 2022;

- there is a sharp decrease in the share of convicts held in special-regime correctional facilities who did not have a permanent place of residence before their conviction from 4.9% in 1999 to 1.5% in 2022.

At the same time, the proportion of convicts serving the sentence in another subject of the Russian Federation (not at their place of residence and not at the place of conviction) increased from 54.0% to 58.2%. This category of convicts is in the most vulnerable conditions in terms of maintaining socially useful ties. Some researchers argue that in some cases serving a sentence outside the place of residence may have a positive effect on the convicted person. For example, S.M. Savushkin believes that "if there is no work in the correctional facility where the convict is serving his sentence, and with his consent, it might be advisable to transfer him to another region" [5. p. 88].

What is more, those held in special-regime correctional facilities much more often serve their sentences outside the subject of the Russian Federation in which they lived before their conviction. In special-regime correctional facilities, the proportion of such persons reaches 62.0%, while in other correctional institutions – 23.2%. The explanation for this circumstance is quite simple – the number of special-regime correctional facilities is significantly smaller (as of January 1. 2023 – 35 units) than the number of general (164) and strict (251) regime correctional facilities, as well as panel settlements (94).

The data on the place of imprisonment clearly characterize the dialectical contradiction noted in science. Public danger of a particularly dangerous recidivist necessitates exerting an increased educational influence on him, including with the help of his family, while the economic factors, on the contrary, determine the territorial distance of convicts from their place of permanent residence.

These data should be taken into account when deciding on establishing new special-regime and combined-type correctional facilities provided for in the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030.

The issue of transporting convicts from one correctional facility to another is closely related to the place of serving the sentence. In some cases, possible transfer to other correctional facilities under Article 78 of the Penal Code of the Russian Federation encourages a convicted person to behave. In other cases it can have a negative impact, for example, when a convict is transported to another facility of the same type. Table 7 shows a number of institutions in which the convict served his sentence.

Table 7

Distribution of convicts according to the number of correctional institutions in which they served the sentence (%)

Number of correctional	The 1999 census The 2022 census		2 census
institutions in which the convicted person served his/her sentence under the court verdict	Convicts serving the sentence in the special-regime cor- rectional facility	Convicts serving the sentence in the special-regime cor- rectional facility	Convicted men serving the sen- tence in other cor- rectional facilities
1	72.8	54.5	56.8
2	17.5	29.6	23.3
3	5.9	9.5	6.7
4 and more	3.8	6.4	13.2
total	100	100	100

If we compare the places of serving sentences according to the censuses of 1999 and 2022, it can be seen that the proportion of people serving sentences in one institution decreased significantly from 72.8% in 1999 to 54.5% in 2022.

Social ties of convicts

The punishment goal of correcting convicts is achieved through various means of correction, the main of which are outlined in Part 2 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation: established procedure for the execution and serving of punishment (regime), educational work, socially useful work, general education, vocational training and social impact. It seems that one of the means of correcting convicts is to maintain social ties between convicts and their family, relatives and other positive environment. Researchers proposed to include the maintenance of convicts' social ties in the list of basic means of correction provided for in Part 2 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation [6. p. 90]. This is exactly what the legislator did in the Republic of Kazakhstan (Paragraph 3 of Part 1 of Article 7 of the Penal Code of the Republic of Kazakhstan).

The maintenance of social ties of convicts is expressed in the following aspects of serving a sentence of imprisonment:

- going out the correctional facility;

phone conversations;

- receiving money transfers;

 receiving parcels, transfers, and book parcels;

- short-and long-term visitations.

Unlike convicts serving sentences in juvenile correctional facilities, penal settlements, and general and strict regime correctional facilities, convicts serving sentences in special-regime correctional facilities are not allowed to go out the institution (Part 3 of Article 97 of the Penal Code of the Russian Federation).

Under Article 92 of the Penal Code of the Russian Federation, persons sentenced to imprisonment are granted the right to telephone conversations. The legislator does not formally limit the number of these conversations, but establishes that in the absence of technical capabilities the administration of the correctional institution can limit a number of telephone conversations to twelve per year.

Table 8 gives an idea of the use of the right to telephone conversations by convicts held in special-regime correctional facilities. The analysis of data on telephone conversations of convicts shows a clear progress in this direction, related to the equipping of almost all correctional facilities with communication facilities, which allows convicts to fully exercise the right to telephone conversations. In the period from 1999 to 2022, the share of convicts who used the right to telephone conversations at least once a year increased from 3.2 to 78.8%. At the same time, more than half of the convicts serving their sentences in special-regime correctional facilities make more than 4 calls per year.

If in 1999 the share of convicts who did not use the right to telephone conversations for lack of technical capabilities amounted to 50.2%, then in 2022 – only to 0.6%.

		The 1999 census	The 2022 census	
Number of telephone conversations of convicts per year		Convicts serv- ing the sentence in the special- regime correc- tional facility	Convicts serving the sentence in the special-re- gime correctional facility	Convicted men serving the sen- tence in other cor- rectional facilities
1 time		2.0	7.3	6.5
2 times		0.7	7.0	5.9
3 times		0.2	5.2	5.9
4 times	4 times		6.9	7.4
more than 4 times	0.1	52.4	62.4	
no telephone conversations for lack of technical capacities	50.2	0.6	0.4	
no telephone conversations for lack of money	1.5	0.8	0.6	
no telephone conversations because there was no one to call	5.1	4.9	1.6	
no desire	40.0	14.9	9.3	
total	100	100	100	

 Table 8

 Distribution of convicts according to the use of the right to telephone conversations (%)

If we compare special-regime correctional facilities with other institutions, it can be seen that convicts in special-regime correctional facilities enjoy the right to telephone conversations somewhat less often. So, if the share of convicts in special-regime correctional facilities using the right to telephone conversations at least once a year is 78.8%, then in other institutions it is 88.1%. The key reasons for the lower demand for telephone conversations in special-regime correctional facilities are the lack of desire to call (14.9%).

Under Part 5 of Article 91 of the Penal Code of the Russian Federation, persons sentenced

to imprisonment have the right to receive money transfers. In addition, at the expense of funds held in personal accounts (money earned while serving a sentence. pensions. benefits. etc.), convicts are entitled to transfer funds to close relatives, and with the permission of the prison administration to other persons.

Money transfers are sometimes the only opportunity for convicts to purchase food and basic necessities in the store (online store) of the correctional facility, since some convicts are not provided with paid work and, accordingly, do not receive wages (Table 9). Table 10 gives an idea about funds transferred by convicts held in special-regime correctional facilities.

Table 9

Distribution of convicts	according to their rece	ipt of money transfers (%	6)

The 1999 census		The 2022 census		
Receipt of money transfers per year	Convicts serving the sen- tence in the special-re- gime correctional facility	Convicts serving the sen- tence in the special-re- gime correctional facility	Convicted men serving the sentence in other correctional facilities	
1	2	3	4	
yes	7.1	42.5	41.9	

1	2	3	4
no	92.9	57.5	58.1
total	100	100	100

Table 10

Distribution of convicts according to money transfers (%)

	The 1999 census	The 2022 census		
Money transfers per year	Convicts serving the sentence in the special- regime correctional facility	Convicts serving the sen- tence in the special-re- gime correctional facility	Convicted men serving the sentence in other cor- rectional facilities	
yes	1.6	15.9	15.0	
no	98.4	84.1	85.0	
total	100	100	100	

As can be seen from the data presented, the proportion of convicts serving sentences in special-regime correctional facilities and receiving money transfers increased significantly – by 6 times. What is more, the share of convicts serving sentences in special-regime correctional facilities and transferring money (usually to relatives) increased by 9.9 times. The emerging trends should be considered positive, as they indicate, on the one hand, preservation of convicts' social ties with their families, and, on the other hand, betterment of convicts' employment of and a financial situation of their relatives.

There is no significant difference in the receipt and transfer of funds between convicts held in special-regime correctional facilities and other convicts serving their sentences.

In accordance with Part 1 of Article 90 of the Penal Code of the Russian Federation, persons sentenced to imprisonment are allowed to receive parcels, packages, and book parcels. Their number is limited according to the type of criminal record and the conditions of serving the sentence. In special-regime correctional facilities, convicts held in normal conditions are allowed to receive three parcels or packages and three book parcels during the year; convicts held in light conditions - four parcels or packages and four book parcels during the year; convicts held in strict conditions - one parcel or package and one book parcel during the year. As an encouragement measure (Article 114 of the Penal Code of the Russian Federation), convicts may be allowed to receive up to four additional parcels or packages during the year. In addition, sick convicts, first and second-degree disabled convicts may receive additional parcels and packages in the quantity and assortment determined in accordance with the medical report.

Table 11 presents the number of parcels and packages received by convicts held in specialregime correctional facilities. Table 12 gives an idea of the number of book parcels received by convicts held in special-regime correctional facilities.

Table 11

Number of parcels and packages received per year	The 1999 census	The 2022 census	
	Convicts serving the sentence in the special- regime correctional facility	Convicts serving the sentence in the special-regime correc- tional facility	Convicted men serv- ing the sentence in other correctional facilities
1	2	3	4
1	-	29.1	16.9
2	-	20.8	17.9
3	-	10.6	18.2

Distribution of convicts according to the number of parcels and packages they received (%)

1	2	3	4
4	-	5.3	13.5
5	-	2.4	4.7
6	-	1.3	2.9
7	-	0.4	1.5
8	-	0.6	1.0
9	-	0.1	0.5
10	-	0.2	0.4
11	-	0.0	0.2
12	-	0.2	0.9
0	54.0	29.0	21.4
total		100	100

Table 12

Distribution of convicts according to the number of book parcels they received (%)

	The 1999 census	The 2022 census	
Number of book parcels received per year	Convicts serving the sen- tence in the special-re- gime correctional facility	Convicts serving the sentence in the special- regime correctional facility	Convicted men serv- ing the sentence in other correctional facilities
1	-	17.1	13.3
2	-	6.1	6.4
3	-	1.3	3.1
4	-	0.6	2.2
5	-	0.1	0.3
6	-	0.1	0.2
7	-	0.0	0.0
8	-	0.0	0.0
9	-	0.0	0.0
10	-	0.0	0.0
11	-	0.0	0.0
12	-	0.0	0.0
0	66.4	74.7	74.5
total		100	100

So, in 2022, the proportion of convicts held in special-regime correctional facilities who did not receive a single parcel or package during the year decreased by almost half compared to 1999 (from 54.0% to 29.0%). It indicates an improvement in socially useful relationships of convicts. At the same time, the share of convicts who did not receive a single book parcel during the year increased slightly (from 66.4% to 74.7%). Convicts are less interested in receiving book parcels due to a change in postal rules that prohibited the transportation of food products (sweets, cookies, etc.) in book parcels.

If we compare special-regime correctional facilities with other correctional institutions, we can come to a conclusion that convicts in special-regime correctional facilities receive parcels, packages and book parcels in smaller quantities, which is explained, first of all, by the loss of socially useful connections. In addition, the minimum number of permitted parcels, packages and book parcels is legally provided for in special-regime correctional facilities. Under Part 1 of Article 89 of the Penal Code of the Russian Federation, persons sentenced to imprisonment are provided with short-term visits lasting four hours and long-term visits lasting three days on the territory of the correctional facility. Long-term visits outside the correctional facility are not provided to convicts serving the sentence in special-regime correctional facilities. Visits of relatives or close people are crucial for maintaining socially useful ties.

During the year, prisoners in special-regime correctional institutions are allowed to have two short-term and two long-term visits in normal conditions of serving the sentence; three short-term and three long-term visits in light conditions; two short-term and one long-term visit in strict conditions. As an encouragement measure (Article 114 of the Penal Code of the Russian Federation), a convicted person may be granted up to four additional short-term or long-term visits during the year.

Table 13 reveals the number of short-term visits with relatives or other persons in the presence of a representative of the prison administration provided to convicts held in specialregime correctional facilities.

Table 13

	The 1999 census	The 2022 census	
Number of short visits per year	Convicts serving the sentence in the special-regime cor- rectional facility	Convicts serving the sentence in the special-regime correc- tional facility	Convicted men serv- ing the sentence in other correctional facilities
1	-	8.6	15.0
2	-	2.7	8.1
3	-	0.8	3.5
4	-	0.1	1.8
5	-	0.0	0.5
6	-	0.0	0.3
7	-	0.0	0.1
8	-	0.0	0.1
9	-	0.0	0.1
10	-	0.0	0.1
11	-	0.0	0.0
12	-	0.0	0.3
0	85.5	87.8	70.1
total		100	100

Distribution of convicts according to the number of short-term visits provided to them (%)

It is worrying that the overwhelming majority (87.8%) of convicts held in special-regime correctional facilities did not exercise their right to short-term visits during 2022. Compared to other correctional institutions, this indicator is higher (worse) by 17.7%. Of the inmates in special-regime correctional facilities who exercised the right to short-term visits, the majority had only one short-term visit during the year.

If we compare the data with the 1999 census, the proportion of inmates held in special-re-

gime correctional facilities who did not exercise the right to a short-term visit remained virtually unchanged.

Long visits are granted with the right to live together with a spouse, parents, children, adoptive parents, adopted children, siblings, grandparents and grandchildren, and with the permission of the head of the correctional facility with other persons. Table 14 gives an idea of the number of long-term visits granted to inmates.

Table 14

	The 1999 census	The 2022 census	
Number of long-term visits per year	Convicts serving the sentence in the special-regime cor- rectional facility	Convicts serving the sentence in the special-regime correc- tional facility	Convicted men serving the sentence in other correctional facilities
1	-	10.3	12.4
2	-	3.4	9.1
3	-	1.4	4.8
4	-	0.5	2.2
5	-	0.2	0.5
6	-	0.2	0.3
7	-	0.0	0.1
8	-	0.0	0.1
9	-	0.0	0.1
10	-	0.0	0.0
11	-	0.0	0.0
12	-	0.0.	0.1
0	92.7	84.0	70.3
total		100	100

Number of long-term visits granted to inmates in special-regime correctional facilities (%)

In 2022, the share of convicts held in specialregime correctional institutions who did not use their right to long-term visits was also very high (84.0%). Compared with the 1999 census, the proportion of convicts who did not exercise the right to long-term visits decreased by 8.7%. When compared with other correctional facilities, the proportion of convicts held in special-regime correctional facilities who did not exercise their right to long-term visits was by 13.7% higher.

How can we explain the fact that convicts so rarely use short- and long-term visits?

First, the fact that many convicts serve their sentences far from home and family is reflected in the census. Relatives and friends often cannot afford (even within the framework of the norms established by the Penal Code of the Russian Federation) to visit convicts for financial reasons, their state of health, etc.

Second, some convicts held in special-regime correctional facilities have lost socially useful ties with relatives and friends due to recidivism and long sentences. According to the 2022 census, 69.9% of those serving the sentence in special-regime correctional facilities were not married, and the marriage of 8.9% of the convicts broke up [4, pp. 12–13].

Third, this result was influenced by the development of information technologies, primarily the telephone network. With the wider introduction of the practice of providing video visits to convicts, an increase in the role of traditional visits is not expected.

Fourth, the frequency of visits was affected by the coronavirus pandemic. For several years, correctional facilities had been closed to relatives for reasons of non-proliferation of the epidemic. Although the restrictions on visits were lifted in 2022, convicts and their family members got used to communicate in the easiest way, namely through money transfers, parcels and telephone conversations.

Conclusion

In comparison with 1999, the proportion of convicts serving sentences in normal and light conditions increased in 2022 and the share of convicts in strict conditions of special-regime correctional facilities cut to a third. It is worth mentioning that it does not demonstrate the betterment of convicts' behavior, but rather the realization of a tendency to humanize the treatment of convicts.

Compared with 1999, there is a contradictory dynamics in the indicator, such as the time spent in the correctional facility at the place of residence of the convicted person's family. Economic factors (a small number of special-regime correctional facilities) determine the territorial distance of convicts from their place of permanent residence to a greater extent than for other categories of convicts. Compared with 1999, there is also a positive trend in the use of legal
opportunities to maintain social ties with relatives by convicts in special-regime correctional facilities. However, the static nature of maintaining socially useful relationships recorded by the 2022 census, especially the use of the right to shortand long-term visits, indicates the need for additional measures to be taken in the penitentiary to maintain family relations of convicts. Certain steps are being taken in this regard. On March 12, 2025, at an expanded meeting of the Board, Director of the Federal Penitentiary Service of Russia A. Gostev noted that "according to the results of the work carried out with convicts who had lost socially useful ties, more than 2.4 thousand people resumed family relations in 2024" [7]. An insufficient level of maintaining socially useful relationships among convicts serving sentences in special-regime correctional facilities confirms the relevance of the probation service designed to provide persons released from prison with assistance in adapting to life at large, employment and finding accommodation. On the other hand, it indicates the need for adjusting probation mechanisms with regard to the emerging practical experience in applying the norms of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" and proposals of legal science [8, pp. 196–201].

REFERENCES

1. Mikheeva S.V. *Pravovoe polozhenie osuzhdennykh. soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal status of convicts held in special-regime correctional facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Samara. 2011. 185 p. 2. Bychkov S.N. *Ispolnenie ugolovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: organizatsionno-pravovye voprosy i kharakternye osobennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of criminal punishment in the form of imprisonment in special-regime correctional facilities: organizational and legal issues and characteristic features: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg. 1996. 271 p.

3. Kuchkarev Yu.Yu., Zautorova E.V. Features of educational work with convicts in special-regime correctional facilities. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye problemy obshchestvennykh i gumani-tarnykh nauk: nauchnyi podkhod molodykh issledovatelei: sb. nauch. st. obuchayushchikhsya Vologod. in-ta prava i ekonomiki FSIN Rossii* [Actual problems of social sciences and humanities: the scientific approach of young researchers: collection of scientific articles by students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Vologda. 2020. Pp. 136–140. (In Russ.).

4. Grushin F.V., Malikova N.B. *Kharakteristika osuzhdennykh. otbyvayushchikh lishenie svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits. soderzhashchikhsya pod strazhei, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of convicts serving their sentences in special-regime correctional facilities: based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022]. Moscow. 2024. 88 p.

5. Savushkin S.M. Social connections of persons sentenced to the deprivation of freedom as a factor of their differentiation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*. 2021. no. 18. pp. 86–90. (In Russ.).

6. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obos-novaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and substantiation of theoretical modeling]. Moscow. 2017. 328 p.

7. Direktor FSIN Rossii general vnutrennei sluzhby Rossiiskoi Federatsii Arkadii Gostev provel rasshirennoe zasedanie kollegii po itogam raboty vedomstva [Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, General of the Internal Service of the Russian Federation Arkadii Gostev held an expanded board meeting on the results of the department's work]. Available at: https://fsin.gov.ru/ news/index.php?ELEMENT ID=795990 (accessed March 15, 2025).

8. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2022. vol 16. no. 2. pp. 194–202. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vis_home@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9554-5438 **FEDOR V. GRUSHIN** – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fedor062@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1217-8856

Received March 17, 2025

Original article UDC 343.36 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004

The Interests of Justice as an Object of Criminal Law Protection in a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

NATAL'YA V. ROMANENKO

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, https://orcid.org/0000-0001-8652-1728

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of the theory and practice of applying Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. Purpose: based on the generalization of theoretical provisions of criminal procedure science and the practice of criminal prosecution of judges for making knowingly unlawful judicial acts, to show key problematic issues affecting the effectiveness of protecting the interests of justice in the detection and investigation of this category of crimes. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic, historical, comparative legal, empirical methods of description, interpretation; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the analysis of the studied material has shown that criminal law tools and procedural mechanisms for protecting the interests of justice need to be improved. Conclusion: in order to enhance the protection of the interests of justice when considering cases of crimes provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to limit the dispositive principle in the criminal prosecution of a judge, to conduct additional research into the stages of committing this crime and the possibility of criminal prosecution for an unfinished crime; to identify its elements and to establish its combination with other official criminal acts of representatives of the judiciary; and to provide representatives of the judicial community and other authorized persons with the opportunity to participate in criminal cases of this category in order to protect the interests of the Russian Federation.

Keywords: unlawful judicial act, deliberate unlawfulness, criminal liability of a judge, criminal prosecution of a judge, Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, interests of justice, crimes against justice.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romanenko N.V. The interests of justice as an object of criminal law protection in a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation: significance and applicability

Justice in the modern world is deservedly given the role of one of the most effective ways

to protect human rights, and, as scientists aptly put it, it is "one of those highest social values that humanity could present in its justification at the trial of history" [1, p. 13]. Until recently,

[©] Romanenko N.V., 2025

"the court and the justice it administers are one of the most sought-after methods of conflict resolution based on the norms of real law" [2, p. 47]. It covers all procedural activities without exception, regardless of the stages and type of legal proceedings, "because only in this case judicial supremacy will be a single principle of the court's activity, and not its local property" [3, p. 46]. It is the only way to implement judicial power as one of the types of state power, and the branch is the friendliest to a person and a citizen, as focused as possible on ensuring his/ her interests, including from abuse by representatives of its other branches.

Therefore, it is understandable that its own interests are subject to special legal protection, including by criminal law (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation). Today, it contains more than two dozen articles that identify criminally punishable acts that infringe on the normal solution of tasks the court addresses. These articles are designed for a wide variety of audiences, from ordinary people who are not even involved in the proceedings to professional participants in the proceedings investigators, interrogators, prosecutors, and lawyers. One of these articles stands out for its special provision - this is Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Imposition of a deliberately unlawful sentence, decision or other judicial act").

This article is unique due to the range of subjects (because it is intended only for the "elite" of law enforcement officers - the very administrators of justice) and the order of its application (which, due to their special constitutional and legal status, is always carried out in a special procedure with regard to the provisions of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code and Article 16 of the Law on Status of Judges). The specified criminal act involves only judges and is qualified separately from other official crimes, for example, abuse of official powers (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) or their excess (Article 286), receiving a bribe (Article 290), mediation in bribery (Article 291.1), forgery (Article 292), which are designed for a wider range of subjects. It should be noted that not all officials - prosecutors, lawyers, deputies, ministers, notaries, commissioners - can "boast" of having such an exceptional corpus delicti, provided only for them and for no one else.

"Elitism" of this article determines its special position among other articles of the Criminal Code of the Russian Federation and its infrequent use in comparison with them. In order to compile a complete and objective picture of the specifics of the criminal law protection of the interests of justice as an object of crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, we have conducted an independent study, the results of which are regularly supplemented and partially described earlier [4, 5]. The author studied materials of over 100 cases of criminal prosecution of judges for making a knowingly unlawful judicial act for the period of 2002-2024 starting from the moment of initiation - obtaining consent to initiate criminal proceedings against a judge in the judicial gualification board, including 55 verdicts against judges under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main research was conducted as part of the work on the dissertation on the topic "The concept of improving the special procedure for criminal proceedings against judges in the Russian Federation". As practice shows, cases of criminal prosecution of judges for knowingly unlawful judicial acts occur about 3–5 times a year, while, according to official statistics, the number of persons convicted under it is even lower - 1-2 sentences a vear. This is a negligible number compared to, for example, theft, fraud, drug trafficking, etc., which tens of thousands are committed annually in our country. In this regard, in theory and practice, opinions are often expressed about the inapplicability of Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. "There is practically no actual practice of applying this rule" [6, p. 4] and "crime statistics in the field of justice indicate a small proportion of these crimes in the total crime" [7, p. 4].

We cannot agree with the judgments about uselessness of this article. This article is used much less frequently even than other articles of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, we emphasize that its use should not be compared with the use of other articles of the Criminal Code of the Russian Federation, at least because of a "small number" of the subject of the crime (the proportion of the judiciary, excluding retired judges, averages about 40 thousand people, i.e. less than 1% of the total population of the Russian Federation). At the same time, it is necessary to take into account not only the number of verdicts under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also the number of cases of other closure of criminal proceedings (for example, termination of criminal proceedings due to statute of limitations, amnesty, reconciliation

of the parties or active repentance), as well as cases of failed initiation (refusal of the qualification board of judges to consent to the initiation of criminal proceedings in accordance with the provisions of Article 16 of the Law on the Status of Judges – for example, in the absence of deliberate intent in the judge's act). According to scientists, "criminal liability for making knowingly unlawful decisions is not always realized" [8, p. 22].

The increased importance of this encroachment for the state is indicated by the very fact of the existence of criminal liability for making unlawful judgments in all previously existing models of domestic criminal law (Article 114 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926, Article 111 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, Article 177 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960), which provided for a similar responsibility of judges for this crime. But at the same time, in the first editions of codes, this article established that judges had a selfish or other personal goal and stipulated heavier sanctions – "up to and including execution".

We believe that for as many centuries justice itself has existed, so its antipode - "anti-justice". One of the first examples of this is the legendary episode with Pontius Pilate who made "a decision not based on his personal conviction, but at the insistence of a crowd demanding blood and execution" [3, p. 45]. There have always been and will always be unscrupulous parties and judges' attempts to "bend justice to themselves", and therefore it is obvious that the proper observance of the interests of justice is ensured by Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation acting as an invisible and once guite tangible guardian of its fragile essence. However, this does not mean that although it is not originally designed for "circulation use", the application of its provisions does not face problems. Many of them are connected with the fact that "in theory and practice, there are no scientifically sound criteria for gualifying what has been done under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation" [6, p. 4]. Unfortunately, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its resolution No. 20 of June 28, 2022 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice" ignored Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation [9, p. 268], obviously, taking into account the same insignificant statistical indicators of its application, which are not at all indicators of its real relevance.

We should mention a recent trend of the decreased number of detected crimes under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation (in the period 2002 - 2015, it occupied a leading position among all official crimes of judges, accounting for about 80% of their total number). Today, the proportion of crimes under Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation is significantly increasing. But we do not think that this is due to the fact that there are fewer unlawful decisions being made. Scientists, speaking generally about crimes against justice, note their very high level of latency ("an even greater number of persons who have committed such acts remain outside the field of view of law enforcement agencies, since these crimes are traditionally considered highly latent" [8, p. 22; 10, p. 6], "in fact there are incomparably more facts of illegal arrests, detentions, unlawful sentences, etc." [11, p. 602]) and present a number of criminological reasons (these crimes "are not registered, criminal cases are not initiated and perpetrators often go unpunished", "it is very difficult and sometimes impossible to prove a violation of the law on the part of a judge", "even registered crimes of law enforcement officers are hardly ever brought to trial, the case is usually limited disciplinary action or dismissal from service", "this is connected with corporate, falsely understood "solidarity" of lawyers who condescend to violate the rule of law by their colleagues, so for more dangerous reasons, such as personal acquaintances in leadership circles, bribery of officials, criminal connections" [11, p. 602]. While agreeing with these statements basically, we note that from a procedural point of view, these theses require more detailed argumentation.

Procedural mechanisms for protecting the interests of justice

One of the procedural means of protection is the opportunity to participate in proceedings as a victim with all the rights granted by Article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, this article neither provides for the possibility of recognizing public elements as victims in a criminal case, for example, the Russian Federation, nor guarantees the participation of its representatives in the case (traditionally they are the prosecutor's office). Formally, victims in such cases are most often recognized as individuals or legal entities, whose interests are directly infringed by an unlawful judicial act. As a rule, these are participants who have not been notified of the case consideration, the date and time of the court

session, whose rights and interests are affected by the judicial act, who have lost their property, been brought to administrative responsibility, etc. There are no representatives of victims on behalf of the judicial community, whose bodies include councils, judicial qualification boards, etc. The law assigns them the task of establishing the authority of the judiciary and ensuring that judges comply with the requirements of the Code of Judicial Ethics (paragraph 4 of Article 4 of the Federal Law No. 30-FZ of March 14, 2002 "On Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation"). But the authority of the iudiciary is severely undermined by the commission of crime qualified according to Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation:

- "these deliberate actions of Judge L. entailed significant violation ... of the legally protected interests of society and the state, which resulted in discrediting and undermining the authority of the courts of the Russian Federation and gross violation of the activities of the courts regulated by law" (verdict of the Frunzensky District Court of Ivanovo of September 5, 2017 No. 1-123/2016 in respect of L., Justice of the Peace of the judicial district No. 5 of the Frunzensky judicial district of Ivanovo);

– "by her actions, Judge E. twice grossly violated the above-mentioned norms of civil procedure and arbitration procedure legislation, undermined the authority of the judiciary in the state, disrupted normal work of the judicial authorities, and also harmed the legitimate interests of individuals in the civil process" (verdict of the Supreme Court of the Russian Federation of April 25, 2007 No. UKPI07-2 in respect of E., Judge of the Trusovsky District Court of Astrakhan);

 "the specified deliberate actions of Judge H. entailed a significant violation ... of the legally protected interests of society and the state, which resulted in damage to the reputation of judges, discrediting and undermining the authority of judicial authorities, and gross violation of the activities of courts regulated by law, which contributed to the formation of a negative attitude towards the court and the judicial profession in society" (decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 28, 2023 No. AKPI23-732, appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of January 16, 2024 No. APL23-475 in respect of Kh., Justice of the Peace of judicial district No. 33 within the boundaries of the administrativeterritorial entity of Velikie Luki, Pskov Oblast);

- "Judge A. foresaw the inevitability of socially dangerous consequences in the form of a violation of the established procedure for the judge to exercise his official powers in the administration of justice and the formation of S.'s beliefs about corruption of the judicial authority, undermining the authority and discrediting the latter... By his actions, Judge A. significantly violated ... the legally protected interests of the state, since he undermined the authority of the judiciary, discredited the status of a judge and disregarded the oath of a judge" (decision of the Supreme Court of the Russian Federation of September 6, 2023 No. AKPP And 23-683, appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2023 No. APL23-420 in respect of A., Judge of the Maikop City Court of the Republic of Adygea), etc.

We cannot agree that the formation of a "negative opinion about the judiciary" in the society is "an unfounded speculation of the prosecution, since the court has not been presented with any evidence that the intentionally committed violations of the law by Justice of the Peace F. were made public and the population expressed their negative attitude towards the judiciary in the country" (verdict of the Tyumen Regional Court of July 30, 2014 No. 2-28/2014 in respect of F., Justice of the Peace of the judicial district No. 5 in Tobolsk). Every case of criminal prosecution of a judge for any crime is a phenomenon that always causes a wide public response and is painfully perceived as something extraordinary that requires an immediate and adequate reaction, although the population, as a rule, does not actively express this (in rallies, pickets, protests, etc.).

Another way to protect criminal law interests is the possibility of appealing a judicial act affecting the interests of a particular subject, even if he/she was not involved in the case. In accordance with the provisions of procedural legislation, the subjects of appeal, in addition to direct participants in the legal dispute, also include "other persons to the extent that the appealed court decision affects their rights and legitimate interests". In various types of legal proceedings (articles 389.1, 401.2, 412.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, articles 320, 376, 391.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, articles 295, 318, 332 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, articles 42, 257, 273, 308.1 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation) they are called differently:

148

 "persons who were not involved in the case and whose rights and obligations were determined by the court";

-"other persons if their rights and legitimate interests were violated by court decisions";

"persons who were not involved in the administrative case and whose rights and obligations were determined by the court";

 - "other persons if their rights, freedoms and legitimate interests were violated by judicial acts";

"persons who did not participate in the case, but whose rights and obligations were considered in the judicial act of the arbitration court".

However, representatives of the Russian Federation or the judicial community are not explicitly listed in any of the listed articles among the subjects of appeal, cassation or supervisory review of sentences passed under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation for the issuance of unlawful judicial acts in criminal, civil, administrative, arbitration cases.

Finally, another way to protect public interests (including the interests of justice) is the right to apply to a court for compensation for damage caused to the Russian Federation, its subjects or municipalities. They are vested with the prosecutor's office, which are authorized to commit such actions in accordance with Part 1 of Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Part 1 of Article 39 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, Part 1 of Article 52 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation. It is difficult to imagine the amount of the monetary equivalent of the damage caused to the authority of the judiciary to be compensated by a judge convicted of committing a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. Practice has no lawsuits for compensation for damage caused to the Russian Federation as a result of diminishing the interests of justice and the authority of the judiciary, filed against judges convicted under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Thus, procedural mechanisms for protecting the interests of justice – the main object of the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation – seem rather abstract today.

The structure of an object of criminal encroachment and characteristics of its purpose

The object of this criminal offense, provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, also requires clarification, given that the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation mentioned above does not specify it ("the authors of the explanations turned out to be such skilful lawyers that they were able to characterize elements of crimes without mentioning the object against which they are directed" [1, p. 14]).

Traditionally, scientists identify two objects of encroachment in this crime - the main and additional. The main one is social relations that ensure that the court solves the tasks of justice, and the additional one is the rights, freedoms and legitimate interests of the parties [12, p. 221; 13, p. 429]. It is worth mentioning that this particular emphasis follows from the construction and arrangement of this article formulated by the legislator: the corpus delicti is placed precisely in Chapter 31, and, for example, not in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen"). where it might have sounded like "Violation of the right to judicial protection by issuing an unlawful judicial act by a judge". That is, the legislator assigns the interests of justice absolute priority over the interests of the individual.

In principle, this is typical for all articles of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation and many articles of its other chapters. At the same time, this priority separates justice as an object of criminal law protection from public service and service in local government bodies, crimes against which are concentrated in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation. This seems logical considering that the judge, as the subject of a crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, is not a civil servant, but holds a government position. However, at the same time, there is a confusion of objects of criminal legal protection of the entire Section X ("Crimes against the state power") and Chapter 30 ("Crimes against state power, interests of public service and service in local governments"), from the title of which the mention of state power should be excluded. Another consequence of this is the possibility of establishing a combination of the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation with the crimes provided for in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

It should be noted that the participants in the process, being dissatisfied with the court decision, in any case seek to accuse the judge of the intentional nature of his/her illegal actions.

Under such conditions, it seems fair to say that "any person in whose interests a court decision is annulled or changed by a higher authority may consider that it was originally decided not in accordance with the law; therefore, a crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation took place" [14, p. 101]. Therefore, the increased standard of proof provided by an awareness element (according to scientists, this element obliges the law enforcement officer to establish not just intent, but "prior awareness of the accused about any significant circumstance" [15, p. 73]), looks justified. In addition, the above-mentioned emphasis in the disposition of Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation and the priority of the interests of justice over the private interests of participants in the proceedings do not allow us to talk about the possibility of criminal prosecution of a judge for any decision that one of the parties is dissatisfied with.

Today, the legislator does fix the purpose as a necessary element of this crime, freeing the law enforcement officer from the need to identify it. It seems a serious omission, since the purpose of committing a crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation determines whether or not it is necessary to identify elements of other crimes in the judge's act. As practice shows, the purpose of committing this crime in the vast majority (about 80% of the cases) is mercenary [we have written about this earlier - 16-18] (it is assumed that direct remuneration in the form of a monetary equivalent is a bribe). That is, bribery as the main way to influence the judge makes the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the vast majority of cases, a corruption-related crime [19, p. 338]. This is also confirmed by the research of other scientists: "motives for the issuance of knowingly unlawful judicial acts in the vast majority of cases are based on the material needs of subjects (including the need for a systematic increase in their well-being, as well as stable earnings)" [8, p. 23; 20, p. 78]; "in cases of knowingly unlawful judicial acts, personal motives prevail, which in most cases are related to corruption, requests from "high patrons" of the perpetrators, or close relations with representatives of the criminal world (which mostly remains in the shadows)" [11, p. 604]. That is, in this case, the judge's act should be classified as a set of crimes provided for in articles 305 and 290 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 292 in case of a fake protocol of the court).

In accordance with the provisions of Part 2 of Article 10 of the Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption" and Paragraph 2 of Article 3 of the Law on the Status of Judges, the personal interest of a judge, which affects or may affect the proper performance of his/her official duties, is understood as the possibility for a judge to receive income in the form of material benefits or other undue advantages directly for the judge, his/her family members or other persons and organizations with which the judge is financially or otherwise bound. In relation to the crime in guestion, this is judge's various kinds of dependence on the parties to the dispute due to services previously rendered by them, bound by certain obligations to them, a sense of unpaid debt, etc. - and, as a result, a desire to please, thank, and do justice. This type of dependence indicates the presence in the judge's act of elements of a combination of crimes provided for in articles 305, 285 (286) of the Criminal Code of the Russian Federation (as well as, in the presence of a forged protocol, additionally Article 292 of the Criminal Code). And only sometimes, in about every tenth case, the issuance of an unlawful judicial act is solely due to improper organization of work, it is committed in order to prevent further delay in the consideration of cases, reduce the number of pending cases, conceal negligence in their work and improve its performance in order to avoid adverse disciplinary consequences (i.e. in this case Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is applied in its "pure form" or in combination only with Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The interdependence of the acts provided for in articles 305 and 290 (as well as articles 285, 286, 292 of the Criminal Code of the Russian Federation) seems obvious, and the establishment of this relationship and the imposition of more severe punishment for a combination of crimes is a necessary condition for the proper protection of the interests of justice. However, the purpose of issuing an unlawful judicial act in the investigation of this crime is not always established, and the totality of this crime with others is often not identified.

Limitation of the dispositive principle in criminal prosecution under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

The presence of the interests of justice – the most abstracted category focused on an unlimited range of people, "whose goal is to protect human and civil rights and freedoms" (review

of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2015), decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 27, 2019 No. AKPI19-35, etc.) - further narrows the possibility of implementing a dispositive principle, which is already limited in criminal proceedings, for example, reconciliation of the accused with the victim. It is allowed for crimes of minor and moderate severity committed for the first time (which is guite suitable for the parameters of the act provided for in Part 1 of Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation) and is organized only between the judge and the victims - individuals: "The victim considers the above sentence illegal, since the evidence was not examined during the trial, he was not questioned as a defendant, the parties did not debate, he was not given the right to address the court with the last word, the verdict was not announced, and he did not participate in court sessions. But subsequently, Judge L. fully compensated him for moral damage in the amount of 70.000 rubles, and he refused to file claims" (verdict of the Frunzensky District Court of Ivanovo of September 5, 2017 No. 1-123/2016 in respect of L., Justice of the Peace of the judicial district No. 5 of the Frunzensky judicial district of Ivanovo).

The ethical aspect of such "reconciliation" is highly questionable. And if the victim can determine a sufficient amount for him/herself based on his/her own level of pretension and ideas of justice, then who and to what extent can determine the amount of moral damage caused to the Russian Federation and how should a judge apologize to it when making amends? Obviously, there are no answers to these questions. Therefore, such reconciliation is more like a "compensation" for legalizing criminal behavior of a representative of public authority in relation to a person and a citizen, for violating the right to judicial protection guaranteed by Article 46 of the Constitution of the Russian Federation, rather than reaching a legitimate compromise between equal parties to a criminal dispute.

The price of the "deal with justice", no matter how much it is set, looks very cynical: "During another meeting, Judge G. explained to him that he could make a decision in favor of S., but for this he needed to transfer 2,000,000 rubles, which was the price for making an illegal and unjustified decision" (verdict of the Proletarian District Court of Rostov-on-Don of July 19, 2024 No. 1-13/2024 against G., judge of the Temryuksky District Court of the Krasnodar Territory).

That is, perhaps, satisfying the interests of an additional object of criminal encroachment, such reconciliation does not compensate in any way for the interests of the main object - justice, and even if all the formal conditions provided for in Articles 76 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are fulfilled, it only emphasizes its inappropriateness. Therefore, we believe that the specifics of the object of the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation should entail a direct prohibition on termination of the case for reconciliation, active repentance, a court fine and on any other compromise grounds. Positive post-criminal behavior, which is required in most of these cases, can only serve as a mitigating circumstance and reduce the amount of responsibility.

Identification of the interests of justice as an object of criminal encroachment in each crime of a judge related to the exercise of official powers

The interests of justice as an object of criminal encroachment are not always established in the criminal behavior of a judge related to the exercise of official powers. The Constitutional Court of the Russian Federation, in its decision No. 23-P of October 18, 2011 ("In the case of the review of the constitutionality of the provisions of Articles 144, 145 and 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph 8 of Article 16 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen S.L. Panchenko") in the case of S.L. Panchenko, emphasizes that the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is usually accompanied by a number of other crimes, such as "Fraud" (Article 159), "Abuse of official authority" (Article 285), "Abuse of official authority" (Article 286), and "Receiving a bribe" (Article 290). On the one hand, this suggests that the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is extremely rarely committed as a single one. As rightly noted by scientists, many illegal actions "are related to receiving or attempting to receive a bribe (mainly for promising to terminate a criminal case, acquit, satisfy an illegal claim, etc.)" [11, p. 603]. At the same time, the Supreme Court of the Russian Federation clarified that the list of crimes listed above by the Constitutional Court of the Russian Federation is not exhaustive. These crimes are often committed "in addition" to the pronouncement of a deliberately unlawful judicial act (although not necessarily only them).

On the other hand, it seems that all illegal activities of a judge connected with his official powers are somehow focused on his adoption of an unlawful judicial act. A judge, in accordance with his constitutional and legal status, is endowed with only one public function aimed at the exercise of judicial power - the administration of justice (unlike, for example, an employee of the prosecutor's office, in whose arsenal, in accordance with the Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" has more than ten supervisory and non-supervisory powers). Therefore, the judge is an object of criminal interest not for "general patronage" or "general connivance", but only in connection with his/her ability, abusing his/her official powers, exceeding them or acting in accordance with them, to make a decision in favor of one or another participant in the process. Moreover, these actions can be directly related to the adoption of a judicial act in the framework of a specific criminal, civil or administrative case, as well as to some organizational actions, for example, aimed at accepting the case for its own production: "Lawyer K. appealed to Judge K. with a proposal to recognize initial protocols of interrogations of H., the suspected and accused, as inadmissible evidence, in which he accused D. of committing crimes, Judge K. agreed, demanding funds in the amount of 13,000,000 rubles, of which 4,000,000 rubles were the guarantor of his acceptance of the criminal case for his trial" (verdict of the Moscow Regional Court of August 28, 2023 No. 2-62/2023 against K., Judge of the Lytkarinsky City Court of the Moscow Oblast).

It is this opportunity that attracts a certain category of unscrupulous persons to the judge, turning him/her into a "tool" for committing a crime. Otherwise, all criminal communication with the judge is devoid of any meaning. In some situations, these individuals (representatives of the parties, lawyers, acquaintances, acquaintances of acquaintances, etc.) can prompt the judge to illegal actions by placing pressure on him/her, but most often by bribing, promising him/her remuneration in one form or another. Sometimes the judge him/herself may suggest this to the representatives of the parties (for example, to extort a bribe) (decision of the Qualification Board of Judges of the Sverdlovsk Oblast of June 5, 2018 on the resignation

of a judge of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Oblast, decision of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation of November 28, 2018 on the consent to initiate criminal proceedings, decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 26, 2019 No. AKPI19-71, appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 21, 2019 No. APL19-153).

The signs of the conditionality of a bribe by the issuance of an unlawful judicial act are quite obvious:

- "for the bribe received from D., Judge G. issued a ruling on the introduction of a monitoring procedure for the LLC and on the approval of the interim manager P. and announced its operative part, and then produced this (motivated) ruling in full" (verdict of the Central District Court of Barnaul, Altai Krai of April 11, 2023 No. 1-6/2023 in respect of G., Judge of the Arbitration Court of Altai Krai);

– Judge A. offered P. to transfer 100,000 rubles to him for making a decision on the satisfaction of the claim. A. insisted that a positive decision on the claim would be made after he received the full amount of the bribe. Under such circumstances, the civil case was postponed" (verdict of the Supreme Court of the Russian Federation of October 21, 2011 No. UKPI11-10 in respect of A., Judge of the Voroshilovsky District Court of Rostov-on-Don);

 "Judge K., as a result of repeated negotiations agreed to the proposal. Thus, he had a criminal intent: to recognize interrogation protocols of D.'s as the suspected and accused as inadmissible evidence, to stop the criminal prosecution of A. and D. in terms of their crimes committed as part of an organized group, qualifying their acts as committed by a group of persons by prior agreement, to impose the minimum possible punishment on A. and D. in the absence of legal grounds, for which he demanded a bribe in the form of money in the amount of 13,000,000 rubles, which is a particularly large amount" (verdict of the Moscow Regional Court of August 28, 2023 No. 2-62/2023 against K., Judge of the Lytkarinsky City Court of the Moscow Oblast).

In theory and practice, there is a stable opinion about the need to establish a set of crimes in these acts, "if the imposition of a knowingly unlawful sentence, decision or other judicial act is related to receiving a bribe, the socially dangerous act in question must be classified according to the set of crimes provided for in articles 305 and 290 of the Criminal Code of the Russian Federation" [21, p. 101]. However, at the same time, receiving a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) is the main element (annual reports on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment, reports on the number of persons convicted of all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts have been issued in criminal cases) (i.e., an act that would have been committed in any case) and the issuance of an unlawful judicial act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation) is an optional one (an act might and might not be committed). Scientists define this qualification as optional and superstructural, "additional qualification occurs when it has already been established that what has been done is provided for by certain elements of a crime (a certain corpus delicti), but this is still not enough to give a final criminal assessment of what has been done" [22, p. 119; 23].

Indeed, the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is not always completed by the time the bribe is received, quite often "parties" agree on an advance payment scheme. The entire amount of the illegal remuneration is transferred to the judge, he/she makes a decision in the interests of the payer. As a result, the composition of the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is not always revealed, and the totality of crimes in the judge's act is also not established. It seems that this omission is a direct consequence of the practical impossibility of criminal prosecution for an unfinished crime under Article 305 of the Criminal Code (see below), as well as the additional nature of the qualification of the act provided for in Article 305 of the Criminal Code, and also does not provide an adequate level of protection of the interests of justice.

Non-obviousness of the commission of a crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

Criminal prosecution of a judge for any crime is burdened with procedural difficulties provided for in Chapter 52 of the Criminal Procedure Code and Article 16 of the Law on the Status of Judges. In the case of prosecution under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, non-obviousness of this crime is a complicating element. After all, everything looks good: the judge is engaged in day-to-day work, studying case materials, holding court sessions, giving instructions to staff on the preparation of requests, notifications, notices of the parties, and draft documents, announcing judicial acts, etc. Some people (participants in the dispute, representatives of the prosecutor's office and the bar, visitors) may come into his/her office and talk about something in private, but this is not criminal in principle. There is no violence, threats, illegal entry into other people's premises, violation of public order, expression of disrespect for society, etc., i.e. the method of its commission is not obvious. It is only when law enforcement officers are arrested at the scene of a crime during an operational experiment that it becomes known that this seemingly respectable activity was criminal in nature.

But this happens most often when the subject of a bribe or other illegal remuneration is being detained, i.e. when committing crimes under articles 159 or 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. It should be noted that the method of obtaining illegal remuneration has remained traditional – the transfer of cash, when the crime is suppressed and then the collection of evidence is also focused on these types of crimes. In addition to the testimony of bribe-giving witnesses, they include the following evidence:

– resolutions on conducting an operational search event "operational experiment"; reports on its results, according to which information was obtained about the presence of corpus delicti in the actions of the judge; resolutions on declassification of information constituting a state secret and their carriers; resolutions on providing results of operational search activities to the body of inquiry, investigator or court; statements of persons on their voluntary consent to participate in operational search activities in order to identify and suppress criminal activities of a judge;

- testimony of FSB officers who participated in the arrest; testimony of witnesses and members of the public who were present during the arrest;

 protocols of inspections of mobile devices, electronic media of audio and video recordings of bribe negotiations, call details from subscriber devices, flash drives with video surveillance cameras;

 acts of inspection, processing and issuance of funds and dummy funds, protocols of inspection of premises, buildings, structures, terrain and vehicles with the seizure of documents, objects and materials;

- expert opinions (phonoscopic, linguistic, criminalistic), etc.

The materials used to formalize red-handed detention become one of the main evidence under articles 290 or 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, but they cannot confirm the issuance of an unlawful judicial act. A certain intersection of evidentiary means is possible, but at the same time it is impossible to use the powerful resource of surprise inherent in the institution of detention, designed to ensure that the controlled person is not ready for law enforcement intervention and is caught red-handed. This creates a specific "set" of evidentiary tools used in the detection and investigation of crimes under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this situation, the following means of proof are required: testimony (from participants in the trial, employees of the court staff, the chairman of the court, and other judges), protocols of document inspections, materials on criminal, civil, and administrative cases, as well as other documents, such as acts of the judge appointment and termination of his/her powers, and acts of higher courts on the cancellation of his/ her judicial decision as unlawful. A protocol of the court session that was not actually held is regarded as physical evidence.

Their collection is carried out in a slightly different way than the collection of evidence incriminating the receipt of a bribe or other illegal remuneration. As a rule, there is no need to conduct examinations and searches in the judge's office and living quarters, or to listen to his/ her telephone conversations. It is impossible to catch a judge at the moment of pronouncing an unlawful judicial act (especially given the absence of an unambiguously defined moment of its pronouncement). Practically none of the evidence listed above is direct, and therefore they must be collected in sufficient totality. However, due to the limited coercion applied to judges, this collection is difficult, and subsequently, when submitting a submission by the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation to the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation for consent to initiate criminal proceedings, materials confirming receipt of illegal remuneration are provided in sufficient volume, and materials confirming that remuneration was offered for making an unlawful decision are, as a rule, absent.

In most situations, when investigating them, if Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is not the main one, but an additional one, the question of the possibility of such a connection (totality) is not investigated at all:

– B. said that in the case of decisions mitigating criminal liability, he was ready to transfer a monetary reward to the judge... In connection with the above, Judge T. decided to receive a particularly large bribe from B.'s relatives through an intermediary for performing actions within his authority in the interests of the latter. Judge T. was convicted under Part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation (verdict of the Krasnoyarsk Regional Court of December 29, 2022 No. 2-26/2022 in respect of T., Deputy Chairman of the Sovetsky District Court of Krasnoyarsk);

– D. during repeated meetings with Judge S., with whom he maintained a trusting relationship, appealed to him with a request for assistance in acquitting his acquaintance in the Volzhsky District Court of Saratov. S. decided to carry on as if he could, using his official position, to ensure such a verdict for receiving funds in the amount of 15 million rubles. Judge S. was convicted under Part 3 of Article 30, Part 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation (verdict of the Penza Regional Court of March 21, 2019 No. 2-04/2018 against S., Judge of the Saratov Regional Court);

– Judge K. had a criminal intention to ensure the issuance of a ruling on the refusal to satisfy the bankruptcy trustee's application submitted to the Moscow Arbitration Court for a monetary reward. Judge K. was convicted under Part 3 of Article 30 and Part 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation (verdict of the Simonovsky District Court of Moscow of July 12, 2022 No. 1-102/22 in respect of K., Judge of the Moscow Arbitration Court);

– Judge R. received an arbitration case on the claim of "AR" against "RB" LLC. During the preparation for the consideration of this arbitration case, he had the intention to receive a bribe for making a decision to dismiss the claims. Judge R. was convicted under Part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation (verdict of the Krasnodar Regional Court of September 23, 2015 No. 2-29/2015 against R., Judge of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory).

In such cases, criminal prosecution under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation turns out to be directly dependent on the will or capabilities of law enforcement agencies, turns into a kind of private prosecution: if there is sufficient evidence, criminal prosecution will take place, and consent to initiate criminal proceedings will be sought from the qualification board of judges, if not, the investigative authorities are limited only to prosecution for obtaining bribes (fraud). It should be noted that the differentiation of a judge's responsibility between articles 290 and 159 of the Criminal Code of the Russian Federation depends on whether the case for which the judge received or intended to receive illegal remuneration was in his/her proceedings. If so, i.e. the judge had a real opportunity to make such a decision by lawful or illegal actions, then he was liable under Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. If a judge received a reward through deception or abuse of trust for facilitating such actions that he could not carry out due to the lack of appropriate official powers or official position (the case was handled by other judges, including in a higher court, and he/ she only promised to "help resolve the issue"), the deed should be gualified as fraud committed by a person using his/her official position (see Paragraph 24 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes"). However, the objects of criminal law protection here are different, and the interests of justice are not protected by Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, much less Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is even placed in another section of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, "Crimes in the sphere of economics". And, in addition, we have already discussed the need to limit the dispositive (private) principle in the prosecution of encroachment on the interests of justice.

It follows that the interests of justice require additional identification of elements of a crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation in any criminal act of a judge related to the exercise of official powers.

Is liability for an unfinished act provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation possible?

The pronouncement of an unlawful judicial act, in the presence of obvious elements of this crime, is not imputed to the judge due to the fact that the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is often not completed. This may be due to the suppression of receiving illegal remuneration, which was intended for the judge for making an illegal decision. But then the responsibility for it must come as for an unfinished deed.

However, the issue of establishing a stage of the crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation is not considered either in theory or in practice, although the intentional nature of this act in itself does not exclude it. It should be noted that the judge's intention to make an unjustified judicial decision originates during the first agreements with the parties, is specified during the discussion of "details" of the court decision - terms, amounts, ways of compensation for harm, etc., when accepting fictitious documents from participants without due diligence and in violation of instructions, etc. It is implemented by printing the text of the court decision, certifying it with his signature and the seal of the court, and is completed by making, certifying and issuing copies of the illegal court decision to the parties (executors), instructing staff to produce retroactively forged minutes of the court session, etc.:

- "In the period up to September 19, an unidentified person asked Justice of the Peace A. to recognize citizen V. the owner of a BMW X5 car in violation of the procedure established by law. A., realizing the illegal nature of the request, agreed, after which he received a falsified statement of claim. On September 19, the defendant intentionally, with the aim of making a deliberately unlawful decision, issued an illegal ruling on the acceptance of the statement of claim for his production, initiating civil case No. 2-468. On the same day, continuing to implement the intent to make a knowingly unlawful decision, bypassing the mandatory stage of preparing the case for trial, issued an illegal ruling on the appointment of the case for trial. On September 24, realizing the intent to make a knowingly unlawful decision, issued a knowingly unlawful decision, which satisfied the claim. From September 24 to October 10, the defendant made a copy of the knowingly unlawful decision of September 24 in the civil case No. 2-468, signed and sealed it; after that, he handed it over to an unidentified person for subsequent presentation to the traffic police and vehicle registration authorities" (verdict of the Sverdlovsk Regional Court of July 27, 2007 No. 2-77/07 against A., Justice of the Peace of the judicial district No. 2 of the Nizhneserginsky district of the Sverdlovsk Oblast).

Undoubtedly, these circumstances primarily characterize the subjective side – intent, defining it as premeditated (as opposed to sudden) and specified (as opposed to indefinite) [24, pp. 90–92] and testify that planning of the issuance of an unlawful judicial act begins long before it is pronounced. However, the earlier ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of S.L. Panchenko stipulates the inadmissibility of criminal prosecution of a judge under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, if the judicial act issued by him/her has entered into legal force and has not been annulled in accordance with the procedure established by the procedural law as unlawful. Subsequently, this position is reflected in criminal procedure legislation. Article 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was supplemented with Part 8 of a similar content (Federal Law No. 54-FZ of April 5, 2013). It completely eleminated the possibility of distinguishing stages of the crime under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation and bringing to justice for preparing for it (under Part 2) or attempting to commit it. It should be noted that in none of the cases we considered, the act provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation was gualified with reference to Article 30 of the Criminal Code of the Russian Federation (neither before 2011, nor even after). We assume that in such a situation there would have been many more cases of application of Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation and the discussion about its "dead" nature would have come to naught.

In case the adoption of a judicial act was not completed for reasons beyond the judge's control (for example, due to detention at the place of receiving a bribe for issuing an unlawful judicial act) or criminal prosecution was not initiated due to procedural difficulties, peculiarities of evidence, etc., then these actions directed against the interests of justice remain unpunished.

Conclusion

We believe that the interests of justice as the main object of criminal law protection in the crime qualified under Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation require a more balanced approach to law enforcement: limiting the dispositive principle, additional study of its stages and the possibility of criminal prosecution for an unfinished crime, establishing its combination with other official criminal acts, and presenting the possibility for representatives of the judicial community and other authorized persons to participate in their defense.

The range of problems mentioned requires an integrated approach to their solution from the point of view of the theory of criminal law sciences, legislation and practice of its application. Among the priority measures, it seems necessary to specify the disposition of Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, stating in it that the illegality of a judicial act must be established by a court of a higher instance by canceling it in accordance with the procedure provided for by procedural law, thereby bringing it into line with Part 8 of Article 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as with the above-mentioned position of the Constitutional Court of the Russian Federation, expressed in the resolution No. 23-P of October 18, 2011. The same close attention should be paid to the study of questions about its objective and subjective sides, sanctions and sentencing practices, the specifics of initiating, investigating and considering criminal cases of this category, problems of disciplinary responsibility of the judge who has committed this act and issues of termination of his/her status.

REFERENCES

1. Tsvetkov lu.A. What is justice in general and criminal justice in particular. *Mirovoi sud'ya* = *Magistrate Judge*, 2023, no. 12, pp. 13–20. (In Russ.).

2. Kolokolov N.A. Russian justice in the conditions of a new legal reality. *Ugolovnoe sudoproiz-vodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.).

3. Bozrov V.M. The essence, content and form of justice in criminal cases in the russian legal science: general and special. *Rossiiskii sud'ya* = *Russian Judge*, 2020, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.). 4. Romanenko N.V. Sentencing in respect of judges. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminal-isticheskie chteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 2 (16), pp. 53–60. (In Russ.).

5. Romanenko N.V. Osushchestvlenie ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii: problemnye voprosy teorii i pravoprimenitel'noi praktiki [The existence of criminal proceedings against judges in the Russian Federation: problematic issues of theory and law enforcement practice]. Moscow, 2018. 416 p.

6. Kartashov A.lu. Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: diss. ... kand. yurid. nauk [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2004. 171 p.

7. Titova A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2010. 27 p.

8. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Pronouncing a deliberately unlawful judicial act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological characteristics of the criminal's personality. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Russian Jurisprudence*, 2015, no.2 (2), pp. 21–26. (In Russ.).

9. Zenina L.S. Issues of distinguishing between the issuance of a deliberately unjust judicial decision and crimes against the person (articles 128 and 154 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 7, pp. 267–272. (In Russ.).

10. Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii* [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation]. Volgograd, 1999. 268 p.

11. *Kriminologiya: ucheb.* [Criminology: textbook]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Eminova. V.E. Moscow, 2022. 800 p.

12. Lebedev V.M. *Kommentarii k Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 tomakh. T. 4. Osobennaya chast'. Razdely X–XII* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Vol. 4. Special part Sections X–XII]. Moscow, 2024. 276 p.

13. Borovikov V.B. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': ucheb. dlya vuzov* [Criminal law. Special part: textbook for universities]. Moscow, 2024. 505 p.

14. Ivanov A.O. On the issue of objective signs of a deliberately unlawful judicial act. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2011, no. 14, pp. 99–102. (In Russ.).

15. Pikurov N.I. Reliable knowledge as an element of the design of a criminal law norm: problems of qualification. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 4 (117), pp. 67–74. (In Russ.).

16. Romanenko N.V. *Problemnye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti i primeneniya mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii lits, obladayushchikh statusom sud'i: monogr.* [Problematic issues of the implementation of operational investigative activities and the application of measures of criminal procedural coercion against persons with the status of a judge (monograph)]. Moscow, 2017. 144 p.

17. Romanenko N.V. *Organizatsionno-pravovaya model' ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii* [Organizational and legal model of criminal proceedings against judges in the Russian Federation]. Moscow, 2020. 304 p.

18. Romanenko N.V. Judicial crime in contemporary Russia: myth or reality? *Mirovoi sud'ya* = *Magistrate Judge*, 2017, no. 7, pp. 21–26. (In Russ.).

19. Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov [Criminology: textbook for universities]. Ed. by Malkov V.D. Moscow, 2011. 544 p.

20. Idrisov K.R. *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda: diss. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against justice committed by officials of the bodies of preliminary investigation and trial: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2007. 262 p.

21. Pavlov B.G. Qualification of crimes against justice with a special subject. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2007, no. 3, pp. 87–116. (In Russ.).

22. Zatsepin A.M. Elements of additional qualification of crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 116–122. (In Russ.).

23. Zatsepin A. M. *Dopolnitel'naya kvalifikatsiya prestupleniya: doktrina i praktika: dis. d-ra yurid. nauk* [Additional qualification of a crime: doctrine and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2022. 490 p. EDN GTDWXR.

24. Dzhindzholiya R.S., Babaev R.G., Babaev E.R. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie* [Criminal law. General part: textbook]. Moscow, 2022. 334 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NATAL'YA V. ROMANENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after A.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, https://orcid. org/0000-0001-8652-1728

Original article UDC 343.132 (575.2) doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005

Current State and Ways to Improve Mediation in Criminal Proceedings of the Kyrgyz Republic

VALERII F. ANISIMOV

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. LAPSHIN

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Abstract

Introduction: it has now been proven that the use of mediation procedures in various spheres of public life, as a rule, is characterized by a high degree of effectiveness in conflict resolution. The sphere of criminal proceedings is no exception, which also needs additional measures to reconcile representatives of the prosecution and defense sides, with mandatory respect for the rights and legitimate interests of each of them. The problem of regulation in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic of mediation as an alternative and restorative method of resolving a criminal case, as well as the specifics of its application in a specific criminal case, is the subject of this study. Purpose: based on the analysis of normative acts of Kyrgyzstan and Russia, the practice of using mediation in the criminal process of individual states, the works of legal scholars, official statistical data, to develop proposals aimed at improving the criminal procedure legislation of the Republic of Kyrgyzstan on the issues under study. Methods: dialectical, comparative-legal, system-structural, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. The results of the study confirm the existence of shortcomings in the current legislation of Kyrgyzstan in terms of certain features of the regulation of mediation procedures in criminal proceedings. The identified shortcomings are of a private nature, and therefore can be eliminated without reviewing the system-forming institutions of criminal law and the process. Conclusions: 1) one of the conditions for confirming necessary gualifications of a mediator is the availability of higher legal education; 2) mediation functions, along with a professional mediator, may be performed by a law enforcement official and (or) judicial authorities conducting criminal proceedings; 3) the conclusion of a mediation agreement does not prevent the accused / defendant from refusing to recognize certain legally significant circumstances and facts established in the case.

Keywords: alternative method; restorative justice; defense; mediation; mediator; suspect; the accused; victim; conflict resolution; court.

5.1.4. Criminal law sciences.

[©] Anisimov V.F., Lapshin V.F., Shamurzaev T.T., 2025

For citation: Anisimov V.F., Lapshin V.F., Shamurzaev T.T. Current state and ways to improve mediation in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Introduction

Any civilized state strives to minimize negative consequences caused by the commission of a crime. This rule applies equally to both the victim of criminal activity and the person found guilty of committing a criminally punishable act. In the countries of the post-Soviet space, liberalization of criminal liability is mainly carried out by mitigating punishment. This is manifested, for example, in the form of the inclusion in criminal laws of new types of punishments alternative to imprisonment, the introduction of new types of exemption from criminal liability and punishment, the expansion of judicial discretion in choosing options for mitigating liability measures applied to the convicted. Examples of humanized conditions of the execution of sentences can also be found in current penal codes of the former USSR countries. They are usually associated with the creation of conditions for the execution of new types of punishments that do not involve isolation from society, a differentiated approach to determining the regime of serving imprisonment, etc. At the same time, the institutions of modern criminal procedure law contain a significant potential for saving criminal repression. Ensuring the proper resolution of a criminal conflict between the victim and the accused at the level of criminal proceedings seems to be a more effective solution in terms of respecting the rights and legitimate interests of the individual and ensuring the humanization of criminal liability measures without prejudice to achieving the goal of restoring social justice (correcting the convicted person, preventing the commission of new crimes). Therefore, mediation in criminal proceedings has quite great prospects, taking into account the existing social demand. Raising the issue of using mediation in criminal proceedings in Kyrgyzstan is relevant and timely, since this method of resolving cases is not used

in law enforcement activities. The legislation of the Kyrgyz Republic lays the foundations for the use of mediation as an alternative method of conflict resolution, including in the field of criminal proceedings. At the same time, scientific literature proves significant social benefits of implementing mediation mechanisms in the framework of criminal proceedings [1, p. 122]. We believe that the introduction of mediation in criminal proceedings will reduce the production burden on law enforcement and judicial authorities. As part of the judicial reform, the Supreme Court of the Kyrgyz Republic has announced a sharp increase in the number of criminal cases to be considered in national courts of various instances. In 2020, the number of criminal cases amounted to 125,285 cases and court materials, at the end of 2024 - 251,620 cases. Also, according to the Supreme Court of Kyrgyzstan, the number of cases considered by a judge increased 2–2.5 times and up to 85 cases per month. For example, 23 judges administer justice in the Leninsky District Court of Bishkek. In 2022, this court considered 14,783 cases and court materials, in 2023 - 15,304, and in 2024 – 23,500. The average workload per judge ranges from 53 to 85 cases and court materials per month, which is 35-65 units higher than the established norm [2].

According to Part 3 of Article 61 of the Constitution of the Kyrgyz Republic, the state ensures the development of extrajudicial and pretrial methods, forms and methods of protecting human and civil rights and freedoms. The legal regulation of mediation is fixed in the Law of the Kyrgyz Republic No. 161 of July 28, 2017 (as of August 8, 2023) "On Mediation". However, the institution of mediation in criminal proceedings still does not provide necessary reduction in the burden on the judicial system and the predicted effectiveness of resolving a criminal conflict in compliance with all the rights and legitimate interests of its parties (the offender, the victim, etc.) without going through all the stages of the usual procedure of criminal proceedings. The removal of these barriers is currently another socially significant challenge for criminal law science.

Discussion

The assessment of criminal procedure mediation in the post-Soviet countries is ambiguous. If, for example, in the Russian Federation mediation procedures in the framework of criminal proceedings are still only the subject of scientific debate, then in the Republic of Kyrgyzstan mediation has already received official recognition and consolidation in the system of institutions of criminal procedure law. In general, this institution is quite positively perceived in the scientific community and, according to most researchers, mediation in criminal proceedings will contribute to improving the institution of reconciliation of the parties [3, p. 356].

However, based on the analysis of currently available research, it can be concluded that there is no common understanding among scientists of the essence of mediation in criminal proceedings. This conclusion is confirmed by ambiguous interpretations of the category in question. Thus, L.V. Golovko defines mediation as "any procedure in which the victim and the offender are given the opportunity, with the help of an impartial third party (mediator), to take an active part in solving problems that have arisen as a result of a crime" [4, p. 128].

According to V.N. Sizova, mediation is "an ordered set of certain methods used by special actors – mediators – in order to reach an agreement and resolve, by mutual expression of the conflicting parties, a criminal conflict that has arisen in relation to a strictly defined category of criminal cases of minor and moderate severity" [5, p. 158].

According to L.A. Voskobitova, mediation is "a law-based opportunity to resolve conflicts with the help of an intermediary in the most acceptable way for the parties, leading to the conclusion of an amicable agreement or termination of proceedings" [6, p. 65]. L.N. Simanovich defines mediation in criminal cases as an element of restorative justice, through which criminal proceedings are accelerated (de lege ferenda), financial economy and effective restoration of the violated rights of the victim are ensured [7, p. 47].

Mediation in criminal proceedings, according to A.A. Arutyunyan, is a type of special (simplified) procedure for considering a criminal case. Its application helps to simplify and, as a result, in some cases speed up criminal proceedings by refusing criminal prosecution under certain conditions or by introducing differentiated procedures aimed at resolving a criminal conflict without conducting an investigation and judicial proceedings in a general manner [8, p. 21].

Of the scientifically based decisions proposed by Russian scientists on the expediency of introducing mediation into the criminal process as one of the means of effectively resolving a criminal conflict, the legislator approved the use of this procedural institution only in civil, arbitration and administrative proceedings. In accordance with Article 1 of the Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)" mediation is used in disputes that arise within the framework of primarily private law relations. The exception to this rule is public legal relations implemented in the course of administrative proceedings.

This federal law is a regulatory act that defines the legal basis for the emergence and rules for the implementation of mediation procedures. Therefore, in cases not provided for by the said normative act, mediation becomes possible only if another federal law specifies the basis and procedure for its implementation (Part 1 of Article 3). Given that the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not provide for the possibility of mediation, the latter cannot be used as an independent means of regulating criminal procedural relations.

But it would also be wrong to categorically state that there are no elements of mediation in

Russian criminal proceedings, since Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for a separate type of exemption from criminal liability for a person who has committed a minor or moderate crime. The basis for such release is the loss of public danger by the person who has committed the crime, and the condition for such recognition is reduced to the fact of reconciliation with the victim. Mediation reconciliation procedures have not been regulated in detail either in the Criminal Code of the **Russian Federation or in the Criminal Procedure** Code of the Russian Federation, which can only be considered as a promising legislative activity in terms of mediation in criminal proceedings. In the meantime, representatives of all parties to the legal relationship can claim to be mediators: court, investigator, victim, defender, suspect, and the accused. The key importance is given to the fact of official reconciliation of the suspect / the accused / the defendant and the victim, accompanied by reparation of the harm caused as a result of the crime commission, that is, elements characteristic of mediation.

The Russian practice of rulemaking regarding mediation procedures in criminal proceedings has not accepted foreign experience yet: currently, many countries recognize mediation in criminal cases as an effective dispute resolution procedure. The institution of mediation is most developed in Japan, Korea, the USA, Great Britain, Germany, Australia, China, India, etc. [9, p. 90]. In the 1970s, various reconciliation programs in criminal proceedings began to appear in the United States as a result of the rehabilitation work with criminals practiced by public and religious organizations. The development and implementation of restorative justice programs boosted effectiveness of the applied criminal and criminal procedural coercive measures and ensured restoration of the rights and legitimate interests of the victim of a crime. For twenty years, mediation tools have been included in criminal procedure codes of most states [10, pp. 202-204].

In the early years, materials on minor crimes committed by juvenile offenders were sent to mediation. Recent years have witnessed another trend: cases of more serious crimes or those committed by adult criminals are more often sent to mediation. At the same time, it should be noted separately that the above norms apply to both minors and adult criminals. The specifics of the content of the American version of mediation is that it is considered as one of the types of justice procedures, rather than a means of reconciliation of the parties at any stage of criminal proceedings. This means that the implementation of procedural measures under the mediation program is possible only from the moment the criminal case is brought to court to make a decision on the merits [10, p. 203].

Taking into account the positive experience of using mediation at any stage of criminal proceedings, the Kyrgyz legislator decided on the benefits of introducing this institution into national legislation, as a result of which the Law of the Kyrgyz Republic "On Mediation" was adopted. The official content of mediation is defined as a dispute settlement procedure with the assistance of a mediator(s) by coordinating the interests of the disputing parties in order to reach a mutually acceptable agreement (Paragraph 1 of Article 2). The law defines key legally significant components of mediation as an interdisciplinary legal institution:

- principles of implementation;

 the legal status of the mediator as a participant in specific legal relations in the field of family, labor, criminal and other law;

 procedural rules for reconciliation of conflicting parties, including mediation features in certain categories of disputes.

The analysis of individual provisions of this law reveals some aspects of the legal regulation that are indisputable and/or need additional clarification. First of all, we are talking about requirements for the education level of a mediator. In accordance with Paragraph 2 of Part 1 of Article 9, one of the conditions for acquiring this status is the availability of higher education. We believe that such a provision requires clarification, since it is obvious that there is higher education in the field of jurisprudence, whereas the condition formally established by law can be fulfilled if there is higher education in any specialty: humanities, natural sciences, technical, etc. According to the fair opinion of researchers, the lack of a professional mediator's deep knowledge in the field of jurisprudence can lead to negative results of the implementation of conciliation procedures, including violation of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings [11, p. 393]. In this regard, we consider it appropriate to include higher legal education among the requirements for mediators as a condition for admission to professional activity.

The restrictions imposed by the official position of the person applying to mediate criminal procedural actions (Paragraph 1 of Part 2 of Article 9) are rather disputable. This prohibition is specified in Article 26 of the Law of the Kyrgyz Republic "On Mediation", which contains a description of criminal procedural statuses of the parties. In particular, the parties to mediation in the field of criminal law relations are the victim and the person suspected of committing a crime, or the person serving a sentence. The fact of participation in mediation in case of failure to reach agreement on the dispute cannot be considered as a waiver of the charge or as an admission of guilt. An investigator, a prosecutor, a judge, an employee of the penal enforcement system and probation, or a lawyer for one of the parties may not act as a mediator in the field of criminal law relations.

The legislator's logic regarding the establishment of such a prohibition is generally clear: the mediator must be independent, which implies that he/she does not have any obligations, including to authorities. His/her inclusion in the Republican Community of Mediators (Chapter 3) ensures (in the opinion of the legislator) such independence. This allows us to draw analogies with representatives of the legal profession who perform functions of professional defenders in criminal proceedings on a gratuitous or contractual basis. However, the application of the rules that apply to the lawyer' activities in criminal proceedings is hardly justified, as it does not meet the essence of mediation as a means of an out-of-court settlement of the conflict. Confirmation of the doubts expressed can be found in the content of basic principles on which mediation is based, one of which is the neutrality of the mediator (paragraphs 3 of Article 3, Article 6). The neutrality of the mediator presupposes:

- impartiality;

 independence from parties to mediation procedures, public authorities, local governments, organizations, individuals;

 ensuring equality of interests of the conflicting parties, excluding private preferences.

The provisions of articles 3 and 6 of the Law of the Kyrgyz Republic "On Mediation" exclude the possibility of initiation and implementation of mediation procedures by subjects of criminal proceedings (court, prosecutor, investigator, head of an investigative unit, body of inquiry) because of their affiliation to state (judicial and executive) authorities. In addition, the listed subjects, with the exception of the court, represent the prosecution, which formally indicates a lack of impartiality in the criminal process. The approach demonstrated by the legislator of the Kyrgyz Republic is purely formal and therefore creates unjustified obstacles to the effectiveness of mediation at any stage of the criminal process, as well as in the execution of the prescribed punishment. The listed subjects of the criminal process, unlike, for example, representatives of the defense, in accordance with the requirements of the Criminal Procedure Code of Kyrgyzstan, are required to ensure the comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of all circumstances of the case (Article 19), and not only those that form the evidentiary basis of the guilt of the suspect and the accused (defendant) in committing a crime. The impartiality of the court cannot be questioned at all, since it does not belong to any party to criminal proceedings and its independence is determined by principles of the criminal procedure legislation (Article 9). In this part, it is appropriate to turn to Russian criminal proceedings that have no mediator as an independent participant in procedural relations. The task characteristic of mediation, i.e. reconciliation with the victim, is implemented through the institutions of exemption from criminal liability (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) and termination of criminal proceedings in connection with the reconciliation of parties (Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The subjects of activity aimed at resolving the conflict that arose on the basis of the fact of committing a crime and violating the rights, freedoms and (or) legitimate interests of the victim are precisely the above-mentioned participants in the criminal process, although the objectivity and impartiality of their actions to reconcile the parties are not questioned [12, p. 52]. In addition, some researchers rightly point to the presence of a moral component in the initiation of conciliation procedures between the offender and the victim by the court or preliminary investigation subjects [13, p. 53]. For this reason, significant narrowing of the circle of persons entitled to implement conciliation procedures during criminal proceedings or punishment execution seems to us unjustified neither from a legal nor social point of view.

Unjustified conflicts occur in the norms of the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic and the Law of the Kyrgyz Republic "On Mediation", which determine the legal content of mediation. Thus, according to Part 3 of Article 26 of this law, in order to participate in mediation, the parties must agree with the circumstances established during the criminal proceedings. Mediation as a way to resolve a criminal case is aimed at achieving a mutually acceptable way for the parties to resolve the conflict. At the same time, the suspect (the accused), the victim may disagree with circumstances of the case, while fulfilling the obligations related to the mediation procedure (to compensate for the damage caused, etc.). In this part, we again observe the priority of creating a "formal purity" of criminal prosecution. The parties should abandon their claims to protect their rights and legitimate interests in favor

of making a decision to terminate criminal proceedings in connection with the reconciliation of the parties. At the same time, the true task of mediation is to ensure that the accused and other persons restore all the violated rights and legitimate interests to the victim, as a result of which the latter does not insist on exercising criminal responsibility in full and does not see injustice in the decision being made in the case. Considering these circumstances, we believe that the establishment of conditions for implementing mediation procedures provided for in Part 3 of Article 26 of the said law does not correspond to the actual socio-legal content of mediation. On this basis, it is advisable to exclude this provision in order to boost effectiveness of reconciliation activities between the parties to criminal proceedings.

According to official statistics, mediation in criminal proceedings is not wide-spread. The latest scientific research shows that currently the number of mediation agreements concluded annually does not exceed one hundred, of which only one fifth (21%) is in criminal cases pending before the court. Approximately in one third (27%) of the mediation procedures, the parties do not agree on concluding mediation agreements with the subsequent refusal to continue criminal prosecution [14, p. 358]. Perhaps these circumstances are the main obstacles to the widespread use of mediation in criminal proceedings in Kyrgyzstan.

Conclusions

Mediation as an institution of criminal procedure law in the Kyrgyz Republic has significant prospects for development, primarily due to the economy of criminal repression and the effectiveness of solving socially significant tasks, such as restoration of the violated rights of the victim, proactive atonement on the part of the offender, a high degree of educational impact on society, etc.

To scale up the practice of successful implementation of mediation procedures, a number of amendments and additions should be made to the legislation of Kyrgyzstan aimed at creating additional conditions for the high-quality performance of mediator functions and including additional guarantees for the observance of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. It requires implementation of the following legislative decisions:

1. One of the requirements for a candidate to obtain the status of "mediator" must be to have a higher legal education. Education in other fields does not guarantee the availability of sufficient knowledge, skills and abilities necessary for qualified resolution of legal disputes.

2. The functions of a mediator in criminal proceedings may be performed not only by an official representative of the Republican Community of Mediators, but also by officials of law

enforcement and judicial authorities conducting proceedings in the case. The necessary legal guarantees for the proper performance of these functions are the basis of their legal (criminal procedure) status.

3. The conclusion of a mediation agreement stating the fact of reconciliation with the victim may not create restrictions or obstacles for the accused to reject certain facts and circumstances of legal significance established in the case. The recognition of all the circumstances incriminated to the accused, obtained in the course of criminal prosecution, cannot be a condition for exemption from criminal liability and form the essence of the institution of criminal procedural mediation.

REFERENCES

1. Salmina S.G. On mediation institute in criminal procedure. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, 2017, no. 1 (44), pp. 122–125. (In Russ.).

2. *Obzor Verkhovnogo suda Kyrgyzskoi Respubliki za 2020–2024 gg. Skol'ko v god rassmatrivaetsya del v sudakh? Tsifry rastut* [Review of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic for 2020-2024. How many cases are considered in the courts per year? The numbers are growing]. Available at: https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut-ezhegodno (accessed March 12, 2025).

3. Petukhov I.I. *Evristicheskii potentsial mediatsii v ugolovnom protsesse Respubliki Belarus'* [Heuristic potential of mediation in the criminal process of the Republic of Belarus]. Minsk, 2016. Pp. 355–360.

4. Golovko L.V. Institute of criminal law mediation and its prospects in the Russian Federation. *Za-kon = Law*, 2009, no. 4, pp. 127–135. (In Russ.).

5. Sizova V.N. Mediation in criminal law: issues of definition of the concept. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31), pp. 156–158. (In Russ.).

6. Voskobitova L.A. The model law of the subject of the Russian Federation "On the Reconciliation Service". In: *Vestnik vosstanovitel'nogo pravosudiya. Vyp. 6* [Bulletin of Restorative Justice. Issue 6]. Moscow, 2006. Pp. 65–73. (In Russ.).

7. Simanovich L.N. Prospects of using the institution of mediation in criminal proceedings of the Russian Federation. *Pravovye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti = Legal Foundations of National Security*, 2018, no. 3 (23), pp. 46–50. (In Russ.).

8. Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 32 p.

9. Lipka D.V. Mediation in foreign countries. *Pravo i upravlenie = Law and Management*, 2023, no. 6. S. 88–93. (In Russ.).

10. Vasilenko A.S. Mediation in the criminal process of the USA. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2012, no. 2, pp. 202–208. (In Russ.).

11. Ivanushkina Yu.A., Khudoikina T.V. Actual problems of application of mediation procedure in the Russian Federation. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 11, pp. 392–395. (In Russ.).

12. Yatselenko B.V. The criminal-legal nature of discretion. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 3, pp. 50–58. (In Russ.).

13. Ryabinina T.K., Grokhotova E.A. Moral characteristics of the conciliation procedure in private prosecution. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2014, no. 5, pp. 51–53. (In Russ.).

14. Tursunbaeva N.S. Mediation in the kyrgyz republic: the principle of voluntariness. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2024, vol. 10, no. 11, pp. 354–360. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VALERII F. ANISIMOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com **VALERII F. LAPSHIN** – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8549-6305

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Received March 18, 2025

Original article UDC 342.95 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006

Compensation for Poor Conditions of Detention in Penitentiary Institutions of the Russian Federation: Problems of Legislation and Practice

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid.org/0000-0002-0108-7916

PAVEL V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2747-9723

Abstract

Introduction: the article discusses certain issues of the content and implementation of legislation establishing compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation, reveals socio-legal significance and features of the intersectoral legal institution under consideration. Purpose: based on the analysis of legislative regulation and the practice of awarding compensation for poor conditions of detention, to identify existing legal problems in this area and propose measures to solve them. *Methods*: formal-logical, system-structural and comparative-legal methods. Results: we have identified a number of problems in the area under study (administrative and penal legislation do not require a preliminary pre-trial appeal of the violation of detention conditions; there are no clear criteria for distinguishing violations of detention conditions and other violations, significant and minor violations, criteria for determining the amount of monetary compensation; legislation does not define the specifics of ensuring detention conditions for the suspected and accused during their transportation in special vehicles and special wagons; it is difficult to collect and secure evidence to refute violations that had occurred long before the claim was filed in court; there is no uniform judicial practice regarding the application of the statute of limitations; the convicted, suspected and accused abuse their right to appeal to the court). A number of proposals are formulated (to ensure strict and objective application of legal norms on the limitation period; to legislate types of detention conditions violations, the procedure for determining the compensation amount, and the requirement of a preliminary pre-trial appeal against officials' actions (inaction) resulting in the violation of detention conditions; to provide for the possibility of filing an independent administrative claim only for compensation). Conclusion: the legal institution for the compensation for the violation of detention conditions is legally regulated, but there are problems to be addressed; monitoring of detected violations and carrying out appropriate preventive work will contribute to improving the effectiveness of its implementation.

[©] Starostin S.A., Golodov P.V., 2025

Keywords: penal system; pre-trial detention center; correctional institution; detention conditions; administrative proceedings; recovery of compensation.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Starostin S.A., Golodov P.V. Compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation: problems of legislation and practice. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 165–172. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006.

Introduction

State protection of the dignity of an individual is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Nothing can be a reason for belittling the dignity of a person. However, in modern realities, there are still violations of this constitutional requirement. Activities related to the implementation of criminal liability and the use of measures of criminal procedural coercion are no exception. Violation of detention conditions of the suspected, accused, and convicted is of particular importance. They have a direct impact on the state of law and order in the penitentiary sphere, on ensuring the rights and freedoms of persons who have been subjected to criminal prosecution, and seriously harms the authority of the state and the penal system.

The most common violations of detention conditions are overcrowding and unsatisfactory sanitary conditions in correctional institutions and pre-trial detention facilities, poor plumbing, the presence of healthy and sick people, smokers and non-smokers in one residential building, difficulties with treatment and drug provision, insufficient food quality, nondelivery of personal belongings, violation of the right to personal safety and a number of others. At the same time, it should be borne in mind that the concept and an exhaustive systematic list of detention conditions are not disclosed in the legislation. The Supreme Court of the Russian Federation considers these conditions in a broad sense, taking them beyond the regulation of exclusively penal legislation (for example, the right to legal aid, access to justice, etc.) [1]. Moreover, granting of illegal privileges and benefits to individuals may also indicate the violation of the above conditions.

In recent years, a number of measures have been taken at the state level to bring prison conditions closer to international standards and prevent their violation. Along with reducing the number of "prison population", increasing

financing of the penitentiary system, and developing institutions of state and public control, such measures include creation at the national level of an effective mechanism for judicial and legal protection against violations related to the lack of adequate detention conditions. This mechanism introduced by the Federal Law No. 494-FZ of December 27, 2019 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (hereinafter referred to as Law No. 494-FZ) provides for the right of persons in correctional institutions to receive compensation for violations of detention conditions at the expense of the federal budget on the basis of a court decision in the administrative proceedings [2].

General characteristics of the institution of compensation for violations of detention conditions in pre-trial detention and correctional facilities

The institution of compensation for the violation of detention conditions is fixed in articles 17 and 17.1 of the Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the Detention of the Suspected and Accused of Committing Crimes", Article 12.1 of the Penal Code of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997 and Article 227.1 of the Administrative Court Procedure Code of the Russian Federation No. 21-FZ of July 8, 2015. These norms established the right of suspects, accused and convicted persons to receive compensation, as well as the specifics of filing and considering claims for compensation. In accordance with the provisions of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, an administrative claim is filed no later than 3 months from the date of the violation. An administrative statement of claim may be filed by both an administrative plaintiff or his/her representative, independently determining the jurisdiction of the case (Part 4 of Article 24 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation). Administrative defendants are different subjects, the main of which is the Federal Penitentiary Service of Russia as the main administrator of the federal budget. Compensation is awarded based on actual circumstances of the violations committed, their duration and consequences.

Specifics of dealing with the demands of suspected, accused and convicted persons for compensation for inadequate detention conditions in correctional institutions

When dealing with claims for compensation for improper detention conditions in correctional institutions, the possibility of abuse by the suspected, accused and convicted persons of their right to file an administrative claim should be taken into account. Such actions are motivated by the desire and opportunity to receive monetary compensation for actions that employees of the Federal Penitentiary Service of Russia are unable to refute due to the impossibility of proof and which actually have not happened [3]. Therefore, convicts find grounds for filing an administrative claim, often pointing to those violations of detention conditions that are difficult to refute (unpleasant odor in the sleeping quarters, poor water quality, increased noise levels, etc.) [4], or complaining about current (insignificant) inconsistencies in the conditions of detention, the prompt elimination of which is not possible in the type of existence of regulated procedures for this (for example, the procedure for concluding a government contract). To a certain extent, this is due to the lack of liability measures for abuse of law when filing an administrative claim.

Administrative plaintiffs often skip or deliberately delay the deadline for applying to court. However, the courts reinstate the statute of limitations, considering administrative defendants' arguments to be untenable. After several years from the moment of the violation, it is not always possible for the defendant to provide the necessary evidence [5]. At the same time, the untimely submission of a complain for restoration of violated rights and compensation is not always associated with difficulties in collecting relevant evidence confirming the violation of detention conditions, but with the desire to receive compensation after release.

The abuse of the right to receive compensation for improper detention conditions may also be evidenced by the repeat submission of an administrative claim by the convicted person, as well as the absence of prior complaints from the convicted person, which indirectly indicates that the administrative plaintiff has no goal to eliminate the violation of his rights (the goal is to receive monetary compensation).

The study of judicial practice demonstrates that a lack of sufficient funds to eliminate violations of detention conditions, design features of buildings and structures of correctional institutions, and reconstruction of buildings are not accepted by the court as sufficient evidence indicating the presence of emergency or unforeseen circumstances. At the same time, the court takes into account these objective factors, but in conjunction with the measures taken to eliminate violations.

In judicial practice, there are situations when the court proceeded not only from the fact of a specific violation of detention conditions, but also considered it taking into account the totality of other concomitant circumstances that aggravate the plaintiff's situation. For example, placing a non-smoker in a cell with smokers will be considered by the courts as a violation of detention conditions if the plaintiff has a respiratory disease. Here it is necessary to take into account the possibility of direct application of the legal principle of humanism in the sphere of legal relations arising from the placement of the suspected, accused and convicted persons in places of forced detention [6; 7]. When making a decision based on results of the consideration of an administrative claim by the court, concomitant circumstances such as non-compliance with the norm of the sanitary area of cells, the time of year, climate features at the location of the correctional institution, etc. may be taken into account.

A problematic point, in our opinion, is the lack of legislative consolidation of criteria and legal consequences of recognizing violations of detention conditions in a penal institution as insignificant. For example, complaints are received about an unpleasant smell in the sleeping quarters, an increased noise level, a dog barking outside the window, or even smoke coming from the chimney of a bathhouse building [4]. At the same time, even if there is an actual presence and confirmation of the violation of detention conditions (for example, the prosecutor's office's submission on the elimination of violations of penal legislation), the court takes into account a lack of evidence that these violations have entailed significant negative consequences for the convicted person (the suspected or the accused). The decision of the Kirov-Chepetsky District Court of the Kirov Oblast No. 2A-1095/2020 of July 20, 2020 states that the mere fact of detention in conditions that do not correspond to proper detention conditions without establishing specific facts that indicate any negative consequences of such detention for the plaintiff, cannot be grounds for bringing the defendants to justice.

The courts, concluding that the violation of the rights of the convicted person is not proven, often refer to the fact that the convicted person did not complain about the violation of detention conditions during the period of serving a sentence [8; 9]. The absence of such complaints, on the one hand, indicates the insignificance of the violation for the convicted person, on the other hand, it does not allow the administration of the institution to identify and eliminate violations in a timely manner, as well as document them.

Administrations of penitentiary institutions are gradually developing an integrated approach to the formation of the evidence base [4]. A set of such evidence is specific to each specific situation (violations of detention conditions) and therefore should be formed taking into account its specifics. The collection of evidence is aimed at refuting arguments of the administrative plaintiff in relation to the fact of the violation itself, as well as its volume, duration, level of negative impact and consequences. The presence of force majeure circumstances and objectively existing related factors (insufficient financing, repairs, etc.), as well as the characteristics and specifics of convicts' behavior (damage to property, smoking in unauthorized places, state of health, registration, etc.) are taken into account. Most often, the courts make decisions on awarding compensation for improper conditions detention based on the existence and content of acts of prosecutorial inspections available in the case file or proactively requested by the court in the prosecutor's office. In accordance with Article 61 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, the circumstances of an administrative case, which according to the law must be confirmed by certain means of proof, cannot be supported by any other evidence (for example, the disputed fact of improper provision of medical care to a convicted person may be refuted by the results of a forensic medical examination, rather than by the testimony of a correctional institution's medical officer and medical documents drawn up by him/her).

In accordance with Part 1 of Article 62 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, persons participating in the case are required to prove the circumstances to which they refer as grounds for their claims or objections. Paragraph 13 of the resolution No. 47 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 states that, by virtue of parts 2 and 3 of Article 62 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, the obligation to prove compliance with appropriate conditions of detention of persons deprived of liberty rests with the administrative defendant (a relevant body, an official). At the same time, the administrative plaintiff must submit (inform) the court in the administrative statement of claim, as well as during the consideration of the case, information about which rights, freedoms and legitimate interests are violated, bring arguments substantiating the stated claims, attach available relevant documents (in particular, descriptions of detention conditions, medical reports, appeals to public authorities and institutions, responses to such appeals, documents containing information about persons who have carried out public control, as well as about persons deprived of liberty who may be questioned as witnesses, if any) (appeal ruling of the Vologda Regional Court No. 33a-2124/2022 of May 31, 2022 (case No. 2a-815/2022)). The testimony of the administrative plaintiff alone is not enough to establish the fact of the violation of detention conditions; he/she must specify facts indicated by him/her in the administrative statement of claim: when exactly these violations occurred, whether he reported them to the staff of the institution, if so, to whom, how his/her messages were recorded, whether any measures afterwards (decision of the Kirov-Chepetsky District Court of the Kirov Oblast No. 2A-1095/2020 of July 20, 2020). Therefore, the administrative plaintiff must provably confirm the fact of violation of detention conditions.

In accordance with Paragraph 1 of Part 3 of Article 227 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, in case of satisfaction of an administrative claim, the courts indicate the need for the administrative defendant to eliminate violations of the rights, freedoms and legitimate interests of the administrative plaintiff [10]. At the same time, in practice, the courts often limit themselves to recognizing illegal actions (omissions) of administrative defendants, as well as awarding compensation, which entails further non-compliance of detention conditions with the requirements established by law and, as a result, further violation of the rights, freedoms and legitimate interests of administrative plaintiffs [11]. In this regard, preventive work aimed at identifying and eliminating the causes of violations, developing a system of interaction with other law enforcement agencies, as well as improving the system for recording and documenting detention conditions in correctional institutions are becoming particularly relevant.

Topical problems and proposals for improving legislation

In the practice of correctional institutions and pre-trial detention facilities, there are many problems associated with the application of norms governing the award of compensation for violations of detention conditions in a correctional facility in accordance with Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation. So, there is no requirement in administrative and penal legislation for a preliminary pre-trial appeal against violations of detention conditions; there are no clear criteria for distinguishing between violations of detention conditions and other violations, significant and minor violations, criteria for determining the amount of monetary compensation; the specifics of ensuring detention conditions of the suspected and accused persons during their transportation in special vehicles and special wagons are not defined by law (subordinate regulatory legal acts are mainly used); it is difficult to collect and ensure the safety of evidence to refute the facts of violations occurred long before the claim is filed in court; there is no uniform judicial practice regarding the application of the statute of limitations provided for

in Article 219 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation; the convicted, suspected and accused abuse their right to appeal to the court, etc.

One of the most common procedural problems is the actual leveling of Article 219 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, which stipulates a three-month period for filing an administrative claim in accordance with Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, since courts do not consider the omission of the statute of limitations as an independent basis for refusing to satisfy the claim and often restore these missed deadlines [12]. Such a possibility is provided by Paragraph 12 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 47 of December 25, 2018, recognizing the continuing nature of violations of detention conditions in places of deprivation of liberty and the right of the administrative plaintiff to appeal to the court during the entire period of stay in the penitentiary institution, as well as within three months after departure from the institution. This legal problem puts the administrative defendant at a disadvantage in the process of collecting evidence and proving in situations where a significant period of time has passed since the alleged violation of detention conditions: documents and other evidence of the actual state of conditions of detention may have already been lost by the time the administrative dispute is considered (the retention period for documents has expired, potential witness employees have resigned, etc.).

In this regard, we believe that ensuring unconditional application of the time limit for filing a claim could exclude abuse of the right to appeal to the court by the convicted, suspected and accused persons, especially if the moment of the end of the violation is obvious (for example, in the case of transfer of a person from a correctional institution (pre-trial detention center), where the violation has occurred, to another institution or from one unit (department, area) to another). At the same time, there is a position according to which the rules for calculating limitation periods for the protection of personal non-property rights provided for in Paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation apply to material legal relations related to the violation of detention conditions that took place before the entry into force of the law No. 494-FZ. Limitation periods do not apply regardless of whether the law 494-FZ had entered into force by the time the relevant statement of claim was filed (for example, the Cassation Ruling of the Judicial Board on Administrative Cases of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of June 3, 2024 in case No. 8a-9434/2024) [13].

An analysis of judicial practice on the consideration of cases on the establishment of compensation for the violations of detention condition in correctional institutions demonstrates that the amounts of monetary compensation actually awarded in favor of administrative plaintiffs vary significantly from region to region, even for violations similar in content and duration. This state of affairs is due to the presence of specific regional judicial practice in the absence of legally established criteria and procedures for determining the amount of compensation. In this regard, we consider it possible to legislate the establishment of maximum or even fixed amounts of compensation, depending on the type of violation committed. A detailed categorization of violations of detention conditions in correctional institutions and pre-trial detention facilities is not an easy task due to the multiplicity of legal sources in this area, as well as significant differences in the same composition of violations depending on their duration, circumstances in which they were committed, and consequences. Nevertheless, systematization of the list of detention conditions, violation of which entails the right of a convicted person to apply to court with a claim for compensation, seems appropriate (for example, within the framework of Article 12.1. of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 17.1, of the Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the Detention of the Suspected and Accused of Committing Crimes").

The most significant violations, the (fixed) amount of compensation for which should be set at the maximum level, should include the right to health protection (medical treatment and drug provision), the right to provide rehabilitation facilities for the disabled, the right to obtaining qualified legal assistance, the right to personal security (including protection from ill-treatment (torture) and diminution of human dignity), the right to visits with relatives, religious rights and the right to access justice; as well as those related to violations of the conditions of material and domestic support for convicted pregnant women, convicted nursing mothers and convicted women with children. For other violations, it is advisable to set the maximum (fixed) amount of compensation in a smaller amount, while providing for the unconditional obligation of the court to award compensation in case of finding a violation.

Currently, the absence of preliminary written complaints and statements on the part of the administrative plaintiff addressed to relevant officials of the administration of the correctional institution (pre-trial detention facility), the territorial body or the central office of the Federal Penitentiary Service of Russia, and the prosecutor's office is not accepted by all courts as grounds for refusing to satisfy the claim for compensation. However, there is another practice, according to which the absence of complaints from the plaintiff about improper detention conditions indicates that the stated circumstances are of low importance (decision No. 2A-1017/2021 of the Sharyinsky District Court of the Kostroma Oblast of February 8, 2022). We believe that the courts should take into account the fact of complaints to the management of the correctional institution about unsatisfactory detention conditions, as this will ensure timely recording of the violation by the authorized body in documents that could later be used as evidence. In this regard, it seems advisable to consolidate, within the framework of Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, the requirement of a preliminary pre-trial appeal against the actions (inaction) of officials of a correctional institution (pre-trial detention facility).

The law does not regulate the issue of the possibility of filing an independent administrative claim for compensation, if, for one reason or another, the plaintiff did not exercise the right to compensation provided for in Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, having previously appealed decisions, actions (inaction) of the administrative defendant [11]. It also seems advisable to make additions to Part 4 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian

Federation, so that the prosecutor involved in the process informs the court about the possibility (impossibility) of detention.

Conclusion

Thus, the legal institution of compensation for the violation of detention conditions in a correctional institution has found its way into legislation, and certain judicial practice has developed regarding its application, including one generalized at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. Meanwhile, there is still a number of problematic issues that need to be resolved by amending legislation and forming legal positions of the highest judicial authorities of the Russian Federation that are adequate to the evolving judicial practice. The main ones are related to the use of limitation periods when applying to court, abuse of the right by administrative plaintiffs, the lack of a clear list of types (categories) of detention conditions in correctional institutions, and legal guidelines for calculating the amount of compensation.

In addition, preventive work aimed at identifying and eliminating the causes of violations, developing a system of interaction with other law enforcement agencies, as well as improving the system for recording and documenting detention conditions in correctional institutions are becoming particularly relevant. It is necessary to constantly monitor these issues, eliminate causes and conditions of violations, especially subjective ones, and eliminate their consequences. Institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia should act systematically and consistently, in cooperation with the prosecutor's office, institutions of public control, proceed from the principle of the inadmissibility of human rights violations, and take comprehensive measures to effectively identify and prevent them [6].

REFERENCES

1. Chornyi V.N. Grounds and procedure for exercising convict's rights for compensation in case of violation of conditions of his maintenance in correctional institution. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Vedomosti of the Penal System*, 2021, no. 10, pp. 52–59. (In Russ.).

2. Golodov P.V., Derbina O.V. Rabota s trebovaniyami podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh o vzyskanii kompensatsii za nenadlezhashchie usloviya soderzhaniya v uchrezhdeniyakh UIS v sootvetstvii so stat'ei 227.1 KAS RF : prakticheskoe rukovodstvo [Dealing with demands of the suspected, accused and convicted persons for compensation for improper conditions of detention in correctional institutions in accordance with Article 227.1 of the Code of Administrative Judikal Procedure the Russian Federation : a practical guide]. Vologda, 2024. 45 p.

3. Duvanova T.V. Some features of the realization of the right to appeal when filing and considering a claim for compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Diskussionnye voprosy penitentsiarnoi nauki i praktiki: sb. nauch. tr. professorsko-prepodavatel'skogo sostava VIPE FSIN Rossii* [Controversial issues of penitentiary science and practice: collection of scientific papers]. Vologda, 2022. Pp. 47–51. (In Russ.).

4. Sipyagina M.N. Award of compensation for violation of conditions of detention, detention in a correctional institution. The first experience of Russian legal proceedings. In: *Peterburgskie Penitentsiarnye konferentsii: materialy konferentsii: v 4-kh tomakh (g. Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda)* [Saint Petersburg Penitentiary Conferences: conference materials: in 4 volumes (Saint Petersburg, May 17–18, 2021)]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 275–281. (In Russ.).

5. Bobrov A.M. On the law enforcement practice of awarding compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution (based on materials from the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Oblast and courts of general jurisdiction in the region). In: Senatova E.V. (Ed.). *Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sb. mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 21 aprelya 2022 g.)* [Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference (Ryazan, April 21, 2022)]. Ryazan, 2022. Pp. 35–41. (In Russ.).

6. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Appropriate conditions in places of detention in Russia: topical issues of legal regulation and judicial practice. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).

7. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Application of legal principles and norms on the segregation of smokers and non-smokers in places of detention. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).

8. Belik V.N., Mskra M.A. On the issue of exercising the right to compensation for violations of the conditions of detention of suspects and accused and the conditions of detention of convicts in correctional institutions. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 2, pp. 160–165. (In Russ.).

9. Golovastova Yu.A. The right of convicts to receive monetary compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution: a novel of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhd. uch. (g. Samara, 3–4 iyunya 2021 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference with international participation (Samara, June 3–4, 2021)]. Samara, 2021. Pp. 53–55. (In Russ.).

10. Vlasenko V.A., Zinov'eva O.P., Nevskii I.A. et al. *Administrativnoe sudoproizvodstvo: uchebnik* [Administrative court proceedings: textbook]. Ed. by Smagina E.S. Moscow, 2021. 483 p.

11. Syroezhina K.K., Derbina O.V. On the problems arising in the resolution by courts of general jurisdiction of cases on the award of compensation for violations of conditions of detention and in a correctional institution. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. P. 124–130. (In Russ.).

12. Mel'nikova N.A., Sizov D.O. Problems of the content of Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation and the mechanism of its implementation in modern conditions. In: Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sbornik nauch-nykh trudov *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. Pp. 81–87. (In Russ.).

13. Alekhin D.E., Alekhina E.E. Features of consideration by courts of general jurisdiction of cases on collection of compensation for violation of conditions in detention. *Pravda i zakon = Truth and Law*, 2024, no. 4 (30), pp. 25–32. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia; professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, https://orcid.org/0000-0002-0108-7916

PAVEL V. GOLODOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Rudssia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2747-9723

Received April 4, 2025

Original article UDC 343.163 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007

Judicial Activity in the Field of Execution of Alternative Punishment in the Form of Compulsory Labor (Organizational and Legal Aspect)

BRONISLAV B. KAZAK

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoppd@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4001-2463

Abstract

Introduction: the author proposes measures for improving legal regulation of the execution of punishment in the form of compulsory labor and considers points of view of some experts in the field of structural and functional analysis of criminal, criminal procedure and penal legislation that no matter how perfect criminal proceedings and criminal law norms are, the real results of the impact on an offender can be assessed only after his/her conviction, during the period of execution of a criminal sentence. The success of previous stages, regulated by criminal and criminal procedure legislation and closely related to law enforcement and judicial activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor, depends on the effective implementation of the procedure and conditions for serving a criminal sentence established by law. Studying various approaches to the legal regulation of complex influence measures in relation to those sentenced to compulsory labor who have committed offenses of the same legal nature in the field of execution of punishments in the form of compulsory, correctional, and forced labor, the author dwells on the problems of improving organizational and legal foundations of interaction between courts and criminal executive inspections when considering ideas on the substitution of the unserved part of the punishment with a more severe penalty in order to prevent repeated crimes. Methods: dialectical, formal legal, systematic methods, methods of analysis, synthesis, deduction, interdisciplinary legal research, content analysis. The author considers procedural activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor and identifies subjects of these activities, such as judges and other participants of the judicial process (criminal executive inspections, employers, representatives of law enforcement agencies, etc.). The topic of the scientific work corresponds to the current Fundamental research program for 2021–2030 (executors of the Federal Penitentiary Service of Russia and other interested representatives of the law enforcement system), where in the section "Fundamental and exploratory scientific research" it is planned to consider "Criminology and the penitentiary system: Development of alternative social response systems aimed at preventing and suppressing criminal behavior in society". Results: it is proposed to introduce appropriate amendments to legislation that will help improve effectiveness of the organization of specialized government agencies in the field of compulsory labor enforcement. The necessity to improve the organizational and legal framework for cooperation between criminal executive inspections and courts in order to prevent repeat crimes is emphasized.

¹⁷³

Conclusion: among the main reasons for repeated crimes and other violations of the order and conditions of serving compulsory labor on the part of convicts, scientists and practitioners highlight insufficient effectiveness of the application of measures of influence on offenders, which is caused, among other things, by imperfect legal regulation of the interaction between courts and specialized state bodies executing alternative punishments.

Keywords: judicial activity; crime prevention; alternative punishments; compulsory work; organizational and legal bases; criminal executive inspections; law enforcement activities.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kazak B.B. Judicial activity in the field of execution of alternative punishment in the form of compulsory labor (organizational and legal aspect). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 173–179. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007.

Introduction

The analysis of Russian constitutional and criminal procedure legislation and conclusions of the expert community shows that there is no definition of the concept of "judicial activity" in the normative legal acts regulating certain issues of the courts' activity. This concept is most often used in the legal literature either as a branch of study implemented in the specialist and postgraduate programs of the higher education system, or as an independent category that differs from concepts of "judicial power" and "justice", since the latter is a type of judicial activity, or when it comes to criteria for the effectiveness of judicial activity in the sphere of execution of criminal penalties [1, p. 122].

In turn, judicial activity consistently advocates for a broader application of non-custodial punishments. In order to implement the principles of humanization and justice, the number of people sentenced to imprisonment has more than halved over the past 15 years. Compulsory work occupies the third place in the system of punishments, after imprisonment and probation, they are used twice as often as correctional labor and three times as often as restrictions on freedom, which indicates that the process of assigning and executing punishment in the form of compulsory work is in the focus of judicial activity. It is rightly noted in the legal scientific literature that a person sentenced to compulsory labor while serving a sentence is engaged in socially useful activities thus satisfying urgent needs of the society. Therefore,

the mandatory nature of socially useful activities of the convicted person pursues the goal of restoring social justice, while additional duties and restrictions imposed on him/her contribute to the achievement of the goal of correction [2].

The main point of view is the statement that, in accordance with Article 46 of the Constitution of the Russian Federation, every citizen is guaranteed judicial protection of his/her constitutional rights and freedoms. In this case, judicial activity in the form of the administration of justice differs significantly from the law enforcement activities of internal affairs bodies, bodies and institutions executing punishments, and the prosecutor's office.

So, judicial activity is an orderly set of actions of courts that are part of the judicial system of the Russian Federation (represented by judges and court staff), carried out in procedural forms for the purpose of administering justice, as well as aimed at organizing the administration of justice and increasing the accessibility and effectiveness of judicial protection.

The study is devoted to the analysis of the main type of judicial activity, i.e. procedural activity in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor, the subjects of which may be judges and other participants of the judicial process (criminal executive inspections, employers, representatives of law enforcement agencies, etc.). In our work, we do not specifically consider organizational and administrative issues of judicial activity since it is the subject of research in a different field.

The essence of judicial activity is realized through its principles, which determine the form and content of a particular activity. Despite the specifics of criminal justice principles at the stage of execution of a sentence, judicial activity in the field of execution of sentences without isolating the convicted person from society in general and punishment in the form of compulsory labor in particular is fully covered by such principles as competitiveness, publicity, independence, the language of judicial proceedings, and the administration of justice only by the court [3, p. 375]. Thus, judicial activity in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor is carried out on the basis of principles that ensure effective implementation of the tasks of the state criminal policy.

Research

The legal basis of judicial activity in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor is the Constitution of the Russian Federation (Chapter 7, articles 118-128), Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996 (as amended of April 16, 2022) "On the Judicial System of the Russian Federation" (as amended and supplemented, enacted as of January 1, 2023), and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In particular, Article 397 of the Criminal Procedure Code regulates the issues to be considered by the court when executing a sentence of compulsory labor, including substitution of punishment in case of malicious evasion from serving it by forced labor in accordance with Article 49 of the Criminal Code of the Russian Federation or imprisonment for a certain period in accordance with current legislation. In accordance with Part 1 of Article 398, the execution of compulsory labor may be postponed by the court for a certain period if there are the following grounds: a) if the convicted person has a disease that prevents him/her from serving this sentence, then execution of the sentence may be postponed until the convict recovers, if there is a conclusion from the medical commission; b) if the person sentenced to compulsory labor is pregnant, is raising a minor child, or if the person sentenced to compulsory labor is the sole parent of a minor child, execution of the sentence may also be postponed for a period until the child reaches the age of fourteen; c) for those sentenced to compulsory labor who have

serious consequences or threats of their occurrence for him or his close relatives caused by fire or other natural disaster, serious illness or death of the only able-bodied family member, or other exceptional circumstances, the court may suspend execution of the sentence for a certain period of up to six months.

It is worth mentioning that this measure of criminal procedure legislation aimed at humanizing punishment leads to convict's correction and family restoration, and guarantees social and legal protection of parents and their children. The institution of postponement of the execution of a sentence is regulated by the norms of criminal procedure legislation and is decided by the court, which considers a petition of the convicted person or his/her legal representative, close relatives, defense counsel, or a recommendation of the prosecutor.

Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation regulates types of judicial control over the performance of compulsory work. So, the court is entrusted with the function of monitoring the execution of punishment in the form of compulsory labor in resolving issues specified in Article 397 (with the exception of the cases specified in sub-paragraphs 1 and 18) and Article 398 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It should be noted that in accordance with criminal procedure legislation in the field of consideration of complaints and applications, the courts are required to consider complaints of those sentenced to compulsory labor and their representatives about actions of employees of criminal executive inspections. In addition, these normative legal acts regulate such a form of judicial control over the performance of compulsory labor as the obligation of criminal executive inspections to notify the court that has passed a verdict about the beginning and place of serving the punishment in the form of compulsory labor by a convict [4, p. 10].

Types of judicial control over the performance of compulsory labor established by penal legislation require a thorough analysis of the legal regulation of activities of criminal executive inspections in the field of their interaction with courts, local governments, enterprises and organizations where those sentenced to compulsory labor are serving their sentences, since the effectiveness of achieving the goals of the punishment in question depends on this interaction.

Practice shows that some of those sentenced to compulsory labor commit repeated crimes after being registered with the criminal executive inspection [5, p. 126]. Experts (representatives of science and practitioners) associate it with insufficient effectiveness of measures of influence applied to convicts, since legal regulation of such measures is imperfect.

Article 29 of the Penal Code of the Russian Federation establishes two types of liability of persons sentenced to compulsory labor for violating the procedure and conditions of serving the sentence: a) warning of responsibility; b) substitution of punishment with a more severe type of punishment for malicious evasion from serving compulsory labor. What is more, criminal executive inspections are required to submit to the court a submission on the replacement of compulsory labor with a more severe type of punishment in the case of malicious evasion from serving compulsory labor. The analysis of current criminal, criminal procedure, penal legislation and law enforcement practice indicates the existence of problems in this area of judicial activity, especially in the interaction between courts and criminal executive inspections. In general, over the past three years, almost every second petition of the criminal executive inspection (58% of the total number of petitions sent) has been rejected by the courts, and the proportion of petitions unsatisfied by the courts is growing. Almost every second (about 40%) submission on substitution of punishment has been refused. The reason for the problems lies in weak organization of the work of criminal executive inspections in the preparation of relevant documents and an insufficient level of professional training of employees of these institutions. To solve these problems, methodological assistance to law enforcement agencies is needed to ensure more effective execution of punishment in the form of compulsory labor.

Article 49 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes that if a convicted person repeatedly, that is, systematically and maliciously, fails to comply with the requirements of the administration of criminal executive inspections to comply with the order and conditions of serving this type of punishment, then he/she may be recognized as a malicious violator of the order and conditions of serving compulsory labor and held accountable in the form of replacing compulsory labor with a more stringent penalty, such as forced labor or imprisonment. Law enforcement practice has great difficulties defining the concept of "malicious evasion". For comparison, we note that the most accurate concept of a maliciously evading convict is contained in Article 46 of the Penal Code of the Russian Federation. In accordance with Part 3 of this article, a convicted person is considered to be maliciously evading correctional labor: a) if he/she has repeatedly violated the order and conditions of serving the sentence after being warned in writing for his/her failure to appear at the criminal executive inspection or at work, or b) if he/she has fled his/her place of residence in an unknown direction. The list of violations committed by convicts serving compulsory labor is regulated by a regulatory legal act of the Supreme Court of the Russian Federation, while types of offenses committed by convicts serving correctional labor and forced labor are regulated by penal legislation. So, we can talk about a legal conflict - disagreement and contradiction between regulatory legal acts of the Supreme Court of the Russian Federation and norms of penal legislation governing the same or related legal relations. The category of "malicious" violation of the order and conditions of serving a sentence in the form of correctional labor in accordance with penal legislation is characterized by two signs: repetition (two or more times) and actual evasion from punishment (the convicted person fled his/her place of residence, his/her whereabouts are unknown to law enforcement agencies).

Malice is indicated somewhat differently in the execution of punishment in the form of forced labor.

First, in Article 60.15 of the Penal Code of the Russian Federation, the concept of "malice" is used in two cases, that is, when determining a malicious violator of the order and conditions of serving a sentence and malicious violations of the order and conditions of serving forced labor.

Second, a convicted person is recognized as a malicious violator of the order and conditions of serving forced labor when committing (once) the following serious violation: a) the use

of alcoholic beverages, narcotic drugs or psychotropic substances; b) minor hooliganism; c) disobeying representatives of the correctional center administration or insulting them in the absence of crime elements; d) making, possession or transfer of prohibited items and substances; e) organization of strikes or other group disobedience, as well as participation in them; f) refusal to work; g) unauthorized abandonment of the territory of the correctional center without valid reasons; h) untimely (over 24 hours) return to the place of serving the sentence. It should be noted that there is such a type of malicious violation as refusal to work. Work evasion from compulsory labor serving has a fairly broad interpretation. Therefore, the term "refusal to work" will be more understandable and widespread in the penal system and legislation, which means that will allow law enforcement officers to execute this type of punishment more effectively.

Third, a convicted person may be recognized as a malicious violator of the order and conditions of serving the sentence if he/she has committed at least three non-malicious violations during the year (the latter are prescribed in Part 1 of Article 60.15 of the Penal Code of the Russian Federation): a) violation of public order, for which the convicted person has been brought to administrative liability; b) violation of labor discipline; c) violation of the rules of residence established for the convicted person in the correctional center; d) convict's failure to appear for registration at the correctional center without valid reasons in case he/she is allowed to live outside it.

From the above list of violations of the order and conditions of serving a sentence in the form of forced labor, some definitions of violations regarding punishment in the form of compulsory labor can be borrowed, for example, violations of labor discipline, public order, failure to appear without a valid reason for registration with criminal executive inspections.

Thus, in the sphere of legal regulation of the responsibility of convicts for malicious violation of the order and conditions of serving sentences, there are controversial issues of defining the key concept of "malicious". There has been a broad discussion about this concept both in criminal and penal legislation during various periods of its functioning, as well as in the legal literature. For example, "convicts who maliciously violate regime requirements" (Article 53 of the Correctional Labor Code of the RS-FSR), "malicious disobedience to requirements of the administration of a correctional labor institution" (Article 188.3 of the Criminal Code of the RSFSR), "in case of malicious evasion of a convicted person from serving compulsory labor" (Article 49 of the Criminal Code of the Russian Federation), "convicts who maliciously evade serving compulsory labor" (Article 29 of the Criminal Code of the Russian Federation [6]. From the above example, it can be seen that a malicious violation of the order and conditions of serving a sentence has always been the basis for bringing convicts to disciplinary or criminal responsibility in the form of commutation of the penalty with a more severe type of punishment (compulsory labor is replaced by imprisonment or forced labor) or transferring a convicted person from a correctional institution with a lighter regime of serving a sentence to an institution with a stricter regime (from a penal settlement to a maximum-security correctional facility, from a correctional facility to a prison), with the resulting legal consequences for the convicted person, expressed in certain restrictions, prohibitions and imposition of additional duties [7].

Speaking about judicial activity, it should be noted that the Plenum of the Supreme Court has repeatedly addressed this problem, since there are difficulties in law enforcement practice to resolve the issues of applying these norms to convicts who maliciously violate the order and conditions of serving their sentences in the form of compulsory labor. Thus, in accordance with the resolution No. 59 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 "On amendments to certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal matters" and Paragraph 5 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 21 (as amended June 25, 2024) "On the practice of applying legislation on the execution of sentences by courts", courts, when deciding whether to replace compulsory labor with a more severe punishment, in case of malicious evasion from serving a sentence, must require documents from criminal executive inspections

confirming his/her identity, the nature and degree of public danger of the crime committed, especially documents reflecting the reasons and conditions, according to which the convicted person evaded serving the sentence in the form of compulsory labor. For example, an employee of the institution is required to investigate the reasons for the convicted person's absenteeism, drunkenness, work evasion, etc. when preparing a submission to the court to replace compulsory labor with a more severe punishment. At the same time, 80% of the experts note that employees of criminal executive inspections experience difficulties in preparing high-quality materials for the court. These circumstances require them to have certain knowledge and skills that they can acquire as part of advanced training or professional retraining provided by educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Conclusion

The study shows that the main types of violations of the order and conditions of serving a sentence in the form of compulsory labor are the following: appearance at work in a drunken state; absenteeism; dismissal from work in order to avoid serving a sentence; evading the obligation to report a change of the place of work or the place of residence within 10 days; failure to appear at work more than twice a month without valid reasons, etc. In this list of violations, the definition of "dismissal from work in order to avoid serving a sentence" is a controversial issue, which requires additional normative interpretation, since the very fact of absence from compulsory work without a valid reason is a refusal to work. For committed offenses, those sentenced to compulsory labor may be subjected to legal measures of influence: replacement of compulsory labor with a more severe type of punishment (Paragraph 5.8 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59 of December 22, 2015). In fact, the court imposes a new type of punishment for violations for which responsibility arises, including replacement of compulsory labor with imprisonment. If the convicted person has been warned about the inadmissibility of such behavior, if he/ she has not drawn conclusions after a written warning from the administration of the institution, then he/she is recognized as a malicious

violator of the order and conditions of serving this type of punishment and imposed a stricter measure of influence. Replacement of compulsory labor with imprisonment or forced labor resembles a delay in the execution of punishment or probation. Therefore, the proposed measures to improve legal regulation of the execution of punishment in the form of compulsory labor actualize the conclusions of some experts that no matter how perfect the criminal proceedings and criminal law norms are, the real results of the impact on the offender can be assessed only after his/her conviction and during the execution of criminal punishment. It is the order and conditions of serving a criminal sentence that mainly determine success of previous stages regulated by criminal and criminal procedure legislation, which in turn depends on the level of improvement of basic legislation, the effectiveness of which is closely related to law enforcement activities in the field of the execution of any punishment, including in the form of mandatory work [8].

Based on results of the study, we propose to make appropriate amendments to legislation that will contribute to improving effectiveness of the activities of penal enforcement inspections in the field of execution of compulsory labor. The analysis of judicial practice shows that judges decide to recognize a convicted person as maliciously evading compulsory labor if there are the following grounds: a) he/ she has not performed compulsory labor more than twice during the month without valid reasons; b) he/she has violated labor discipline more than twice during the month; c) he/she has concealed it in order to avoid serving the sentence. Due to gaps in the regulatory framework, judges sometimes independently develop methodological recommendations and are guided by them when recognizing a person sentenced to compulsory labor as maliciously evading punishment, which sometimes does not correspond to the normative interpretation presented in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 (as amended on June 25, 2024) and penal legislation.

Thus, judicial activity in the field of execution of a sentence of compulsory labor is regulated by norms of not only penal, but also criminal procedure legislation, is multidimensional in
nature due to the need for courts to interact with public authorities, law enforcement agencies (prosecutor's office, criminal executive inspections, internal affairs agencies, etc.) and protect convicts, and provides social and legal protection of the rights and legitimate interests of those sentenced to compulsory labor. Performing functions of judicial control (articles 397, 398 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 20 of the Penal Code of the Russian Federation), the court controls execution of punishment in the form of compulsory labor and resolves issues of its competence.

REFERENCES

1. Pupysheva L.A. The judicial activities in the sphere of execution of criminal sanctions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* = *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 2 (27), pp. 122–127. (In Russ.). 2. Avdeeva E.V. Compulsory labor in the system of criminal punishments: issues of legal writing and law enforcement. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* = *Penal System: Law, Economics, Management*, 2021, no. 6, pp. 23–27. (In Russ.).

3. Kachalov V.I. The nature of judicial activity at the stage of execution of the sentence or other final court decisions. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2016, no. 5, pp. 372–378. (In Russ.).

4. Amanullina A.F. *Sudebnyi kontrol' v stadii ispolneniya prigovora: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial control at the stage of execution of the sentence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2009. 25 p.

5. Smirnova I.N., Likholat I.A. Organizational and legal support for the functioning of penal enforcement inspections in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2012, no. 3, pp. 125–128. (In Russ.).

6. Kazak I.B. Organizatsiya deyatel'nosti personala ispravitel'nogo uchrezhdeniya po preduprezhdeniyu protivopravnykh deistvii so storony osuzhdennykh, priznannykh zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Organization of activities of correctional institution staff to prevent illegal actions by convicts recognized as malicious violators of the established procedure for serving sentences:Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2005. 24 p.

7. Gordolopov A.N. Malicious violator of the regime of serving a sentence: a comparative legal analysis of foreign legislation. *Ugolovno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2020, vol. 15 (1–4), no. 3, pp. 303–306. (In Russ.).

8. Natashev A.E., Struchkov N.A. *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of correctional labor law]. Moscow, 1967. 191 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

BRONISLAV B. KAZAK – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoppd@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4001-2463

Received April 24, 2025

PSYCHOLOGY

Original article UDC 159.9.07 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008

Psychological Characteristics of the Attitude to Life among Terminally III Convicts

YURII Yu. KUCHKAREV

Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7194-6037

STANISLAV V. GORNOSTAEV

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5259-0258

Abstract

Introduction: the article considers psychological features of terminally ill convicts' attitude to life in correctional institutions. The presence of an incurable disease and prospects of an early death can push a convicted person to violate socially beneficial relationships and internal regulations of the institution. A theoretical analysis of the specifics of attitudes to life is carried out. A number of the most frequent reactions to the manifestation of an incurable disease and specific psychological problems in this category of convicts are given. An attitude to life is considered as one of the important components of the issue to prevent suicidal behavior among convicts with incurable socially significant diseases. Purpose: to study psychological features of the attitude to life among terminally ill convicts and to provide recommendations on psychological support for this category. Methods: comparative analysis, Purpose-in-Life Test, and Mann-Whitney U-test. Results: the results of the study show that convicts with incurable diseases have the lowest level of acceptance of their lives. They do not worry about their lives and do not believe in themselves and others. When interacting with others, they feel pity. They make contact indirectly and do not care about their appearance and behavior. Terminally ill convicts often report chronic fatigue, which is the effect of constant negative thoughts. They experience feelings of social isolation and loneliness. Conclusion: when providing psychological support to convicts in this category, a realistic attitude to life can serve as the basis for longer productive life and, on the other hand, the basis for adequate communication with others, including in terms of compliance with behavioral norms.

Keywords: attitude to life, terminally ill convicts, penitentiary system, correctional facilities, psychological aspects, psychological support, incurable diseases.

[©] Kuchkarev Yu.Yu., Gornostaev S.V., 2025

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: KuchkarevYu.Yu., GornostaevS.V. Psychological characteristics of the attitude to life among terminally ill convicts. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 180–188. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008.

Introduction

At the present stage of the penal system development in Russia, the improvement of work with convicts of various categories is one of the most urgent problems. In the Russian Federation, there is an increase in the incidence of incurable diseases in society as a whole, including among convicts. Therefore, studying the attitude to life of terminally ill convicts will make it possible to build effective socio-psychological work with this contingent in correctional institutions. The presence of incurable diseases, such as oncological diseases (cancer), human immunodeficiency virus (HIV), acquired immunodeficiency syndrome (AIDS), typified hepatitis viruses (A, B, C, D, E), provides a large number of directions for studying various aspects of the development of diseases and their impact on human psychological characteristics. Convicts in correctional colonies are most susceptible to diseases. This problem necessitates the improvement of both psychological and medical care for this category of convicts.

According to data provided by the Federal Penitentiary System of Russia, as of December 20, 2024, 9,209 people were treated for tuberculosis in correctional institutions, the incidence rate was 78.8 per 100,000 people [1]. It is worth mentioning that there are other types of incurable diseases in places of detention, which also need to be addressed in order to highlight and further inform interested people in solving problems of providing assistance to convicts with incurable diseases.

The total number of convicts infected with HIV in places of detention was 51,627 people as of December 20, 2024. The presence of an incurable disease and the prospect of an early death may push a convict to violate socially useful relationships and internal regulations of the institution. The convict's concentration on the role of a patient and his/her rejection of other social roles may further complicate the process of his/her resocialization [2].

The person's attitude to life is considered in psychological science as a system that forms

meanings and goals of human life and regulates ways of their achievement (S.L. Rubinstein, B.S. Bratus', A.N. Leont'ev, A.G. Asmolov, E.A. Berezina, M.I. Bobneva, A.V. Seryi, N.I. Nepomnyashchaya, Yu.M. Kuznetsova, and others).

Life support provides a person with both further development and comprehensive work on him/herself and his/her personality. V.V. Belyaeva and E.V. Pokrovskii studied characteristics of people with HIV.

In foreign psychology, A. Adler drew attention to the connection between person's behavior and his/her life meaning and correlated behavioral meanings of life and a lifestyle [3]. In psychology, there are two approaches to considering the process of structuring a person's life path through its planning and scenario implementation [4]. According to the first approach (S.L. Rubinstein, B.G. Anan'ev, and others), a person consciously chooses and regulates the process of life. The second approach (A. Adler, C. Rogers, E. Berne, and others) is based on the idea of a predominantly unconscious choice of a life plan made in the early stages of a child's development. In general, the meaning of life is understood as the highest integrative basis of personality or as a structural element of consciousness and human activity [5, p. 57].

The attitude to life can be different and depends on individual characteristics of convicts, their worldview, values and beliefs. Terminally ill convicts tend to adhere to a pessimistic lifestyle and are indifferent to their own life.

The attitude to life is a perception of life activities that affects all areas of behavioral activity, is determined by person's values and expressed in acceptance or rejection of life and oneself, responsibility for one's life, and desire for development [6, p. 123]. The attitude to life forms the orientation of a convict. It is expressed in dominant goals and motives of the activity, interests, ideals, beliefs, a system of relationships, life plans and prospects formed on the basis of needs and aspirations [7]. Desire is a conscious need for something quite definite [8]. The convict's desire arises when a volitional component is included in the structure of desire, and his/her interest is a cognitive form of orientation towards objects. According to research data, the dominant interests of most offenders (both male and female) serving criminal sentences are material, primitive and recreational [9]. Conviction (the highest form of orientation) is a system of personal motives that encourage a person to act in accordance with his/her views and principles [10].

Psychological characteristics of the attitude to life among terminally ill convicts is a complex and multifaceted topic reflecting deep inner experiences and mechanisms of personality adaptation in conditions of extreme stress. One of its key components is an attitude to the present, past and future [11, p. 3]. Being on the verge of life and death, people have other perception of time, which becomes not linear, but rather cyclical, full of moments of despair and hope. Illness conditions lead to different behavioral patterns, which may differ from those basic for society [12, p. 162].

Through the prism of the incurable disease there comes realization of the finiteness of existence, which often leads to deep existential reflections. The feeling of losing control over one's own destiny forms a mixture of anger, longing, and humility. The convict assumes the role of a patient, which involves the expression of certain emotions and social obligations [13]. These emotions can prompt convicts to rethink life values, start searching for meaning in suffering and reach reconciliation with the outside world. The needs of this category of convicts are blunted; they are interested only in physiological well-being and neglect self-development [14, p. 370].

Relationships with other people, such as administration staff and other convicts, also play a key role in shaping their attitudes towards life, serving as a source of both support and blame. The desire for self-expression and understanding the place in this world becomes the main adaptation mechanism that allows convicts to cope with the inevitability.

In a prison environment characterized by isolation and depression, support from other prisoners and staff can be vital. New communication ties let convicts feel their belonging to society. A sense of community can overcome deep loneliness and raise a person's self-esteem, which is a primary aspect in the process of overcoming the disease.

The very fact of having an incurable disease causes any person an internal conflict that provokes depression, emotional instability, hidden or explicit aggression. The attitude of terminally ill convicts towards their illness can vary depending on many factors, such as the type of disease and the severity of symptoms. The convict's reaction to the disease largely depends on personality characteristics, such as age, previous abuse of alcohol, drugs or their surrogates, and individual personality traits. A person is aware of the inevitability of death, and this awareness of the transience of his/her physical existence makes him/her to reflect on his/her life and its meaning [15, p. 16].

The following are the most typical reactions of HIV-infected convicts:

1. Denial. People often deny the fact of their own illness, which can have a twofold meaning. So, initial denial can be helpful, as it can ease stress for a while. However, its continuation can make it difficult to adapt to new living conditions, which are necessary to cope with the disease, prevent its further spread, and realize social responsibility that is imposed on the convict.

2. Anger. Behavior of such people can become destructive; convicts can harm themselves and others. As the disease progresses, a person may become unable to work, but at the same time feel satisfactory. A "meaningless" life full of restrictions in nutrition, activities, and contacts becomes commonplace and often causes anger. Anger is manifested in selfaccusation and suicidal behavior.

3. Suicidal ideas and behavior. Convicts are characterized by increased suicide risks. Suicide can be both active (intentional self-harm resulting in death) and passive (self-destructive behavior, concealment of serious complications).

4. Fear. Fear of death is the most common. There are also fears of being abandoned or rejected, leaving a family without support, fear of injury, loss of physical or mental abilities, and loss of privacy. Fear is often based on the experiences of others.

5. Anxiety. Anxiety is almost always present in the life of a terminally ill person, reflecting the chronic uncertainty associated with the disease. It can be caused by increased risks of being contaminated by other diseases, deteriorated abilities to work effectively, and the loss of physical and financial independence.

It is also possible to note the negative attitude of citizens towards people with incurable diseases. Terminally ill convicts are presented as socially rejected people. They often experience a negative reaction due to the lack of awareness of most people. Society presents the terminally ill as socially different, practicing marginal forms of social behavior (drug use and sexual promiscuity), which is often not without reason. In this regard, a convict reject society, which is often manifested in aggressive behavior, a desire for revenge, fear for one's life, and sometimes ends in committing crimes or suicides [16].

Convicts focus on negative events of the past, while realizing that irreparable mistakes, painful memories and unpleasant images of the past aggravate the severity of the present. Requirements of the regime and special conditions of the penitentiary exclude a hedonistic orientation to the present [17, p. 11]. At the same time, the time perspective undergoes drastic changes, it obeys the new reality. There is a low meaningfulness of life, narrowness of the meaning of life, a lack of ideas about the path of life, low activity in the realization of life meanings, concentration on past events and unwillingness to think about the future. The impossibility of exercising control over one's own life in places of deprivation of liberty provokes the sense of meaninglessness of what is happening around and reinforces the fear of the future and despair [18, p. 3].

Complex emotional states of terminally ill prisoners are often expressed through creativity, which becomes an important channel for their self-expression. Using such types of creativity as visual arts, writing literary and musical works, terminally ill prisoners can convey their thoughts and feelings through art. For example, Kovalev A.G. and T.V. Borodkina consider an art therapy method as one of the main methods of working with seriously ill patients. Creating drawings, writing lyrics, or composing music helps sick patients express their inner feelings and experiences that they cannot put into words. [19, pp. 145–147]. Analyzing their works, we can form a picture of the problem and find out what they feel.

Terminally ill convicts often face internal conflicts, fears, and worries about their lives. Some convicts begin to feel guilty about their condition in front of others. These emotions often manifest themselves in relationships with other convicts. Instead of empathy, hostility is most often manifested in the social environment. In this regard, terminally ill convicts have many psychological problems. Let us look at some examples of these problems:

- Social isolation: the removal of a convict with incurable diseases from society and the avoidance of the convict's society itself. Prolonged exposure to social isolation can lead to the disruption of socially useful connections, skills, etc., which may further complicate the process of resocialization of the convict [20, p. 327].

- Feeling of loss over their lives: terminally ill convicts experience a feeling of loss of control over their lives, they believe that they cannot plan their lives in any way or manage it at all. All events in their lives occur randomly [21, pp. 124–128];

 Fear of the inevitability of death: constant thoughts about one's death and the impossibility of a future life without illness, contributes to the development of anxiety, depression and many other negative psycho-emotional states [22, pp. 235–239];

- Feeling of doubt: a convict faces the question of his/her treatment or refusal of medical care. It is often associated with convict's low information awareness about the disease itself and his/her low self-esteem [20, p. 150].

- Problems with adaptation to the disease: presence of an incurable disease also affects the physical condition of a convict. There is weakness, anxiety, and various body problems. All this can lead to a decrease in physical condition [23, p. 178];

- Problems in the communicative sphere: other people are afraid of communicating with a convict with a disease [24, pp. 95–99]. Against this background, a convict may experience a feeling of loneliness and insufficient support on the part of his/her relatives and acquaintances;

- Aggression towards administration staff: terminally ill convicts may experience feelings of aggression and distrust towards administration and medical staff. Such behavior is often accompanied by the violation of internal regulations of the institution and refusal to undergo treatment [25, pp. 12–15];

 A sense of injustice: an incurable disease can cause feelings of anger and resentment towards one's fate and one's relatives. A convicted person may blame other people for everything, but forget about his/her own decisions in his/her life [26, p. 110];

- Depression: receiving information about the presence of an incurable disease is often accompanied by depression [23, p. 182]. In this state, a convict almost completely renounces all his/her needs, leaving only physical ones in his/her life, which in the future may affect the personality development;

- Affective and latent suicide: having negative emotions after receiving information about the disease, a convicted due to lack of strength and support to combat this illness [21, p. 128] may choose an easy way to avoid this problem by committing suicide.

V.N. Myasishchev considers the problem of personality's attitude to one's life along with its development. The attitude to one's life is revealed as a component formed with the help of such parts as the attitude to oneself, others, and one's activities [13, p. 398]. In this regard, we can conclude that psychocorrective work with incurable convicts should be carried out in various directions, such as formation of personality values, self-regulation, relationships with other convicts and the administration staff. One of the main directions will be the formulation of goals and their achievement. According to the promotion criterion theory, the following conditions are necessary for the goal achievement: criterion of promotion to the goal and monitoring of effectiveness [27, p. 903].

Analyzing the research of foreign authors, we also see a problem related to the attitude of terminally ill convicts to life. For example, L. Maruschak states that prisoners with chronic diseases are more likely to report mental stress, depression, and loss of interest in everyday life than those without such diseases [28, p. 18]. Many male prisoners with HIV/AIDS deeply grieve the loss of future life opportunities, including freedom, family relationships, and personal goals. This indicates a crisis of the meaning of life that occurs in terminally ill convicts — they may feel that everything they wanted to achieve has become unattainable [29, pp. 23-29]. J.D. Rich notes that prisoners with incurable diseases find it difficult to make life plans, since their diagnosis is perceived as a sentence, and the conditions of detention increase the sense of meaninglessness of existence [30].

S. Fazel in his empirical study reveals that among prisoners with chronic diseases (HIV, cancer, hepatitis) there is a significantly higher number of suicide attempts than among healthy prisoners. It is also found that the introduction of specialized support programs (including psychotherapy, work diagnosis and future planning) has reduced the level of suicidality by 30% [31]. It is also worth noting that terminally ill convicts are more often exposed to recidivism than healthy ones [32].

Thus, based on the analysis of the literature of domestic and foreign authors, we can conclude that terminally ill convicts often experience a feeling of hopelessness and desperation, they lose interest in life. The diagnosis in this category is perceived as a sentence that is reinforced in correctional institutions and causes anxiety, depression and a tendency to self-destruction. Such a criterion as the attitude to life of terminally ill convicts can play an important role in their rehabilitation, assistance in treating the disease, and is also one of the important indicators for reducing the level of suicide risk and reducing the recurrence of crime in this category of convicts, in order to form a realistic and positive attitude to life.

Description of the study

To study the category of "Attitude to life" of terminally ill convicts, an empirical study was conducted on the basis of the Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast. The study covered 60 males aged 25-30 with basic general education. They were divided into experimental groups No. 1 (healthy convicts) and No. 2 (terminally ill convicts). The diseases were HIV/AIDS, tuberculosis (in advanced form), grade II diabetes mellitus, cirrhosis of the liver, and chronic heart failure. To analyze and compare the "Attitude to life", the method of "Meaningful life orientations" by D.A. Leont'ev was used. This is a technique developed by a Russian psychologist and philosopher, it focuses on identifying and developing the meaning of a person's life, as well as determining their values, goals and motives. The analysis of the obtained results revealed conscious and unconscious attitudes of the convicts towards their lives. Figure 1 shows results of the study conducted in experimental groups No. 1 and No. 2.

Figure 1. Indicators for assessing the meaning of life (in %)

Figure 1 shows an average level of the indicator "Life purposes". The convicts of both experimental groups have no plans for the distant future, they live for the day. There is no way to change the life they have lived.

The convicts of the experimental group No. 1 have much higher figures on the "Life Process" scale than the convicts with incurable diseases. They note that they have fully realized themselves in life and have immediate life plans. They believe that it is necessary to develop themselves, as well as use their life experience in the future.

A low value on the scale of "Life performance" is noted in the experimental group No. 2. Convicts in this category are more likely to express the opinion that their lives have not achieved important goals. All plans for their lives have no further possibility of implementation. Terminally ill convicts do not have a well-formed idea of their lives, specific goals, and faith in themselves. They would like to change their lives, but do not have the strength and capabilities to do so.

Terminally ill convicts have below-average results in all indicators of the methodology. They believe that a person cannot control his/her life and do not believe in any medical treatment options. They have lost their memories of their life from a positive point of view and believe that it has always had a negative character. They note that relationships with relatives and others have always had a negative effect, as well as misunderstandings on the part of others.

When comparing the results obtained, it is revealed that the convicts of the experimental group No. 1, on the contrary, have higher scores on all scales. Healthy convicts believe they can control their lives. They can express themselves freely and choose their own circle of interaction. They are convinced that they are in control of their lives and their actions. They make further plans for their lives, want to start a family and change one's life in order to prevent further criminal acts.

The "Integral criterion of the Purpose-in-Life test" shows general meaningfulness of life. The convicts of the experimental group No. 1 have certain achievements in their lives and find themselves physically and mentally healthy. On the contrary, the convicts of the experimental group No. 2 have a negative attitude towards themselves, low self-esteem, low indicators of adaptive abilities and cognitive abilities.

Terminally ill prisoners find it difficult to make decisions and act only when they are sure that everything will be fine. This category is prone to self-destruction, they consider themselves losers. They can be self-critical and judge themselves harshly. They are highly sensitive to other people's opinions and fear that they will be judged or rejected. According to the results obtained, the convicts of this experimental group may doubt their decisions, even if they have already made them. The presence of an incurable disease can prevent convicts from achieving their goals, taking responsibility and living a full life.

The convicts of the experimental group No. 1 claim to have opportunities to realize themselves in life and to set new goals. They are interested in preserving their health. Terminally ill convicts note that they have not taken enough care of their health and they would like to change their past. They believe that their lives are doomed and no amount of treatment will help solve their problems.

To confirm or deny that there are differences in attitudes towards life among convicts with incurable diseases and healthy ones, the indicators in the studied samples were analyzed using the Mann-Whitney U-test. According to the results obtained, all 6 criteria are in the zone of significance of Ucr = 2.63 (p < 0.01), thus, there are significant differences in indicators in the groups of convicts, which means that terminally ill convicts have a negative attitude towards their lives.

According to results of the study conducted to determine the level of "Attitude to life", convicts with incurable diseases are characterized by the lowest level of acceptance of their lives, denial of their reality, as well as insufficient acceptance of one's lived life. Terminally ill convicts do not worry about their lives, they believe nobody. When interacting with others, they feel sorry for themselves. They make contact indirectly and do not care about their appearance and behavior. Terminally ill prisoners often report chronic fatigue, which is the effect of constant negative thoughts. They experience feelings of social isolation and loneliness. Due to their condition, these convicts may have difficulty performing normal tasks in their lives, which leads to a loss of independence and the need for other people's help.

Conclusions

The conducted research is a pilot study aimed at studying general mechanisms of experience in terminally ill convicts with different diseases. According to the study results, it can be concluded that no matter what incurable diseases convicts have, they all have equal physical and emotional experiences. In the future, this study may become the basis for scientific research that takes into account each diagnosis, such as oncological diseases or various pathologies. Deepening this issue will help to form more accurate and effective measures of psychological, medical, and social assistance to convicts, depending on their diagnosis.

Based on the results of the study, we have developed recommendations for psychological support of terminally ill convicts, so that they can change their anxiety levels, determine their life orientations, form a realistic attitude to their own lives and accept their diagnosis. Systematic psychological work is required. Several stages of work with terminally ill convicts are identified. The first stage includes diagnostics in order to determine the emotional and psychological state of convicts, their needs and level of "Attitude to life". Then it is necessary to work out an individual psychological support plan for a terminally ill convict.

At the stage of individual work, the psychologist includes various methods of influence, such as psychorrection, consultations, and trainings. A convict should not be left alone. It is important to constantly conduct longitudinal studies to identify changes in behavior, as well as to form a realistic image of one's own future. What is more, it is necessary to form a sense of self-confidence and goal-setting skills in convicts of this category, to teach methods of self-regulation and reflection in order to change attitudes towards one's life. It is important to use cognitive behavioral therapy techniques to change negative attitudes and beliefs about present and future life.

Terminally ill prisoners should see the achievement of their goals and objectives in order to develop self-regulation and self-development skills, and to form a positive orientation for their future lives. When providing psychological help and support, it is worth using pedagogical methods of influence. Employees of the educational department should involve these convicts in educational work during the correctional process. Participation of terminally ill convicts in the educational process will raise convicts' self-confidence and contribute to personal development. The presence of an incurable disease can prevent convicts from achieving their goals, taking responsibility and living a full life, so it is important to work on overcoming fears and doubts. Already at the early stages of receiving information about the presence of an incurable disease, it is required to increase convicts' adaptive capabilities and encourage them to accept their illness. The involvement of medical unit staff will make it possible to inform convicts about the possibilities of treating the disease at an early stage. Social workers in correctional institutions should help convicts to restore and maintain social ties with relatives. Communication with relatives can play an important role in helping terminally ill convicts. Support of the loved ones is vital for many people in custody, especially when they struggle with a serious illness. In such cases,

communication with relatives can help improve the mental and emotional state of patients, as well as help them cope with feelings of loneliness.

Compliance with these recommendations, which include work on the formation of positive self-esteem and a positive attitude towards their lives and the future and the development of decision-making skills will significantly improve the psychological state of this category of convicts. By using these recommendations, terminally ill convicts will be able to find meaning and purpose in life and regain confidence in themselves and their actions. In the future, comprehensive work with this category will be an important step towards reducing mortality and suicidal rates among terminally ill convicts.

REFERENCES

1. Statistical data. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php (In Russ.). (Accessed January 29, 2025)

2. Zautorova E.V. Osobennosti tsennostnykh i smyslozhiznennykh orientatsii VICh-infitsirovannykh osuzhdennykh: monogr. [Features of the value and meaning of life orientations of HIV-infected convicts: monograph]. Moscow, 2018. 107 p.

3. Adler A. Individual'naya psikhologiya [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.

4. Piyukova S.S., Tarasova S.A. *Penitentsiarnaya psikhologiya i pedagogika: ucheb.-metod. poso-bie* [Penitentiary psychology and pedagogy: educational and methodical manual]. Samara, 2017. 85 p.

5. Bud'ko E.V. Modes of social behavior in a crisis situation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarst-vennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, no. 8 (430), pp. 57-62. (In Russ.).

6. Petros'yan S.N., Ryabikova Z.I. Current approaches to the problem of personality life script as a social and psychological phenomenon. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Adygea State University*, 2016, no. 3 (183), pp. 123–135. (In Russ.).

7. Bobyleva I.Yu., Romanov A.I., Stepanenko M.V. *Kharakteristika muzhchin, otbyvayushchikh nakazanie v ITK (po materialam spetsperepesi 1989 g)* [Characteristics of men serving sentences in penitentiary institutions (based on the materials of the 1989 special census)]. Moscow, 2012. P. 37. 8. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, 1999. 349 p.

9. Deev V.G. *Psikhologiya napravlennosti lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: avtoref. dis. ... d-pa psikhol. nauk* [Psychology of personality orientation of convicts serving sentences in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 1986. P. 15.

10. Poznyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 2015. 342 p.

11. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge, 1984. Pp. 3–69.

12. Segall A. The sick role concept: understanding illness behavior. *Journal of Health and Social Behavior*, 1976, vol. 17, no. 2, pp. 162–169.

13. Parsons T. The social system. Glencoe, 1951.

14. Maslow A.H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, 1943, vol. 50, no. 4, pp. 370–396.

15. Shkuratov V.A., Mikhailova O.Yu., Kotova T.A. Problems of studying attitudes to life and death in legal psychology. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2012, no. 2, pp. 16. (In Russ.).

16. Voronin R. M. Psychological features of the HIV-infected prisoners. *Lichnost' v menyayush-chemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2014, no. 3(6), pp. 68–75. (In Russ.).

17. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov pravonarushitelei: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of offenders' life plans: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2009. P. 11.

18. Adylin D.M. Criminal law and penal characteristics of hiv-infected persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute* = *Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2012, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).

19. Kovalev A.G., Borodkina T.V. *Psikhologicheskie aspekty raboty s tyazhelobol'nymi patsientami* [Psychological aspects of working with seriously ill patients]. Saint Petersburg, 2017. 280 p.

20. Lebedev I.B., Evseeva I.G., Chumanov Yu.V. Psychological features of ideas about the meaning of life by convicts and features of its formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 326–332. (In Russ.).

21. Abramova G.S. *Psikhologiya zaklyuchennykh: problemy adaptatsii i reabilitatsii* [Psychology of prisoners: problems of adaptation and rehabilitation]. Moscow, 2018. 320 p.

22. Bratus' B.S. *Anomal'naya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov* [Abnormal psychology: textbook for universities]. Moscow, 2019. 450 p.

23. Lebedeva N.M. *Psikhologiya stressa i krizisnykh sostoyanii* [Psychology of stress and crisis states]. Moscow, 2016. 300 p.

24. Kholmogorova A.B. *Psikhoterapiya v sisteme raboty s tyazhelobol'nymi* [Psychotherapy in the system of work with the seriously ill]. Moscow, 2018. 200 p.

25. *Ministerstvo zdravookhraneniya RF. Rekomendatsii po okazaniyu palliativnoi pomoshchi v us-loviyakh penitentsiarnykh uchrezhdenii* [Ministry of Health of the Russian Federation. Recommendations on palliative care in penitentiary institutions]. Moscow, 2020. 50 p.

26. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, 2015. 240 p.

27. Chronicle E.P., Ormerod T.C., MacGregor J.N. When insight just won't come: the failure of visual cues in the nine-dot problem. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2001, vol. 54, no. 3, pp. 903–919.

28. Maruschak L.M., Harrison P.M., Song J. *Medical problems of state and federal prisoners and jail inmates, 2011–2012.* Washington, 2015. 18 p.

29. Vogel W.N. HIV disease in prisons: psychosocial aspects. *AIDS Patient Care and STDs*, 1996, vol. 10, no. 1, pp. 23–29.

30. Rich J.D., Wakeman E.A., Dickman S.L. Delivering quality health care in the correctional setting. *American Journal of Public Health*, 2011, vol. 101, no. 1, pp. 23–30.

31. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners. *The Lancet*, 2011, vol. 377, no. 9769, pp. 956–965.

32. Williams B.A., Johnson E.M., West T.D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners. *Journal of Aging and Social Policy*, 2012, vol. 24, no. 3, pp. 254–266.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

YURII Yu. KUCHKAREV – Senior Psychologist at the Psychological Laboratory of the Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-7194-6037

STANISLAV V. GORNOSTAEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5259-0258

Received February 27, 2025

Original article UDC 159.9.072 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009

Biopsychosocial and Structural Determinants of Chemical Addictions in Prison Settings

ROBERT R. ISKANDAROV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7277-7693

Abstract

Introduction: substance use disorders among prisoners are a multi-level problem caused by the interaction of neurobiological, psychological and social factors. The problem of addiction among persons in places of imprisonment is widespread and has a significant impact on both the individuals themselves and the prison system as a whole. High recidivism rates among prisoners with addictions and low efficiency of traditional approaches to rehabilitation require in-depth interdisciplinary analysis. Numerous studies indicate high levels of chronic stress experienced by prisoners, which necessitates consideration of the relationship between chronic stress and maintenance of addiction in this population. High comorbidity of addiction and incarceration necessitates a deeper understanding of the underlying factors, such as stress, to develop effective intervention strategies. Purpose: to study mechanisms of addiction formation and maintenance in the penitentiary system, analyze the influence of chronic stress on neurochemical processes, cognitive-emotional patterns and social determinants, to substantiate the key importance of chronic stress compared to other factors in maintaining addiction, and to develop expanded recommendations for rehabilitation. *Methods:* an in-depth review and analysis of current scientific publications containing empirical data on the prevalence and impact of chronic stress, its relationship with addiction in convicts, and the effectiveness of various rehabilitation approaches was conducted. Results: it is revealed that prison conditions (sensory deprivation, limited autonomy, harsh conditions, and violence) provoke chronic stress in convicts, which aggravates neurobiological disorders (dysfunction of the dopamine system, hypercortisolemia, and suppression of neurogenesis) and epigenetic changes associated with these disorders. Chronic stress is a key factor in the maintenance and relapse of addiction, provoking cravings and contributing to the use of psychoactive substances as a means of self-medication. Psychological factors (learned helplessness, distorted time perspective, and emotional dysregulation) and social risks (stigmatization, isolation, and lack of reintegration programs) closely interact with stress, forming a cycle of maladaptation. The effectiveness of complex strategies combining psychological interventions (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy), social support (reintegration programs, family involvement, and mentoring) and, if necessary, pharmacotherapy is confirmed. *Conclusion*: chronic stress plays a key role in maintaining addiction in convicts. Optimization of rehabilitation requires the integration of neuroscientific data, psychocorrectional methods (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy, and a trauma-informed approach) and socio-environmental approaches (reintegration programs, family support, mentors, and social workers). Promising are complex programs aimed at reducing allostatic load, developing coping strategies, restoring neuroplasticity and ensuring continuity of support after release.

K e y w o r d s: chemical dependencies; convicts; penal system; chronic stress; rehabilitation; recidivism; psychological interventions; social support.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical addictions in prison settings. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 189–199. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009.

Introduction

In the modern world, substance use disorders (SUD) among people in prison settings are becoming a systemic crisis affecting both individual health and public safety. According to the United Nations Office on Drugs and Crime, the proportion of convicts with diagnosed addiction varies from 20% to 65% in different regions [1]. In Russia, according to official statistics from the Ministry of Internal Affairs, one in ten prisoners suffers from chemical addiction [2]. These figures do not only reflect the scale of the problem, but also emphasize its structural nature: the use of psychoactive substances (surfactants) is closely related to recidivism, since most crimes among addicts are committed either under the influence of substances or for the purpose of acquiring them [3, 4].

However, the key problem remains the lack of sufficient effectiveness of rehabilitation programs in penitentiary institutions. Traditional approaches based on isolation and forced abstinence show limited results: only 5–15% of individuals remain in remission after release [5]. The main reason lies in ignoring the complex interaction of biological, psychological and social factors that form the phenomenon of "double unfreedom".

On the one hand, chronic stress, sensory deprivation, and limited autonomy in penitentiaries exacerbate neurochemical disorders caused by prolonged use of surfactants. Numerous studies indicate a high level of stress experienced by convicts, which requires a detailed consideration of its role [6–11]. On the other hand, maladaptive cognitive patterns and stigmatization reinforce addiction as a survival strategy. The high comorbidity of addiction and incarceration necessitates a deeper understanding of underlying factors such as stress in order to develop effective intervention strategies.

There is a practical need for evidence-based analysis and concrete actions that can be implemented to improve rehabilitation outcomes. It is important to note that this problem goes beyond prison medicine, acquiring a socioeconomic dimension. For example, in countries with high levels of inequality, such as the United States or Brazil, a lack of access to housing and employment after release increases recidivism rates [12; 13].

In this regard, the relevance of the study is determined by the need to move from repressive measures to scientifically based strategies that take into account both neurobiological mechanisms of addiction (for example, dopamine system dysfunction under the influence of stress) and structural disadvantages of penitentiary rehabilitation. The study is aimed at analyzing the relationship between neurophysiological changes (especially caused by chronic stress), psychological characteristics [14; 15] and social conditions [16], which together determine the stability of addictive behavior among convicts. Special attention is paid to an allostatic load concept, which combines biological effects of chronic stress and their impact on adaptive capacities of the individual.

The author conducts an in-depth analysis of existing scientific publications containing empirical data on this issue in order to substantiate the key importance of chronic stress in comparison with other factors contributing to the persistence of addiction in convicts. In addition, expanded recommendations for psychological and social components of the rehabilitation model are proposed.

The results of the study are intended to become the basis for the development of integrative rehabilitation programs combining pharmacotherapy, psychocorrection and social support. Thus, the presented work contributes to an interdisciplinary dialogue linking neuroscience, clinical psychology and penitentiary practice. Its practical significance lies in the substantiation of models that can not only reduce recidivism, but also restore socio-psychological resources of people who find themselves in conditions of "double unfreedom".

Prevalence and impact of chronic stress among convicts

Empirical evidence from scientific research consistently demonstrates an increased level of chronic stress among people in prison, and numerous studies agree that the experience of incarceration is usually characterized by high levels of stress, anxiety, low self-esteem, loneliness, and depression [17–20]. In particular, the study conducted in Ghanaian prisons shows that more than half of the prisoners experience moderate or high levels of stress, while the highest levels of stress is observed among convicts serving sentences in maximum-security prisons [17].

The prison environment itself plays a significant role in the development of stress and mental health problems among prisoners. Factors contributing to stress include isolation from family and social networks [21], harsh conditions of detention, a lack of personal space, poor sanitary and hygienic conditions [22; 23], violence [24; 25] and a lack of purposeful activities. The consistency of these results across different studies and countries highlights the universality of stress as a significant factor in the prison environment.

Chronic stress has a profound psychological impact on convicts. It is associated with various psychological disorders, including anxiety, depression, self-harm, aggressive behavior, obsessive thoughts, and substance abuse. Incarceration can lead to the development of "a post-prison syndrome", similar to post-traumatic stress disorder, with long-term consequences for mental health [25]. Chronic stress can negatively affect a person's body, mind, and life, causing feelings of depression, agitation, anxiety, and apprehension. Longterm effects of chronic stress, extending beyond the period of incarceration, emphasize the need for interventions that promote psychological well-being both during and after incarceration [26].

Biological foundations: neurochemistry of addiction in the conditions of isolation and chronic stress

Chronic use of surfactants provokes profound neurobiological shifts, which are aggravated in prison conditions due to sensory deprivation, limited mobility and constant stress. The central role is played by the dysfunction of the dopamine system, which regulates motivation and the reward system. In individuals with opioid dependence, the density of D2 receptors in the striatum decreases, which weakens control over impulsive actions and increases cravings for substances. In prison, these disorders are superimposed on chronic stress, which increases cortisol levels. Hypercortisolemia suppresses neurogenesis in the hippocampus, a structure critical for memory and emotional regulation, and reduces the BDNF level (brainderived neurotrophic factor) [27], which limits neuroplasticity and learning ability. This creates a vicious circle: stress worsens cognitive functions, which makes it difficult to overcome addiction, and addiction itself increases susceptibility to stress.

Epigenetic modifications induced by the environment perpetuate these changes [28; 29]. Hypermethylation of the DRD2 and COMT genes, which regulate dopamine metabolism, was revealed in convicts with SUD. This reduces the expression of D2 receptors and slows down dopamine metabolism, increasing its accumulation in synapses and provoking impulsivity. Such changes can persist for years, increasing vulnerability to relapse even after release.

Hyperactivation of the limbic system is another consequence of prison conditions and chronic stress. Convicts with SUD are characterized by increased activity of the amygdala, responsible for fear reactions, and decreased activity of the prefrontal cortex, which modulates self-control [30]. This imbalance increases emotional lability, reducing tolerance to frustration and reinforcing the link between stress and the search for surfactants as a "quick fix".

Chronic stress as a key factor in maintaining addiction

The analysis of empirical data and neurobiological models suggests that chronic stress plays a key role in the emergence, maintenance and relapse of addiction in convicts [5–7]. Many people enter the prison system already having problems with addiction, and the stress associated with incarceration can exacerbate these disorders, leading to the use of psychoactive substances as a means of self-medication. A prison environment characterized by violence, isolation, and a lack of rehabilitation services can provoke or reinforce unhealthy substance use as a way to cope with difficulties. Stress can cause drug cravings and lead to relapses even after periods of abstinence during incarceration. Feelings of hopelessness, a lack of prospects for the future, and an oppressive prison environment contribute to stress and the desire to escape reality with the help of psychoactive substances.

Neurobiological models show that stress activates brain pathways involved in reward and motivation (including dopaminergic and noradrenergic systems, as well as corticotropinreleasing factor), which increases vulnerability to addiction and relapse. The cyclical nature of addiction and stress, where stress can trigger substance use, and substance use, in turn, leads to even more stress (including legal and social consequences), underscores the need to address both issues simultaneously through rehabilitation programs. Neurobiological evidence provides a compelling basis for understanding the physiological basis of stress- and addiction-related behaviors, indicating the potential effectiveness of interventions targeting these pathways.

Thus, although other factors play a role, it is chronic stress that often acts as the catalyst and supportive mechanism that prevents sustained remission in conditions of incarceration and after release. Psychological mechanisms: maladaptation trap triggered by stress

In conditions of incarceration, addictive behavior transforms into a complex psychological phenomenon where cognitive distortions, emotional dysregulation, and institutional constraints are mutually reinforced often under the influence of chronic stress. The phenomenon of learned helplessness, described by Seligman [14], plays a central role. The systematic suppression of autonomy, the inability to influence basic aspects of life, and the chronic unpredictability of the environment form a persistent belief in the futility of effort. Studies show that convicts with SUD believe that nothing can be changed, which correlates with resistance to therapy and relapses. This cognitive pattern, aggravated by stress and feelings of hopelessness, not only reduces motivation, but also destroys self-efficacy, consolidating addiction as the only available strategy for controlling negative experiences.

The deformation of the time perspective becomes an important element. In conditions of isolation and stress, convicts are not interested in long-term planning and focus on the current moment due to neurobiological changes (depression of the prefrontal cortex under the influence of stress) [6; 30] and adaptation to an environment where the future is perceived as an abstraction. According to Ph. Zimbardo's theory, such a "narrowed" temporal orientation increases the attractiveness of surfactants as a means of immediate escapism, minimizing the significance of long-term consequences [15]. This creates a vicious circle: substances are used to suppress stress and anxiety caused by uncertainty, but their use further destroys the ability to plan.

Dysfunctional beliefs that mythologize the effects of surfactants make the situation worse. In the prison subculture, there are narratives that idealize substances as a tool for "controlling emotions" or "a symbol of resistance". These beliefs reinforced by group dynamics transform its use into a ritual that constructs meaning in an existential vacuum [31]. For example, in some prisoner communities, the use of surfactants is associated with a demonstration of strength or belonging to a group, which enhances their symbolic value.

Emotional dysregulation aggravated by chronic stress is a key driver of addiction. Convicts with SUD are often diagnosed with clinically significant anxiety and symptoms of depression. Hyperactivation of the amygdala, responsible for processing fear and increased stress, is combined with a deficiency of neurotransmitters, which reduces tolerance to frustration. Impulsivity, as measured by deferred reward tests, is often elevated [32]. When alternative coping strategies (creativity, sports, communication) are limited, the following pathological loop is formed: distress provokes the use, which, in turn, deepens emotional instability.

Adaptive strategies in the prison environment are becoming paradoxical. The use of surfactants becomes not only a coping mechanism with individual stress, but also a tool for social integration. In conditions of deprivation of basic needs (safety, belonging), substances turn into social capital, the exchange for which strengthens the status in the hierarchy of the community. For example, access to surfactants can serve as a "currency" for obtaining protection or information, which institutionalizes their use as a norm.

These processes culminate in the formation of a dependent identity, such as a stable selfrepresentation that combines stigma ("I am an addict"), emotional fixation on surfactants, and the perception of sobriety as a threat to the social status [33]. Neuropsychologically, this is accompanied by a decrease in the activity of the medial prefrontal cortex, responsible for self-reflection [34], and hyperfunction of the insular lobe associated with bodily sensations and cravings. Such an identity is resistant to external influences, requiring a deep reconfiguration of self-narratives.

Social factors and their interaction with stress

Chronic stress is one of the key factors influencing the maintenance of addiction in convicts, but other factors also play a significant role and often interact with stress, exacerbating its effects. The social architecture of the prison system and post-release conditions catalyze addiction through stigmatization, institutional violence, social exclusion, and economic exclusion.

Social isolation caused by separation from family and friends is exacerbated by prison conditions and can lead to feelings of loneliness and hopelessness, thus increasing stress and promoting the use of surfactants as a way to cope with these emotions. Double marginalization as a "criminal" and a "drug addict" leads to systemic exclusion. So, after release, people could not find a job and accommodation. Feeling stressed, they return to the criminal environment. Within prisons, a hierarchy where dependence is associated with weakness restricts access to rehabilitation programs, perpetuating stigma.

Institutional violence (physical, psychological) is a powerful stressor correlating with increased addiction as a form of resistance or escape. In countries with repressive drug policies, overdose mortality after release is significantly higher than in regions with a medicosocial approach, which is partly associated with a loss of tolerance and stress of reintegration [35; 36]. "A culture of silence" where seeking help is perceived as betrayal blocks access to support and increases feelings of isolation. A lack of opportunities for education, work, and personal growth during and after incarceration makes person feel hopeless, which also leads to stress and addiction relapse.

Economic barriers reinforce the cycle of addiction: poverty, a lack of insurance and housing significantly increase stress and relapse risks. In the United States, a significant number of released people with substance use disorder become homeless in the first year [12; 13], they criminalize or take drugs as a survival strategy under stress.

Depression, anxiety, and post-traumatic stress disorder are common among prisoners (especially given the traumatic experiences of many of them) [9–11; 25] and can be both a cause and a consequence of addiction, as well as a contributing factor to its maintenance. A trauma-informed approach is important in this context [37]. Chronic stress significantly exacerbates the state of convicts. Thus, although social, economic, and related mental factors are important, chronic stress acts as a common denominator and amplifier that permeates all aspects of a prisoner's life and supports addiction.

Philosophical foundations: determinism, free will and ethics of responsibility

A philosophical analysis of addiction in the context of incarceration requires addressing fundamental issues of human agency, moral responsibility, and the nature of coercion. First, the contradiction between neurodeterminism and free will becomes particularly acute here. Proponents of determinism, relying on neuroscience data, argue that addictive behavior is caused by changes in the brain: decreased activity of the prefrontal cortex, dysfunction of the reward system, and epigenetic modifications [7; 28; 29]. In this paradigm, conviction for the use of surfactants becomes ethically problematic, similar to punishment for illness. However, this approach faces criticism from the existentialist tradition, which emphasizes that even under conditions of limitations, a person retains the ability to choose. As Sartre wrote, "we are condemned to be free", which in the context of prison means that a convict, despite external and internal restrictions, continues to be responsible for his/her actions.

Second, the discussion of moral responsibility touches on the ethical theories underlying penitentiary systems. Kant's deontology, which emphasizes duty and rational autonomy, justifies punishment as restoration of justice. However, if addiction deprives a person of rational control (due to prefrontal cortex dysfunction), then the punitive approach loses legitimacy. Bentham's utilitarianism offers the following alternative: punishment should be aimed not at retribution, but at preventing future harm through rehabilitation. This approach is consistent with evidence that harm reduction programs reduce recidivism more effectively than isolation [35].

Compatibilism, or "soft determinism", offers a synthesis of these positions. According to J. Fisher, even in conditions of biological predestination, a person retains "guiding control", the ability to respond to causes, which makes him\her morally responsible [38]. In the context of substance use disorder, this means that although neurochemical disorders limit freedom of choice, prisoners retain capacities for change in the presence of adequate incentives (therapy, education). For example, the use of naltrexone, which blocks opioid receptors, does not eliminate agency, but creates conditions for its implementation [5].

Neuroethics introduces new aspects to the discussion. P. Churchland's works emphasize that neurobiological data do not abolish morality, but require rethinking the criteria of responsibility [39]. If addiction is a chronic brain disease, then prison systems should focus on treatment rather than punishment [39]. This is consistent with the restorative justice model, where the focus shifts from isolation to reintegration, and dialogue between victim and perpetrator becomes a healing tool.

The historical context is also undoubtedly important: from Foucault's disciplinary institutions, where prison functions as a "normalization machine" [40], to modern concepts that consider it as a space for restoring human dignity. The philosophy of E. Levinas, which emphasizes the ethics of the "other", suggests considering prisoners not as objects of control, but as subjects whose vulnerability requires empathy and support [41].

In conclusion, the philosophical analysis demonstrates that addiction in conditions of incarceration is not just a clinical or legal problem, but an ethical challenge. A balance between responsibility and compassion can be achieved through the principle of proportionality: intervention should take into account both the degree of neurobiological limitations and the potential for agency restoration. This requires a transition from the binary logic of "guilt" and "punishment" to a comprehensive model integrating the achievements of neuroscience, ethics and social work.

Research results and discussion

The analysis revealed a set of interrelated factors that determine the sustainability of addiction in the prison system, with a special focus on the role of chronic stress. – Neurobiological and psychological aspects. It is revealed that neurobiological disorders (decreased D2 receptor density, hyperactivation of the amygdala, dysfunction of the prefrontal cortex) are aggravated by chronic stress characteristic of the prison environment. Epigenetic changes (hypermethylation of the DRD2 and COMT genes) create long-term recurrence risks. Psychological mechanisms such as learned helplessness, time perspective distortion, and emotional dysregulation are closely related to stress levels and form a vicious cycle of maladaptation and addiction maintenance.

- Key role of chronic stress. The analysis shows that chronic stress is not just one of the factors, but a central link reinforcing other determinants of addiction in convicts. It directly affects neurobiological pathways associated with cravings and relapse, exacerbates psychological vulnerability (anxiety, depression, impulsivity) and makes an individual more susceptible to negative social influences (stigma and isolation). Stress of incarceration can both initiate the use of surfactants as a coping mechanism and provoke breakdowns in individuals trying to maintain remission. It is the systemic and prolonged effects of stress in conditions of limited coping resources that explains its key role in maintaining dependence in this population, surpassing other individual factors in its integrating effect.

- Social factors and the need for comprehensive interventions. Social factors such as stigmatization, a lack of reintegration programs, and economic exclusion create an environment conducive to recidivism, especially under stress after release. The experience of countries implementing comprehensive support programs (education, employment, and accommodation) demonstrates a significant reduction in recidivism, confirming the importance of environmental modifications and the social component of rehabilitation.

- Effectiveness of interventions. An analysis of the literature confirms the effectiveness of integrated approaches. Psychological interventions such as cognitive behavioral therapy (CBT) and mindfulness practices have proven effective in reducing stress, cravings, and preventing relapses in prisoners. Social programs that include support after release, family involvement, mentoring, and active participation of social workers and volunteers play a critical role in successful reintegration and maintenance of remission. If necessary, pharmacotherapy is used.

Recommendations for the implementation of the psychological component of rehabilitation

To reduce chronic stress and improve remission outcomes in prisoners with addictions, it is advisable to include the following specific programs in the psychological component of the rehabilitation model:

- *CBT*: Increased access to individual and group CBT sessions tailored to prison conditions. Focus on identifying and changing negative thought patterns related to stress and addiction, and development of craving management skills. Use of the following techniques: keeping a thought diary, functional behavior analysis, cognitive restructuring, coping skills training, relapse prevention, self-control, and problem solution training.

 Mindfulness practices. Implementation of mindfulness-based programs, including meditation, yoga, and specialized protocols such as Mindfulness-Based Relapse Prevention (mindfulness practices with cognitive behavioral strategies, MBRP). These practices help reduce stress levels, improve emotional regulation, increase awareness of addiction triggers, and develop non-judgmental acceptance. MBRP protocols can be adapted to prison conditions.

- Support groups. Organization of regular support groups, including self-help and therapeutic groups under the guidance of psychologists. Provision of a safe space to share experiences, receive emotional support, and develop a sense of community.

- Trauma-informed approach. Integrating principles of a trauma-informed approach into all aspects of rehabilitation, given the high prevalence of trauma among prisoners with addictions. This includes staff training, injury screening, creating a safe environment, and the use of trauma-specific interventions. - Development of coping skills. Targeted training of prisoners in effective stress management strategies: relaxation techniques, self-regulation, problem solving, and self-esteem enhancement.

 Positive psychological interventions. Realization of programs for developing psychological well-being and personal strengths, which can improve psychological well-being in prison.

Recommendations for implementing the social component of rehabilitation

The implementation of a social component to improve remission outcomes of dependent convicts may include the following actions, programs, and agents of influence:

- Release support programs. Development of comprehensive programs for ensuring continuous support during the transition from prison to society. They include assistance in finding stable accommodation and a job, access to medical (including treatment for addiction and mental disorders) and social services, and reissuance of documents. Examples: the Salvation Army's Pathway Forward Program, the University of North Carolina's FIT Program.

- Family involvement. Integration of family members into the rehabilitation process (with the consent of the convicted person). Providing family therapy, training, and support groups for relatives in order to improve relationships, reduce stress in the family, and create a supportive home environment for recovery.

– *Mentoring programs*. Creation and support of programs where successfully rehabilitated former prisoners (mentors) provide practical and emotional support to those released. Mentoring promotes social integration, gives hope, and reduces feelings of isolation and relapse risks.

- Educational and professional programs. Expanding access to high-quality educational (including basic and higher education) and professional programs (vocational training in sought-after specialties) both during imprisonment and after release. This increases selfesteem, competitiveness in the labor market, reduces economic stress and relapse risks.

- Agents of influence:

Social workers: strengthening the role of social workers in penitentiary institutions and

probation services. They coordinate reintegration planning, connect with the necessary resources, provide psychosocial support, and help navigate the social services system.

Volunteers: attracting trained community volunteers (including recovering addicts) to provide informal support and conduct recreational activities, and self-help groups.

Mutual aid groups: providing access and support for the functioning of alcoholics anonymous and narcotics anonymous groups both within institutions and in the community after release.

Community organizations: cooperation with NGOs and religious organizations that provide reintegration services (housing, food, legal aid, and support groups).

Conclusions

Based on the analysis, it can be concluded that effective rehabilitation of people with substance use disorders in the penitentiary system requires a multi-level approach integrating the achievements of neuroscience, psychology and social work and focusing on managing chronic stress.

1. Recognizing the key role of stress. It is necessary to recognize that chronic stress is a central factor supporting addiction in convicts and to make its reduction and management a priority task of rehabilitation programs.

2. Integration of the biological component. Neurobiological consequences of chronic stress should be considered. If necessary, use pharmacotherapy (for example, naltrexone to reduce cravings for opioid addiction) and methods that stimulate neuroplasticity.

3. Implementation of comprehensive psychological programs. It is necessary to ensure broad access to evidence-based psychological interventions, such as cognitive behavioral therapy and mindfulness practices adapted to prison conditions and aimed at developing stress coping skills. It is possible to integrate a trauma-informed approach into all aspects of psychological care.

4. Development of the social component and long-time support. The key condition is transformation of the environment and support after release. It is necessary to work out reintegration programs (housing, work, and education), strengthen social ties (family, mentoring), and actively involve social workers and volunteers. It is important to ensure a "seamless" transition and continuity of treatment and support after release.

5. *Multi-level approach*. Successful rehabilitation is possible only with the synthesis of three components:

 biological (pharmacological and non-pharmacological correction of neurochemical dysfunctions caused by addiction and stress);

 psychological (formation of adaptive patterns of thinking, behavior and coping with stress); social (creating a supportive environment and conditions for reintegration that eliminate stigma and marginalization).

This approach is not only consistent with the principles of evidence-based medicine and the best international practices [42], but also responds to the ethical challenges associated with the problem of addiction in prison, offering a way to restore human and social capital. The implementation of these recommendations will make it possible to create a more effective and humane rehabilitation system that helps reduce stress levels, prevent relapses of addiction, and successfully reintegrate convicts into society.

REFERENCES

1. World Drug Report 2024. *United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)*. 2024. Available at: https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html (accessed April 20, 2025).

2. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2023. *Gosudarstvennyi antinar-koticheskii komitet* [State Anti-Drug Committee]. 2023. Available at: https://media.mvd.ru/files/embed/6440403 (In Russ.) (Accessed April 20, 2025).

3. Iskandarov R.R. Psychoactive substances as a factor in committing violent crimes: the current state of the problem. *Narkologiya* = *Narcology*, 2024, no. 23 (1), pp. 42–45.

4. Brief description of the crime situation in 2024. *MVD Rossii* [The Ministry of the Interior of Russia]. 2024. Available at: https://mvd.rf/reports/index/ (In Russ.). (Accessed April 20, 2025).

5. Chandler R.K., Fletcher B.W., Volkow N.D. Treating drug abuse and addiction in the criminal justice system: improving public health and safety. *JAMA*, 2009, vol. 301, no. 2, pp. 183–190.

6. McEwen B.S. Neurobiological and systemic effects of chronic stress. *Chronic Stress (Thousand Oaks)*, 2017, vol. 1, art. 2470547017692328.

7. Volkow N.D., Fowler D.S., Wang G.D. Neurobiologic advances from the brain disease model of addiction. *The New England Journal of Medicine*, 2016, vol. 374, no. 4, pp. 363–371.

8. Goomany A., Dickinson T. The influence of prison climate on the mental health of adult prisoners: a literature review. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 2015, vol. 22, no. 6, pp. 413–422.

9. Brinded P.M. et al. Prevalence of psychiatric disorders in New Zealand prisons: a national study. *The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2001, vol. 35, pp. 166–173.

10. Brugha T. et al. Psychosis in the community and in prisons: a report from the British National Survey of psychiatric morbidity. *The American Journal of Psychiatry*, 2005, vol. 162, pp. 774–780. (In Russ.).

11. Schnittker J., Massoglia M., Uggen C. Out and down: incarceration and psychiatric disorders. *Journal of Health and Social Behavior*, 2012, vol. 53, no. 4, pp. 448–464.

12. Baker O. et al. Experience delivering an integrated service model to people with criminal justice system involvement and housing insecurity. *BMC Public Health*, 2023, vol. 23, art. 222.

13. Morenoff J.D., Harding D.J. Incarceration, prisoner reentry, and communities. *Annual Review of Sociology*, 2014, vol. 40, pp. 411–429.

14. Seligman M.E. Learned helplessness. *Annual Review of Medicine*, 1972, vol. 23, pp. 407–412. 15. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1,271–1,288.

16. Crewe B. *The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. Oxford, 2012. 528 p.

17. Ansah E.W. et al. Assessing stress levels, predictors and management strategies of inmates at Ankaful Prison Complex in the central region, Ghana. *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, no. 3, p. 201.

18. Edgemon T.G., Clay-Warner J. Inmate mental health and the pains of imprisonment. *Society and Mental Health*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 33–50.

19. Lindquist C.H., Lindquist C.A. Gender differences in distress: mental health consequences of environmental stress among jail inmates. *Behavioral Sciences & the Law*, 1997, vol. 15, no. 4, pp. 503–523.

20. Palmer E.J., Connelly R. Depression, hopelessness and suicide ideation among vulnerable prisoners. *Criminal Behaviour and Mental Health: CBMH*, 2005, vol. 15, no. 3, pp. 164–170.

21. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychology*, 2022, vol. 10, art. 185.

22. Evans G. W. The built environment and mental health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 2003, vol. 80, pp. 536–555.

23. Nurse J., Woodcock P., Ormsby J. Influence of environmental factors on mental health within prisons: focus group study. *BMJ*, 2003, vol. 327, no. 7,413, pp. 480.

24. Boxer P., Middlemass K., Delorenzo T. Exposure to violent crime during incarceration: effects on psychological adjustment following release. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 36, no. 8, pp. 793–807.

25. Piper A., Berle D. The association between trauma experienced during incarceration and PTSD outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2019, vol. 30, no. 5, pp. 854–875.

26. Andersen H.S. et al. A longitudinal study of prisoners on remand: psychiatric prevalence, incidence and psychopathology in solitary vs. non-solitary confinement. *Acta psychiatrica Scandinavica*, 2000, vol. 102, N 1. p. 19–25.

27. Vyalova N.M., Levchuk L.A. The role of BDNF in the development of depressive disorders. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Fundamental Research*, 2014, no. 10–4, pp. 771–775. (In Russ.).

28. Andersen A.M. et al. Current and future prospects for epigenetic biomarkers of substance use disorders. *Genes (Basel)*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 991–1,022.

29. Bohacek J., Mansuy I.M. Molecular insights into transgenerational non-genetic inheritance of acquired behaviours. *Nature Reviews Genetics*, 2015, vol. 16, no. 11, pp. 641–652.

30. Tanabe J. et al. Prefrontal cortex activity is reduced in gambling and nongambling substance users during decision-making. *Human Brain Mapping*, 2007, vol. 28, no. 12, pp. 1,276–1,286.

31. Zika S., Chamberlain K. On the relation between meaning in life and psychological well-being. *British Journal of Psychology*, 1992, vol. 83, pp. 133–145.

32. Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling. *Behavioural Pharmacology*, 2006, vol. 17, no. 8, pp. 651–667.

33. D'yakov D.G., Zhuk N. N., Malakhovskaya E. S. Self-identification of patients suffering from mental and behavioral disorders due to the use of different types of psychoactive substances: comparative analyses. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2016, no. 59, pp. 85–107. (In Russ.).

34. Nejad A.B., Fossati P., Lemogne C. Self-referential processing, rumination, and cortical midline structures in major depression. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, vol. 7, art. 666.

35. Degenhardt L. et al. Global patterns of opioid use and dependence: harms to populations, interventions, and future action. *Lancet*, 2019, vol. 394, pp. 1,560–1,579.

36. lacobucci G. Prisoners die from natural causes 20 years earlier than the general population, finds review. *BMJ*, 2024, vol. 384, pp. 198.

37. Trauma-informed care in behavioral health services. *Center for Substance Abuse Treatment (US). Rockville (MD): Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US).* 2014.
38. Fischer J. *Deep Control: Essays on Free Will and Value*, Oxford, 2012. 243 p.

39. Cassaghi D. Patricia S. Churchland – Braintrust. What Neuroscience Tells Us About Morality. *Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior*, 2012, vol. 3, p. 10.

40. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris, 1975. 328 p. (In French).

41. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected works. Totality and the Infinite]. Moscow; Saint Petersburg, 2000. 416 p.

42. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychol*, 2022, vol. 10, art. 185.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROBERT R. ISKANDAROV – Candidate of Sciences (Medicine), Senior Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7277-7693

Received April 4, 2025

PEDAGOGY

Original article UDC 37 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010

On Functioning of the Mentoring Institution in the Penitentiary System: the View of Employees

ALEKSANDR A. EFIMENKO

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0589-1116

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3559-6524

Abstract

Introduction: the article attempts to update a number of problematic issues related to the functioning of the mentoring institution in facilities and bodies executing criminal penalties. In the context of educational work carried out with the staff of the penitentiary department, the goals and objectives of mentoring activities are determined. Attention is focused on regulatory and social components of the mentoring process and the variety of functions performed. It is stated that mentoring is an important and effective tool that contributes to the optimal adaptation process of young professionals to the conditions of modern penitentiary activities. Purpose: to identify problematic areas of activity of the mentoring institution in the penitentiary system at the present stage and to determine the effectiveness of the work carried out by means of a comprehensive assessment of mentor-mentee relationships. *Methods*: a method of literary sources analysis, a psychological communicative method, and a survey. The survey covered 542 people divided into two focus groups. Results: when implementing mentoring activities, it is important to combine organizational, legal, social, psychological and pedagogical factors. It is established that discipline, sociability, legal erudition, and willingness to teach are of paramount importance for mentors. It is revealed that practice-focused lessons, monitoring of the execution of service duties, regular individual conversations are the most effective forms of mentoring. It is determined that the effectiveness of the mentor-mentee relationship depends on a rational model of official behavior based on a practice-oriented approach to a young employee. Some ways of increasing the role of the mentoring institution in the penal system are proposed. Conclusion: it is stated that in modern realities,

[©] Efimenko A.A., Pisarev O.M., 2025

the mentoring institution plays an important role in solving problems related to the personnel and organizational aspects of professional activity in the penal system. It is determined that the integration of administrative, social, psychological, pedagogical and methodological components in the implementation of mentoring activities makes it possible to form an effective mentor-mentee interaction model. This will significantly increase capacities of educational work with staff, based on key principles of supporting professional continuity and strengthening service traditions.

Keywords: penal system employee, educational work, mentoring institution, mentor, mentee, professional activity, professional development.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Efimenko A.A., Pisarev O.M. On functioning of the mentoring institution in the penitentiary system: the view of employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, np. 2 (70), pp. 200–208. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010.

Introduction

Nowadays, the improvement of the quality of training specialists working in institutions and bodies executing criminal penalties is one of the vectors to develop the penitentiary system of the Russian Federation [1]. The current work in this area assumes coordinated actions of officials in ensuring a differentiated approach to various categories of employees. Annually, a significant number of young employees begin their service in the penitentiary system, with whom a fairly extensive range of various activities is carried out, including those related to state-political (socio-political), spiritual, moral and patriotic education [2]. In this regard, an important role is assigned to the training of penitentiary specialists, which is a purposeful process aimed at the systematic acquisition of professional competencies necessary for the effective performance of tasks assigned to the penitentiary system. This activity is defined by the order of the Federal Penitentiary Service of Russia of June 13, 2023 "On approval of the procedure for organizing personnel training to fill positions in the penal system of the Russian Federation" and focused on maintaining a highly professional staff capable of solving the tasks the Federal Penitentiary Service faces. To achieve this goal, it is necessary to consider organizational, social and psychological problems, particularly, the mentoring institution [3], defined as an important, practice-oriented element of an integrated training system in the penal system at the stage of vocational training and education [4]. A number of researchers believe that the active use of the mentoring system helps achieve staff consistency. At the same time, the mentoring system should have a certain degree of attractiveness for mentors, as well as the ability to give an objective assessment of mentee's achievements [5].

Mentoring in institutions and bodies of the penal system is carried out in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On service in the penal system of the Russian Federation", orders of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 948 of December 30, 2022 "On approval of the Concept of educational work with employees of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030", No. 535 of July 17, 2024 "On approval of the Procedure for organizing personnel work, including educational work, in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation", No. 851 of December 5, 2024 "On approval of the Procedure for organizing individual training of an employee of the penal system of the Russian Federation who has been transferred to a higher, equivalent or lower position in the penal system of the Russian Federation corresponding to a different functional purpose or activity area", No. 5 of January 13, 2025 "On approval of the Procedure for organizing individual training of an employee of the penal system of the Russian Federation, studying his/her personal and business qualities and the Procedure for evaluating results of the individual training of an employee of the penal system of the Russian Federation who has passed the test", as well as other local regulations of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Mentoring is an important and integral part of educational work in the penal systems defined by the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 535 of June 17, 2024 as a complex of information and propaganda, individual psychological, legal, socio-economic, moral and ethical, cultural and leisure, sports, mass and other activities aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values, as well as preventing violations of official discipline. Mentoring is one of the most important activities of work with employees of penitentiary institutions and bodies. This underlines the importance of the existing regulatory framework in the context of the issue under consideration [6].

The institution of mentoring assumes the transfer of knowledge and skills from more qualified persons to less qualified ones, as well as the provision of assistance in their professional formation understood as "a process of directed and regular development and selfdevelopment of the individual, identification of his/her place in the world of professions, his/ her realization in the profession and self-actualization of persons capacities and skills [7]. It is also necessary to focus on the social component of mentoring, since this type of activity is characterized by a number of social functions, each of which has a certain instrumental characteristic (integrative, reproducing, regulatory, communicative, humanistic, cultural, socio-political, socializing) [8].

Thus, at the current stage of the penitentiary system development, mentoring is one of the important and effective tools for adapting young professionals to prison conditions and performing official duties in strict accordance with current legislation, as well as preserving and developing professional traditions in their work.

The empirical part

To study effectiveness of the mentoring institution, as well as to determine its significance and relevance at the current stage of the penitentiary system development, we conducted an empirical study at the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service in the period from September 2023 to October 2024. The survey covered 542 people employees undergoing training (vocational education, professional retraining, and advanced training) at the institute.

The theoretical basis of the research was the method of analyzing regulatory and literary sources. It helped get a complete and detailed picture of the current situation in this area

As for the empirical part of the study, we developed a questionnaire with 21 closed and open-ended questions structured in 2 blocks. The first block is devoted to socio-demographic and professional data of the interviewed respondents, while the second one – employees' opinions, views and ideas about the organization and implementation of mentoring activities in the institutions and bodies of the penal system.

It was suggested that the effectiveness of individual training of young employees depended on the functioning of a specific model in the "mentor – mentee" relationship dyad. Its significant components are social (joining a new social group), professional (mentors' expertise), moral and psychological aspects (emotional state of participants in the educational process, ethical responsibility for the result of work, and formation of a positive professional behavior model).

To conduct the survey and further process the results, the respondents were divided into two focus groups based on their existing professional experience in the penitentiary system.

Focus group 1 – penal system employees undergoing training under the educational program "Vocational training for citizens first recruited to the penal system (persons with up to one year of service in the penal system) – 248 people.

Focus Group 2 – penal system employees with at least 1 year of service experience. This group includes employees of security departments of correctional facilities, regime departments of pre-trial detention facilities, operational departments of correctional facilities and pre-trial detention facilities, heads of squads of correctional facilities, employees of psychological laboratories of correctional facilities and pre-trial detention facilities, employees of personnel departments of institutions and bodies of the penal system, employees of security and convoy departments – 294 people. The study of a personality traditionally begins with socio-demographic characteristics. Using these indicators in relation to one group (subgroup) helps create an average portrait of a personality. Due to developments in psychology and pedagogy, characteristics of employees of different genders, ages, educational levels, etc. can be used in professional activities when setting and solving specific official tasks.

The analysis of the study sample indicates a relatively equal proportion of female (46%) and male employees (54%) in the target group of people with up to one year of service in the penal system (Focus Group 1). In Focus Group 2, male employees (71.4%) comprise a significant majority of the group; the proportion of women is 28.6%.

All Focus Group 1 members are in the under-45 age group. The majority of them are young people aged 18-25 (46.8%), aged 25-30 (24.2%), aged 30-35 (19.3%), 35-40 (4.8%), and 40-45 years (4.8%).

As for Focus Group 2, the differentiation of respondents by age is as follows: from 18 to 25 years – 6.1%; from 25 to 30 years – 13.9%; from 30 to 35 years – 37.1%; from 35 to 40 years – 25.9%; from 40 to 45 years – 16.3%; over 45 years – 7.5%.

The respondents of Focus Group 1 have higher (41.9% of the respondents), secondary specialized (30.6%), secondary vocational (23.4%), and secondary education (4.1%). Higher education has an overwhelming number of employees representing Focus Group 2 (89.1%). This is followed by employees with secondary specialized (8.8%) and secondary vocational education (5.1%).

The service experience of Focus Group 1 representatives is up to 1 year. In Focus Group 2, the variability of service experience is as follows: 2% – persons with service experience up to 1 year made up; 17.7% – from 1 year to 5 years; 24.8% – from 5 to 10 years; 27.6% – from 10 to 15 years; 18.4% – from 15 to 20 years; 9.2% – over 20 years.

Thus, the analysis of socio-demographic data allowed us to make an approximate portrait of the mentee. This is a young person (man or woman) who took service in the penitentiary system at the age of 30 and, in most cases, has higher education. The portrait of the mentor is as follows: a man aged 25–45, having higher education and service experience of 10 to 20 years.

The Concept for the Development of the Penal System up to 2030 requires penal system employees to know normative legal acts of the state penitentiary policy. Therefore, the mentor and the mentee should closely interact in matters of the analysis and generalization of regulatory legal acts related to execution of sentences.

It is important to acquaint the mentee with other employees of the institution. According to the respondents of both focus groups, their mentor introduced them on their first day of work to employees of the department (37%) and to other colleagues to work with on a regular basis (29.2%). Thirteen percent of the respondents of Focus Group 1 and nine percent of the respondents of Focus Group 2 were not introduced by their mentor.

There is no doubt that the formation of knowledge, views, beliefs, values, legal attitudes and feelings towards the existing penitentiary reality requires constant contact between various departments and services of the correctional institution that ensure compliance with the order and conditions of serving sentences, as well as the effective use of means of correction of convicts.

A fundamental role in professional activity is played by the mentor's ability to give correct answers to the questions of the mentee and to apply regulatory legal acts.

According to 63% of the respondents in Focus Group 1 and 50.4% of the respondents in Focus Group 2, their mentors gave complete answers to their questions.

About a half of the respondents (48.3%) in Focus Group 1 emphasized that the mentor had given feedback on the results of the work every time after completing the task, clarifying the correctness and inaccuracy of certain actions in the areas of professional activity.

In Focus Group 2 this indicator amounted to 58.6%. A fairly large number of the respondents in both focus groups, 29% and 21%, respectively, indicated that the results of their work had been summarized once a week, regardless of the end of the assignment.

The results show that it is extremely important for the mentor to take into account individual psychological characteristics of mentees, whose activities are rather contradictory in nature. They, on the one hand, imply correction and re-socialization of convicts and, on the other, control over their behavior, fulfillment of their duties, restrictions and prohibitions, and the threat to their own safety.

We emphasize that the initiative of communication equally came from both the mentor and the mentee (50% to 50%, depending on the initiator of communication). In this context, this figure was 53.2% in Focus Group 1 and 51.7% in Focus Group 2.

Practical research shows that creating an atmosphere of trust and mutual understanding in a team is achieved through communication [9]. Managers who listen to opinions and views of their subordinates on a particular situation have a clearly structured professional activity. In this regard, the mentors' productivity increases and they pay more attention to the mentees.

According to the respondents of Focus Group 1, the results of mentoring are manifested in the effective fulfillment of specific assignments by the mentee (30.6%) and in the formation of the mentees independence (30.6%). In turn, the respondents of Focus Group 2 (35%) mostly note the mentors' positive motivation to serve. The mentor should observe the "golden mean", on the one hand, choosing effective legal ways and methods of motivating mentees and, on the other hand, creating conditions for self-development of the mentee.

The vast majority of the employees in Focus Group 1 (92%) have no experience as a mentor; 56.8% of the respondents in Focus Group 2 have such experience. This is due to the fact that Focus Group 1 includes employees with up to 1 year of service experience.

The next significant indicator characterizing the effectiveness of the mentoring institution is the mentors' training level [10]. The respondents were asked to indicate a list of professional skills that, in their opinion, the mentor should possess. It should be noted that the classical mentoring model implies that the mentor is not part of the administrative hierarchy built above the mentee. This is, first of all, "an older comrade with greater knowledge and experience" [11]. Young employees (Focus Group 1) identified the following priorities: extensive practical experience, professionalism in their field (37.1% of the respondents consider this skill to be paramount in their mentor), pronounced organizational qualities (methodic approach, ability to plan clearly, discipline, and punctuality) (24.8%), competence, which consists in the knowledge regulatory framework (21%), and responsibility (13.1%). Such qualities as mutual assistance, prudence, and decency were considered insignificant (1.1% each).

A slightly different picture is observed among the respondents of Focus Group 2. They identified the following significant qualities contributing to the successful and effective implementation of mentoring activities: extensive practical experience, professionalism in their field (42.5% of the respondents noted it as the most significant), sociability (27.9% of the respondents ranged it first), knowledge of regulatory documents regulating official activity (25.2%), and responsibility (22.7%). Qualities, such as self-development (1.4% of the respondents ranked it last), the ability to optimize their work (1%), software proficiency, psychological skills, and maintaining a neat appearance (0.7% each) were considered not particularly important. So, there are certain differences in views between young and experienced employees regarding significant gualities that the mentor should possess. However, both sides are generally unanimous in the opinion that the defining quality that will definitely contribute to the successful implementation of mentoring activities is the high level of qualification of the employee responsible for this type of work.

As for qualities that the respondents of Focus Group 1 (30.6%) find important for the mentee, they are of volitional and motivational character (determination, perseverance, desire to work, and interest in further professional activity). Besides, 19.3% of the young employees believe that they should also strive to gain new knowledge in the penitentiary sphere and take the initiative in this matter. Communication qualities (openness in contacts, ability to work and communicate in a team, and friendliness) ranked third (14.5%). Young employees mention areas related to education, literacy, erudition, and the opportunity to work in a well-coordinated team and discuss current issues and find the most effective ways to solve them. According to young employees, the least important qualities of the mentee are self-control, courage (determination), initiative, self-development, and honesty (each of these qualities scored less than 3%).

A similar pattern is observed when analyzing the responses of participants of Focus Group 2. The first place is occupied by qualities related to the volitional and motivational sphere (determination, learning ability, desire to work, hard work, perseverance, motivation, and interest in the results of their activities); 32% of the respondents indicated this. Communication skills are in second place (23.8%). Responsibility (current employees understand it as the willingness to perform functional duties in the best possible way, taking into account the consequences that a person's decisions or actions may entail and the ability to make decisions in difficult situations not only for themselves, but also for their colleagues) gained 18.3%. At the same time, gualities such as emotional intelligence, striving for career growth, determination, and patriotism are least relevant for mentoring (the total figure was 5.1%). We can say that employees who act as mentors in institutions and bodies of the penitentiary system, in one way or another, analyze the compliance of mentees with those qualities that should be part of the adaptation process in line with their professional activities [12].

One of the questions in the questionnaire concerned the type of information that the mentor needs to convey to his/her mentee. As is known, the availability of objective information in the process of penitentiary activity allows employees to get a complete picture of the current operational situation in the institution, as well as its competent assessment, which, in turn, contributes to a faster professional adaptation of a young employee to service conditions [13]. Focus Group 1 respondents consider knowledge of laws, other regulatory legal acts, and documents regulating official activities in institutions and bodies executing criminal penalties as the most significant information (25.8% of the respondents). It is followed by obtaining information about the specifics of their service in general, as well as functional responsibilities of their position (16.1%). It is also important for them to understand the basics and specifics of the department (work schedule) in which they serve, information regarding the structuring of work and working hours (14.5%). The least significant information, according to the respondents of Group 1, is related to actions (algorithm development) in case of emergency, extreme

situations, existing customs and traditions in the service team, as well as information revealing the ethics of official behavior and corporate etiquette in a professional group (the relevance of obtaining this information was only 1.6%).

As for current employees with extensive service experience, they primarily believe that the mentor needs knowledge that will help clarify all the nuances related to activities of the specific structural unit (21.7% of the respondents in Focus Group 2 put this indicator in the first place). It was followed by the information related to legal documents defining modern penal policy (20.6%) and functional responsibilities of a young employee (16.5%). We would like to draw attention to the fact that employees who are ready to act as mentors should pay attention to the specifics of interaction with convicts and persons in custody (11.8%), including giving examples from their practical activities, as well as introducing young employees to colleagues (for example, exchange contact information) - 10.8%. Information related to ethics of official conduct, as well as general cultural development, is the least relevant for mentors (only 3.4% of the respondents indicated its importance).

The problem area related to determining the most effective forms of work with mentees deserves attention. Young employees identified practical exercises with imitation of performance of official tasks, as well as execution of official assignments in the field of activity (24.2%) as priorities. The second place in terms of importance was taken by mentors' conversations with mentees (17.7%). Young employees emphasize the necessity of receiving information about the operational situation in the institution as a whole and the situation in a particular department, in particular, prompt consultations on various current issues arising in their professional activities, and individual assistance (12.9%). The respondents of Focus Group 1 attributed the use of audio and video methods during mentoring, as well as the organization of leisure activities off-duty, to the least effective forms of work (these forms scored less than 2%).

A different situation is observed in Focus Group 2. For example, the staff considers it important to talk with their mentees and clarify the specifics of service in this penitentiary institution and responsibilities of their position (this factor is the most significant and relevant for 29.3% of the respondents). Solving practical tasks by a young employee also seems to be an important form of the mentor-mentee work (23.1%). What is more, the representatives of this focus group pay attention to the mentors' behavior patterns and the experience of the most qualified employees, as well as veterans of the penal system (16.3%). As for ineffective forms of work, the respondents of Focus Group 2 also attributed to them the use of audio and video methods in working with a sponsor, as well as various activities aimed at improving the cultural and educational level of young employees during off-duty hours (2.8%).

In conclusion, the surveyed were asked to work out recommendations that could have a positive effect on mentoring activities. Unfortunately, 82.9% of the respondents of Focus Group 1 and 69.4% of Focus Group 2 ignored this question. Nevertheless, the rest proposed some ways to enhance the role of the mentoring institution, which can be presented by the following groups:

- material and financial component (elaboration of the issue related to additional payment for mentoring activities, financial incentives, and rewards for specific achievements). More than 70% of the respondents paid attention to the importance of this component;

 time factor (allocation of time for mentoring to work directly with the mentee, exercising constant control over the mentee, constant contact with him/her, preventing the reduction of the established mentoring period in case the young employee has any problems during the service);

 psychological aspect associated with taking into account individual psychological characteristics of the mentees' personality, with the subsequent development of an algorithm for individual work with him/her (including in close contact with the psychological service);

– assessment of the social and professional concept of professional activity related to the appointment of the most experienced and responsible employees as mentors, formation of a corporate culture in the mentor-mentee relationship system, conducting skill lessons, training sessions for mentors to share experiences and solve pressing problems in this area.

Conclusion

The analysis of the data obtained allows us to conclude that the institution of mentoring is highly effective in solving a number of organizational and personnel problems, such as a lack of professional knowledge and experience, difficulties in the social and service sphere, presence of adaptation obstacles in a particular service unit, insufficient motivation, and a lack of strong reliance on established professional traditions.

It is found out that when carrying out mentoring activities, one should take into account a complex of organizational, legal, social, psychological and pedagogical components. They include the assessment of individual psychological characteristics of mentors and mentees, the mentors' training level and the tools available to disseminate professional experience and knowledge, as well as the search and implementation of new methods of their translation into professional activities, and determination of the motivation level.

In the process of carrying out individual work, it is important to build and further maintain constant communication. It is determined that a special role in this area of interaction belongs to the mentor, who is obliged to competently interpret to the young employee the concepts and norms of legislative acts in the field of the execution of criminal penalties, explain nuances and give practical examples of the performance of official tasks in penitentiary practice, answer mentees' questions, and provide other relevant information with regard to the current operational security situation. It is important to support the initiative of the young employee helping him/her to form and develop necessary professional qualities, such as single-mindedness and goal-orientation, diligence, determination, perseverance, and striving for success.

It is stated that in the context of increasing the role of the mentoring institution in the penal system, it is advisable to take into account a combination of diverse, but at the same time interrelated elements (administrative decisions in terms of both material and non-material incentives for mentors, building an effective model of interaction with interested service units during individual training, organization and implementation of appropriate methodological work in this area). Based on the empirical data obtained, it seems advisable to develop methodological practice-oriented recommendations. They will help the mentor to determine the most effective ways of work with the mentee with regard to the specifics of service conditions and capacities of the young employee. The results of the study show that mentoring is a two-way process in which it is important to comply with the fundamental condition that the mentor is ready, has the opportunity and creates the necessary environment for the dissemination of his/her professional experience, and the mentee has all the necessary conditions to learn from this experience. This will contribute to the fastest professional development of a young specialist in the field of penitentiary activities.

REFERENCES

1. Pisarev O.M. Actual issues of training in the profiling of penal system employees in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *VII Pedagogicheskie chteniya, pos-vyashchennye pamyati professora S.I. Zlobinas: sb. materialov: v 3 tomakh, Perm, 5–7 oktyabrya 2021 goda. Tom 3* [VII Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: collection of materials: in 3 volumes, Perm, October 5–7, 2021. Volume 3]. Perm, 2021. Pp. 103–106. (In Russ.).

2. Fadeeva S.A., Mukhin M.I., Ugryumov Yu.M. et al. *Gosudarstvenno-politicheskoe, dukhovno-nravstvennoe i patrioticheskoe vospitanie rabotnikov molodezhnogo vozrasta: metod. rekomen-datsii* [State-political, spiritual, moral and patriotic education of youth workers: methodological recommendations]. Moscow, 2024. 45 p.

3. Organizatsiya nastavnicheskoi deyatelnosti v FKOU VO Kuzbasskii institut FSIN Rossii: metod. rekomendatsii [Organization of mentoring activities at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: methodological recommendations]. Comp. by Shubnikova N.G., Tagirova N.M., Ivashko N.N. Ed. by Tumanov A.B. Novokuznetsk, 2017. 46 p.

4. Erofeeva M.A., Lebedev M.V. *Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professionalnogo nastavnichestva: monogr.* [Formation of communicative and pedagogical competence in employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024. 160 p.

5. Apakhova V.M., Vatoropin A.S. Functions and features of mentoring in personnel adaptation of the penal system. *Siberian Socium*, 2021, vol. 5, no. 4 (18), pp. 63–74. (In Russ.).

6. Filippova T.V. Factors influencing the development of pedagogical support for mentoring in correctional institutions. In: *Osoznanie Kultury – zalog obnovleniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva: materialy XXII Vseros. nauch.-prakt. konf., Sevastopol, 16–17 aprelya 2021 goda* [Awareness of culture is the key to the renewal of society. Prospects for the development of modern society: proceedings of the XXII All-Russian research-to-practice conference, Sevastopol, April 16–17, 2021]. Sevastopol, 2021. Pp. 117–119. (In Russ.).

7. Chugunova Yu.S., Matveenko V.E. *Professionalnoe stanovlenie sotrudnikov UIS: dukhovno-nravstvenyi aspekt: monogr.* [Professional development of UIS staff: spiritual and moral aspect: monograph]. Ryazan, 2013. 173 p.

8. Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Methodological foundations for developing the mentoring institution in law enforcement agencies. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 449–458. (In Russ.).

9. Erofeeva M.A., Lebedev M.V. Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professionalnogo nastavnichestva: monogr. [Formation of communicative and pedagogical competence among employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024.160 p.

10. Drozdova E.A., Aksenova A.V. Institute of mentoring in the penal enforcement system: social and legal aspect. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 4, pp. 253–255. (In Russ.).

11. Mel'nikova M.V. Problem issues of mentoring in the prison system. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovanii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management, 2019, no. 4(8), pp. 58–67. (In Russ.). 12. Anfinogenov V.A. Certain aspects of the social adaptation of young employees in the service of institutions and bodies of the penal system. <i>Probely v rossiiskom zakonodatelstv = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 4, pp. 306–308. (In Russ.).

13. Nurbaev M.S., Mishustin S.P. *Organizatsionno-pravovoe obespechenie nastavnichestva v rabote s kadrami ugolovno-ispolnitelnoi sistemy: ucheb.-metod. posobie* [Organizational and legal support for mentoring in working with personnel of the penal correction system: educational and methodological guide]. Samara, 2015. 58 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDR A. EFIMENKO – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the Department of Organization of the Execution of Sentences of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@ yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0589-1116

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Personnel, Social, Psychological and Educational Work Organization of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-3559-6524

Received January 21, 2025

Original article UDC 377 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011

Optimizing Professional Training of Penal System Employees

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia elvira-song@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1334-2654

Abstract

Introduction: the article deals with the problem of improving the professional level of penal system employees and optimizing their professional training. In this regard, one of the priorities of the Federal Penitentiary Service of Russia should be to support its specialists at all stages of their official activities, which involves both fundamental training and a practice-oriented approach with the effect of immersion in official activities, professional development of employees. The article presents a pilot professional training program for citizens first recruited to the penal system that includes the use of digital educational technologies, training workplaces, training grounds, training work routes, etc., implemented by highly qualified practice-oriented teaching staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Purpose: obtaining objective information about the level of training of employees in the framework of vocational training (initial training) for further optimization of the educational process and improvement of the learning process quality. Methods: a review and analytical method consisting in the theoretical analysis of scientific sources on the subject of research; an empirical method including employee questionnaires; analysis of primary statistics data; a method of generalization and comparison. *Results:* according to the results of the study, the average score in the pilot group amounted to 4.41, which is 1.14 points higher than the entry control level. At the same time, the average score in the control group amounted to 3.68, which exceeds the entry control level by only 0.66 points. When taking a final exam, the experimental group participants, as a rule, had no problems with either the theoretical or practical part of the qualification exam, while sometimes inaccuracies in the wording were allowed. Solution of situational problems did not cause great difficulties. The control group participants showed an average level of knowledge in the theoretical part, while the practical part of the qualification exam caused difficulties for most of them; only 17.6% of the surveyed succeeded in it. In addition, the analysis of the assessment of the professional activity of a young penal system employee shows that those who were part of the experimental group received higher ratings from managers than those who were part of the control group. In this regard, during practical training, it is necessary to widely apply both active and interactive teaching methods based on modeling situations of official activity and developing skills and abilities to solve certain professional tasks in conditions as close as possible to real conditions of service. *Conclusions*: the implementation of an experimental professional training program for citizens first recruited to the penitentiary system with a differentiated approach allows us to determine

[©] Zautorova E.V., 2025

210

necessary conditions for optimizing professional training of penitentiary staff, which will contribute to improving their professional level and effectiveness of their official activities in the penitentiary system.

Keywords: penal system; correctional institutions; educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia; employees; vocational training; experimental program; optimization of vocational training.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Zautorova E.V. Optimizing professional training of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 209–217. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011.

Introduction

The development of the penal system of the Russian Federation has a direct impact on the personnel competence level and their training for the penitentiary system. The specifics of service in the Federal Penitentiary Service is related to the ever-increasing demands on personal and professional qualities of employees, their moral and emotional-psychological stability, physical exertion, responsibility, etc. Nevertheless, practice indicates an insufficient level of formation of professional competencies of penal system specialists, which has a negative impact on the performance of their professional activities in accordance with requirements of the legislation [1-4].

Thus, the results of the survey of employees first recruited to the service show that they do not sufficiently know basic legal acts regulating activities of the penal system, have difficulties answering questions about emergency actions and the procedure for using physical force and firearms, are not familiar with the rules of paperwork, etc. In this regard, it is necessary to search for ways to optimize professional training of penitentiary staff, which is presented as a continuous process of improving effectiveness of the existing educational space (methods, approaches and technologies), focused on continuous improvement of knowledge, skills and abilities necessary for successful fulfillment of tasks and independent professional performance of employees.

Thus, the priority task of the Federal Penitentiary Service of Russia is to support specialists at all stages of their professional activities in order to improve their professional level and create conditions for obtaining fundamental practice-oriented training that promotes professional development of employees [5–7].

Coverage of the problem under study in the scientific literature

In Russian pedagogy and psychology, the competence-based approach assuming students' willingness and ability to independently perform professional and official duties has been highlighted in works of V.A. Adol'v, A.G. Bermus, V.A. Bolotov, V.I. Zvonnikov, I.A. Zimnaya, and others [8].

Relying on activity-based (L.S. Vygotskii, A.N. Leont'ev, G.K. Selevko, G.A. Tsukerman, V.D. Shadrikov and others) and practice-oriented (O.I. Vaganova, D. Varneke, I.V. Vyatkina, Yu.B. Luneva and others) approaches, one can consider professional training and mastering of educational programs by students of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in conditions close to real professional ones, to form necessary competencies for them by performing real practical tasks during training [5].

Pilot professional training program for citizens first recruited to service in the penal system

In 2019, at the interdepartmental meeting of departments of the Saint Petersburg Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (since February 2020, the University of the Federal Penitentiary Service of Russia), it was decided to introduce a pilot vocational training program for citizens first recruited to the penal system (co-author E.V. Bodrova [9]).

The study was conducted at the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (covered 6,814 people) and provided for continuous gradual introduction of the program into the educational process during the academic year. Direct participants in the study were 263 persons first recruited to the penal system undergoing vocational training: enlisted personnel and junior commanding officers (136 people, 6 groups of 18–25 people each); middle and senior commanding officers (127 people, 6 groups of 17–25 people each). There were 6 experimental groups (138 people) and 6 control groups (127 people).

Table 1

		Cycle name						LS	D	S	
Place of study / form of training	Week	general professional disci- plines			specialized disci- plines		elective disciplines		nt trainin	mic hou	
		classroom hours	independent training	class- room hours	indepen- dent train- ing	classroom hours	indepen- dent train- ing	Total classroom hours	Independent training	Total academic hours	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
	Stage I										
	1	6	4	4	2			10	6	16	
_F	2	6	4	4	2			10	6	16	
At the place of service / DOT	3	6	4	4	2			10	6	16	
/6	4	6	4	4	2			10	6	16	
/ice	5	4	2	4	2	2	2	10	6	16	
Serv	6	4	2	2	2	4	2	10	6	16	
ofs	7	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
Ce	8	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
pla	9	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
he	10	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
At t	11	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
	12	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
	13	2	2	4	2	4	2	10	6	16	
То	tal	46	34	50	26	34	18	130	78	208	
				;	Stage II						
At an educational organization of the Federal Penitentiary System / full-time	14		2 (entry control exam)					40	4	44	
		8	2	24	2	6					
	15	6 2 (pass/fail exam)		26	4	4	2	38	6	44	
	16			28	2	12	2	40	4	44	
	17		(202 pass/fail exam)	2	142 (pass/ fail exam)	2	38	4	42	
	18			8 (final exam)						8	

Calendar schedule of the pilot program

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
TOTAL		16	2	100	10	38	6	164	18	182
TOTAL hours		64	36	150	36	72	24	294	96	390
Total labor intensity		100		186		96		390		

The study was based on the use of a pilot program for vocational training of citizens who were first recruited to serve in the penal system and to further optimize the educational process and improve the quality of the learning process.

The pilot program lasted 18 weeks (87 academic days): Stage I – 13 weeks (65 academic days) at the place of service using distance learning technologies (DOT) before starting training at an educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia; Stage II – 5 weeks (23–24 academic days) at an educational organization of the Federal Penitentiary Service Russia (the calendar schedule of training is presented in Table 1). The total volume of the pilot program is 390 hours, including 164 hours of full-time training, 130 hours of DOT training, and 96 hours of independent training.

The pilot program included general professional, specialized, and elective disciplines, as well as a final exam. The list of elective academic subjects specified in the pilot program is of a recommendatory nature.

The pilot program is designed for all employees of the penal system: enlisted personnel and junior, middle and senior commanding officers (secondary/higher professional (non-legal) education), middle and senior commanding officers (secondary/higher professional (legal) education). It is aimed at the formation of professional competence, i.e. the ability, based on the legislation of the Russian Federation and international legal acts, to regulate the procedure and conditions for the execution and serving of sentences, including in conditions involving the use of physical force, special means and firearms, as well as in emergency situations, to provide assistance in social adaptation to convicts, determine means of correction of convicts, and protect their rights, freedoms and legitimate interests. It includes a special (operational and technological) and professional psychological, pedagogical and ethical-behavioral component.

Stages of the implementation of the pilot vocational training program for citizens first recruited to the penal system

Stage I (training at the place of service) is devoted to the study of general professional, specialized, and elective disciplines. The training included lectures and seminars conducted using LMS Moodle, as well as online video lectures with duplication of their recordings in the electronic information and educational environment of an educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia for students who, for various reasons, could not attend the lesson. At the same time, students completed teacher assignments using a workbook with a series of creative and interactive tasks (flash animation, interactive presentations, mental maps, infographics, etc.), practical independent work with situational tasks, crosswords, etc., contributing to the formation of key competencies for solving official tasks [10–12]. Each topic has a QR code for trainees to view multimedia materials on the topic.

The implementation of this educational activity helps to boost motivation to study special academic disciplines and intensify the educational process. Stage II - training in an educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia. Upon arrival of trainees at the educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia, on the first day of training, the experimental group took an entry control exam to identify the level of knowledge received at the first training stage and shortcomings in the implementation of educational activities at the place of service, and thus to individualize training. The implementation of the competence approach provides for the widespread use of active and interactive forms of teaching in educational activities in combination with extracurricular work in order

to form and develop professional skills among students [13]. The pilot program used forms

and methods used in both individual and group forms of education (Table 2).

Forms and methods recommended for the use in the educational process during the pilot program implementation

Forms and met	hods used in individual learning							
- practical task	is							
– trainings								
- self-testing								
- computer tes	ting disital advastion tacknologies							
- interactive quest								
Forms and met	hods used in group learning							
	- group dialogue (conversation, discussion, discussion of a problematic issue)							
	- demonstration, illustration							
	– analysis of practical situations (cases)							
	– "case method"							
uo	- "brainstorming"							
Discussion	- development and defense of multimedia presentations (project method)							
scr	- debates							
ā	- "PRES-formula"							
	- walking around "virtual penitentiary institutions" with assignments and their discussion							
	- binary methodology							
– methodology of integrated (interdisciplinary) classes								
	- didactic games							
	- creative games							
	– business games							
Ð	 role-playing games 							
Game	– organizational games							
Ű	- screencast							
	– quizes							
	- interactive quests with the use of AR-VR-technologies digital educational technologies							
D	- communication skill training							
Training	- business communication training							
rair	- creation of surveys, questionnaires, tests							
	- moderation							

During the training, students used full-text resources of the electronic library system – an electronic library with unlimited access to publications on legal disciplines, social sciences and humanities.

As part of classroom sessions, there were meetings with practitioners from institutions and bodies of the penitentiary system, veterans of the penal system, representatives of government and public organizations. The pilot program was realized by teachers and managers of educational organizations.

Stage III (generalizing) consisted in carrying out analytical, statistical processing and interpretation of the survey results, drawing conclusions, preparing methodological recommendations, and describing the experience. At this stage of the research, the difference between the experimental (they were trained under the pilot program) and control group (they were trained under the sample program) in the results achieved is identified.

During the period under study, various pedagogical methods were used to study the initial education level of trainees before their training at the place of service in the form of testing and solving practical problems; the training level of trainees based on the results of the first stage of training (at the place of service) in the form of the entry control exam in an educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia. Then employees' level of knowledge, skills and abilities acquired and readiness for professional activity were tested after 2 weeks from the beginning of the training, after the training (qualification exam, interview, solving case problems when evaluated by the employer (heads of institutions and bodies of the penitentiary service who had sent employees for training), as well as 3 months after the end of the training (solution of situational problems and evaluation of professional activity of an employee by his/her direct supervisor).

Results

At the first stage of the survey, the initial level of knowledge, skills and abilities of penal system employees was determined before the start of the first stage of training (at the place of service). For this purpose, a testing method was applied, which includes 20 theoretical questions and a practical task (Table 3).

Table 3

Initial level of knowledge, skills and abilities of penal system employees before the start of the training at Stage I (at the place of service)

	Maximum score	Experimental group		Control group		
Components of the assignment		average score		average score		
		junior com- manding of- ficers	middle com- manding of- ficers	junior com- manding of- ficers	middle com- manding of- ficers	
Theoretical questions	5	2.97	3.16	3.02	3.19	
Practical task	5	2.20	2.32	2.34	2.21	
Total grade point average	F	2.59	2.74	2.68	2.70	
	5	2.	67	2.69		
Total grade point average	5	2.68				

Based on the information in the table, it can be concluded that the level of initial knowledge, skills and abilities of participants of experimental and control groups is equally low.

Then penal system employees started training (Stage I). The control group was trained at their place of service according to the Instruction on the organization of professional training of penal system employees under the guidance of mentors [14] (this document became invalid on January 1, 2024). The experimental group also studied under the guidance of mentors, used specially prepared materials (electronic information and educational environment) of the educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia (University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia).

The knowledge level of trainees after the training at the educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia was assessed during the qualification exam. At the beginning of the training at the educational institution of the Federal Penitentiary Service of Russia, there were 138 people in the experimental group. During the study period, 3 people were expelled due to illness. The control group accounted for 125 people, 6 people were expelled (2 people due to illness, 1 person at his request, 3 people for not mastering the curriculum).

A final exam included checking trainees' theoretical knowledge (test) and professional skills (complex practical tasks) in the disciplines "Legal and organizational foundations of the ac-
tivities of institutions and bodies of the penal system" and "Fundamentals of professional activity of employees".

According to the final exam results, the average score of the experimental group subjects was 4.41 (junior commanding officials – 4.34, middle commanding officials – 4.49), which is 1.14 points higher than the entry control level. The average score of the control group was 3.68 (junior commanding officials – 3.66, middle commanding officials – 3.71), which exceeds the entry control level by only 0.66 points.

During the final exam, the experimental group participants, as a rule, had no problems with either the theoretical or practical part of the final exam, while sometimes having some inaccuracies in the wording. They coped with situational tasks and were able to prepare relevant documents on the facts. The control group participants showed an average knowledge level of the theoretical part, while the practical part of the qualification exam caused difficulties for the majority. Only 17.6% of the control group participants were able to fully solve situational tasks (middle commanding officials – 14; junior commanding officials - 8), while this indicator for the experimental group participants was 36.29% (middle commanding officials - 27; junior commanding officials - 22).

After completing professional training, a penal system employee was required to undergo an interview at the place of service, during which the employer evaluated the quality of received knowledge. According to the head's assessment of professional activities of a young penal system employee, the experimental group participant received higher marks from the authorities than the employees who were part of the control group.

Subsequently, psychological and pedagogical support was provided in both groups of employees in the performance of their official activities [14].

Thus, in order to optimize professional training of specialists for the penitentiary system, it is necessary to search for ways and methods, and to promote implementation of the developed pilot training program in educational organizations and territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Training should be carried out in institutions and bodies of the penitentiary system under the guidance of practitioners of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and teaching staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The educational process should be brought as close as possible to real conditions of service using training workplaces, training work routes, including using AR and VR technologies. Along with this, it is necessary to conduct field classes in institutions and bodies of the penitentiary system with the involvement of practitioners. These measures will help optimize the training process and improve their professional level and performance in the penitentiary system.

The results of the study are reflected in the description of the positive experience "Using a special wagon for transporting convicts in vocational training for citizens newly recruited" (2021) and best practices "Organization of practice-oriented training in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia using augmented and virtual reality" (2022); development of a Concept for improving (modernizing) the electronic information and educational environment at the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (2021), methodological recommendations for the implementation of educational programs for vocational training and additional professional education in the penal system (2020).

Conclusion

The implementation of a pilot vocational training program for citizens first recruited to serve in the penitentiary system, which includes the use of digital educational technologies, training workplaces, grounds, and work routes, implemented by highly qualified practice-oriented teaching staff of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, allows us to determine necessary conditions for optimizing professional training of penitentiary staff. They are the following: expanding the range of professional competencies formed in the learning process; using elective disciplines; applying scientific, methodological, pedagogical, material and technical capacities of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia; ensuring a practice-oriented educational process with the introduction of modern digital learning; increasing terms of training, etc.

employed in the penal system will contribute

The application of the developed pilot vo- to further optimization of the educational procational training program for citizens newly cess and improve the quality of the learning process.

REFERENCES

1. Aniskina N.V., Derbina O.V., Derbina S.V. Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: ucheb. posobie [Public service in the penal system: textbook]. Vologda, 2018. 309 p.

2. Brykov D.A. Organization of work with the personnel of the penitentiary system in modern conditions. In: Aktual'nye problemy organizatsii deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovnoispolnitel'noi sistemy v usloviyakh razvitiya: mat. mezhvuzov. nauchno-praktich. konf., posv. pamyati zasl. deyatelya nauki RSFSR, dok. yur. nauk, prof. A.I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki (Ryazan', 12 fevr. 2021 g) [Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system in the context of development: proceedings of inter-university research-topractice conference dedicated to the memory of the distinguished scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science (Ryazan, February 12, 2021)]. Ryazan, 2021. Pp. 45–48. (In Russ.).

3. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional competence of employees of the penal enforcement system working with convicted persons-former employees of courts and law enforcement agencies. Psikhologiya i pravo = Psychology and Law, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 64-76. (In Russ.).

4. Kovtunenko L.V., Isaeva K.V. Formirovanie professional'nogo mirovozzreniya sotrudnikov UIS v obrazovatel'nom protsesse vuza [Formation of professional worldview of penal system employees in the educational process of the university]. Voronezh, 2023. 308 p.

5. Zautorova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science, 2021, vol. 15, no. 3(55), pp. 575-584. (In Russ.).

6. Zharkoi M.E. Additional professional education of penal system employees and the "Bologna process": the task of preserving the quality of training specialists. In: Sovremennye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya: sb. statei [Modern trends in the development of the education system: collection of articles: collection of article]. Cheboksary, 2019. Pp. 255–259. (In Russ.).

7. Podgotovka kadrov v sovremennykh usloviyakh razvitiya obrazovaniya: realii i perspektivy: sb. materialov nauch.-metod. konf. (Ryazan', 31 marta 2022 g.) [Personnel training in modern conditions of education development: realities and prospects: proceedings of scientific methodological conference (Ryazan, March 31, 2022)]. Ryazan, 2022. 115 p.

8. Zautorova E.V. Competence approach in the educational process of the university. Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo institute = Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russ.).

9. Bodrova E.V., Shibaeva G.E. Organization of practice-oriented training in educational institutions of the FPS of Russia using augmented and virtual reality. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System, 2023, no. 2, pp. 59–66.

10. Zautorova E.V. Some problems and ways to solve them in additional professional education. In: Traektoriya razvitiya sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa: mat. II Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. [The trajectory of the development of subjects of the educational process: materials of the II International research-to-practice conference]. Voronezh, 2024. Pp. 141-147. (In Russ.).

11. Fedoseeva Zh.A. The use of multimedia terminals with a database of vacancies in correctional institutions. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System, 2013, no. 11, pp. 18-20. (In Russ.).

12. Kuznetsova E.M. Prospects for the development of modern information technologies in activities of the penal system. Vestnik FKU NIIIT FSIN Rossii = Bulletin of the Federal State Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018, pp. 92–96. (In Russ.).

13. Kraskova O.V. Ispol'zovanie interaktivnykh form provedeniya zanyatii v tselyakh realizatsii kompetentnostnogo podkhoda [The use of interactive forms of teaching in order to implement a competence approach]. Available at: https://www.informio.ru/publications/id1063/lspolzovanie-interaktivnyh-form-provedenija-zanjatii-v-celjah-realizacii-kompetentnostnogo-podhoda (accessed August 19, 2024).

14. Pisarev O.M. Ideas of Russian penal system employees about the official behavior pattern forming a humane attitude towards convicts. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 210–218. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1334-2654

Received August 19, 2024

Original article UDC 371.48:343.8 doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012

Interaction of Probation Subjects and Other Organizations in the System of Educational Work with Convicts Serving Sentences in the Form of Forced Labor (Case Study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)

YANINA. N. POLYAKOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

EKATERINA V. KASHKINA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

Abstract

Introduction: the article considers key indicators of educational work with convicted persons sentenced to punishment in the form of forced labor within the framework of implementation of the Federal Law of February 6, 2023 No 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" conducted by territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The mentioned results are presented as the main conditions for organizing and implementing interaction between probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. Purpose: to substantiate the specifics of educational work with those sentenced to forced labor conducted by subjects of probation and their interaction with other probation subjects. Methods: analysis of empirical material, generalization of results, survey, questionnaire survey, analysis of normative legal acts and results of activity, study and generalization of the results of practical activity of employees of correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia. Results: the most effective, in the respondents' opinion, directions of educational work with convicts sentenced to forced labor are identified both in the federal district as a whole and in individual subjects of its constituent entities. Priority activities in the format of individual, group and mass educational work are determined. The interaction between the subjects and other bodies and organizations interested in the implementation of probation is assessed on the basis of agreements concluded with territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The obtained data are compared with the general indicator for all territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia to identify the specifics of probation application in the federal district under study. Conclusion: it is concluded that the interaction of probation subjects and other organizations is one of the main components in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. This interaction is presented as a pedagogical technology in the probation system.

[©] Polyakova Ya.N., Kashkina E.V., 2025

Key words: probation, penitentiary probation, probation subjects, educational work, convicts, forced labor, interaction, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Polyakova Ya.N., Kashkina E.V. Interaction of probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts serving sentences in the form of forced labor (case study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation). Penitentiary Science, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 218–228. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012.

Introduction

The issues of organizing and carrying out educational work with convicts are not new to Russian penitentiary science. At the same time, modern social and political processes dictate different requirements for the issues of educational work with convicts, and, as a result, there is a need for their scientific substantiation, as well as the development of new pedagogical technologies capable of ensuring the effectiveness of such work. The study of the organization and implementation of educational work with convicts does not lose its relevance, as evidenced by numerous studies by modern scientists (A.V. Vilkova, E.V. Zautorova, F.I. Kevlya, T.V. Kirillova, M.I. Kuznetsov, V.M. Litvishkov, S.A. Luzgin, N.A. Tyugaeva, and others). However, it is well known that developments of science without practical implementation of theoretical ideas, as well as practice without scientific confirmation, do not make sense. These two independent processes are interrelated and inseparable from each other, which encourages us to study one process or another both in terms of theory and practice.

Research

The Federal Law "On Probation in the Russian Federation", adopted on February 6, 2023 (hereinafter referred to as the Law on probation), which grew out of the need to develop a fundamentally new science and practice-based approach to correcting convicts and providing them with social assistance and accumulated the listed aspects. The main component that allows achieving the most significant results in the prevention of offenses and correction of social behavior is educational work. This type of activity is particularly important when working with both those sentenced to imprisonment and those sentenced to forced labor, that is, when executing penitentiary probation. The mechanism is regulated by Appendix No. 2 to the order

of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 350 of November 29, 2023 "On re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in relation to whom probation is applied in accordance with the Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation"" (hereinafter referred to as the Order No. 350).

After the first six months of the Law on probation being in force, employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia analyzed educational work conducted in territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and considered initial results of the implementation of provisions of federal and departmental legislation to further improve legislation in this area and disseminate positive experience.

The analysis of current federal and departmental legislation on the organization and implementation of educational work with those sentenced to forced labor in the framework of penitentiary probation allows us to assert that educational work with convicts is a pedagogical system schematically shown in Figure 1. The presented system of educational work with those sentenced to forced labor was developed on the basis of the provisions of the Law on probation and the Order No. 350. The components and elements of the system are specified in accordance with the regulatory legal acts mentioned above. It should be noted that the conditions of its implementation (logistical, personnel, pedagogical, psychological, social, etc.) can be a component of the educational work system. The conditions as such are not specified in the mentioned normative legal acts. We believe that penitentiary probation is accumulating certain experience at the present stage of development, therefore, a detailed study of the conditions for implementing penitentiary probation may be the subject of a separate study.

Structure of educational work with those sentenced to forced labor

Subjects (provided for in Art. 6 of the Federal Law No. 10): correctional center administration, employees of probation units, labor and educational work organization groups and other correctional center employees, government authorities, other probation subjects, local governments, commercial and non-profit organizations, including religious, socially oriented non-profit organizations, organizations and public associations, non-governmental (commercial and non-profit) social service organizations, organizations, organizations, organizations, organizations, organizations, organizations, organizations, organizations engaged in educational activities, scientific, medical organizations, individual entrepreneurs, including on the basis of agreements concluded with probation subjects, public monitoring commissions, volunteers, relatives of convicts, as well as citizens (paragraphs 3, 4 of Appendix No. 2 to the Order No. 350).

Purpose: resocialization, social adaptation and social rehabilitation after release, correction of the behavior of those sentenced to forced labor (Paragraph 1).

Objects: those sentenced to forced labor.

Forms of work: individual, group, and mass (Paragraph 24).

Directions: moral, legal, labor, physical, spiritual, and patriotic (paragraphs 14–23). *Periods of serving a sentence:*

Arrival at a correctional center

Serving a sentence in a correctional center

Purpose: adaptation to conditions of a correctional center.

Purpose: resocialization, social adaptation and social rehabilitation after release, correction of convicts' behavior.

Methods: study of the personal file (within 3 days from the date of the convict's arrival at the correctional institution), introductory conversation, planning of educational work (individual educational work plan for the year) (paragraphs 25–28).

Methods: educational work in the following areas (paragraphs 14–23), individual conversations (at least once every 3 months) – paragraphs 29, 32, individual educational work with violators (at least once a week) – paragraphs 30-31, socially useful work (Paragraph 34), social and legal education (paragraphs 40-41).

Joint activities:

- public associations and religious organizations, volunteers, relatives of those sentenced to forced labor and other persons who have a positive influence on the behavior of those sentenced to forced labor (Paragraph 11);

– public authorities, other probation subjects, local self-government bodies, commercial and nonprofit, including religious, socially oriented non-profit organizations, organizations and public associations, non-governmental (commercial and non-profit) social service organizations, organizations engaged in educational activities, scientific, medical organizations, individual entrepreneurs, including on the basis of agreements concluded with probation subjects, public monitoring commissions, volunteers, relatives of convicts, as well as citizens (paragraphs 3, 36).

Structure from among employees of a correctional center:

- the administration of the IC (Paragraph 10).

Structure from among convicts of a correctional center:

general meetings of convicts (paragraphs 37–39).

Figure 1. System of educational work with convicts serving sentences of forced labor

Following the principles of a systematic approach, educational work with those sentenced to forced labor in the field of penitentiary probation is an integral set of components and elements that, through interaction and integration, contribute to achieving the goals of penitentiary probation. In the presented system of educational work with those sentenced to forced labor, a number of components are identified, namely: subjects, objects, forms, directions of educational work, purpose and methods of educational work, interaction with other subjects of penitentiary probation, and the structure from among employees of a correctional center who organize and carry out educational work. In general, components of the educational work system under consideration are not questionable, whereas interaction with other subjects of penitentiary probation is a new area of activity [1]. Thus, in the presented system, a separate component is the actual mechanism of interaction of the correctional center administration with other probation subjects, local governments, commercial and non-profit, including religious, socially oriented non-profit organizations, organizations and public associations, non-governmental (commercial and non-profit) social service organizations, educational organizations, scientific and medical organizations, individual entrepreneurs, including on the basis of agreements concluded with probation subjects, public monitoring commissions, volunteers, relatives of convicts, as well as citizens [2-4].

The importance of such interaction in all areas of educational work is undeniable. The objects of educational work are those sentenced to forced labor (personal qualities, rights and duties in accordance with the conditions of serving their sentence), regime requirements for serving their sentences in the form of forced labor, the legal basis of interaction, etc. [4; 5].

The study is aimed at identifying and substantiating some features of educational work that probation subjects conduct with those sentenced to forced labor and interaction with other probation subjects. First of all, it is necessary to identify educational work elements within the system, since they are crucial for organizing interaction with other probation subjects.

So, in the course of the study, we assessed data on the measures implemented within educational work with this category of convicts received from territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District. It should be recalled that the Northwestern Federal District consists of the following 11 subjects of the Russian Federation: Arkhangelsk, Vologda, Kaliningrad, Leningrad, Murmansk, Novgorod, and Pskov oblasts, republics of Karelia and Komi, and the Nenets Autonomous Okrug, and the city of Saint Petersburg [6]. In accordance with Chapter 2 of Appendix No. 2 to Order No. 350, probation officers, labor and educational work organization groups and other employees of correctional centers carry out educational work with those

sentenced to forced labor within the framework of penitentiary probation.

In the course of the study, employees of correctional centers were asked to identify the frequency of events in the format of various areas of educational work with those sentenced to forced labor provided for in paragraphs 14–23 of the Order No. 350, ranking questionnaire answers in descending order (6 – the most frequently used measure and 1 – the least used direction)

To assess the frequency of events in the format of various areas of educational work with those sentenced to forced labor, the ranking method was used, since it was necessary to determine more preferable and significant areas.

Based on the assessment of the results obtained, we note that labor education ranked first (average rank = 5.5), followed by legal (average rank = 4.31), moral (average rank = 4.23), patriotic (average rank = 3.5), physical (average rank = 2.65), and spiritual education (average rank = 2.58) (Fig. 2). So, labor education comes foeward due to the specifics of the execution of the type of punishment itself and scientifically justified multidimensional impact of this area [7–11].

Comparison of the frequency of educational work (by areas) with general similar indicators for all territorial bodies shows that in the Northwestern Federal District, the areas of physical, legal and spiritual education have lower indicators than for all territorial bodies, while labor education is given greater preference (Fig. 2). Patriotic and moral directions of educational work in the NWFD in terms of the frequency of use in practical activities are similar to all territorial bodies.

Figure 2. Directions of educational work

221

2025, vol. 19, no. 2 (70)

There is uniformity in the choice of labor education as the most effective direction of educational work with those sentenced to forced labor in territorial bodies of the Northwestern Federal District. The Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Karelia is the only territorial body who indicates the priority of legal education (average rank = 6), ranking labor only third (Fig. 3).

Figure 3. Assessment of educational work areas by effectiveness

The next thing that deserves our attention is the forms of educational work. Paragraph 24 of Appendix No. 2 to Order No. 350 fixes individual (hereinafter referred to as IVR), group (hereinafter referred to as GVR) and mass forms (hereinafter referred to as MVR). It was proposed to assess educational work effectiveness within these forms of work and specific activities related to these forms, using a 5-point system (5 – very high, 4 – high, 3 – significant, 2 – insignificant, and 1 – insignificant). At the same time, it was clarified to the respondents that effectiveness is determined by achieving the goal of the event with the least expenditure of resources (time, personal, material, etc.). According to the respondents, individual educational work (4.52 points) is the most effective measure. Besides, preference is given to activities carried out with each person sentenced to forced labor (4.5 points). Convict performance review is the least effective (2.48 points) (Fig. 4).

Figure 4. Assessment of the effectiveness of individual educational work (all territorial bodies in the Northwestern Federal District)

It is worth mentioning that the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kaliningrad Oblast considers it important to conduct activities with each convict to forced labor and consultation on personal matters (5 points each activity). It should be noted that the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in Saint Petersburg and the Leningrad Oblast gives 4 points to each measure within the framework of the individual educational work according to its effectiveness (convict performance review is no exception), while individual interviews are the most effective.

Figure 5. Effectiveness of educational work (according to the forms of implementation)

According to the respondents, group educational work follows individual educational works by its effectiveness (3.69 points). It includes discussion of general topical issues (3.6 points) and activities conducted with individual categories (groups) of convicts (3.35 points). However, it is noteworthy that when evaluating educational work according to the forms of work (Fig. 5) (without differentiation of events) mass educational work is given the least preference (3.42 points), but the events held within it are recognized by the respondents as the most effective in comparison with some events of group educational work: cultural and mass (3.65 points) and physical culture and sports work (3.17 points), general meetings (3.48 points) and educational events (3 points). At the same time, the respondents from the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Pskov Oblast and the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Karelia believe that general meetings are the most effective in the process of educational work with those sentenced to forced labor. Moreover, the latter considers physical education and sports activities as the least effective

measures (1 point). The overall indicators are clearly shown in Figure 6.

In general, there is just a slight difference in group and mass educational work in terms of the effectiveness of measures taken against those sentenced to forced labor in the framework of probation. At the same time, we note that the use of group and mass educational work in relation to those sentenced to forced labor has its own specifics related to the number of convicts engaged [12].

Besides, the respondents were asked to identify the frequency of individual and group activities by directions of educational work (moral, labor, legal, physical, patriotic, and spiritual) (5 – very common, 1 – very rare). Thus, legal (3.90 points), moral (3.48 points), labor (3.43 points), physical (3.41 points), patriotic (3.40 points) and spiritual (3.26 points) education are most often carried out in the process of individual educational work. The indicators are identical in group educational work, with the exception of patriotic (it ranks third) and moral education (it ranks fifth), whereas these directions in individual work are opposite (see Fig. 7).

Figure 6. Assessment of the effectiveness of group and mass educational work (all territorial bodies of the NWFD)

Figure 7. Frequency of activities in the areas of educational work in group and individual forms (all in the Northwestern Federal District)

Thus, the analysis of indicators of educational work with those sentenced to forced labor in the framework of penitentiary probation shows that the main emphasis in educational work carried out by correctional center staff is laid on labor, legal and moral areas. At the same time, physical education activities are mainly presented in the form of mass sports events, whereas physical education has a broader focus, including formation of a healthy lifestyle, prevention of socially significant diseases, etc. [13; 14].

In the system of educational work with those sentenced to forced labor in the field of penitentiary probation, issues of interaction with other probation subjects occupy a special place.

The analysis of joint events conducted by probation subjects demonstrates that spiritual, patriotic and moral events are more often implemented within the framework of concluded agreements. Consequently, organized interaction makes it possible to increase the frequency of the use of certain activities that can be implemented more effectively by correctional center employees in joint activities [15]. In addition, the quality of such events goes up, as specialists in specific areas of educational impact are involved.

This interaction is based on the actual system of educational work with those sentenced to forced labor, and the interaction itself as a joint activity of probation subjects is organized taking into account a variety of factors, such as psychological, pedagogical, organizational, legal, etc. [16–18].

Following the provisions of federal and departmental legislation regulating the use of probation, in addition to probation subjects – employees of the penal system involved in the educational process, an important role is assigned to other subjects – interested bodies and organizations specified in Part 3 of Article 6 of the law "On Probation" (hereinafter – subjects). The data presented shows that the representatives of the Federal Penitentiary Service of Russia conclude agreements with government (16 or 61.5%), non-profit (6 or 23%), commercial (2 or 7.7%), public (1 or 3.8%) and educational organizations (1 or 3.8%).

We believe it necessary to consider types of assistance in educational work with convicts provided by third-party subjects in the process of penitentiary probation. So, government agencies help convicts find jobs and provide jobs themselves (29.4%), for example, cooperation between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kaliningrad Oblast and the Employment Center of the Kaliningrad Oblast. Employers are interested in in attracting personnel, as evidenced by data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. So, employment requirement in the Kaliningrad Oblast in 2023 exceeded 125% compared to the same period of the previous year (13,609 applications were received by the employment service). The Federal Penitentiary Service of Russia in the Pskov Region has a similar interaction with the Regional Employment Center within the framework of an existing agreement [19].

The Murmansk Oblast ranks last in the ranking for personnel requests (78%); there is cooperation between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the

Murmansk Oblast and the Employment Center. We believe this circumstance is crucial in choosing areas of interaction with interested actors, as evidenced by the priority of spiritual and moral activities in the format of assistance with both government agencies and non-profit organizations (50% of the total amount of work carried out with convicts in the framework of probation), which makes this subject a leader in the spiritual and moral education of those sentenced to forced labor among other subjects in the Northwestern Federal District. Besides, the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Murmansk Oblast, within the framework of existing agreements with interested organizations, realizes key directions of educational work, namely: labor, legal (Murmansk Employment Center), spiritual and moral (Murmansk and Monchegorsk Diocese of the Russian Orthodox Church), patriotic in terms of propaganda of the contract service (the Armed Forces of the Russian Federation), and physical in terms of anti-drug orientation ("Awakening" public organization, "Step by step" charity fund). In addition, these organizations take part in socio-psychological and socio-pedagogical activities. We believe that it is precisely this experience of interaction in all areas of educational work that can significantly affect the effectiveness of ongoing educational work with those sentenced to forced labor, for whom penitentiary probation is applied.

In addition, due to the educational work carried out by the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk and Murmansk oblasts, spiritual and moral education of convicts, implemented jointly by probation subjects, occupies a leading position among all areas of educational work carried out in accordance with the Order No. 350.

We have noted only some features of the interaction of probation subjects in the process of carrying out educational work with those sentenced to forced labor in the framework of penitentiary probation.

Thus, the following conclusions can be formulated:

 within the framework of the organization and implementation of educational work with convicts in the field of penitentiary probation in the correctional center, the priority areas are labor, legal, and patriotic;

- the most effective form of educational work with convicts in the framework of penitentiary probation in the correctional center is recognized as individual;

 the interaction of probation subjects in the process of carrying out educational work with those sentenced to forced labor is an important component of the system and improves the quality of activities carried out by attracting specialists in specific areas of educational impact.; - the interaction of probation subjects in the process of carrying out educational work with those sentenced to forced labor is carried out taking into account a number of conditions and restrictions related to the category of convicts and conditions of serving their sentences.

The issues of interaction of probation subjects in the process of educational work with those sentenced to forced labor at the present stage require more detailed scientific substantiation and are a promising area of pedagogical research.

REFERENCES

1. Ol'khovik N.V. Subject, mechanisms and legal bases of interaction of probation subjects with civil society institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 1 (54), pp. 71–79. (In Russ.).

2. Kondratovskaya S.N., Val'kova E.V. On the issue of cooperation between bodies and institutions of the penal system and religious organizations. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov', drugie traditsionnye dlya Rossii religioznye ob"edineniya – vzaimode-istvie v dukhovno-nravstvennom vospitanii osuzhdennykh: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan', 18–19 sentyabrya 2018 g.)* [Penal system and Russian Orthodox Church, other traditional religious associations in Russia – interaction in spiritual and moral education of convicts: collection of materials of the VI International research-to-practice conference (Ryazan, September 18–19, 2018)]. Ryazan, 2018. Pp. 179–185. (In Russ.).

3. Shirokova A.A., Lebeshev I.S. Legal grounds for organization and practice of carrying out of educational work with persons convicted to correctional labor. *Notarius* = *Notary*, 2022, no. 7, pp. 8–11. (In Russ.).

4. Chernyshenko E.V. Legal regulation and features of the organization of educational work with convicts sentenced to coercive labor in correctional centers. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* = *Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 22–27. (In Russ.).

5. Mustafaev Z.R. Problems of educational work in correctional centers of the penal system. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye voprosy prava, psikhologii, pedagogiki i ekonomiki: sb. nauch. tr. prof.-prepod. sostava VIPE FSIN Rossii: v 2 ch. Ch. 2* [Actual issues of law, psychology, pedagogy and economics: collection of scientific works of lecturers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia: in 2 parts. Part 2]. Vologda, 2021. Pp. 35–42. (In Russ.).

6. *Severo-Zapadnyi federal'nyi okrug (SZFO). Spravochnik* [Northwestern Federal District (NWFD). Guide]. Available at: http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/58 (accessed November 12, 2024).

7. Zautorova E.V. Labor education of convicts in conditions of deprivation of liberty in the interaction of the penal enforcement system and various organizations. In: *Pravookhranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodeistviya: sb. materialov mezhvuz. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction: collection of materials of the inter-university scientific and practical conference with international participation]. Pskov, 2023. Pp. 72–76. (In Russ.).

8. Litvishkov V.M., Mit'kina A.V. *Penitentsiarnaya pedagogika: kurs lektsii* [Penitentiary pedago-gy: course of lectures]. Moscow, 2004. 400 p.

9. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Problems of the educational service of correctional institutions. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2021, no. 2 (14), pp. 18–23. (In Russ.).

10. Polyakova Ya.N. Organizational and pedagogical conditions for the implementation of professional orientation of persons sentenced to forced labor, their self-determination and involvement in labor in correctional centers. In: *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd. Vyp. 1* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue. Issue 1]. Moscow, 2020. Pp. 263–267. (In Russ.).

11. Polyakova Ya.N. Organizational conditions of professional orientation of persons sentenced to forced labor. In: *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd*. [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue]. Moscow, 2019. Pp. 113–117. (In Russ.).

12. Gorina E.E., Saulina M.A. The application of group and mass forms of educational work with convicts at the modern stage of society. *Sotsial'nye otnosheniya* = *Social Relations*, 2023, no. 2 (45), pp. 19–27. (In Russ.).

13. Zautorova E.V. The role of physical education of convicts in places of deprivation of liberty. In: *Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii* [Collection of scientific papers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service]. Vologda, 2018. Pp. 57–60. (In Russ.).

14. Tyugaeva N.A., Chistotina O.N. *Pedagogicheskie osnovy vospitatel'noi raboty s uslovno osuzhdennymi: ucheb. posobie* [Pedagogical foundations of educational work with probation prisoners: study manual]. Ryazan, 2011. 107 p.

15. Kolesov V.I., Silenkov V.I. Spiritual and moral education, as a means of educational work with convicts. *Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Professional Legal Education and Science*, 2023, no. 3 (11), pp. 67–69. (In Russ.).

16. Lebeshev I.S., Novikov A.V, Slabkaya D.N. Pedagogical impact in the penitentiary system. practice-oriented aspect on the example of persons sentenced to forced labor. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022, vol. 12, no. 6A, pp. 301–309. (In Russ.).

17. Kevlya F.I. Personal characteristics of convicts sentenced to forced labor. In: *Penitentsiar-naya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i vosstanovleniyu : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. Vologda, 11 dekabrya 2020 goda. Ch. 3 [The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and restoration: collection of materials of the international research-to-practice conference: in 3 parts. Vologda, December 11, 2020. Part 3]. Vologda, 2021. Pp. 85–89. (In Russ.).*

18. Gorina E.E. Directions of educational work with convicts: features of legal regulation at the present stage of the development of penal institutions. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti v penitentsiarnoi sisteme: pedagogicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: sb. materialov kruglogo stola, posv. pamyati uchenykh-penitentsiaristov d-ra ped. nauk, prof. Lit-vishkova V. M. i d-ra psikhol. nauk, prof. Sochivko D.V. (Ryazan', 9 fevralya 2024 g.)* [Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects: collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists Doctor of Sciences (Pedagogy) Professor. Litvishkov V.M. and Doctor of Sciences (Psychology), Professor Sochivko D.V. (Ryazan, February 9, 2024)]. Tver, 2024. Pp. 40–45. (In Russ.).

19. Socio-economic situation of the North-Western Federal District in 2023. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: sait* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation: website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-zapad_fo_4k-2023.pdf (In Russ.). (Accessed November 14, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

YANINA N. POLYAKOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3852-3128

EKATERINA V. KASHKINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5045-2054

Received February 21, 2025

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019) DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764) RSCI: yes Core of the RSCI: no HACList: yes (In the current List of the Higher Attestation Commission, the journal is classified as K2) CrossRef: yes East View Information Services: yes GARANT system: yes On the Web of Science platform: no Web of Science: no Scopus: no EBSCO: yes WorldCat: yes CyberLeninka: yes DOAJ: yes

https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en